

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

■ Главный редактор

Комлева Евгения Владиславовна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Заместитель главного редактора

Туманик Екатерина Николаевна
кандидат исторических наук
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Ответственный секретарь

Введенский Владимир Викторович
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Редакторы и ответственные секретари выпусков

Аблажей Наталья Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Ананьев Денис Анатольевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Дашинамжилов Одон Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Журавлёв Вадим Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Кириллов Алексей Константинович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Лапердин Вячеслав Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Петров Станислав Геннадьевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Потапова Наталья Анатольевна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Резникова Мария Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Романов Роман Евгеньевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Савин Андрей Иванович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Семёнов Михаил Александрович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Чернова Ирина Сергеевна
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

■ Члены редакционной коллегии

Блаховска Катажина
профессор
Институт истории Варшавского университета,
Варшава, Польша

Гагкуев Руслан Григорьевич
доктор исторических наук
Институт истории РАН, Москва, Россия

Дай Цзяньбин
доктор исторических наук, профессор
Хэбэйский педагогический университет,
Шицзячжуан, Китай

Данилович Вячеслав Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории НАН Беларуси,
Минск, Беларусь

Дацьшен Владимир Григорьевич
доктор исторических наук, профессор
Сибирский Федеральный университет,
Красноярск, Россия

Ильинных Владимир Андреевич
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Исупов Владимир Анатольевич
доктор исторических наук
Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Кабульдинов Зиябек Ернуханович
доктор исторических наук, профессо
Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова,
Алматы, Казахстан

■ Члены редакционной
коллегии

Катионов Олег Николаевич

доктор исторических наук, профессор
Институт истории, гуманитарного и социального
образования, Новосибирский педагогический
университет, Новосибирск, Россия

Коцонис Янни

профессор
Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Куперштох Наталья Александровна

кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Манчестер Лори

профессор
Университет штата Аризона, США

Плеханова Анна Максимовна

доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Побережников Игорь Васильевич

доктор исторических наук
Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

Разгон Виктор Николаевич

доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

Рольф Мальте

доктор исторических наук, профессор
Ольденбургский университет
имени Карла фон Осецкого, Германия

Сабурова Татьяна Анатольевна

доктор исторических наук
Омский государственный педагогический
университет, Омск, Россия

Урбански Сёрен

кандидат исторических наук
Германский исторический институт,
Вашингтон, США

Шелегина Ольга Николаевна

доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шиловский Михаил Викторович

доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Щеглова Татьяна Кирилловна

доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный педагогический
университет, Барнаул, Россия

Выпускающий редакторы

доктор исторических наук В.А. Ильиных

кандидат исторических наук Н.В. Гонина

Ответственный секретарь

кандидат исторических наук С.В. Шараров

Корректор

Т.В. Соболева

Верстальщик

В.В. Введенский

Интернет-верстальщик

К.А. Васильев

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	7–8
From the Editor	9–10

■ Реформы и развитие экономики

<i>О.В. Ильиных.</i> Образование и трансформация правового статуса товарных бирж в 1921–1922 годах (на примере Новониколаевской биржи)	11–21
<i>Е.Н. Чернолуцкая.</i> Трудности перехода: развитие геотермальной энергетики на Курилах в условиях российских рыночных реформ (1990–2000-е годы)	22–35
<i>М.Н. Балдано, А.Ц. Дашеева, Е.В. Дятлова.</i> Китайские предприятия в лесной экономике Сибири: деловые практики и местное население	36–48

■ Аграрное развитие

<i>В.В. Кондрашин.</i> Крестьянство – источник людских и материальных ресурсов в Гражданской войне для советской власти	49–68
<i>В.А. Ильиных.</i> Сельское хозяйство СССР в 1930–1932 гг.: динамика, факторы развития	69–79
<i>А.А. Плясуля.</i> Политотделы совхозов Западной Сибири в 1933–1934 годах	80–91
<i>С.В. Шаратов.</i> Государство, колхозы и теневая экономика в годы Великой Отечественной войны (по материалам Новосибирской области)	92–105
<i>Г.У. Орынбаева.</i> Изучение темы целины в казахстанской историографии: итоги и проблемы	106–115

■ Миграции

<i>С.В. Виноградов, Ю.Г. Ещенко.</i> Государственная политика по созданию новой миграционной модели в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века	116–132
<i>Е.В. Баранова, Д.В. Манкевич, В.Н. Маслов, А.В. Стальмакова.</i> Историография послевоенного заселения Калининградской области в контексте советских общегосударственных миграций	133–151
<i>Р.В. Павлюкевич, Н.В. Гонина.</i> Влияние кризиса советской системы на миграционный обмен между г. Красноярском и азиатскими республиками СССР в 1980–1989-е годы	152–166

■ Демография

<i>В.А. Зверев.</i> Демография Тобольской губернии в позднеимперский период: первый шаг от традиции к модерну	167–180
<i>А.А. Бурматов.</i> Социально-демографическая ситуация в Западной Сибири в годы новой экономической политики (1921–1929 годы)	181–191
<i>Е.Е. Тиникова.</i> Демографическое развитие Горно-Алтайска в 1928–2020-е годы	192–202
<i>Л.Н. Славина.</i> Как изменилось население сибирской деревни. Демографические последствия ее радикальной трансформации	203–217

■ **Открытые архивы**

В.А. Кышпанаков. Хакасская автономная область накануне и в первые месяцы Великой Отечественной войны в протоколах и решениях исполкома облсовета 218–226

Д.С. Орлов. Реализация Продовольственной программы Кузбасса во второй половине 1980-х годов (аналитическая записка областного управления статистики Кемеровской области) 227–239

■ **Miscellanea**

А.В. Корневский. Российская империя после Мировой войны: несбывшийся прогноз? 240–258

■ **Научная жизнь**

А.А. Попов. Товар – деньги – товар: международная конференция о торговых отношениях в Советском Союзе 259–261

Н.В. Гонина. Всероссийская междисциплинарная конференция «Историческая демография и историческая география: вопросы фундаментальных и актуальных исследований» 262–266

CONTENTS

From the Editors (*in Rus.*) 7–8

From the Editors 9–10

■ Reforms and Economic Development

O.V. Il'inykh. Formation and Transformation of the Legal Status of Commodity Exchanges in 1921–1922 (On the Example of the Novonikolayevsk Commodity Exchange) 11–21

E.N. Chernolutskaia. Transition Difficulties: Development of Geothermal Energy in the Kuril Islands in the Context of Russian Market Reforms (1990–2000s) 22–35

M.N. Baldano, A.T. Dasheeva, E.V. Dyatlova. Chinese Enterprises in the Timber Economics of Siberia: Business Practices and the Local Population 36–48

■ Agricultural Development

V.V. Kondrashin. The Peasantry as a Source of Human and Material Resources in the Civil War for the Soviet Government 49–68

V.A. Il'inykh. The USSR Agriculture in 1930–1932: Dynamics, Factors of Development 69–79

A.A. Plyasulya. Political Departments of State Farms in Western Siberia in 1933–1934 80–91

S.V. Sharapov. State, Collective Farms and Shadow Economy during the Great Patriotic War (Based on Materials from Novosibirsk Oblast) 92–105

G. Orynbayeva. The Study of the Virgin Lands in Kazakhstan Historiography: Results and Problems 106–115

■ Migrations

S.V. Vinogradov, Y.G. Yeshchenko. State Policy to Create a New Migration Model in the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries 116–132

E.V. Baranova, D.V. Mankevich, V.N. Maslov, A.V. Stalmakova. The Influence of Russian Political and Military Emigration Representatives' Provocations against Soviet Consulates in China on Sino-Soviet Relations in the 1920s–1930s 133–151

R.V. Pavlyukevich, N.V. Gonina. The Influence of the Crisis of the Soviet System on the Migration Exchange between the City of Krasnoyarsk and the Asian Republics of the USSR in 1980–1989 152–166

■ Demography

V.A. Zverev. Demography of the Tobolsk Province in the Late Imperial Period: The First Step from Tradition to Modernity 167–180

A.A. Burmatov. Socio-Demographic Situation in Western Siberia during the Years of the New Economic Policy (1921–1929) 181–191

E.E. Tinikova. Demographic Development of Gorno-Altai in 1928–2020 192–202

L.N. Slavina. How the Population of the Siberian Village has Changed. The Demographic Consequences of Its Radical Transformation 203–217

■ **Open Archives**

V.A. Kyshpanakov. Khakass Autonomous Region on the Eve and in the First Months of the Great Patriotic War in the Minutes and Decisions of the Executive Committee of the Regional Council of Working Deputies 218–226

D.S. Orlov. Implementation of the Kuzbass Food Program in the Second Half of the 1980s (Analytical Note of the Regional Department of Statistics of the Kemerovo Region) 227–239

■ **Miscellanea**

A.V. Korenevskiy. Russian Empire after the World War: An Unfulfilled Forecast? 240–258

■ **Scientific Life**

A.A. Popov. Commodity – Money – Commodity: International Conference on Trade Relations in the Soviet Union 259–261

N.V. Gonina. All-Russian Interdisciplinary Conference “Historical Demography and Historical Geography: Issues of Fundamental and Relevant Research” 262–266

2023 · № 4 (30)

Тема номера:

**РОССИЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В XX ВЕКЕ:
ПРОЕКТЫ, РЕАЛИЗАЦИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ
И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**

ОТ РЕДАКТОРОВ

Представляемый номер журнала посвящен анализу опыта осуществления экономических реформ в России в XX – начале XXI в. Ставилась задача исследовать советский и постсоветский этапы экономического реформирования, а также проследить общее и специфическое влияние пространственного фактора на замыслы, реализацию и результаты реформ в аграрной и демографической сферах.

Первый тематический блок номера «Реформы и развитие экономики» включает статьи, посвященные изучению российской экономики в периоды проведения рыночных реформ. Предметом анализа являются становление товарных бирж в условиях нэпа, развитие геотермальной энергетики на Курилах в 1990–2000-е гг.; деятельность китайских предприятий в переработке леса на востоке страны.

В раздел «Аграрное развитие» входят работы, в которых рассматриваются тенденции, этапы, результаты, общие закономерности и региональная специфика развития аграрной сферы СССР в советский период. Особое внимание уделено научному осмыслению участия крестьянства в Гражданской войне. Важное место занимает освещение проблем социалистической реконструкции сельского хозяйства: подведены итоги развития отрасли в начале 1930-х гг., определена роль политотделов в совхозном строительстве. Показано функционирование аграрного строя сталинского социализма в годы Великой Отечественной войны. Осуществлена аналитическая презентация современной казахстанской историографии освоения целины.

Коллаборация сектора аграрных и демографических исследований Института истории СО РАН с Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН позволила значительно расширить географию авторов и тематический горизонт статей данного выпуска. Несколько участников I Всероссийской научно-практической конференции «Историческая демография и историческая география: вопросы фундаментальных и актуальных исследований», проведенной 26–27 мая 2023 г. в Москве в Институте демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН, подготовили рукописи на основании своих докладов. Основной фокус этой группы текстов направлен на изучение миграций, что и определило их объединение в тематический блок «Миграции». В статьях рассмотрены различные аспекты темы – от особенностей эволюции имперской политики по заселению новых территорий до региональной специфики миграционных стратегий населения. Важным аспектом блока является анализ историографии советских миграций послевоенного периода.

Вторая группа статей объединена в раздел «Демография», в котором отражено традиционное для номера направление исследования вопросов динамики населения. Работы охватывают весь XX век и представляют раскрытие общих демографических процессов на материале сибирских локусов.

Тесное сотрудничество со специалистами в области экономической и аграрной истории позволяет в очередной раз заключить, что развитие экономики и аграрной сферы оказывает значимое влияние на демографические процессы независимо от времени и пространства и основное выражение находит как в динамике и направлениях миграций, так и в аспектах воспроизводства населения.

Традиционная рубрика «Открытые архивы» состоит из двух материалов. В одном из них на основе протоколов заседаний исполкома областного совета депутатов трудящихся показана ситуация в Хакасской автономной области накануне и в первые месяцы Великой Отечественной войны. Во второй опубликована подготовленная в начале 1989 г. аналитическая записка областного управления статистики Кемеровской области «О ходе выполнения Продовольственной программы Кемеровской области». Ее содержание важно для понимания особенностей развития сельского хозяйства региона и страны в целом во второй половине 1980-х гг.

Рубрика «Miscellanea» представлена спорной по своей рабочей гипотезе, а потому заслуживающей внимания статьей «Российская империя после Мировой войны: несбывшийся прогноз?».

Завершают номер два сообщения о проведенных научных конференциях.

*Выпускающие редакторы:
доктор исторических наук
Владимир Андреевич Ильиных,
кандидат исторических наук
Наталья Владимировна Гонина*

<i>Выпускающие редакторы</i>	доктор исторических наук В.А. Ильиных кандидат исторических наук Н.В. Гонина
<i>Ответственный секретарь</i>	кандидат исторических наук С.В. Шарапов
<i>Корректор</i>	Т.В. Соболева
<i>Верстальщик</i>	В.В. Введенский
<i>Интернет-верстальщик</i>	К.А. Васильев

2023 · No. 4 (30)

The Theme of the Issue:

**RUSSIAN ECONOMIC REFORMS IN THE 20TH CENTURY:
PROJECTS, IMPLEMENTATION, SOCIAL
AND DEMOGRAPHIC CONSEQUENCES**

FROM THE EDITORS

This issue of the journal is devoted to analyzing the experience of economic reforms in Russia in the 20th and early 21st centuries. The aim was to study the Soviet and post-Soviet stages of economic reforms, as well as to trace the general and specific influence of the spatial factor on the design, implementation and results of reforms in agrarian and demographic spheres.

The first thematic block of the issue “Reforms and Economic Development” includes articles devoted to the study of the Russian economy in the period of market reforms. The subject of analysis is the formation of commodity exchanges in the conditions of market reforms; the development of geothermal energy in the Kurils in 1990–2000s; the activities of Chinese enterprises in the processing of timber in the east of the country.

The section “Agrarian Development” includes works that examine trends, stages, results, general regularities and regional specifics of the agrarian development of the USSR in the Soviet period. Special attention is paid to the scientific understanding of the peasantry’s participation in the Civil War. An important place is taken by the coverage of the problems of socialist reconstruction of agriculture: the results of industrial development in the early 1930s are summarized, the role of political departments in state farm construction is defined. The functioning of the agrarian system of Stalinist socialism during the Great Patriotic War is shown. Analytical presentation of modern Kazakhstani historiography of virgin lands development is carried out.

Collaboration of the Agrarian and Demographic Research Sector of the Institute of History (SB RAS) and Institute of Demography (RAS) allowed to significantly expand the geography of authors and the thematic horizon of articles in this issue. Several participants of the I All-Russian Scientific and Practical Conference “Historical Demography and Historical Geography: Issues of Fundamental and Current Research” held on May 26–27, 2023 in Moscow at the Institute of Demographic Research (FNISC RAS) prepared manuscripts based on their reports. The main focus of this group of texts is on the study of migrations, which determined their unification into the thematic block “Migrations”. The articles consider various aspects of the topic, from the peculiarities of the evolution of the imperial policy of settling new territories to the regional specifics of the population’s migration strategies. An important aspect of the block is the analysis of the historiography of Soviet migrations in the postwar period.

The second group of articles is united in the section “Demography”, which reflects the traditional for the issue direction of research of population dynamics. The works cover the entire 20th century and present the disclosure of general demographic processes on the material of Siberian loci.

Close cooperation with specialists in the field of economic and agrarian history allows us to conclude once again that the development of the economy and agrarian sphere has a significant impact on demographic processes regardless of time and space and its main

expression is found in the dynamics and directions of migration, as well as in the aspects of population reproduction.

The traditional rubric “Open Archives” consists of two materials. One of them shows the situation in the Khakass Autonomous Oblast on the eve and in the first months of the Great Patriotic War on the basis of the protocols of the executive committee of the regional council of workers’ deputies. The second one introduces the analytical note of the regional statistics department of the Kemerovo region “On the progress of the Food Program of the Kemerovo region”, prepared in the beginning of 1989. Its content is important for understanding the peculiarities of agricultural development of the region and the country as a whole in the second half of the 1980s.

The section “Miscellanea” is represented by the article “The Russian Empire after the World War: an unfulfilled forecast?”, which is controversial in its working hypothesis and therefore deserves attention

The issue is rounded off by two reports on scientific conferences.

Executive editors:

Doctor of Historical Sciences

Vladimir Andreevich Il'inykh

Candidate of Historical Sciences

Natalia Vladimirovna Gonina

Executive editor

Doctor of Historical Sciences V.A. Il'inykh
Candidate of Historical Sciences N.V. Gonina

Executive secretary

Candidate of Historical Sciences S.V. Sharapov

Corrector

T.V. Soboleva

Layout designer

V.V. Vvedenskiy

Web designer

K.A. Vasil'ev

О.В. Ильных*

ОБРАЗОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ТОВАРНЫХ БИРЖ В 1921–1922 ГОДАХ (НА ПРИМЕРЕ НОВНИКОЛАЕВСКОЙ БИРЖИ)doi:10.31518/2618-9100-2023-4-1
УДК 94:336.7(571.14)"1921-1922"

Выходные данные для цитирования:
Ильных О.В. Образование и трансформация правового статуса товарных бирж в 1921–1922 годах (на примере Новониколаевской биржи) // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 11–21. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-01.pdf>

O.V. Il'inykh*

FORMATION AND TRANSFORMATION OF THE LEGAL STATUS OF COMMODITY EXCHANGES IN 1921–1922 (ON THE EXAMPLE OF THE NOVONIKOLAYEVSK COMMODITY EXCHANGE)

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-1

How to cite:
Il'inykh O.V. Formation and Transformation of the Legal Status of Commodity Exchanges in 1921–1922 (On the Example of the Novonikolayevsk Commodity Exchange) // Historical Courier, 2023, No. 4 (30), pp. 11–21.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-01.pdf>]

Abstract. The article describes formation and transformation of the legal status of commodity exchanges in 1921–1922 on the example of the Novonikolayevsk Commodity Exchange. It was found that the first Soviet commodity exchanges were created by local government agencies and cooperative institutions in the summer and autumn of 1921 in order to restore economic ties and improve commodity circulation. The Novonikolayevsk Commodity Exchange was established in February 1922 as a state organization under the Siberian Regional Bureau VSNKh. The regional authorities considered organization of the local trade and promoting their commercial interests to be the main tasks of the commodity exchange. The central authorities recognized the need to regulate the activities of exchanges only after The Ninth Congress of Soviets. The adoption of the decree “About Commodity Exchanges” by the Council of Labor and Defense on August 23, 1922 started the process of their unification. They were transformed into formally non-departmental public organizations. The priority for the central authorities in the course of exchange’s unification was to use them as a platform mainly for state wholesale trade. Commodity exchanges were supposed to control the commercial activities of state-owned enterprises with the help of accounting and collection of information about their trading operations. In December 1922, the Novonikolayevsk Commodity Exchange switched to a new charter developed by the Commission on Internal Trade. The author identifies the structure of the exchange in accordance with the standard charter. It included the supreme body (the general meeting of its members), the executive body (the exchange committee), the audit and arbitration commissions, brokers. Despite the process of unification, Novonikolayevsk Commodity Exchange retained a number of features, first of all, a relatively low qualification for membership in the organization. This made it possible for cooperative and private enterprises specializing in large retail trade to participate in the exchange’s management.

Keywords: commodity exchange, NEP, commercial activity, trade, Novonikolayevsk.

The article has been received by the editor on 30.04.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Ольга Владимировна Ильных**, студент, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: o.ilinykh@g.nsu.ru

Olga Vladimirovna Il'inykh, Student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: o.ilinykh@g.nsu.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования и трансформации правового статуса товарных бирж в 1921–1922 гг. на примере Новониколаевской биржи. Установлено, что первые советские биржи создавались летом-осенью 1921 г. местными государственными и кооперативными учреждениями для восстановления экономических связей и оздоровления товарооборота. Новониколаевская биржа была учреждена в феврале 1922 г. как государственная организация при Сибирском областном бюро ВСНХ. Ее главные задачи региональные органы власти видели в организации местной торговли и содействии их собственным коммерческим интересам. Центральные органы управления признали необходимость регулирования деятельности бирж лишь после IX съезда Советов. Принятие Советом труда и обороны Постановления «О товарных биржах» от 23 августа 1922 г. запустило процесс их унификации. Они были преобразованы в формально вневедомственные общественные организации. Приоритетом для центральных органов в ходе унификации бирж являлось использование их в качестве площадки преимущественно для государственной оптовой торговли. Биржи должны были контролировать коммерческую деятельность государственных предприятий с помощью функций учета и сбора сведений об их торговых операциях. В декабре 1922 г. Новониколаевская товарная биржа перешла на новый устав, разработанный Комиссией по внутренней торговле. Автором выявлена структура биржи в соответствии с типовым уставом. Она включала высший орган (общее собрание ее членов), исполнительный орган (биржевой комитет), ревизионную и арбитражную комиссии, маклеров. Несмотря на процесс унификации, Новониколаевская биржа сохранила ряд особенностей, прежде всего относительно невысокий ценз для вступления в члены организации. Это давало возможность кооперативным и частным предприятиям, специализировавшимся на крупной розничной торговле, участвовать в управлении биржей.

Ключевые слова: товарная биржа, нэп, коммерческая деятельность, торговля, Новониколаевск.

Статья поступила в редакцию 30.04.2023 г.

Введение. 21 марта 1921 г. ВЦИК РСФСР утвердил Декрет о замене продовольственной разверстки натуральным налогом, чем ознаменовался переход к осуществлению новой экономической политики. Ее главными задачами являлись выход из социально-экономического и политического кризисов, порожденных Гражданской войной, а также восстановление народного хозяйства страны. Для осуществления нэпа использовались институты, присущие рыночной экономике, в том числе и товарные биржи. Их функционирование в 1920-е гг. уникально для истории Советского государства.

Сущность биржи заключается в создании условий для формирования совершенной (или близкой к ней) конкуренции путем одномоментной концентрации значительного числа продавцов и покупателей – идеальной ситуации для рыночной экономики. Однако в соответствии с задачами, которые ставились советскими органами власти перед биржами, их функции трансформировались. Более того, отличительные черты советских бирж сформировались уже на этапе их создания.

Представляется, что изучению деятельности бирж в отечественной историографии нэпа уделено недостаточное внимание. Всплеск интереса к их истории произошел в 1990-е гг. в связи с переходом к рыночной экономике. В этот период впервые были опубликованы специальные работы, посвященные истории как дореволюционных, так и советских бирж¹. Недостатком данных публикаций являлась узость источниковой базы. Исследователи выби-

¹ См.: Тупов Б.С. История российской биржи (биржи периода нэпа и 90-х годов XX в.). М., 1994; Галкин В.В. История биржи в России. Воронеж, 1998; и др.

рали в качестве основных источников биржевые отчеты, справочники и аналитические работы 1920-х гг., игнорируя потенциал архивных документов.

Важной тенденцией современного этапа историографии стала публикация статей о функционировании региональных советских бирж. Выявленные работы посвящены деятельности нескольких организаций (например, Ижевской, Гомельской, Могилевской)². Однако подавляющее число советских бирж до настоящего времени не изучено: в 1925 г. – период «расцвета» биржевой торговли – в СССР функционировали 112 организаций³. Вне исследовательского внимания также остается Новониколаевская товарная биржа, которая функционировала в административном и экономическом центре Сибири и являлась крупнейшим организатором торговли в регионе в период нэпа. Следует отметить, что с 1921 г. Новониколаевск стал столицей «Сибревкомовской Сибири».

Задача статьи – охарактеризовать процесс формирования и трансформации правового статуса товарных бирж в 1921–1922 гг. на примере Новониколаевской биржи. Основными источниками исследования стали законодательные акты, регулировавшие биржевую торговлю, делопроизводственные документы Новониколаевской товарной биржи, хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области, а также материалы периодической печати (газета «Советская Сибирь», «Бюллетень Новониколаевской товарной биржи»).

Поставленная задача требует дефиниции основного понятия исследования. Представляется, что определение, наиболее соответствующее сущности советских бирж, предложил омский исследователь А.В. Дроздков. Биржа – организация, для которой характерны регулярные, приуроченные к определенному месту и времени деловые собрания, где осуществляется оптовый торг путем заключения подчиняющихся специальным правилам соглашений и устанавливаются цены, удовлетворительные для участников рынка⁴. Подобное определение приемлемо как для описания дореволюционных бирж, так и организаций периода нэпа. Отметим, что в 1920-е гг. советских фондовых бирж не существовало. При товарных биржах функционировали фондовые отделы, которые занимались организацией и регулированием операций с ценными бумагами.

Становление первых советских бирж. Переход к новой экономической политике начался весной 1921 г. Однако первоначально руководство РКП(б) делало ставку на развитие товарообмена. Свободная торговля частных лиц ограничивалась местным рынком, а межрайонные операции осуществляли государственные и кооперативные организации исключительно посредством обмена произведенной крестьянами продукции на промышленные товары. Но процесс товарообмена был громоздким и сложным в связи с тем, что государственные органы и кооперация не располагали достаточным количеством промтоваров. Крестьяне предпочитали не обменивать сельскохозяйственные продукты, а продавать их на рынке. По этой причине с лета 1921 г. торговля начала активно вытеснять товарообмен⁵.

Под воздействием этих процессов для восстановления региональных торговых связей и налаживания товарооборота местные государственные и кооперативные органы создавали новые для советской практики формы оптового рынка – биржи. Важно отметить, что в начале нэпа товарные биржи учреждались на местах, а центральные органы до определенного момента относились к ним индифферентно.

Первая советская биржа открылась в июле 1921 г. в Саратове. Она осуществляла свою деятельность как кооперативная организация. В качестве учредителя биржи выступил

² См.: Бехтерева Л.Н. Ижевская областная товарная биржа: этапы создания и деятельность (1920-е годы) // Наука Удмуртии. 2005. № 2. С. 129–138; Полетаева Н.И. Могилевская товарная биржа в годы нэпа // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Минск, 2010. С. 558–564; Полетаева Н.И. Гомельская товарная биржа в 1922–1927 гг. // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2020. № 20-2. С. 155–163; и др.

³ Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. М., 1961. С. 213.

⁴ Дроздков А.В. Создание рыночной инфраструктуры в Сибири в условиях нэпа (1921–1923 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2012. № 4–1. С. 85.

⁵ Грик Н.А., Ильиных В.А. Новая экономическая политика // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. II. С. 486.

Губернский союз потребительской кооперации, имевший достаточно организованный торговый аппарат. Членами биржи также являлись исключительно кооперативные организации. Осенью того же года товарные биржи открылись в Перми и Вятке, а в декабре – в Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону и Москве. Всего в 1921 г. начали свою работу 7 бирж⁶.

Развитие товарно-денежных отношений вынуждало советское руководство идти на дальнейшую либерализацию экономики. Легализация рыночных отношений была закреплена резолюциями IX Всероссийского съезда Советов, проходившего с 23 по 28 декабря 1921 г. В постановлении по вопросам новой экономической политики и промышленности определялись следующие задачи: развитие денежного обмена и образование внутреннего рынка, перевод государственных предприятий на хозяйственный расчет, обеспечение свободы частной торговли, создание иностранных концессий и т.д.⁷ В частности, съезд провозглашал следующее: «Советская власть должна обеспечить себе в учреждениях, облегчающих развитие товарообмена (кредитные учреждения, биржи [Выделено мной. – О. И.], торговые товарищества, общества для экспорта и импорта, кооперативные объединения разных видов и т.п.), влияние, соответствующее представляемым им интересам трудящихся масс, путем экономического участия государства в подобных учреждениях»⁸. Таким образом, государство изменило отношение к биржам от невмешательства к признанию необходимости собственного участия в их деятельности. Тем же постановлением допускалось открытие товарных бирж Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ) и его местными органами самостоятельно или по соглашению со Всероссийским центральным союзом потребительских обществ (Центросоюзом) и его органами⁹.

На следующий день после окончания IX съезда, 29 декабря 1921 г., в Москве открылась Центральная товарная биржа Президиума ВСНХ РСФСР¹⁰. Вероятно, механизм ее создания лег в основу упомянутого выше постановления. Устав и особенности работы Центральной биржи необходимо рассмотреть подробно. Представляется, что столичная биржа воспринималась руководителями центральных государственных органов как образец организации биржевого института. Ее основные задачи по уставу: выявление спроса и предложения государственных учреждений и предприятий и кооперативных организаций, регулирование торговых операций; предоставление своим членам и посетителям необходимых для торговли технических удобств; публикация сведений о состоянии рынка; улаживание споров по сделкам. Членами биржи могли быть исключительно государственные и кооперативные организации¹¹. Частные предприниматели допускались на биржевые торги, но членство (значит, и возможность участвовать в руководстве биржей) им не предоставлялось. Предполагалось, что функционально биржи будут, с одной стороны, оказывать помощь государственным предприятиям и кооперации в проведении торговых операций, а с другой – вести учетную работу, собирая сведения об их деятельности.

Открытие Новониколаевской товарной биржи. В соответствии с постановлением IX съезда была создана товарная биржа в Новониколаевске. 28 января 1922 г. в газете «Советская Сибирь» появилось объявление о проведении 29 числа учредительного собрания для организации в городе товарной биржи по инициативе Сибирского областного бюро ВСНХ (Сибпромбюро) и Сибирского отделения Центросоюза. На собрание приглашались представители местных органов власти и кооперативных учреждений¹². Однако по решению его участников состоявшееся собрание не стало учредительным. Согласно протоколу заседания, собравшиеся единодушно признали целесообразность создания биржи и избрали комиссию в составе 9 человек. Комиссии было поручено разработать Наказ о деятельности

⁶ Тулов Б.С. История российской биржи... С. 3–4.

⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док. М., 1967. Т. 1: 1917–1928 гг. С. 276–285.

⁸ Там же. С. 277.

⁹ Там же. С. 284.

¹⁰ Тулов Б.С. История российской биржи... С. 4.

¹¹ Торгово-промышленный справочник гор. Москвы. Петроград, 1923. С. 35.

¹² Советская Сибирь. 1922. 28 янв.

биржи, положения для арбитражной, котировальной комиссий, биржевого комитета и рассмотреть проект устава биржи, разработанный Сибпромбюро. В ходе собрания были определены задачи будущей биржи – организация товарообмена и торговых операций, а также информирование участников рынка о его состоянии¹³.

В рамках работы подготовительной комиссии состоялось четыре заседания. Основным предметом дискуссии стал вопрос о составе биржевого комитета. Предполагалось, что он будет выборным. Однако уполномоченные Сибирского отделения Центросоюза предлагали предоставить по два (затем по три) места в комитете их организации и Сибпромбюро. Представитель уполномоченного народного комиссариата внешней торговли по Сибири (Сибвнешторга) также требовал квоту¹⁴. Государственные и кооперативные организации рассматривали биржу как инструмент, который рассчитывали использовать в своих коммерческих интересах. Кроме того, комиссия приняла решение повысить предварительно установленный годовой членский взнос с 75 до 120 руб. золотом¹⁵. Такой шаг позволял ограничить круг предприятий, которые могли бы претендовать на членство в организации.

В результате своей деятельности комиссия подготовила необходимые уставные документы и назначила учредительное собрание на 12 февраля¹⁶. На нем присутствовало 23 представителя от местных государственных и кооперативных организаций. Собрание приняло разработанные документы, но предполагавшиеся выборы в биржевой комитет не состоялись. По решению учредителей все должности в нем назначались по квотам государственными и кооперативными органами. По три места получили Сибпромбюро и Сибцентросоюз, по два – Сибвнешторг и продовольственные органы, одно – Земельный отдел Сибревкома. Более того, выборного характера лишались посты кандидатов в члены биржевого комитета и ревизионной комиссии¹⁷. Таким образом, исполнительный и контролирующий органы биржи ставились в прямую зависимость от региональных учреждений.

Далее проект Положения о бирже передали в Сибревком, где на заседании 4 марта оно было утверждено. Положение устанавливало правила допуска лиц и учреждений к членству на бирже, размер вступительных и членских взносов, регламент проведения собраний, ставки маклерского куртажа, взносы в пользу биржи и т.д.¹⁸ После утверждения уставных документов биржевой комитет провел ряд подготовительных заседаний, и только 28 марта Новониколаевская товарная биржа открыла операции. 30 марта зафиксирована первая сделка – между Сибирской торговой конторой «Сибторг» и Сибирским областным управлением по топливу на 3 тысячи пар «гражданских сапог»¹⁹. Таким образом, Новониколаевская биржа начала функционировать как государственное учреждение, подведомственное Сибирскому областному бюро ВСНХ. Ее статус был отражен в официальном названии – «Центральная товарная биржа Сибпромбюро ВСНХ».

Тем не менее местные биржи, подведомственные органам ВСНХ, имели некоторые особенности. Важным отличием деятельности Новониколаевской биржи в сравнении с Московской стало допущение в качестве ее членов частных предприятий и лиц. Условием для вступления являлось наличие патента 3-го разряда торговых предприятий и выше и 5–12-го разрядов промышленных предприятий²⁰. По закону патент 3-го разряда торговых предприятий получали владельцы розничных торговых лавок, столовых, бань, аптек, издательств и т.д. 5-й разряд получали предприятия с составом рабочих в 30–60 чел.²¹ Естественно, что установленный ценз и сумма взносов ограничивали доступ частных предпринимателей к членству на бирже. Но у относительно крупных торговых и промышленных предприятий

¹³ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.

¹⁴ Там же. Л. 34 об.

¹⁵ Там же. Л. 35–35 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Советская Сибирь. 1922. 16 февр.

¹⁸ Там же. 11 марта, 28 марта, 29 марта.

¹⁹ Там же. 29 марта, 2 апр.

²⁰ Там же. 11 марта.

²¹ СУ РСФСР. 1922. № 17. Ст. 180.

появлялась возможность участвовать в руководящем органе биржи – общем собрании ее членов и влиять на принимаемые решения. Важно отметить, что многие биржи, созданные в 1921 г., также допускали в качестве членов биржи частных предпринимателей. Например, доступ частников разрешался уставами Петроградской и Саратовской бирж²². Этот факт свидетельствует о том, что для местных хозяйственных органов при создании бирж были важны не только учетные функции и контроль, но и налаживание новых торговых связей между участниками рынка, в том числе и частным капиталом.

Кроме того, зафиксированный в уставе Новониколаевской биржи ценз показывает, что в биржевую практику предполагалось включить не только предпринимателей, занимающихся оптовой торговлей, но и крупную розницу. Н.А. Грик в качестве одной из предпосылок возрождения товарных бирж назвал необходимость в децентрализации оптового рынка товаров и сырья для обеспечения ресурсами частных и арендных предприятий²³. Несомненно, крупные государственные, кооперативные и частные предприятия, занимающиеся оптовой торговлей, активно вовлекались в биржевую деятельность. Но многое зависело от уровня развития крупной промышленности и торговли в каждом отдельном регионе. Дискуссия об участии розничной торговли в операциях на бирже имела место между центральными и местными органами власти, что будет показано ниже.

Для восстановления региональных торговых связей уже через несколько месяцев после открытия Новониколаевской биржи на ее базе с 1 по 10 июля был проведен Сибирский областной контрактный съезд-ярмарка. Для участия приглашались государственные и кооперативные торгово-промышленные предприятия региона. Также получали право участвовать в торгах и частные предприниматели. Помимо проведения биржевых операций, в рамках съезда-ярмарки обсуждались вопросы организации торговли и кредита, налоговой и тарифной политики и т.д. Ключевой задачей съезда провозглашалось «обновление областного товарооборота»²⁴.

Унификация товарных бирж. В связи с развитием нэпа советское руководство предприняло меры по созданию руководящего органа в сфере торговли. 9 мая 1922 г. Совет народных комиссаров принял Положение о Комиссии по внутренней торговле при Совете труда и обороны (Комвнуторг при СТО)²⁵. Ее основные задачи заключались в разработке торгового законодательства, изучении и учете частных предприятий и их деятельности, содействии государственному и кооперативному сектору. Для их реализации Комвнуторг координировал и корректировал деятельность государственных учреждений, связанных с товарооборотом.

Вместе с тем упорядочивалось законодательство в сфере экономического регулирования. Важным этапом унификации деятельности бирж стало принятие Постановления СТО от 23 августа 1922 г. «О товарных биржах». Согласно ему биржи передавались в ведение Комвнуторга и местных экономических совещаний (эконосо). При этом биржи получали права юридического лица, действовали на основании собственных уставов, а биржевой комитет становился выборным²⁶. Комментируя целесообразность избрания членов биржи, секретарь биржевого комитета Новониколаевской биржи П.Ф. Дубровский в своей статье, опубликованной в «Советской Сибири», так писал о «назначенцах»: «Комитеты из чиновных представителей госучреждений, переобремененных другими обязанностями, почти нигде не уделяют должного внимания биржам и направлению их политики»²⁷. Несомненно, высказывание Дубровского носит субъективный и несколько негативный характер. Тем не менее можно предположить, что такая проблема управления биржей действительно была актуальной. Для ее решения СТО закрепил выборность членов биржевого комитета, благодаря

²² Тулов Б.С. История российской биржи... С. 6.

²³ Грик Н.А. Советская экономическая политика в 1921–1933 (Критический анализ). Томск, 2002. С. 241.

²⁴ Советская Сибирь. 1922. 27 июня, 4 июля.

²⁵ СУ РСФСР. 1922. № 34. Ст. 400.

²⁶ Там же. № 54. Ст. 684.

²⁷ Советская Сибирь. 1922. 25 авг.

чему на должности (не без влияния государственных учреждений) могли избираться более эффективные кандидаты.

В сопроводительных документах указывалось, что в связи с принятием Постановления от 23 августа менялась природа бирж – они стали общественными организациями²⁸. На это в том числе указывает выборность исполнительного органа биржи. Однако в советской практике под термином «общественные организации» прежде всего понимались негосударственные учреждения, занимавшиеся некоммерческой деятельностью. Подобные организации должны были преследовать «общественные цели» и не ставить перед собой задачи по извлечению прибыли для своих членов²⁹. В действительности биржа получала прибыль в виде установленных сборов и взносов. Но в доходах были заинтересованы скорее не члены биржи, а ее работники, поскольку от прибыли зависел размер их заработной платы. Превращение товарных бирж в общественные организации, с одной стороны, подчеркивало их посредническую роль, поскольку сами биржи не могли участвовать в торговых операциях. С другой стороны, преследование «общественных целей» предоставляло бирже основания для осуществления функции регулирования и контроля за коммерческой деятельностью участников рынка. Любое вмешательство биржевых органов в процесс заключения сделок могло быть оправдано «интересами общественности».

Постановление от 23 августа определяло основные задачи биржи: выявление спроса и предложения, упорядочивание товарообмена и торговых операций (вероятно, использовались формулировки из устава Центральной товарной биржи в Москве). Кроме того, регламентировался доступ к членству на бирже. Помимо государственных учреждений, допускались кооперативные и частные предприятия, платившие промысловый налог не ниже 5-го разряда торговых и 10-го разряда промышленных предприятий³⁰. Торговый патент высшего, 5-го разряда получали предприниматели, занимавшиеся оптовой продажей товаров и владевшие крупными розничными магазинами с составом служащих от 20 чел. На промышленных предприятиях, имевших 10-й разряд и выше, работало более 300 чел.³¹ Ограничение доступа кооперации и частных предприятий позволяло сохранить влияние государственных учреждений на деятельность биржи в рамках ее новой общественной сущности. Помимо этого, ценз и провозглашаемые функции биржи, по нашему мнению, свидетельствуют о желании центральных органов управления превратить биржевой институт в площадку преимущественно для государственной оптовой торговли. С конца 1921 г. многие национализированные предприятия и госучреждения переводились на хозрасчет, что могло побудить их руководителей перевести часть торговых операций в «серый» сектор экономики. Биржи должны были контролировать их коммерческую деятельность и вести учетно-статистическую работу.

Подтверждением данному предположению может являться Постановление СТО от 1 сентября 1922 г. «О регистрации внебиржевых сделок». Государственные предприятия обязывались регистрировать все заключаемые торговые сделки на бирже³². Выявляя причины появления этого постановления, некоторые исследователи ссылаются на работу экономиста К.А. Шмидта «Организация и практика биржевой торговли в СССР». По его мнению, в первый год своего существования биржи имели «ничтожное экономическое значение» и игнорировались государственными предприятиями. Предписание регистрировать торговые сделки способствовало искусственному увеличению биржевых оборотов, поскольку за регистрацию внебиржевых сделок устанавливался более высокий сбор в сравнении с биржевыми³³. С одной стороны, необходимо учитывать год издания работы Шмидта – 1927 г., когда советское руководство проводило политику по ликвидации большей части бирж. Резко негативная оценка автора, вероятно, связана с общей тенденцией

²⁸ ГАНО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

²⁹ Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2001. С. 36, 38.

³⁰ СУ РСФСР. 1922. № 54. Ст. 684.

³¹ Там же. № 17. Ст. 180.

³² Там же. № 57. Ст. 719.

³³ Цит. по: Тупов Б.С. История российской биржи... С. 7–9.

преуменьшать значение и роль биржи в советской экономике. С другой стороны, в первые годы работы на биржах действительно заключалось относительно мало сделок. Это было вызвано многими факторами: индифферентным отношением государственных учреждений, недостатком денежных знаков, промышленных товаров и т.д. Еще до публикации Постановления о регистрации внебиржевых сделок Сибревком предписал местным государственным органам проводить свои торговые операции через биржу³⁴.

Однако нельзя не согласиться с тезисом В.В. Галкина о том, что Постановление СТО от 1 сентября 1922 г. усиливало роль биржи как статистического органа³⁵. Через обязательную фиксацию факта заключения сделки на биржах регулирующие органы могли получать необходимую информацию об операциях государственной торговли. Эта функция бирж имела большое значение для центральных советских органов.

Стоит отметить, что ни предписание Сибревкома, ни меры, принимаемые СТО, не предполагали санкций за их несоблюдение. В связи с этим государственные предприятия обходили биржи при проведении торговых операций. Бездействие органов контроля констатировалось биржевыми аппаратами³⁶. Принятая мера оказалась недостаточно эффективной.

В связи с преобразованием бирж в общественные организации Комвноторг разработал новый типовой устав³⁷. В нем повторялись основные положения из Постановления от 23 августа 1922 г.: задачи товарных бирж, руководство со стороны Комвноторга и местных экосо, ценз для вступления в члены биржи. Также устав подробно регламентировал структуру органов и подразделений биржи.

Высшим органом, осуществлявшим управление биржей, являлось общее собрание ее членов. Учреждение, желавшее стать членом биржи, должно было подать заявление в биржевой комитет. Последний принимал решение о зачислении просителя либо отклонении заявления. Отказ мог быть обжалован общим собранием.

Руководящий орган биржи обладал широким кругом полномочий. Собрание рассматривало и утверждало основные уставные документы (правила биржевых собраний, инструкции и положения), устанавливало размер всех взносов, сборов с биржевых сделок. Кроме того, оно осуществляло контроль за биржевым комитетом через институт выборов его членов, а также рассматривало жалобы на постановления этого органа. Общим собранием принимались решения по вопросам об исключении членов биржи, привлечении выборных должностных лиц к судебной ответственности, изменении устава, ликвидации организации. Устав обязывал созывать общие собрания два раза в год. В остальное время они организовывались лишь по мере необходимости³⁸. Поскольку в функции общих собраний входили наиболее важные вопросы управления, их частое проведение не представлялось целесообразным.

Исполнительным органом общих собраний являлся биржевой комитет. Комитет выступал в качестве представителя биржи и осуществлял переписку с организациями и частными лицами от ее имени. Примечательно, что первой из списка обязанностей биржевого комитета в уставе указывалось «доставление по требованию правительственных мест сведений и заключений по делам, касающимся торговли и промышленности, а равно выдача касающихся торговли справок и удостоверений как членам биржи, так и посторонним ей лицам и учреждениям»³⁹. Тем самым подчеркивалась роль биржи как органа учета и контроля.

Помимо предоставления сведений о состоянии торговли, биржевому комитету предписывались разработка проектов нормативных документов, распоряжение имуществом и финансами организации. Также комитет принимал новых членов биржи, осуществлял

³⁴ Советская Сибирь. 1922. 25 авг.

³⁵ Галкин В.В. История биржи... С. 109–110.

³⁶ Бюллетень Новониколаевской товарной биржи. 1923. 16 янв.

³⁷ ГАНУ. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 1. Л. 83–88 об.

³⁸ Там же. Л. 83, 84–84 об.

³⁹ Там же. Л. 85 об.

наблюдение за котировкой цен, приводил в исполнение постановления общих собраний членов биржи⁴⁰.

Устав регламентировал деятельность не только основных органов биржи, но и ее подразделений: ревизионной комиссии (основная функция – проверка состояния финансов и имущества биржи), арбитражной комиссии (рассматривала споры, возникающие при заключении сделок) и маклеров (осуществляли посредничество в торговых операциях). Кроме указанных подразделений, на бирже допускалась организация вспомогательных комиссий и бюро⁴¹.

Согласно инструкции по проведению в жизнь Постановления СТО от 23 августа, все действующие биржи обязывались привести свои уставы в соответствие с типовым и передать их на утверждение местным экосо, а затем Комвноторгу. В случае внесения поправок в предложенный образец биржи должны были предоставить объяснительную записку о причинах этих изменений⁴².

Ходатайствовать об исправлении некоторых положений решило и общее собрание Новониколаевской биржи. Наиболее значительной поправкой стало понижение ценза для членов биржи. Кооперативные организации и частные предприниматели допускались к членству при наличии у них патента 3-го (а не 5-го) разряда торговых и 5-го (а не 10-го) разряда промышленных предприятий⁴³. Комвноторг предполагал распространение подобной практики. Отдельно в инструкции указывалось, что при понижении ценза биржа должна сообщить в объяснительной записке данные о состоянии местной торговли в дореволюционное и настоящее время, а также сведения о количестве всех государственных, кооперативных и частных предприятий⁴⁴.

В связи с этим Новониколаевский биржевой комитет обратился в торговый отдел Сибирской плановой комиссии с просьбой поддержать ходатайство. В письме содержались причины понижения ценза. Прежде всего, биржевой комитет обращал внимание на установленный высокий взнос, который препятствовал вступлению в члены биржи мелких кооперативных и частных предприятий. Но главным доводом было отсутствие в Новониколаевске крупной частной оптовой торговли: «Таким образом, биржа останется совсем без представительства частной торговли, если пожелает неукоснительно последовать нормальному уставу биржи. А это не в интересах восстановления общего товарооборота»⁴⁵. Вовлечение как можно большего количества участников рынка в организованную торговлю имело огромное значение для биржи, поскольку от объема сделок зависели ее доходы. Кроме того, такая позиция отвечала интересам местных хозяйственных органов, заинтересованных в восстановлении региональных экономических связей и вовлечении в них частного капитала.

Аргументы биржевого комитета оказались убедительными для Комвноторга. В декабре 1922 г. Новониколаевская товарная биржа перешла на новый устав с внесенными ею изменениями⁴⁶, что явилось одним из показателей завершения процесса унификации советских бирж.

Заключение. Анализ выявленных источников позволил выделить основные этапы первичного становления советских бирж. В 1921 г. их создавали государственные и кооперативные учреждения на местах с целью восстановления торговых связей, в то время как центральные органы власти не вмешивались в их организацию и функционирование. Ситуация изменилась после IX съезда Советов в конце декабря 1921 г. Советское государство признало необходимость своего участия в деятельности бирж. Однако большую роль в их создании продолжали играть региональные учреждения. На этом этапе была создана Новониколаевская товарная биржа, которая функционировала как государственная органи-

⁴⁰ ГАНО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 1. Л. 86.

⁴¹ Там же. Л. 88–88 об.

⁴² Там же. Л. 80.

⁴³ Там же. Д. 2. Л. 49.

⁴⁴ Там же. Д. 1. Л. 80.

⁴⁵ Там же. Л. 111–111 об.

⁴⁶ Советская Сибирь. 1922. 14 дек.

зация при Сибпромбюро ВСНХ. Несмотря на желание региональных органов управления использовать биржу в собственных коммерческих интересах, они признавали в качестве главных задач нового учреждения организацию местной торговли и оздоровление товарооборота. С принятием СТО Постановления «О товарных биржах» от 23 августа 1922 г. биржи стали позиционироваться как формально вневедомственные общественные организации. Но для центральных органов власти приоритетным являлось превращение бирж в инструмент контроля за деятельностью преимущественно государственных предприятий с помощью функций учета и сбора сведений об их торговых операциях. К концу 1922 г. Новониколаевская биржа была унифицирована, однако сохранила ряд особенностей. Ее новый устав стал компромиссом между центральными, местными органами власти и самой биржей.

Литература

- Бехтерева Л.Н. Ижевская областная товарная биржа: этапы создания и деятельность (1920-е годы) // Наука Удмуртии. 2005. № 2. С. 129–138.
- Галкин В.В. История биржи в России. Воронеж: ВГТА, 1998. 234 с.
- Грик Н.А. Советская экономическая политика в 1921–1933 (Критический анализ). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 334 с.
- Грик Н.А., Ильиных В.А. Новая экономическая политика // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. II. С. 485–489.
- Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 472 с.
- Дроздков А.В. Создание рыночной инфраструктуры в Сибири в условиях нэпа (1921–1923 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2012. № 4–1. С. 81–88.
- Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2001. 215 с.
- Полетаева Н.И. Могилевская товарная биржа в годы нэпа // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Минск: Белорус. гос. экон. ун-т, 2010. С. 558–564.
- Полетаева Н.И. Гомельская товарная биржа в 1922–1927 гг. // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2020. № 20-2. С. 155–163.
- Тупов Б.С. История российской биржи (биржи периода нэпа и 90 годов XX в.). М.: ИНИОН, 1994. 27 с.

References

- Bekhtereva, L.N. (2005). Izhevskaya oblastnaya tovarnaya birzha: etapy sozdaniya i deyatel'nost' (1920-e gody) [Izhevsk Regional Commodity Exchange: Stages of Creation and Activity (1920s)]. In *Nauka Udmurtii*. No. 2, pp. 129–138.
- Dikhtyar, G.A. (1961). *Sovetskaya trgovlya v period postroeniya sotsializma* [Soviet Trade during the Period of Building Socialism]. Moscow, Izd-vo Akad. Nayk SSSR. 472 p.
- Drozdkov, A.V. (2012). Sozdanie rynochnoy infrastruktury v Sibiri v usloviyakh nepa (1921–1923 gg.) [Creation of the Market Infrastructure in Siberia in the Conditions of the NEP (1921–1923)]. In *Izvestia Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. Barnaul, Izd-vo Altayskogo gos. un-ta. No. 4–1, pp. 81–88.
- Galkin, V.V. (1998). *Istoriya birzhi v Rossii* [History of Commodity Exchange in Russia]. Voronezh, VGTA. 234 p.
- Grik, N.A. (2002). *Sovetskaya ekonomicheskaya politika v 1921–1933 (Kriticheskiy analiz)* [The Soviet Economic Policy in 1921–1933 (Critical Analysis)]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta. 334 p.
- Grik, N.A., Il'inykh, V.A. (2009). *Novaya ekonomicheskaya politika* [The New Economic Policy]. In *Istoricheskaya entsiklopedia Sibiri*. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri. Vol. 2, pp. 485–489.

П'ина, I.N. (2001). *Obshchestvennye organizatsii Rossii v 1920-e gody* [Russian Public Organizations in 1920s]. Moscow, In-t ros. istorii RAN. 215 p.

Poletaeva, N.I. (2010). Mogilevskaya tovarnaya birzha v gody nepa [Mogilev Commodity Exchange during the Period of the NEP]. In *Nauchnye trudy Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. Minsk, Belorus. gos. ekonom. un-t, pp. 558–564.

Poletaeva, N.I. (2020). Gomel'skaya tovarnaya birzha v 1922–1927 gg. [Gomel Commodity Exchange in 1922–1927]. In *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vyshey shkoly. Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki*. No. 20-2, pp. 155–163.

Тупов, B.S. (1994). *Istoria rossiyskoy birzhi (birzhi perioda nepa i 90-kh godov XX v.)* [History of Russian Commodity Exchange (Commodity Exchanges in the Period of the NEP and 90s of the 20th Century)]. Moscow, INION. 27 p.

Е.Н. Чернолуцкая*

ТРУДНОСТИ ПЕРЕХОДА: РАЗВИТИЕ ГЕОТЕРМАЛЬНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ НА КУРИЛАХ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКИХ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ (1990–2000-Е ГОДЫ)doi:10.31518/2618-9100-2023-4-2
УДК 94(47)+322

Выходные данные для цитирования:
Чернолуцкая Е.Н. Трудности перехода: развитие геотермальной энергетики на Курилах в условиях российских рыночных реформ (1990–2000-е годы) // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 22–35.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-02.pdf>

E.N. Chernolutskaia*

TRANSITION DIFFICULTIES: DEVELOPMENT OF GEOTHERMAL ENERGY IN THE KURIL ISLANDS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN MARKET REFORMS (1990–2000S)

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-2

How to cite:
Chernolutskaia E.N. Transition Difficulties: Development of Geothermal Energy in the Kuril Islands in the Context of Russian Market Reforms (1990–2000s) // Historical Courier, 2023, No. 4 (30), pp. 22–35.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-02.pdf>]

Abstract. The article examines the controversial impact of Russian market reforms on the local energy supply system of the Kuril districts of the Sakhalin Region, representing the extreme island periphery of Russia. It is revealed that the conditions of the 1990s became the source of an acute protracted crisis in this industry, but they also gave impetus to the development of geothermal energy, which was not reaches in the Soviet period. The main factors that contributed to the transition to renewable energy sources in the Kuril Islands during the critical period of Russian history were identified, among them are the political will of a new cohort of regional leaders, the accumulated scientific potential of Sakhalin geothermists, the emergence of private companies that had a commercial interest in implementing large regional projects, financial support in the form of federal targeted programs. The nature, pace, contradictions of the first stage of construction of geothermal plants, which turned out to be too long due to financing problems and did not achieve a complete solution to the tasks set in the development programs of the Kuril Islands, are considered. The main obstacle to the implementation of projects was the discrepancy between the federal target programs of the 1990s and the real resources of the state. The result of the stage was the commissioning of the first two geothermal plants in the Kuril Islands – Mendeleevskaya (Kunashir Island) and Oceanskaya (Iturup Island), which made it possible to reduce the dependence on delivered fuel, partially stabilize and reduce the cost of energy supply, which was significant both for the manufacturing sector and for residents. However, it was not possible to achieve a complete transition to alternative energy, and the built geothermal plants turned out to be not trouble-free. The bulk of the energy in the Kuril Islands was still generated by diesel stations.

Keywords: Kuril Islands, Russian market reforms, energy supply crisis, geothermal energy, federal targeted programs.

The article has been received by the editor on 14.04.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* Елена Николаевна Чернолуцкая, доктор исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия, e-mail: chvalery@mail.ru

Elena Nikolaievna Chernolutskaia, Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, e-mail: chvalery@mail.ru

Аннотация. Исследовано неоднозначное влияние российских рыночных реформ на систему локального энергоснабжения курильских районов Сахалинской области, представляющих крайнюю островную периферию России. Выявлено, что сложившиеся условия 1990-х гг. стали источником острого затяжного кризиса этой отрасли, но они же дали толчок освоению геотермальной энергетики, чего не удавалось осуществить в советское время. Определены основные факторы, которые в переломный период российской истории способствовали начавшемуся на Курилах переходу на возобновляемые источники энергии, среди них – политическая воля новой когорты областных руководителей, накопленный научный потенциал сахалинских геотермистов, появление частных компаний, имевших коммерческий интерес в выполнении крупных региональных проектов, финансовая опора в виде федеральных целевых программ. Рассмотрены характер, темпы, противоречия первого этапа строительства геотермальных станций, который оказался слишком затянут из-за проблем финансирования и не достиг полного решения задач, поставленных в программах развития Курил. Главным тормозом реализации проектов было несоответствие федеральных целевых программ 1990-х гг. реальным ресурсам государства. Итогом этапа стал ввод в эксплуатацию первых двух ГеоТЭС на Курилах – Менделеевской (о. Кунашир) и Океанской (о. Итуруп), позволивших уменьшить зависимость от привозного топлива, частично стабилизировать и удешевить энергоснабжение, что было значимо как для производственного сектора, так и для жителей. Однако полного перехода на альтернативную энергетику достичь не удалось, а построенные ГеоТЭС оказались небеспроблемными. Основной объем энергии на Курилах по-прежнему вырабатывался дизельными станциями.

Ключевые слова: Курилы, геотермальная энергетика, кризис энергоснабжения, российские рыночные реформы, федеральные целевые программы.

Статья поступила в редакцию 14.04.2023 г.

Российские рыночные реформы не могли не затронуть одну из важнейших сфер жизнеобеспечения – энергетику. В 1990-е гг. предприятия отрасли были акционированы и вошли в двухуровневую монополию РАО «ЕЭС России» (просуществовавшую до очередной своей реформы в 2008 г.). На Дальнем Востоке ее филиал обеспечивал основную часть электропотребления краев и областей. Вместе с тем для этой периферийной территории ранее и сейчас характерны наличие обширных децентрализованных зон, технологическая изолированность энергосистем, разделение на отдельные энергорайоны внутри областей (Якутия, Камчатка, Чукотка, Магаданская и Сахалинская области). Локальная энергетика в регионе включает почти 200 дизельных электростанций, для которых ежегодно завозится более 120 тыс. т топлива. Вследствие этого здесь сложились запредельно высокие энерготарифы, что сдерживает развитие экономики, влияет на уровень жизни местного населения¹. Данная проблематика, включающая состояние энергетической отрасли российской глубинки, возможности ее развития, историю и перспективы перехода на альтернативные источники энергии, раскрывается в научных публикациях главным образом инженерно-технической направленности².

Для гуманитарного знания важно выявление исторических прецедентов, создающих основу для выхода сообществ из критических состояний и преодоления социально-пространственного неравенства. В данной статье в таком качестве будет рассмотрен переход на геотермальную энергетику на Курилах. Мы нацелены с позиции исторической регионали-

¹ Штым А.Н., Штым К.А. Энергетика Дальнего Востока. Владивосток, 2017. С. 12, 136, 157–159.

² Там же; Суражева О.А. Обеспечение электроэнергией труднодоступных, малонаселенных и удаленных регионов // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 11. С. 67–72; Бутузов В.А. История и проблемы развития геотермальной энергетики в России // Окружающая среда и энергоснабжение. 2019. № 4. С. 4–19; и др.

стики выявить характер и темпы этого перехода, показать роль центральных и региональных органов управления и бизнес-структур, степень реализации проектов и их социальную цену. В такой постановке данная проблема в историографии не рассматривалась. Хронологический охват статьи обусловлен длительностью первого значимого этапа создания курильских ГеоТЭС и пролонгированным влиянием на него рыночных реформ 1990-х гг. Основными источниками для раскрытия темы послужили опубликованные документы центральных структур власти и Сахалинской областной администрации, а также материалы СМИ, среди которых наиболее событийно-информативными являются сахалинские газеты «Советский Сахалин» и «Губернские ведомости».

Курилы представляют собой типичную зону крайней периферии со своей спецификой, связанной с островной изолированностью. Субрегион включает три района Сахалинской области, приравненных к районам Крайнего Севера. Немногочисленное население в основном проживает на о-вах Парамушире (Северо-Курильский район), Итуруп (Курильский район), Кунашире и Шикотане (Южно-Курильский район). В силу географического фактора энергоснабжение автономно на каждом из островов. В начале 1990-х гг. здесь действовали только дизельные электростанции и угольные котельные, построенные в советское время. Топливо для них завозится в рамках «северного» (досрочного) завоза, что не может обходиться без дотаций из государственного бюджета. Советская система управления, обеспечивая эти условия, поддерживала стабильность островного энергоснабжения.

Ситуация резко изменилась с конца 1980-х гг., когда власть провозгласила переход от централизованного планирования, финансирования и управления к хозрасчету и самокупаемости хозяйствующих субъектов, а затем и к непосредственно рыночным отношениям. Поскольку курильские районы и предприятия были дотационными, то реформаторские процессы обернулись для них тотальной дестабилизацией.

Для энергоснабжения Курил наиболее критичными факторами были либерализация цен с многократным подорожанием топлива и его транспортировки, приватизация транспортных и ресурсодобывающих предприятий, нарушение регулярности морского сообщения, а также изменение принципов «северного» завоза, которое привело к сокращению объема поставок, их постоянным задержкам и необязательности. Тяжелый кризис переживали курильские градообразующие предприятия и «нищие» районные администрации. Доставка на острова необходимого объема топлива стала острой и часто неразрешимой проблемой. В результате в течение всего пореформенного десятилетия не было ни одного года, когда бы курильские районы не переживали тяжелых периодов энергетического кризиса, длившихся от одного до нескольких месяцев, – с ежедневным отключением электричества от 2 до 24 часов, а также нестабильным теплоснабжением вплоть до полного его отсутствия, как это случилось на о. Шикотан в холодный сезон 1999/2000 гг. Порой ситуация доходила до того, что назревал вопрос эвакуации местного населения³. Эти явления не удалось полностью преодолеть и в последующие годы.

Первые шаги островной геотермальной энергетики. Описанная картина в 1990-е гг. была характерна для большинства периферийных территорий России, но у Курил для разрешения энергетической проблемы имелось заложенное природой преимущество в виде геотермальных месторождений как возобновляемого источника энергии, который отличается от традиционных не только своей большей доступностью и дешевизной, но и экологической чистотой. К концу XX в. дискурс о переходе на такие виды энергии приобрел глобальное звучание, во многих странах активизировалось их внедрение в экономику⁴. В России первый опыт использования энергии недр был получен в советский период на Камчатке: с 1930-х гг. там проводилось изучение пароводяных источников, в 1960-е гг. были построены первые в

³ Чернолуцкая Е.Н. Кризис энергоснабжения на Курилах в условиях постсоветских преобразований системы хозяйствования (1991–2000 годы) // Российские экономические реформы в региональном измерении: сб. мат-лов Всерос. науч. конф., посвящ. столетию начала НЭПа. Новосибирск, 2021. С. 355–363.

⁴ Сысоева М.С. Государственное регулирование инновационно-инвестиционных проектов в области альтернативных источников энергии: отечественный и зарубежный опыт // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 2. С. 117–121.

стране Паужетская и Паратунская ГеоЭС, а в 1990–2000-е гг. – Верхне-Мутновская и Мутновская ГеоЭС. Подобные месторождения находятся и на Курильских островах – Кунашире, Итурупе и Парамушире. Их разведкой с 1964 г. занимались сотрудники института «Сахалингражданпроект» во главе с В.Л. Микиртумовым, в 1970-е гг. они подготовили технико-экономические обоснования по использованию геотермальных запасов⁵.

Однако, в отличие от Камчатки, проекты курильской геознергетики поначалу разрабатывались учеными «на голом энтузиазме», не находя отклика у руководства области, поскольку требовали больших инвестиций. Лишь на излете советской эпохи заинтересованность в их продвижении проявил председатель Сахалинского облисполкома В.П. Федоров – прибывший в 1990 г. из Москвы ученый-экономист, намерившийся провести плавный переход области по пути рыночных реформ (в дальнейшем он стал первым сахалинским губернатором: октябрь 1991 – апрель 1993). С самого начала своего руководства областью Федоров активно поднимал перед центральной властью острые вопросы неблагоприятного состояния курильских районов, в том числе и энергоснабжения. Эта проблематика была заслушана в июне 1990 г. на совместном совещании представителей министерств и ведомств СССР и РСФСР, по итогам которого Совет Министров СССР поручил Сахалинскому облисполкому представить «План первоочередных мероприятий по обеспечению социально-экономического развития Курил», что и было сделано. В разработанном плане в сфере энергетики ставились следующие задачи: а) 1991–1993 гг. – проектирование и строительство первой очереди Итурупской ГЭС мощностью 12 МВт (с ее расширением до 30 МВт в 1995 г.); б) 1991–1992 г. – разработка технико-экономического обоснования на строительство ГеоТЭС на о-вах Кунашир и Парамушир, согласование сроков строительства⁶.

Это важное для Курил решение, означавшее начало практических действий по созданию альтернативного энергоснабжения, пришлось на переломный этап российской истории, что имело неоднозначные последствия, сложные перипетии реализации, на ход которых влияли управленческие реорганизации в стране, переход к капиталистическим формам хозяйствования, акционирование предприятий, появление слоя предпринимателей. В Южно-Сахалинске в 1991 г. именно для развития геотермальной энергетики было создано Энергостроительное внедренческое закрытое акционерное общество (ЭВЗАО) «Энергия» во главе с О.Н. Пятышиным, энтузиастом своего дела и единомышленником В.Л. Микиртумова. Институт «Сахалингражданпроект», который все последующие годы продолжал проектирование в этой сфере, в 1992 г. был также преобразован в акционерное общество.

Первоначально ставилась цель получить от геотермальных источников электричество, а в перспективе и тепловую энергию. Поэтому на Калужском турбинном заводе компания «Энергия» заказала две экспериментальные энергетические установки мощностью по 500 кВт («Омега-500»), четыре энергоустановки «Туман» мощностью по 1700 кВт и два модуля тепловых станций ГТС-700. Их ввод в эксплуатацию должен был на 60 % обеспечить потребности Курил в энергоснабжении⁷.

Как и было предусмотрено «Планом первоочередных мероприятий...», поначалу действия развернулись в Курильском районе на о. Итуруп. Прежде всего шла разведка парогидротерм у подножия вулкана Баранского. Ее по заявке областной администрации в 1991–1992 гг. проводил отряд Сахалинской гидрогеологической экспедиции. На остров были завезены техника и оборудование, пробурено пять скважин с расчетом не только на первую очередь ГеоТЭС, но и на расширенную мощность. Компания «Энергия» планировала в 1992 г. построить здесь линию электропередачи до районного центра Курильск (20 км), две трансформационные подстанции и доставить на остров одну из установок «Омега». К 1993 г. предполагалось соединить первый блок станции с потребителями в Курильске⁸.

⁵ Бутузов В.А. История и проблемы развития... С. 4–19.

⁶ Социалистическое строительство и «перестройка» на Сахалине и Курильских островах. 1976–1991 гг.: сб. док-тов и мат-лов. Владивосток, 2016. С. 363.

⁷ Советский Сахалин. 1994. 29 янв.

⁸ Там же. 1991. 26 нояб.

К несчастью, в это время в стране начался раздел управленческих сфер на союзные и республиканские, в результате разведочные работы на Итуруп остались без финансирования и вообще без заказчика и в мае 1992 г. были приостановлены. Гидрогеологи понесли большие убытки, их отряд пришлось сокращать втрое, а буровое оборудование вывозить с острова на базу. В этих условиях «Энергия» решила не начинать строительство ЛЭП и не завозить «Омегу». Администрация Курильского района пыталась вносить посильный вклад в финансирование работ. В 1991 г. на приобретение материалов и оборудования она выделила несколько десятков тонн рыбы и икры. Но «потянуть» весь комплекс она была не в состоянии и в 1992 г. сосредоточилась на поиске средств хотя бы на оборудование и строительство ЛЭП, обратившись в областной Совет с просьбой о выделении 80 млн руб.⁹ Со своей стороны, «Энергия» пробивала проект курильских ГеоТЭС в административных структурах области. Дирекция компании в январе 1992 г. написала В.П. Федорову письмо, где, изложив выгоды внедрения возобновляемого источника энергии, сообщила о своей готовности построить и ввести в эксплуатацию геотермальные электростанции на о-вах Парамушир, Итуруп и Кунашир за счет кредитов банка и просила областную администрацию оказать помощь в виде оплаты 50 % стоимости ставки за кредит. Губернатор поддержал эти предложения и 13 февраля 1992 г. подписал распоряжение о строительстве геотермальных электростанций на Курильских островах¹⁰. На оплату процентов по кредиту из бюджета было обещано выделить беспроцентную ссуду – 40 млн руб. на период с 1992 по 1997 г.¹¹

В то время как в Курильском районе деятельность энергетиков была приостановлена, администрация Южно-Курильского района смогла заинтересовать их работой на о. Кунашир. Летом 1992 г. туда переправили часть механизмов Итурупской гидрогеологической партии и доставили «Омегу», ранее предназначавшуюся для Итурупа¹². Такую рокировку поддержало и руководство области. В постановлении губернатора от 8 июля 1992 г. «О неотложных мерах по стабилизации социально-экономического положения районов Курильских островов» первоочередность работ между островами была скорректирована: теперь ставилась задача обеспечить строительство и ввод в эксплуатацию геотермальных станций на Кунашире и Парамушире, а на Итурупе – пока только проектирование таковой¹³.

В 1991–1993 гг. на Кунашире было запланировано опробование 11 разведочных скважин, но из-за недостатка финансирования пробурили только две. Тем не менее один из участков парогидротерм был подготовлен к эксплуатации, и в феврале 1993 г. здесь запустили установку «Омега-500», что стало первым практическим достижением в геотермальной энергетике на Курилах. Станция работала с нагрузкой 350 кВт, обеспечив ток ближайший поселок пограничников Горячий Пляж, тепличное хозяйство и самих геологов. В 1994 г. она успешно перенесла мощное землетрясение¹⁴.

Тогда же начались изыскательские работы на о. Парамушир. По заказу Северо-Курильского филиала «Энергии» их выполняли работники управления «Камчатбургеотермия» у подножия вулкана Эбеко. Первые две скважины, пробуренные в 1992–1993 гг., показали, что температура воды позволяла направить ее на теплоснабжение Северо-Курильска, но ее количество оказалось недостаточным. К этому времени в Ванинском порту (Хабаровский край) ожидало отправки на Парамушир прибывшее из Калуги оборудование ТЭС. Дальнейшее выполнение работ уперлось в отсутствие финансирования¹⁵.

⁹ Советский Сахалин. 1992. 14 апр., 18 сент.

¹⁰ Сахалинская область в документах и фактах. 1992–2000 годы. Южно-Сахалинск, 2017. С. 30–31.

¹¹ Советский Сахалин. 1992. 14 апр.

¹² Там же. 18 сент. С. 2; Губернские ведомости. 1992. 27 июня.

¹³ О неотложных мерах по стабилизации социально-экономического положения районов Курильских островов: постановление губернатора Сахалинской области от 08.07.1992 г. № 180 [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon-region3.ru/4/294/> (дата обращения: 21.04.2021).

¹⁴ Сордонов В.Ю. Опыт строительства и эксплуатации геотермальных станций на Курильских островах Кунашир и Итуруп [Электронный ресурс]. URL: <https://textarchive.ru/c-1188421.html> (дата обращения: 04.04.2023).

¹⁵ Советский Сахалин. 1992. 19 сент.; 1993. 18 сент.

Федеральные целевые программы как финансовая основа курильских проектов.

В условиях переживаемого страной экономического кризиса найти реальные средства на выполнение дорогостоящих проектов было крайне трудно. После образования Российской Федерации команда В.П. Федорова (теперь уже губернатора) продолжала искать меры поддержки у центральной власти и добилась принятия Президентом Б.Н. Ельциным Указа «О социально-экономическом развитии Курильских островов» от 8 декабря 1992 г. Документ давал возможность вкладывать в геоэнергетику средства (в том числе валютные), полученные от продажи лицензий на право промысла рыбы в Курильском промысловом районе, которые должны были направляться в бюджеты каждого курильского района и использоваться местными администрациями на финансирование приоритетных объектов¹⁶. Однако на практике этот путь не сработал: данными средствами поначалу в своих интересах распоряжалось Роскомрыболовство, а когда они все-таки стали доходить до районных администраций, последние «затыкали ими дыры» в своих дотационных бюджетах, а не вкладывали в развитие инфраструктуры¹⁷.

Но в ходе реформирования системы управления при переходе к рынку в России начали выработываться новые механизмы государственного экономического регулирования, основными стали федеральные целевые программы (ФЦП) как основа поддержки локальных экономик. Согласно Законам РФ от 28 мая 1992 г. и 13 января 1994 г., ФЦП должны обеспечивать приоритеты в решении важнейших социально-экономических задач регионов. В отличие от советских планов экономического развития, реализация которых опиралась на средства централизованного бюджета, ФЦП финансируются за счет государственного и региональных бюджетов, а также внебюджетных источников (частных инвестиций), привлекаемых под государственные гарантии¹⁸. В данном случае российские реформаторы стремились подключиться к мировой практике государственно-частного партнерства, которое во многих странах в значительной степени направлено на поддержку инфраструктурных проектов¹⁹.

Сахалинские власти предприняли большие усилия, чтобы добиться от правительства принятия ФЦП для Курильского субрегиона, ибо ясно осознавали необходимость экстренных мер для того, чтобы островные районы могли просто выжить. В острой конкуренции за этот ресурс с другими кризисными территориями Курилы имели свой «козырь» – геополитическую значимость, которая стала выходить на первый план в связи с усилением претензий Японии на обладание Южными Курилами. И сахалинцы в числе первых регионов получили результат: 17 декабря 1993 г. Постановлением Совета Министров – Правительства РФ была утверждена ФЦП «Социально-экономическое развитие Курильских островов Сахалинской области на 1994–1995 годы и до 2000 года» (далее – Курильская ФЦП). Она имела широкий комплекс задач. В сфере развития нетрадиционной энергетики²⁰ предусматривалось: на о. Кунашир – строительство Менделеевской ГеоТЭС (3,8 МВт), две линии электропередач ЛЭП-35 (12,5 и 1,2 км), теплоснабжение пос. Южно-Курильск (17 Гкал);

¹⁶ О социально-экономическом развитии Курильских островов: Указ Президента РФ от 08.12.1992 г. № 1549 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/pprf/40380> (дата обращения: 25.02.2019).

¹⁷ Чернолуцкая Е.Н. Курилы в 1990-е гг.: рыночные реформы и «пограничный вопрос» // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. № 27. С. 165, 168; О строительстве нетрадиционных источников энергии на Курильских островах: постановление губернатора Сахалинской области от 08.04.1999 г. № 120 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/973602834> (дата обращения: 31.03.2023).

¹⁸ Чернолуцкая Е.Н. Федеральная целевая Курильская программа: хроника, достижения и провалы первого этапа (1994–2005 гг.) // Реформы конца XX – начала XXI вв. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. ст. Владивосток, 2020. С. 103–119.

¹⁹ Гладков А.В., Исупов А.М., Мартышкин С.А. и др. Зарубежный опыт реализации государственно-частного партнерства: общая характеристика и организационно-институциональные основы // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 7. С. 36–55.

²⁰ Кроме строительства ГеоТЭС, программа содержала проекты по использованию энергии ветра и малых рек (мини-ГЭС). Последние два направления в данной статье рассматриваться не будут.

на о. Итуруп – строительство Океанской ГеоТЭС (3,8 МВт), кабельной линии (35 кВ) до г. Курильск (23 км), подъездной дороги г. Курильск – ГеоТЭС (23 км)²¹.

В связи с тем, что в намеченные сроки Курильская ФЦП по большинству позиций не была выполнена, в 1998 г. она была продлена до 2005 г., а в 2001 г. в нее внесли изменения. В отличие от первоначального варианта, в котором приоритетными считались объекты рыбопереработки, проект пролонгированной части был перенацелен на энергетику, транспорт и связь с соответствующим увеличением выделяемых средств²², что сыграло свою роль в активизации работ по ГеоТЭС. Позже были приняты вторая (на 2007–2015 гг.) и третья (на 2016–2025 гг.) Курильские ФЦП, в каждой из которых также планировалось развитие геотермальной энергетики.

Определенное значение для курильских проектов имела и принятая в 2000 г. ФЦП «Энергоэффективная экономика на 2002–2005 гг. и перспективу до 2010 г.» (заказчики – Министерство энергетики и ряд других министерств РФ), которая среди своих основных задач ставила снижение издержек производства энергии и негативного воздействия энергетического сектора на окружающую природную среду. Программа содержала раздел «Эффективное энергообеспечение регионов, в том числе северных и приравненных к ним территорий, на основе использования нетрадиционных возобновляемых источников энергии и местных видов топлива». Курилам в этом документе отводилась задача к 2005 г. построить три ГеоТЭС – на о-вах Кунашир, Итуруп и Парамушир – общей мощностью 10,8 МВт²³.

Таким образом, суммарно обе целевые программы были направлены на то, чтобы к 2005 г. создать станции геотермальной энергетики на трех наиболее населенных островах, выпадал из этого контекста лишь о. Шикотан, где парогидротермы отсутствовали.

Реализация проектов в рамках первой Курильской ФЦП. Принятие в 1993 г. первой Курильской ФЦП придало геозергетикам оптимизма. Уже в 1994 г. в счет этой программы администрация области выделила «Энергии» 1 млрд руб. для ускорения работ²⁴. Однако в целом финансирование ФЦП за годы ее реализации шло крайне плохо. Основные средства поступали из федерального бюджета, но с большими задержками и ежегодным существенным сокращением. Так, к апрелю 1999 г. на энергетическое строительство было направлено только 10 % из предусмотренных средств. Но даже такие сильно урезанные суммы сахалинским губернаторам Е.А. Красноярову (апрель 1993 – апрель 1995), И.П. Фархутдинову (апрель 1995 – август 2003), И.П. Малахову (август 2003 – август 2007) приходилось «с боем» проталкивать в Москве, более того, отстаивать и само существование Курильской программы²⁵. Не лучше обстояло дело с выделением денег из бюджетов области и районов. Роль сахалинской администрации в финансировании строительства ГеоТЭС стала более или менее заметной только с конца 1990-х гг. благодаря внебюджетному фонду, который начал пополняться за счет нефтегазовых проектов на шельфе²⁶.

С целью переломить ситуацию губернатор И.П. Фархутдинов 8 апреля 1999 г. издал Постановление «О строительстве нетрадиционных источников энергии на Курильских островах», которым утвердил рассчитанную на 2 года «Концепцию энергообеспечения Курильских островов». Импульсом к развитию этой сферы выдвигалось объединение финансов, поступающих из федерального и областного бюджетов, а также от Госкомрыбо-

²¹ О Федеральной программе социально-экономического развития Курильских островов Сахалинской области на 1994–1995 годы и до 2000 года: Постановление Совета Министров – Правительства РФ от 17.12.1993 г. № 1297 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/1587158/> (дата обращения: 20.02.2019).

²² Чернолуцкая Е.Н. Федеральная целевая Курильская программа... С. 111–112.

²³ О федеральной целевой программе «Энергоэффективная экономика» на 2002–2005 годы и на перспективу до 2010 года: Постановление Правительства РФ от 17.11.2001 г. № 796 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901802673?ysclid=le5at7nq8r182110683> (дата обращения: 15.03.2023).

²⁴ Советский Сахалин. 1994. 29 янв.

²⁵ Чернолуцкая Е.Н. Федеральная целевая Курильская программа... С. 109–110.

²⁶ Губернские ведомости. 2000. 21 июня.

ловства в соответствии с Указом Президента № 1549 и по соглашению между РФ и Японией о сотрудничестве в области промысла морских биоресурсов (1998)²⁷.

Этот шаг губернатора действительно привел к активизации работ на Курилах с 1999 г. В целом же они шли урывками, проектные сроки постоянно нарушались, отодвигая их на годы. Так, строители планировали получить с Калужского завода и установить на Кунашире две энергоустановки «Туман» в 1993 г. Но только в 1996 г. их доставили в порт Холмск на Сахалине. Еще год они находились на тамошних складах, так как их дальнейшую транспортировку нечем было оплачивать. И лишь летом 1997 г. обе станции доставили на Кунашир. Из-за отсутствия на острове технических возможностей тяжелое 40-тонное оборудование пришлось стаскивать волоком с борта самоходного плашкоута, подошедшего к прибрежному мелководью. Но начавшийся затем монтаж «Туманов» был приостановлен, и до 1999 г. они стояли без дела опять же из-за отсутствия финансирования²⁸.

Таковыми же темпами – с задержками и остановками – приходилось бурить скважины, строить дороги, прокладывать электро- и теплокоммуникации. Случалось, что ко времени проведения работ проектная документация уже устаревала из-за изменения рельефа местности, и строители на ходу вносили коррективы. Например, на Кунашире пришлось передвинуть участок трубы теплотрассы, так как береговая линия подошла к ней слишком близко и в шторм волна могла захлестнуть трубу²⁹.

Поступление средств непосредственно подрядчикам «по печальной российской традиции» часто происходило во второй половине года, к концу морской навигации, что создавало большие трудности в доставке материалов и приводило к еще большему отставанию от графика работ. Например, в 1999 г. на Сахалине скопился груз для Кунашира весом около 2 тыс. т, состоящий из конструкций линии электропередачи и бурового оборудования, а деньги на его транспортировку были получены только в октябре. Чтобы в опасное для мореплавания время переправить такой груз на Кунашир, геознергетики делали отчаянные попытки договориться с основными морскими перевозчиками в области (ЗАО «Корсаковская судоходная компания» и ОАО «Сахалинское морское пароходство») и даже арендовать большой десантный корабль у военных. Но безуспешно. Только в феврале 2000 г. в сложнейших условиях навигации была организована доставка оборудования на борту теплохода «Варандей»³⁰.

В целом первую Курильскую программу удалось выполнить менее чем на треть, не стали исключением и геотермальные проекты, реализованные лишь частично.

Южно-Курильский район. Основные работы по программе проводились на о. Кунашир, где с 1996 г. началось строительство ГеоТЭС у подножия вулкана Менделеева. В августе 1997 г. здесь запустили первую геотермальную тепловую станцию мощностью 17 Гкал (ГТС-700-В), которая начала подавать тепло в пос. Горячий Пляж, что позволило закрыть пять угольных котельных. Как сообщали местные жители, в их домах зимой стало не просто тепло, а жарко. В октябре того же года была реконструирована поставленная ранее «Омега». Тандем этих станций в Горячем Пляже, по мнению руководства «Энергии», стал прообразом теплоэнергоснабжения Курил³¹. С этого времени весь поселок стабильно обеспечивается теплом и электричеством.

На следующем этапе, который продлился до 2003 г., основной задачей было довести дешевую электроэнергию до районного центра и других потребителей на Кунашире, а для этого построить дорогу, проложить электролинию, доразведать и пробурить скважины, установить и ввести в действие два турбогенераторных модуля «Туман». Пробный пуск

²⁷ О строительстве нетрадиционных источников энергии на Курильских островах: постановление губернатора Сахалинской области от 8 апреля 1999 г. № 120 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/973602834> (дата обращения: 31.03.2023).

²⁸ Губернские ведомости. 1992. 27 июня; 1999. 20 янв.; Советский Сахалин. 1996. 12 марта; 1997. 19 июня.

²⁹ SAKH.ONLINE. 2008. 14 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://sakh.online/articles/16/2008-03-14/est-teplo-ot-geotermalki-282243> (дата обращения: 06.10.2022).

³⁰ Советский Сахалин. 1999. 22 окт.; 2000. 5 февр.

³¹ Там же. 1997. 28 авг., 15 окт.

первого из них состоялся в январе 2001 г., а в апреле Менделеевская ГеоТЭС подала первые 3 000 кВт в один из микрорайонов Южно-Курильска. В течение года по мере включения в работу новых скважин станция нарастила объем выработки до 2,79 МВт. В апреле 2002 г. первую очередь Менделеевской ГеоТЭС государственная комиссия приняла в эксплуатацию³².

Вторая турбина заработала в мае 2003 г. Теперь станция обеспечивала электричеством не только пос. Горячий Пляж, но и с. Отрада, а также часть жилых домов, предприятий и организаций в Южно-Курильске, что позволило сократить работу дизельных электростанций и за год сэкономить более 1,5 тыс. т жидкого топлива³³. Значительно сэкономили и потребители. Так, на декабрь 2005 г. у ГеоТЭС цена одного кВт·ч составляла 1 руб. 74 коп., а у дизельной электростанции – 5 руб. 05 коп. Руководители предприятий, получающих энергию от Менделеевской, с облегчением говорили: «Нас просто спасает геотермальная станция, иначе мы бы уже остались без штанов». Тем не менее станция работала не в полную силу, так как для турбогенераторов не хватало пара и была ограничена пропускная способность электросетей. Требовалось бурить новые скважины и строить дополнительные подстанции³⁴.

Завершить третью очередь комплекса – систему геотермального теплоснабжения Южно-Курильска – помогла пролонгация правительством на 2006 г. финансирования важнейших строек на Курилах (в их число включили и ГеоТЭС) и затем принятие второй Курильской ФЦП, что произошло благодаря настойчивым действиям руководства Сахалинской области, получившего поддержку политики развития Курил со стороны Президента В. Путина³⁵.

На этом этапе генподрядчиками проекта по конкурсу стали ЗАО «Энергия Южно-Курильская» (эксплуатационник ГеоТЭС, дочерняя компания ЭВЗАО «Энергия») и строительная организация ЗАО «Труд-Сахалин», образовавшие консорциум³⁶. Они построили теплопровод в районный центр (9 км) вдоль океанской бухты с пересечением двух рек и перепадом отметок до 100 м. В Южно-Курильске его подключили к тепловому пункту бывшей котельной³⁷. В феврале 2008 г. третья очередь Менделеевской была полностью введена в эксплуатацию, отапливая большую часть Южно-Курильска, в том числе школу, детский сад и многие жилые дома. Главную котельную в районном центре перевели в режим холодного резерва. В результате годовые затраты на уголь для Кунашира снизились в два раза – с 40 до 20 млн руб., что было значимо для дотационного Южно-Курильского района. Однако весь поселок перевести на такой вид отопления не удалось, и вторая котельная продолжала работать. Причина заключалась в плохом состоянии муниципальных и внутридомовых теплосетей, изношенных от времени либо пострадавших от землетрясения 1994 г.: многие годы они не получали надлежащего ремонта. Но их реконструкция ложилась уже на плечи местной власти и не входила в Курильскую программу³⁸.

Помимо технических возникли проблемы иного порядка. На острове вместо одной стало две энергоснабжающие организации: от геотермальной станции – ЗАО «Энергия Южно-Курильская», и от дизельной станции – муниципальное предприятие «Южно-Курильские электрические сети» (ЮКЭС), обремененное социальными обязательствами и долгами. Между ними начались трения. ЮКЭС покупали часть электричества у геозенергетиков, но, несмотря на его дешевизну, не выбирали полный предлагаемый объем, а оплату задерживали на длительные сроки. Так, на 1 ноября 2003 г. задолженность МУП перед

³² Губернские ведомости. 2001. 24 янв.; 21 июля; Советский Сахалин. 2002. 27 апр.

³³ Губернские ведомости. 2003. 23 мая.

³⁴ Там же. 2005. 21 июня, 14 дек.

³⁵ Чернолуцкая Е.Н. Федеральная целевая Курильская программа... С. 13.

³⁶ Губернские ведомости. 2006. 28 дек.

³⁷ Бутузов В.А. История и проблемы развития... С. 16.

³⁸ SAKH.ONLINE. 2008. 14 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://sakh.online/articles/16/2008-03-14/est-teplo-ot-geotermalki-282243> (дата обращения: 06.10.2022).

ЗАО составляла 242,4 тыс. руб., а ЗАО в качестве крайнего метода давления прибегало к прекращению подачи электричества в муниципальные сети³⁹.

Между тем проблемы с обеспечением самой районной электростанции дизельным топливом так и не были решены, и энергетические кризисы продолжались. Очередной из них случился на Кунашире в феврале-марте 2004 г., когда отключения света составляли до 15–16 ч в сутки. К этому времени общая кредиторская задолженность ЮКЭС достигала 45 млн руб.⁴⁰

Эксплуатационники «геотермалки» считали необходимым объединить два предприятия в одну энергосистему путем передачи хозяйства МУП под свое управление. Такой вариант поддерживали и областные власти, но против этого выступали само МУП и Южно-Курильское районное собрание, к тому же в законодательстве РФ не был отрегулирован механизм подобных действий. В 2006 г. после долгих обсуждений и разбирательств на Кунашире была все-таки создана система, в которую включили Менделеевскую ГеоТЭС и ЮКЭС под руководством единого оператора. Это позволило стабилизировать ситуацию и экономить в год более 4 тыс. т дизельного топлива и 7–10 тыс. т угля. С введением третьей очереди ГеоТЭС снизились и энерготарифы: к концу 2006 г. они составляли для населения 3,59 руб., для организаций – 3,04 руб., а в 2007 г. – соответственно 2,46 и 2,36 руб.⁴¹

По данным В. Сордонова, руководителя Агентства по развитию Курильских островов и инвестиционных программ Сахалинской области, к 2010 г. Менделеевская обеспечивала на острове подачу 42 % электрической энергии и 85 % тепловой. Но она работала нестабильно. Если с 2001 по 2006 г. выработка ею электроэнергии выросла с 2,79 до 14,1 МВт, то затем она стала падать, достигнув в 2010 г. 7,66 МВт⁴². Уже на этапе запуска станция требовала модернизации и введения дополнительных мощностей, что вошло в задачи второй Курильской ФЦП⁴³, а в рамках третьей заложили капитальную реконструкцию этой ГеоТЭС на основе более совершенной технологии бинарного цикла⁴⁴.

Курильский район. После 1992 г. работы на о. Итуруп практически были прерваны на несколько лет. В 1997 г. в Курильск завезли два энергоблока «Туман 2А» и запланировали их установку в следующем году⁴⁵, но этого не случилось. В 1999 г., следуя принятой «Концепции энергообеспечения Курильских островов», руководство области создало ООО «Океанская геотермальная электрическая станция» во главе с О.Н. Пятышиным, учредителями его стали администрации Сахалинской области и Курильского района, ОАО «Сахалинэнерго» и ведущая итурупская компания ЗАО «Гидрострой»⁴⁶.

Сразу же начались подготовительные работы для бурения скважин и обустройство дороги от Курильска до станции. В 2000 г. на будущую площадку ГеоТЭС доставили «Туманы» и две подстанции к ним⁴⁷. В следующем году пробурили 19 скважин, шесть из них перевели из разведочных в эксплуатационные⁴⁸. Но финансирование, как и в случае с Менделеевской станцией, шло неравномерно и в недостаточном объеме. Например, в 2004 г., когда по плану Океанская должна была быть сдана и ее основные объекты действительно были построены, не нашлось средств на прокладку кабеля⁴⁹.

Финансирование проекта перешло во вторую Курильскую ФЦП. В августе 2007 г. станция с двумя энергомодулями по 1,8 МВт, наконец, была запущена. Ее стартовая

³⁹ Губернские ведомости. 2003. 20 нояб.

⁴⁰ Там же. 2004. 20 марта.

⁴¹ Там же. 2006. 28 дек.

⁴² Сордонов В.Ю. Опыт строительства и эксплуатации...

⁴³ ТИА «Острова». 2009. 31 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://tia-ostrova.ru/news/obschestvo/64112/> (дата обращения: 04.04.2023).

⁴⁴ Южно-Курильские новости. 2017. 15 нояб. [Электронный ресурс]. URL: <https://ykurilsk.ru/news/ykurilsk/142197/> (дата обращения: 04.04.2023).

⁴⁵ Советский Сахалин. 1997. 9 авг.

⁴⁶ Там же. 1999. 26 февр.

⁴⁷ Там же. 27 нояб., 10 дек.; Губернские ведомости. 2000. 6 окт.

⁴⁸ ELEC.RU. 2001. 8 нояб. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elec.ru/news/2001/11/08/1005215462.html> (дата обращения: 04.04.2023).

⁴⁹ Губернские ведомости. 2004. 28 янв.

мощность составляла 2,5 МВт и позволила обеспечить электричеством большую часть Курильска и пос. Китовый. Эксплуатацию осуществляло ОАО «Сахалинэнерго». Как писали журналисты, станция «...вдохнула жизнь в курильский остров и стала его визитной карточкой, с ней связывали большие надежды»⁵⁰. Радовало и то, что исследования экологов подтвердили ее малый ареал воздействия на окружающую природу – в границах до 450–550 м⁵¹.

Однако весь необходимый для Итурупа объем электроэнергии Океанская выработать не могла. Учитывая, что до ее открытия две основные дизельные электростанции и ряд резервных суммарно давали 8,0 МВт, то даже при выходе на запланированную мощность в 3,6 МВт это составило бы только 45 % от потребностей района⁵².

Наибольшее разочарование состояло в том, что жизнь ГеоТЭС оказалась недолгой. С самого начала она работала нестабильно из-за некачественного пара. Кроме того, по оценкам эксплуатационников, турбины «Туман» ко времени завершения строительства станции уже морально и физически устарели, и при отсутствии на острове надлежащей ремонтной базы их приходилось использовать, преодолевая трудности. В феврале 2013 г. в результате короткого замыкания вышел из строя один из двух турбогенераторов, после чего станцию вывели из эксплуатации⁵³. Итуруп вновь вернулся к полному обеспечению электричеством от дизельных станций.

В 2014 г. было ликвидировано ООО «Океанская геотермальная электрическая станция». Сам объект официально закрыли в 2016 г., но сразу же в рамках третьей Курильской ФЦП запланировали построить более мощную ГеоТЭС на основе бинарного цикла (соглашение о ее строительстве в апреле 2021 г. подписали Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики, Министерство энергетики Сахалинской области, «УК Компьютер Групп» и Газпромбанк)⁵⁴.

Северо-Курильский район. На о. Парамушир поиск запасов геотермальных вод из-за отсутствия финансирования возобновлялся с большими перерывами в 1997, 2000 и 2002–2004 гг.⁵⁵ Далее этого проект создания ГеоТЭС на острове не продвинулся. Но альтернативная энергетика здесь нашла воплощение в виде мини-ГЭС, которую построили на р. Матросской рядом с Северо-Курильском и ввели в эксплуатацию в 2001 г.⁵⁶

Общие итоги. Российские реформы 1990-х гг., сопровождавшиеся острыми кризисными явлениями и глубокими противоречиями, столь же неоднозначным образом повлияли на энергоснабжение Курильского островного субрегиона. Отрасль, функционировавшая на базе дизельных электростанций и угольных котельных, столкнулась с трудноразрешимым дефицитом топливного обеспечения и попала в тиски длительного кризиса с регулярно повторяющимися чрезвычайными ситуациями.

Вместе с тем именно реформы дали толчок переходу периферийной территории на альтернативную энергетiku, создав комплекс соответствующих условий, среди которых – буквально жизненная необходимость выхода островов из энергетического кризиса, политическая воля новой когорты областных руководителей, накопленный научный потенциал сахалинских геотермистов, финансирование строительства важнейших региональных

⁵⁰ Российская газета. 2016. 25 февр. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/02/25/reg-dfo/kurilskii-ostrov-geotes.html> (дата обращения: 24.05.2020).

⁵¹ Ежкин А.К., Жарков Р.В., Кордюков А.В. Оценка воздействия геотермальной электростанции «Океанская» (вулкан Баранского, о-в Итуруп) на окружающую среду методом лишеноиндикации // Вестник ДВО РАН. 2015. № 2. С. 109–117.

⁵² Геотермальная электростанция на Итурупе вышла на стартовую мощность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.energsovet.ru/news.php?zag=1195528349&ysclid=li2poz4yh4488890650> (дата обращения: 25.05.2023).

⁵³ Там же.

⁵⁴ TASS.RU. 2021. 24 апр. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11235215> (дата обращения: 24.03.2023).

⁵⁵ Губернские ведомости. 1997. 2 окт.; Советский Сахалин. 2000. 20 мая; Иванова И.Ю., Тугузова Т.Ф., Халгаева Н.А., Тихоньких В.Н. Возобновляемые энергетические ресурсы Сахалинской области: оценка и приоритеты использования // География и природные ресурсы. 2010. № 1. С. 105.

⁵⁶ Губернские ведомости. 2001. 21 нояб.

объектов через федеральные целевые программы, введение Москвой преференций для Курильского субрегиона, появление частных компаний, имевших коммерческий интерес в выполнении крупных проектов и способных их выполнять.

В результате на Кунашире и Итуруп – наиболее населенных островах Курильской гряды – были построены первые две ГеоТЭС, позволившие частично стабилизировать там энергоснабжение, уменьшить зависимость от привозного топлива, удешевить стоимость электричества и тепла, что было значимо как для производственного сектора, так и для жителей. Однако даже на этих двух островах полного перехода на альтернативную энергетику не произошло: каждая ГеоТЭС на своих островах обеспечивала лишь около половины потребностей в электроэнергии, а тандем электро- и теплоснабжения удалось осуществить только на Кунашире. Помимо этого, в условиях развития рыночных отношений приходилось утрясать коллизии взаимоотношений между эксплуатационниками старых и новой станций – муниципальной и акционерной компаниями. В конечном итоге обе ГеоТЭС оказались технически проблемными, и вскоре Океанская была остановлена, а Менделеевская потребовала реконструкции, что дало энергетическому хозяйству Курил обратный ход к дизельным электростанциям.

Противоречия реформ заключались и в том, что принятые федеральные целевые программы не соответствовали реальным ресурсам государства, финансировались крайне плохо и не были выполнены по большинству заложенных параметров. Реализация курильских проектов продемонстрировала существенную долю утопичности ФЦП и несовершенство механизма государственно-частного партнерства. По этим причинам строительство геотермальных станций далеко отставало от графика и растянулось на слишком длинный срок: на Кунашире – с 1992 по 2008 г., на Итуруп – с 1991 по 2007 г., а на Парамушире такая станция и вовсе не была построена. Ко времени запуска станций в эксплуатацию их оборудование пришло не в лучшее состояние. После 16 лет строительства Океанская ГеоТЭС проработала только шесть лет и полностью вышла из строя, а на Менделеевской сразу же потребовалась реконструкция. Основной объем энергии на Курилах по-прежнему вырабатывается дизельными станциями, задача перехода на альтернативную энергетику сохранила свою актуальность и вошла в последующие программы развития субрегиона.

Литература

Бутузов В.А. История и проблемы развития геотермальной энергетики в России // Окружающая среда и энергоснабжение. 2019. № 4. С. 4–19.

Гладков А.В., Исупов А.М., Мартышкин С.А. и др. Зарубежный опыт реализации государственно-частного партнерства: общая характеристика и организационно-институциональные основы // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 7 (66). С. 36–55.

Ежкин А.К., Жарков Р.В., Кордюков А.В. Оценка воздействия геотермальной электростанции «Океанская» (вулкан Баранского, о-в Итуруп) на окружающую среду методом лихеноиндикации // Вестник ДВО РАН. 2015. № 2. С. 109–117.

Иванова И.Ю., Тугузова Т.Ф., Халгаева Н.А., Тихоньких В.Н. Возобновляемые энергетические ресурсы Сахалинской области: оценка и приоритеты использования // География и природные ресурсы. 2010. № 1. С. 102–107.

Сахалинская область в документах и фактах. 1992–2000 годы / отв. ред. М.В. Гридяева. Южно-Сахалинск: Б.и., 2017. 647 с.

Сордонов В.Ю. Опыт строительства и эксплуатации геотермальных станций на Курильских островах Кунашир и Итуруп [Электронный ресурс]. URL: <https://textarchive.ru/c-1188421.html> (дата обращения: 04.04.2023).

Социалистическое строительство и «перестройка» на Сахалине и Курильских островах. 1976–1991 гг.: сб. док-тов и мат-лов / отв. ред. М.В. Гридяева. Владивосток: Дальпресс, 2016. 552 с.

Суражеева О.А. Обеспечение электроэнергией труднодоступных, малонаселенных и удаленных регионов // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 11 (146). С. 67–72.

Сысоева М.С. Государственное регулирование инновационно-инвестиционных проектов в области альтернативных источников энергии: отечественный и зарубежный опыт // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 2 (36). С. 117–121.

Чернолуцкая Е.Н. Кризис энергоснабжения на Курилах в условиях постсоветских преобразований системы хозяйствования (1991–2000 годы) // Российские экономические реформы в региональном измерении: сб. мат-лов Всерос. науч. конф., посвящ. столетию начала НЭПа. Новосибирск: Параллель, 2021. С. 355–363.

Чернолуцкая Е.Н. Курилы в 1990-е гг.: рыночные реформы и «пограничный вопрос» // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. № 27. С. 162–178.

Чернолуцкая Е.Н. Федеральная целевая Курильская программа: хроника, достижения и провалы первого этапа (1994–2005 гг.) // Реформы конца XX – начала XXI вв. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. ст. Владивосток: Б.и., 2020. С. 103–119.

Штым А.Н., Штым К.А. Энергетика Дальнего Востока. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. 163 с.

References

Butuzov, V.A. (2019). Istoriya i problemy razvitiya geotermal'noy energetiki v Rossii [History and Problems of Geothermal Energy Development in Russia]. In *Okruzhayushchaya sreda i energovedenie*. No. 4, pp. 4–19.

Chernolutsкая, E.N. (2021). Krizis energosnabzheniya na Kurilax v usloviyakh postsovet-skikh preobrazovaniy sistemy khozyaystvovaniya (1991–2000 gody) [The Crisis of Energy Supply in the Kuril Islands in the Conditions of Post-Soviet Transformations of the Economic System (1991–2000)]. In *Rossiyskie ekonomicheskie reformy v regional'nom izmerenii*. Novosibirsk, Parallel, pp. 355–363.

Chernolutsкая, E.N. (2020). Kurily v 1990-e gg.: rynochnye reformy i “pogranichnyy vopros” [The Kuriles in the 1990s: Market Reforms and the “Border Issue”]. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*. No. 27, pp. 162–178.

Chernolutsкая, E.N. (2020). Federal'naya tselevaya Kuril'skaya programma: khronika, dostizheniya i provaly pervogo etapa (1994–2005 gg.) [Federal Target Kuril Program: Chronicle, Achievements and Failures of the First Stage (1994–2005)]. In *Reformy kontsa XX – nachala XXI vv. na postsovetском prostranstve: regional'nyy aspekt*. Vladivostok, pp. 103–119.

Ezhkin, A.K., Zharkov, R.V., Kordyukov, A.V. (2015). Otsenka vozdeystviya geotermal'noy elektrostantsii “Okeanskaya” (vulkan Baranskogo, o-v Iturup) na okruzhayushchuyu sredu metodom likhenoidikatsii [Environmental Impact Assessment of the Geothermal Power Plant “Okeanskaya” (Baransky Volcano, Iturup Island) Using the Lichen Indication Method]. In *Vestnik DVO RAN*. No. 2, pp. 109–117.

Gladkov, A.V., Isupov, A.M., Martyshkin, S.A. et al. (2008). Zarubezhnyy opyt realizatsii gosudarstvenno-chastnogo partnerstva: obshchaya xarakteristika i organizatsionno-institutsional'nye osnovy [Foreign Experience in the Implementation of Public-Private Partnership: General Characteristics and Organizational and Institutional Foundations]. In *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 7 (66), pp. 36–55.

Gridyaeva, M.V. (Ed.). (2017). *Sakhalinskaya oblast' v dokumentakh i faktakh. 1992–2000 gody* [Sakhalin Region in Documents and Facts. 1992–2000]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalin regional printing house. 648 p.

Gridyaeva, M.V. (Ed.). (2016). *Sotsialisticheskoe stroitel'stvo i “perestroyka” na Sakhaline i Kuril'skikh ostrovakh. 1976–1991 gg.* [Socialist Construction and “Perestroika” in Sakhalin and the Kuril Islands. 1976–1991]. Vladivostok, Dal'press. 552 p.

Ivanova, I.Yu., Tuguzova, T.F., Khalgaeva, N.A., Tikhon'kikh, V.N. (2010). Vozobnovlyaemye energeticheskie resursy Sakhalinskoy oblasti: otsenka i priority ispol'zovaniya [Renewable Energy Resources of the Sakhalin Region: Assessment and Priorities of Use]. In *Geografiya i prirodnye resursy*. No. 1, pp. 102–107.

Shtym, A.N., Shtym, K.A. (2017). *Energetika Dal'nego Vostoka* [Energy of the Far East]. Vladivostok, Dal'nevost. federal. un-t. 163 p.

Sordonov, V.Yu. *Opyt stroitel'stva i ekspluatatsii geotermal'nykh stantsiy na Kuril'skikh ostrovakh Kunashir i Iturup* [Experience in the Construction and Operation of Geothermal Plants on the Kuril Islands of Kunashir and Iturup]. Available at: URL: <https://textarchive.ru/c-1188421.html> (date of access 04.04.2023).

Surazheva, O.A. (2010). Obespechenie elektroenergiy trudnodostupnykh, malonaselennykh i udalennykh regionov [Power Supply to Hard-to-Reach, Sparsely Populated and Remote Regions]. In *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. No. 11 (146), pp. 67–72.

Sysoeva, M.S. (2012). Gosudarstvennoe regulirovanie innovatsionno-investitsionnykh proektov v oblasti al'ternativnykh istochnikov energii: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt [State Regulation of Innovation and Investment Projects in the Field of Alternative Energy Sources: Domestic and Foreign Experience]. In *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. No. 2 (36), pp. 117–121.

М.Н. Балдано
А.Ц. Дашеева
Е.В. Дятлова*

КИТАЙСКИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ В ЛЕСНОЙ ЭКОНОМИКЕ СИБИРИ: ДЕЛОВЫЕ ПРАКТИКИ И МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ**

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-3
УДК 94(47)+322

Выходные данные для цитирования:
Балдано М.Н., Дашеева А.Ц., Дятлова Е.В. Китайские предприятия в лесной экономике Сибири: деловые практики и местное население // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 36–48. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-03.pdf>

M.N. Baldano,
A.Ts. Dasheeva
E.V. Dyatlova*

CHINESE ENTERPRISES IN THE TIMBER ECONOMICS OF SIBERIA: BUSINESS PRACTICES AND THE LOCAL POPULATION**

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-3

How to cite:
Baldano M.N., Dasheeva A.Ts., Dyatlova E.V. Chinese Enterprises in the Timber Economics of Siberia: Business Practices and the Local Population // Historical Courier, 2023, No. 4 (30), pp. 36–48.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-03.pdf>]

Abstract. Throughout post-Soviet history, society has maintained a steady interest in the entrepreneurial activities of Chinese migrants. Many stereotypes and ideologized assessments are observed in the area of participation of Chinese migrants and Chinese investments in forestry. Primary industrial processing of the forest is most economically efficient near the place of its extraction, in small, often remote villages – already existing or specially created. This inevitably includes Chinese businesses and their Chinese personnel in complex, sometimes conflicted, relationships with local, small and relatively closed communities with extremely limited resources to exist. Chinese enterprises can be assessed by local residents either as an additional resource, or as an attempt on their resources and the usual way of life. In addition, different groups of local residents may have different interests in this matter, respectively – different models of attitude, which can also provoke conflict situations. Therefore, studying the problems associated with the Chinese forest business is important, relevant and scientifically significant. The article shows on separate examples what practices of economic activity and social interactions are formed in the process of formation and development of the industrial forest business of Chinese entrepreneurs, what is the reaction to them in the host communities of villages, working towns, small cities.

Keywords: Chinese migrants, unloading and sorting station, timber business, investment project, Chinese sawmill, host side.

* **Марина Намжиловна Балдано**, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия, e-mail: histmar@mail.ru

Marina Namzhilovna Baldano, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia, e-mail: histmar@mail.ru

Александра Цыдендамбаевна Дашеева, аспирант, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук; заведующая Центром дополнительного образования и тестирования, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: a.dasheeva@yandex.ru

Aleksandra Tsydendambaevna Dasheeva, Postgraduate Student, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Buryat State Academy of Agriculture named after V.R. Filippov, Ulan-Ude, Russia, e-mail: a.dasheeva@yandex.ru

Елена Викторовна Дятлова, кандидат исторических наук, доцент, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: dyatlovae@mail.ru

Elena Viktorovna Dyatlova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Faculty of Service and Advertising, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, e-mail: dyatlovae@mail.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» (№ 121031000243-5).

The article was made on the topic of the state assignment “Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Intercultural Interaction (17th–21st Centuries)” (№ 121031000243-5)

The article has been received by the editor on 03.04.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. На протяжении постсоветской истории в обществе сохраняется устойчивый интерес к предпринимательской деятельности китайских мигрантов. Много стереотипов и идеологизированных оценок наблюдается в области участия китайских мигрантов и китайских инвестиций в лесном хозяйстве. Первичная промышленная переработка леса экономически наиболее эффективна рядом с местом его добычи в небольших, зачастую отдаленных поселках, уже существующих или специально созданных. Это неизбежно включает китайские предприятия и китайский персонал в сложные, иногда конфликтные взаимоотношения с местными немногочисленными и сравнительно замкнутыми сообществами, имеющими крайне ограниченный набор ресурсов для существования. Китайские предприятия могут оцениваться местными жителями или в качестве дополнительного ресурса, или как покушение на их ресурсы и привычный уклад жизни. Кроме того, у различных групп местных жителей могут быть в этом вопросе разные интересы, соответственно различные модели отношения, что также может провоцировать конфликтные ситуации. Поэтому изучение проблем, связанных с китайским лесным бизнесом, актуально и научно значимо. В статье на отдельных примерах показано, какие практики экономической деятельности и социальных взаимодействий формируются в процессе становления и развития промышленного лесного бизнеса китайских предпринимателей, какова реакция на них у принимающих сообществ сел, рабочих поселков, небольших городов.

Ключевые слова: китайские мигранты, разгрузочно-сортировочная база, лесной бизнес, инвестиционный проект, китайская лесопилка, принимающее сообщество.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023 г.

Введение. Деятельность китайских предприятий и китайских предпринимателей в лесном хозяйстве востока России – популярный сюжет в отечественных масс-медиа и Интернете. Это важная составная часть дискуссий (прежде всего, пропагандистских) вокруг значения экономических связей с Китаем для российской экономики, государства и общества, их возможных перспектив уже в недалеком будущем. Напряженность дискуссиям придает их место на пересечении нескольких чрезвычайно болезненных тем: проблемы трансграничных миграций и мигрантов, наследие конфликтного прошлого в межгосударственных взаимоотношениях, не изжитые до конца страхи перед экономической и геополитической экспансией, нарастающая экономическая и политическая зависимость от КНР, экологические проблемы.

Устойчивый интерес к предпринимательской деятельности китайских мигрантов нельзя назвать доброжелательным, во многом он является частью общего настороженного отношения к китайской миграции. Много стереотипов и идеологизированных оценок наблюдается в области участия китайских мигрантов и китайских инвестиций в лесном хозяйстве. Здесь господствуют мемы «китайцы вырубают наш лес» (102 тыс. упоминаний в Яндексе), «китайцы воруют наш лес» (372 тыс.).

Китайский бизнес в лесной отрасли прошел две стадии. На первой полностью господствовали скупка и экспорт леса – как правило, необработанного («лес-кругляк»). На второй стадии все чаще практикуется переработка круглого леса непосредственно на месте добычи и экспорт готовой продукции – от пиловочника до технологической щепы и иногда древесного угля. Это предполагает переход от торгово-финансовых операций к промышленному

производству, а значит, к сравнительно долговременным инвестициям, использованию техники, вложениям в инфраструктуру и, конечно, правовому урегулированию права добычи, переработки и экспорта леса. Необходим наем рабочей силы – местной или китайской, решение массы связанных с этим правовых проблем и задач создания социальной инфраструктуры.

Первичная промышленная переработка леса экономически наиболее эффективна рядом с местом его добычи, следовательно, в небольших, зачастую отдаленных поселках, уже существующих или специально созданных. Это неизбежно включает китайские предприятия и китайский персонал в сложные, иногда конфликтные взаимоотношения с местными немногочисленными и сравнительно замкнутыми сообществами, имеющими крайне ограниченный набор ресурсов для существования. Китайские предприятия могут оцениваться местными жителями или в качестве дополнительного ресурса, или как покушение на их ресурсы и привычный уклад жизни. Кроме того, у различных групп местных жителей могут быть в этом вопросе разные интересы, соответственно различные модели отношения, что также может провоцировать конфликтные ситуации.

Поэтому изучение проблем, связанных с китайским лесным бизнесом, актуально и научно значимо не только с точки зрения экономики. Чисто экономический аспект проблемы (масштабы и структура инвестиций, их экономическая эффективность, роль в экономике региона и т.д.) не является предметом нашего анализа¹. Скупка и экспорт леса, интенсивные и нервные дискуссии на тему «китайцы увозят наш лес», проблема теневых и коррупционных практик также являются отдельным самостоятельным предметом анализа.

Мы попытались сделать работу микроуровня в жанре case-study, нам важно на отдельных примерах посмотреть, какие практики экономической деятельности и социальных взаимодействий формируются в процессе становления и развития промышленного лесного бизнеса китайских предпринимателей, какова реакция принимающих сообществ на появление нового элемента в их жизни. Локальный сюжет о «китайских лесопилках» (небольших лесоперерабатывающих предприятиях с китайским капиталом, менеджментом, техникой и рабочей силой) может дать некоторое представление о том, что происходит в «третьей России» (по замечательной метафоре Н. Зубаревич²), о механизмах и результатах взаимодействия трансграничных мигрантов и принимающих сообществ сел, рабочих поселков, небольших городов.

Роль китайских предприятий в лесном хозяйстве региона. Процесс формирования и деятельности лесоперерабатывающих предприятий с участием китайских инвестиций, менеджмента и рабочей силы можно изучать только с учетом того, что с 1990-х гг. Китай является крупнейшим импортером сибирского и дальневосточного леса. Вряд ли будет ошибочной оценка, что огромный платежеспособный спрос Китая на российский лес спас от деградации лесную отрасль экономики восточных регионов России. С другой стороны, это спровоцировало массивную кампанию в медиа, политических и идеологических кругах под слоганом «Китайцы вырубают наш лес»³.

¹ См.: Алексеев П.В. О направлениях развития российско-китайского инвестиционного сотрудничества // Мировая экономика. 2019. № 2. С. 169–172; Зуенко И., Иванов С., Савченко А. Китайские инвестиции на российском Дальнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 11. С. 105–113; Грибова С.Н. Забайкальский край и Китай в торговле лесом: новые подходы // Пространственная экономика. 2008. № 4. С. 139–152.

² Зубаревич Н. Четыре России // Ведомости. 2011. 30 дек.

³ Сливак В. Великая китайская вырубка. Что реально угрожает сибирскому лесу? 28.08.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77100> (дата обращения: 16.01.2023); В СМИ пишут, что китайские компании захватили сибирские леса и вырубают их для экспорта. Что происходит на самом деле? [Электронный ресурс]. URL: <https://greenpeace.ru/blogs/2019/03/15/kitaj-vyrubaet-lesa-rossii-jeto-pravda-da-no-ne-sovsem/> (дата обращения: 16.01.2023).

Не ставя перед собой задачи анализа всего комплекса реальных проблем⁴, вокруг которых и сформировался огромный клубок мифов и фобий, выделим одно важное для нашего исследования обстоятельство. На первых порах китайскими предпринимателями скупался, экспортировался и подвергался глубокой переработке в Китае необработанный лес («кругляк»). Для исправления ситуации в 2007 г. российское правительство ввело новые тарифы на экспорт необработанной древесины: они выросли с 6,5 до 20 %, а годом позднее увеличились еще раз – до 25 %. В некоторых случаях пошлины на необработанный лес теперь достигают 80 %⁵.

В результате после некоторого первоначального спада экспорта в его структуре стала резко возрастать доля в той или иной степени обработанного леса. В 2017 г. на лес-кругляк приходилось всего 35 % российских поставок леса в Китай. В выгодную и необходимую теперь работу по обработке леса включились как существовавшие ранее предприятия, так и масса вновь создаваемых, различающихся масштабами деятельности и источниками инвестиций. Заметное место среди них заняли предприятия с китайскими инвестициями, собственностью, менеджментом, персоналом и технологиями.

При всем многообразии вариантов китайских лесообрабатывающих предприятий (по юридическому статусу, размерам инвестиций, масштабам и формам деятельности, менеджменту, составу персонала и т.д.) можно выделить два основных типа: крупные компании с полным циклом добычи и переработки леса и мелкие лесопилки, занятые только первичной обработкой. Масштабы деятельности определяют и существенные различия в их внутренней организации и характере взаимоотношений с принимающим обществом. Можно предположить, что и лесопилки, и сравнительно крупные зарегистрированные предприятия отличаются друг от друга по многим параметрам: рубка леса или только его скупка, уровень переработки, использование китайских технологий и рабочей силы, масштабы деятельности, юридический статус, практики взаимоотношений с местным населением и властями. До сих пор это чрезвычайно слабо описано в исследовательской литературе, поэтому изучение отдельных кейсов для последующей их систематизации и сравнения – дело важное и необходимое.

Типы предприятий: крупные комплексные компании. Сравнительно крупные китайские инвестиционные проекты в лесную промышленность почти не привлекают внимания масс-медиа и не становятся объектом исследовательского внимания. В то же время их численность за 2008–2017 гг. выросла со 152 до 564⁶. Такая динамика делает их значимым фактором экономики и общественной жизни Сибири и Дальнего Востока, важным элементом взаимоотношений китайцев и местного населения.

Крупные инвестиции предполагают долговременную стратегию по созданию предприятий замкнутого цикла: получение в аренду крупных лесных массивов, вырубку леса собственными силами (что предполагает обязательства по лесовосстановлению), строительство инфраструктуры (отдельный жилой поселок, лесовозные дороги, иногда ремонт или даже строительство дороги общего пользования), полностью китайский персонал, глубокую промышленную переработку леса на месте, китайскую технику, собственный транспорт, самостоятельные экспортные операции.

Это очень похоже на крупные сельхозпредприятия на Дальнем Востоке, полностью основанные на капитале, менеджменте и труде китайцев, описанные С.А. Ивановым

⁴ См.: Грибова С.Н. Забайкальский край и Китай...; Сидорова М., Трифонова П. Китай наращивает присутствие в ЛПК России // Лесная индустрия. 2016. № 10 [Электронный ресурс]. URL: https://www.lesindustry.ru/issues/li_n102/Kitay_narashivaet_prisutstvie_v_LPK_Rossii_1351/ (дата обращения: 16.01.2023); Мясников С.В., Ань Яньхуэй. Российско-китайское экономическое и политическое партнерство. Лесная политика России // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 1. С. 26–30.

⁵ Постановление Правительства РФ от 21 июля 2012 г. № 756 «Об утверждении ставок вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы государств – участников соглашений о Таможенном союзе, и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/58048700> (дата обращения: 16.01.2023).

⁶ Сливак В. Великая китайская вырубка...

и И.Ю. Зуенко⁷. Как и там, создаются замкнутые автономные поселения, предполагающие сведение до минимума пересечение интересов. Это означает также информационную замкнутость, минимальную доступность повседневной деятельности предприятия от исследовательского внимания.

Поэтому так важна возможность проведения полевых исследований, особенно долгосрочных. Соавтор данной работы Александра Дашеева получила редкую возможность наблюдать за деятельностью такого предприятия в ходе сравнительно долгосрочных деловых взаимоотношений. Некоторое время она работала в качестве приглашенного преподавателя и переводчика китайского языка у китайских рабочих разгрузочно-сортировочной станции Аленгой в Красночикоийском районе Забайкальского края («Транс-Сибирская лесная компания – Чита»).

Будучи заведующей Центром дополнительного образования и тестирования Бурятской ГСХА им. В.Р. Филиппова, сертифицированным тестером, она познакомилась с руководителем этого предприятия Ци Дэцзяо в г. Маньчжурия на международном форуме руководителей образовательных учреждений Китая, России и Монголии в 2016 г. Там договорились, что Центр тестирования будет принимать комплексный экзамен⁸ у персонала предприятия. С 2016 г. группы рабочих привозили в Улан-Удэ для сдачи экзаменов. Но практика показала, что большинство плохо говорят по-русски. Поэтому решили, что Центр тестирования организует выездные курсы для подготовки к комплексному экзамену. В результате всего прошли экзамен в центре тестирования в 2016 г. – 94 чел., в 2017 г. – 76 чел., в 2018 г. – 100 чел., в 2019 г. – 64 чел., в начале 2020 г. – 15 чел.

Параллельно в 2016–2020 гг. велось полевое исследование, в ходе которого, помимо включенного наблюдения и собеседований с экзаменуемыми, было взято 15 интервью, в том числе у главного китайского инвестора, четырех директоров, постоянно проживающих на территории базы, двух переводчиков, главного повара и рабочих. Также были привлечены материалы местных газет и интернет-форумов. Авторы отдают себе отчет в том, что сотрудничество с компанией, анализ, основанный на интервью с его владельцами, служащими и рабочими, наблюдения за жизнью поселка компании могут сформировать (и наверняка сформируют) односторонний взгляд на проблему, китайскую трактовку ситуации. Совершенно очевидно, что не хватает источников с российской стороны. Тем не менее возможность посмотреть на закрытую жизнь китайского предприятия чрезвычайно ценна.

Общество с ограниченной ответственностью «Транс-Сибирская лесная компания – Чита» считается одним из крупнейших лесозаготовительных и лесоперерабатывающих предприятий Забайкальского края. Оно было зарегистрировано 9 августа 2005 г. в Красночикоийском районе Забайкальского края. Размер уставного капитала 20 млн руб. Учредителем является общество с ограниченной ответственностью «Большой Хинган Синлинь – Забайкальский». Китайские инвесторы взяли 250 000 га в долгосрочное пользование. За 2006–2012 гг. «ТСКЧ» перечислила в федеральный бюджет 25 млн руб., в субъект федерации – 32 млн. Плюс НДС – арендная плата за землю – около миллиона в год в бюджет района⁹.

Финансовые результаты деятельности компании не отличались стабильностью. Чистая прибыль, достигнув пика в 2019 г. (35 630 тыс. руб.), ушла в минус в 2020 г. (убытки 3 834 тыс. руб.). В 2021 г. убытки составили 38 637 тыс. руб.¹⁰ Скорее всего, это результат

⁷ Иванов С.А. Китайский капитал как фактор этнизации городов и сел Приморского края // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5. С. 120–127; Зуенко И.Ю. Китайское присутствие в сельском хозяйстве Дальнего Востока: некоторые аспекты проблемы // Известия Восточного Института. 2015. № 2. С. 51–59.

⁸ С введением Федерального закона от 20 апреля 2014 г. № 74-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» для получения патента в России, сертификата для временного проживания и разрешения на работу мигранты должны сдать экзамены по русскому языку, истории России и основам законодательства в устной и письменной форме.

⁹ Романова Е. Живущие в кедровнике [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chita.ru/text/ecology/2012/12/18/70871165/> (дата обращения: 16.01.2023).

¹⁰ База данных «Контрагент»: Отчетность компаний [Электронный ресурс]. URL: <https://www.k-agent.ru/catalog/7536062675-1057536095143> (дата обращения: 16.01.2023).

кризиса отрасли из-за ковидных ограничений, особенно при пересечении границы людьми и товарами. По некоторым сведениям, в этом году предприятие свернуло производственную деятельность, а большая часть персонала была эвакуирована.

Основной вид деятельности по уставу – распиловка и строгание древесины. Дополнительные виды деятельности: 1) лесоводство и прочая лесохозяйственная деятельность; 2) лесозаготовки; 3) предоставление услуг в области лесоводства и лесозаготовок; 4) производство пиломатериалов, кроме профилированных, толщиной более 6 мм; производство непропитанных железнодорожных и трамвайных шпал из древесины; 5) производство древесины, пропитанной или обработанной защитными или другими веществами; 6) предоставление услуг по пропитке древесины; 7) производство шпона, фанеры, деревянных плит и панелей; 8) производство прочих деревянных строительных конструкций и столярных изделий; 9) производство прочих деревянных изделий; 10) производство прочих химических органических основных веществ; 11) торговля розничная пиломатериалами в специализированных магазинах.

В 2017 г. компания запустила цех по производству древесного угля (топливных брикетов) для экспорта в Китай. Открывали цех заместитель председателя правительства – министр экономического развития Забайкальского края Сергей Новиченко и министр международного сотрудничества и внешнеэкономических связей региона Алексей Дроботушенко. При выходе на проектную мощность ежегодный объем перерабатываемых древесных отходов должен был составить 45–50 тыс. т. Объем производства древесного угля – 1,5 тыс. т в год¹¹.

Производственная деятельность компании сосредоточена в разгрузочно-сортировочной базе Аленгой. Китайские менеджеры называют ее поселком. Она расположена в 300 км от железнодорожной станции Хилок. Половина пути проходит по хорошо оборудованной трассе, вторая – по временной дороге, построенной компанией. По словам администратора, по ней могут проехать не всякие машины, так как она иногда бывает размыта, но дорога постоянно ремонтируется и улучшается.

По словам инвестора Ци Дэцзяо, он вложил в базу 180 млн руб. Это настоящий производственный городок, построенный компанией посередине тайги. Административная часть и главная площадь огорожены, возведены ворота, где большими буквами приветствуют гостей компании. На прямых улицах расположены административный корпус, шесть капитальных общежитий для рабочих и конторских служащих, столовая, баня. Рядом склады, цеха, 32 теплых бокса для техники, котельная, пилорама. Энергию для бытовых нужд получают от солнечных батарей и ветровых электростанций. Все здания одноэтажные. Везде абсолютная чистота, клумбы с цветами, на зданиях таблички.

При входе в административное здание большие портреты Си Цзиньпина и В.В. Путина, лозунг «Работаем для народа». Там находится офис руководства, общежитие администраторов, комнаты для гостей. Небольшие одноместные комнаты общежития оборудованы мебелью ручной работы. Имеется Wi-Fi роутер, но пользоваться Интернетом можно только там и не всем. Связь спутниковая. В умывальной комнате две стиральные машины, которыми могут пользоваться все жители поселка. В отдельном доме постоянно работает баня. Общежития для рабочих менее благоустроены. Небольшие темные и холодные комнаты на двоих человек оборудованы сколоченными нарами и маленькими столами. Окна затянуты полиэтиленовой пленкой. Поскольку здание не утеплено, то пленкой обтянуты и стены.

Вечером после смены рабочие играют в мацзян (разновидность китайского домино), слушают музыку или смотрят телевизор. Обычно это происходит в столовой. Там питаются все, но руководителям готовят отдельно и подают в малом зале. В штате компании несколько поваров. В большом огороде с теплицами выращиваются огурцы, помидоры, лук, редис и другие овощи. Ежегодно сажают картофель, который хранится в подполье под общежитием. Продукты питания закупаются в Чите, иногда – в Улан-Удэ.

¹¹ Бумагин С. Древесный уголь для экспорта в Китай начали производить в Забайкалье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chita.ru/news/109150/> (дата обращения: 16.01.2023).

Готовят исключительно китайскую кухню. Ко времени приема пищи повар накрывает стол с обязательными пампушками и рисом в качестве гарнира. Всегда на столе холодные закуски или универсальные салаты. Универсальные они потому, что китайцы едят их на завтрак, обед и ужин. Одним из распространенных блюд считаются обжаренные с яйцом помидоры. На завтрак готовятся жиденькие каши, скорее кашицы: рисовая, иногда сдобренная постным мясом с яйцом, пшенка и т.д. Часто на обед готовят суп с тофу. Каждый может зайти на кухню и положить добавку. После еды надо помыть за собой посуду. При входе в столовую стоит большой таз с водой, которую часто меняют, где моют руки перед едой.

Китайцы завтракают и обедают быстро, сразу после еды уходят на работу. База представляет собой единую четкую организацию, где люди живут одной жизнью. Все расписано по времени и каждый знает, что должен делать и чем заниматься. Как отметил российский журналист, «трудятся они споро, без долгих раскаток и перекуров, чуть свет начинают и дотемна работают»¹². Инвесторы проживают в Китае, но часто приезжают для контроля. На базе постоянно проживают руководители среднего звена, все приезжают без семей.

Рабочие здесь не трудятся круглогодично: сезон начинается в октябре, а заканчивается в мае. Работают бригадами. Приезжают рабочие группами по 10–15 чел., как правило, из одной деревни. Работают в основном мужчины. Большинство рабочих немолоды, но находятся в достаточно трудоспособном возрасте. Их основная масса (80 %) уже бывала в России, некоторые работают в этой компании несколько лет на сезонных заработках. При сдаче экзамена мы заметили, что пять человек имели фамилию Цуй. Оказалось, что это родные братья и сестры. Ранее они изучали русский язык в школе и уже давно приезжают в Россию на подработку, так как считают, что за полгода могут заработать больше, чем на родине. Из 100 опрошенных китайцев все – выходцы из деревень, не имеют высшего образования. 65 % опрошенных – из провинции Хэйлунцзян, 25 % – из автономного района Внутренняя Монголия, остальные – из провинции Цзилинь. Рабочие уклонялись от ответов на вопросы о размере оплаты, но отмечали, что она зависит от вида работ, и здесь она выше, чем на родине. На деляне в лесу зарплата выше, но работа тяжелее.

Опыт Аленгоя, динамика инвестиций в крупные лесоперерабатывающие предприятия в России показывает, что китайские предприниматели считают такой бизнес выгодным, несмотря на очевидные риски и трудности. Получить в долговременную аренду лесосеку очень непросто, и это требует доверительных отношений с властями как минимум регионального уровня. Крупные инвестиции в инфраструктуру, оборудование делают такие предприятия уязвимыми в случае неблагоприятной экономической или политической конъюнктуры в Китае и России. Неустойчивая динамика прибылей и убытков рассматриваемой компании демонстрирует это. Но риск оправдывается долговременным и легальным доступом к лесному ресурсу, стабильностью поставок, возможностью устойчивого контроля над частью рынка.

Типы предприятий: «китайские лесопилки». Типовая «китайская лесопилка», т.е. небольшое лесоперерабатывающее предприятие, выглядит следующим образом:

– Она принадлежит китайскому инвестору, но не обязательно зарегистрирована на его имя. Широко распространена практика подставных лиц.

– В отличие от полного и замкнутого цикла крупных предприятий, это часть производственной цепочки. Она не занимается самостоятельной вырубкой леса, скупая древесину у легальных и «черных» лесорубов. Готовую продукцию сбывает крупным (китайским же) экспортерам. Это включает проблему логистики (нанять лесовозы) и оформления документов на лес, особенно купленный у «черных» лесорубов. Предпосылкой успеха являются устойчивые отношения с поставщиками леса и местными властями – с одной стороны, и экспортерами – с другой. Поэтому часто владельцами становятся мелкие предприниматели, имеющие опыт торговли в России. Часть их капитала – знание русского языка, реалий российского типа бизнеса, связи, устойчивый правовой статус. Зачастую они

¹² Суходолин Е. С проверкой в Улелей... URL: <https://www.chita.ru/review/58469/> (дата обращения: 16.01.2023).

совмещают торговый бизнес и лесопилку. Поэтому хозяин прежде всего инвестор и посредник во взаимоотношениях с властями, продавцами леса, экспортерами. Ему важно не ошибиться при найме китайского персонала. Собственно технологическим процессом и устройством жизни (жилье, питание, быт, повседневные отношения с местными) руководит нанятый специалист-китаец.

– Производство несложной продукции (доска, брус), достаточной для обхода таможенных барьеров. Это создает проблему массы отходов, для переработки которых требуется сложное и дорогое оборудование, вообще другой уровень бизнеса.

– Используется китайское оборудование и сравнительно квалифицированные китайские рабочие. Это вопрос именно квалификации, а не стоимости рабочей силы (на китайский персонал расходы могут быть больше, учитывая проблемы натурализации).

– Доступность для сравнительно небольшого бизнеса – стоимость оборудования (от 500 тыс. руб., что можно уменьшить за счет лизинга), плюс оплата труда 5–20 рабочих. Конечно, накладные расходы, особенно при оформлении продукции из незаконно вырубленного леса¹³.

– Мобильность: минимум капитальных вложений (нет потребности в капитальных строениях и инфраструктурных сооружениях типа лесовозных дорог), компактное и сравнительно ликвидное оборудование.

В силу не очень определенных условий институционализации лесопилок, практики использования подставных лиц, небольших размеров и дислокации в глухих местах определить их численность очень трудно, если вообще возможно. Этому же способствует их мобильность, стремительный характер возникновения и исчезновения. Это делает бизнес динамичным и готовым к высокому уровню риска – в первый год исчезает до 70 % предприятий. В многочисленных медиакомментариях счет идет на тысячи, при этом источники для таких оценок или методики их получения не указываются¹⁴. Однако о порядке цифр может косвенно свидетельствовать журналистское расследование «Комсомольской правды» в городе Канске¹⁵. Только в одном этом 80-тысячном городе в Красноярском крае работало одновременно около 200 китайских лесопилок.

Это расследование, вызванное грандиозным пожаром на незаконных свалках древесных отходов, выявило довольно много проблем, связанных с деятельностью китайских лесопилок. По оценке чиновников городской администрации, почти все они зарегистрированы в Красноярске или Иркутске. Скупка и последующая распиловка древесины не требуют от них специальной лицензии. Существовавшие до их прихода аналогичные предприятия местных промышленников разорились в результате демпинговой кампании китайских конкурентов. Степень переработки леса самая поверхностная – бревна распиливаются на доски, что автоматически снижает таможенные пошлины. В результате около половины древесины идет в перерабатываемые отходы, свалка которых и стала причиной грандиозного пожара. Такая ситуация невозможна без небескорыстного покровительства контролирующих органов. После пожара заезжие следователи обнаружили неучтенной древесины на 68 млн руб., что говорит о масштабах скупки незаконно вырубленного леса, что также невозможно без тесного коррупционного сотрудничества с властями.

Контакты и конфликты с местными сообществами. Характер деятельности крупных и мелких «китайских лесопилок», их дислокация в мелких таежных поселках и небольших городках, использование такого важного для местного населения ресурса и среды обитания, как лес, неизбежно включает их в сложные, иногда конфликтные взаимоотношения с местным населением. Классический сюжет: «чужак» (трансграничный мигрант, выделенный и внешне, и языком, манерой поведения, стилем жизни) в небольшом, сравнительно замкнутом деревенском сообществе, где сохраняются рудименты общинности, особенно

¹³ Скачайте полный бизнес-план пилорамы и получите доход 20 млн руб. [Электронный ресурс]. URL: www.bi-plan.ru/BIZNES_PLAN_PILORAMY/ (дата обращения: 16.01.2023).

¹⁴ Эксперт. 2018. № 27.

¹⁵ Комсомольская правда. 2017. 7–8 авг.

в бурятских селах. Это потенциальный претендент на небольшой и ограниченный ресурс сообщества. С другой стороны, китайские лесопилки могут оцениваться и в качестве дополнительного ресурса. Их функционирование немыслимо без тесных, часто неформальных взаимоотношений с региональными и местными властями, что может сделать их поводом и инструментом во внутренних противостояниях. На формирование взаимоотношений влияет многолетняя интенсивная пропагандистская кампания: «китайцы уничтожают наши леса и воруют наше лесное богатство».

Особенно важно рассмотреть ситуацию, когда трансграничные мигранты появляются в небольшом поселении не индивидуально, а в составе организованного коллектива, автономной хозяйствующей единицы, что делает их роль в сообществе более заметной и важной, а возможные конфликты более острыми и значимыми по последствиям. Между тем изучение мигрантской проблематики сконцентрировано на поле крупных городов, что понятно и объяснимо. Именно там концентрируется подавляющая часть трудовых мигрантов, там формируются и развиваются их социальные сети, структуры, формальные (НКО) и неформальные институты (например, «этнические» кафе и больницы). На крупные города ориентирована уже сложившаяся инфраструктура (прежде всего государственная) взаимоотношений с мигрантами. Их интенсивная жизнь в Интернете – тоже там. В конце концов, там их удобнее изучать («под фонарем»).

Наличие двух типов китайских лесопилок может определять и разные модели взаимоотношений. *Случай «Аленгоя» как пример крупного инвестиционного проекта* показывает осознанное стремление избежать конфликта с местными сообществами. Получение крупной лесосеки в долговременную аренду говорит о хороших связях с региональными властями, озабоченными проблемами экономического развития депрессивного края. Отчисления в местный бюджет, ремонт дороги общего пользования, финансирование местных социальных проектов (на 4,2 млн руб.) – все это успешные способы завоевать расположение местных властей. Лес вырубается и восстанавливается в соответствии с правилами, что зафиксировала не только комиссия местных чиновников, но и группа специально прибывших издалека общественников-экологов. Производится глубокая переработка леса, что исключает захламленность отходами и опасность пожаров. Китайский персонал оказывает помощь в их тушении. Персонал живет в отдельном, полностью изолированном поселке, что сводит к минимуму поле конфликтных ситуаций на бытовом уровне. На вырубку леса нанято несколько бригад из местных рабочих. И тем не менее подспудный конфликт сформировался, о чем свидетельствует само создание специальной комиссии. Интересен здесь характер обвинений – незаконная охота и рыбная ловля, рубка кедра, имеющего символическое значение¹⁶.

Аналогичный проект в Закаменске (Республика Бурятия) интенсивно поддерживался республиканскими властями. Они рассчитывали на большие инвестиции (753 млн руб.) со стороны солидной и проверенной китайской компании, налоги и отчисления в бюджет, 200 рабочих мест для местных жителей, развитие инфраструктуры. Однако уже согласованный проект не состоялся, так как натолкнулся на массовые и решительные протесты местных жителей: петиции, народный сход, организованные акции в Улан-Удэ. Интересны мотивы протестующих: священные родовые места нельзя отдавать китайцам, тайга – это кормилица, которую необходимо всячески охранять. Тайга рассматривается не как источник древесины, а как жизненно важная среда обитания. «Мы хотим предотвратить варварскую вырубку леса», «Закаменские без нужды лес не рубят, грех...», «Нам надо всем народом встать на защиту прекрасной горной Закамны и нашей тайги», «Мы этим лесом питаемся, лес нас кормит. Орех в самый урожайный момент дает столько денег, что на год можно обеспечить семью. Люди добывают орех, продают его и имеют возможность купить даже квартиру, машину. В лесу у нас растет черемша, грибы, целые плантации земляники, смородины и других ягод. В 90-е годы, когда жители в Закаменске вынуждены были есть комбикорм от голода, только тайга нас спасла. Теперь мы в долгу перед ней», «Люди верят,

¹⁶ Романова Е. Живущие в кедровнике...

что здесь обитают духи этих мест, которые оберегают население. Это душа нашего района, а мы являемся ее детьми. Для нас это табу, никто не имеет права трогать эти земли, будь это простой житель, чиновник или бизнесмен»¹⁷.

Типовая «китайская лесопилка». Небольшое предприятие может располагаться только в существующем поселке, арендуя сравнительно небольшой участок земли (15–20 соток). Китайское оборудование предполагает использование китайского персонала как более квалифицированного, а значит и его постоянное пребывание в поселке, где невозможно изолированное существование. Абсолютно необходимы взаимовыгодные отношения с местными властями и поставщиками леса. Неизбежно формируются отношения конкуренции или сотрудничества по отношению к лесу и рабочим местам, а также возможность бытовых конфликтов.

Случай Канска. Здесь пожары, вызванные захламенностью города отходами «китайских лесопилок», вызвали скандал и отклик в московской прессе. Расследование выявило и явные признаки коррупции местных властей. Бравшие интервью журналисты отмечали, что пожар отношения к китайцам не улучшил. Однако это не перешло в противостояние – большая часть населения «кормится с китайских денег» и осознает это. Возможно, конфликт принял большие масштабы и вышел в широкое информационное поле в результате борьбы местных группировок элиты за власть.

Случай бурятского села Бильчир Иркутской области. Местное население во многом жило за счет вырубки (легальной и нелегальной) леса и продажи его на лесопилку, где работало около сорока китайцев. Эта экономическая взаимозависимость не помешала формированию атмосферы раздражения и неприязни к китайцам. «Нагло себя ведут, по-хозяйски, наших девочек лапают, ядовитые химикаты используют», «Сами не знаем, как оказались у них в рабах. Обидно-то как! Ладно бы хоть свои барыги – буряты или там русские. Эти хоть все-таки с пониманием, как к людям. Свои же, местные. Китайцы же эти как оккупанты, мы для них никто и звать никак», «У меня муж на пилораме работал. Это каторга. Причем за гроши. Не выдержал, ушел». Напряжение прорвалось огромной дракой, в которой участвовало несколько десятков жителей Бильчира и окружающих сел, использовавших даже «коктейли Молотова». Китайцы отбивались при помощи тяжелых автомашин. Благодаря решительным действиям властей все обошлось сравнительно благополучно – было травмировано всего шесть человек¹⁸.

Случай бурятского села Торы (Бурятия). Различные типы конфликтности, возможно, зависят от величины поселения и уклада жизни его населения. Однако полевое исследование, проведенное О.А. Шаглановой в бурятском селе Торы Республики Бурятия¹⁹, позволяет говорить, что здесь нет жесткой взаимозависимости. По ее оценке, совпадающей с результатами многолетних полевых исследований в Торах ученых Института востоковедения РАН под руководством С.А. Панарина²⁰, село оказалось в ситуации тяжелого кризиса после краха колхозно-совхозной системы. Попытки создать на ее обломках жизнеспособные фермерские хозяйства оказались неудачными. Некоторые из них нашли выход в сотрудничестве с китайскими предпринимателями.

¹⁷ Китайцы высказались по вопросу Закаменского леса [Электронный ресурс] // Газета РБ. Новости Бурятии и Улан-Удэ. 2018. 11 мая. URL: <http://gazetarb.ru/news/section-society/detail-1684058/> (дата обращения: 16.01.2023); В Бурятии закатилась звезда китайского инвестора [Электронный ресурс] // Номер один. 2021. 10 сент. URL: <https://gazeta-n1.ru/news/business/103026/> (дата обращения: 16.01.2023); Владимирова Е. Деньги против леса. Как в Бурятии жители, чиновники и китайцы делят тайгу [Электронный ресурс] // Life. 2018. 13 июня. URL: <https://life.ru/p/1124329> (дата обращения: 16.01.2023).

¹⁸ Островская Н. После драки сибиряки потребовали выгнать из села китайских лесорубов // Комсомольская правда. 2012. 17 июля; Славичева О. Жители села в Иркутской области, где произошла массовая драка с китайцами, хотят выселить их // Комсомольская правда. 2012. 28 июня.

¹⁹ Шагланова О.А. Китайская рабочая миграция в контексте бурятского села // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность. Улан-Удэ, 2010. С. 59–74.

²⁰ Panarin S.A. The Rural Economy of the Tunka Valley in a Time of Transition and Crisis // Russian Views of the Transition in the Rural Sector. Washington, 2000. P. 188–201.

Фермеры обеспечивали регистрацию пилорамы «на развитие фермерского хозяйства» на свое имя, а китайцы платили им «за аренду пилорамы». Китайский партнер привозил в село пилораму и бригаду китайских рабочих. Жители села могли заготавливать (законно и незаконно) и сбывать ему лес. По оценке О.А. Шаглановой, «это сотрудничество между наиболее состоятельными людьми сельских поселений и иностранной рабочей силой привело к тому, что самые широкие слои населения оказались так или иначе заинтересованными в лесозаготовительном процессе, который, по своей сути, стал сферой неформальной экономической деятельности, способной удовлетворять нужды различных слоев сельского общества»²¹.

В Торах последовательно работали по несколько лет две китайские бригады. В одной из них персонал работал в пять смен. Самые сложные и требующие высокой квалификации работы выполняли китайские рабочие, но на постоянной или временной основе, прямо или косвенно, на лесопилке было занято до 60 местных жителей. Кроме того, зарабатывали бригады лесозаготовителей, владельцы арендуемой ими и китайцами техники. Персонал отличался высокой дисциплиной и трудолюбием. Были налажены хорошие отношения с населением, в том числе и через продажу по символическим ценам отходов производства. Эта бригада ушла через пять лет деятельности. Пришедшая ей на смену после некоторого перерыва бригада отличалась меньшей организованностью и не такой высокой дисциплинированностью китайского персонала. Но и она обеспечивала прямо или косвенно рабочие места и стабильные заработки многим местным семьям. Обе бригады были прибыльными, но после нескольких лет работы были вынуждены свернуть деятельность под давлением властей или криминализованных конкурентов.

Что касается отношения местного населения к китайцам и их бизнесу, то при определенной культурной отчужденности, отсутствии тесных человеческих взаимоотношений оно определялось пониманием важности сотрудничества. Никакой враждебности, предпосылок конфликта не наблюдалось. Китайцы здесь тоже «чужаки», но полезные и не нарушающие традиционный уклад жизни.

Заключение. Массовое присутствие на востоке России китайских предприятий в лесной промышленности стало свершившимся фактом. И это факт не только экономический, но и социальный, культурный, политический. COVID-19 с его карантинными мерами, особенно жесткими в Китае, нанес бизнесу серьезный удар. Экономический спад привел к уменьшению спроса и падению цен на древесину. Возникли огромные транспортные заторы на границе. Произошел отток китайских экономических мигрантов из-за пандемии, ряд китайских лесопилок закрылся. Но экспорт древесины в Китай не уменьшился, доля обработанной продукции в нем выросла. Можно предполагать, что санкционная ситуация в России и постепенное снятие карантинных ограничений приведут к восстановлению позиций китайского бизнеса в лесобрабатывающей отрасли. Поэтому проблема лесопилок как фактора взаимоотношений в сельских сообществах актуальна.

Господствующая в Интернете картина конфликта и массового сопротивления местного населения (то, что один блогер, перечисляя нередкие пожары на лесопилках и лесных складах, оценивает даже как «партизанскую борьбу») является явно односторонней²².

Приведенные примеры говорят о том, что при взаимной культурной отчужденности и недоверии местных к «чужакам» могут складываться как отношения делового сотрудничества, так и открытого конфликта. Деятельность китайских лесопилок с китайским персоналом в Бильчире и Торах, двух селах с бурятским населением, создала разные модели взаимоотношений с местным населением. Это делает гипотезу об изначальной повышенной конфликтности присутствия групп «чужаков» в небольших сельских сообществах как минимум недоказанной и требующей дальнейшей проработки.

²¹ Шагланова О.А. Китайская рабочая миграция... С. 63.

²² В Сибири началась настоящая партизанская война? Информация к размышлению. 2019. 16 нояб. [Электронный ресурс]. URL: <https://victorvideo.livejournal.com/1445283.html> (дата обращения: 16.01.2023).

Многое зависит от того, находят ли китайские бизнесмены достаточно влиятельных местных партнеров. Масштабы и формы конфликтности будут напрямую зависеть не только от покровительственной политики местных и региональных властей, но и от практической заинтересованности в сотрудничестве влиятельных людей и групп в местных сообществах. Важна также общая политическая и идеологическая ситуация в стране, препятствующая сейчас открытому выражению антикитайских настроений.

Тем не менее почва для конфликта остается. И это не только классические и очевидные причины – современного типа борьба местных жителей за такие ресурсы, как рабочие места и возможность самим распорядиться лесным бизнесом. Как раз здесь существует возможность для взаимовыгодного сотрудничества на основе совместного использования ресурсов. Отчетливо проявляется экологическая риторика, экологические мотивы, требующие сберечь лес. За такой риторикой прямо или косвенно выявляется борьба за лес как таковой. Лес выступает для местных сообществ как символическая ценность и средство выживания через ведение натуральной экономики. Отсюда – до-модерная риторика борцов против любого присутствия китайского бизнеса в сибирской тайге. Конкуренция за древесину отличается от борьбы за право на коллективное обладание лесом.

Литература

Грибова С.Н. Забайкальский край и Китай в торговле лесом: новые подходы // *Пространственная экономика*. 2008. № 4. С. 139–152.

Зуенко И.Ю. Китайское присутствие в сельском хозяйстве Дальнего Востока: некоторые аспекты проблемы // *Известия Восточного института*. 2015. № 2 (26). С. 51–59.

Иванов С.А. Китайский капитал как фактор этнизации городов и сел Приморского края // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2015. № 5 (37). С. 120–127.

Мясников С.В., Ань Яньхуэй. Российско-китайское экономическое и политическое партнерство. Лесная политика России // *Общество. Среда. Развитие*. 2016. № 1. С. 26–30.

Сидорова М., Трифонова П. Китай наращивает присутствие в ЛПК России [Электронный ресурс] // *Лесная индустрия*. 2016. № 10 (102). URL: https://www.lesindustry.ru/issues/li_n102/Kitay_naraschivaet_prisutstvie_v_LPK_Rossii_1351/ (дата обращения: 16.01.2023).

Шагланова О.А. Китайская рабочая миграция в контексте бурятского села // *Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность: сб. науч. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН*, 2010. С. 59–74.

Panarin S.A. The Rural Economy of the Tunka Valley in a Time of Transition and Crisis // *Russian views of the transition in the rural sector: structures, policy outcomes, and adaptive responses* / L. Alexander Norsworthy, ed. Environmentally and Socially Sustainable Development Europe and Central Asia Region. The World Bank. Washington: DC, 2000. P. 188–201.

References

Gribova, S.N. (2008). Zabaykal'skiy kray i Kitay v trgovle lesom: novye podhody [Trans-Baikal Territory and China in Timber Trade: New Approaches]. In *Prostranstvennaya ekonomika*. No. 4, pp. 139–152.

Ivanov, S.A. (2015). Kitayskiy kapital kak faktor etnizatsii gorodov i sel Primorskogo kraja [Chinese Capital as a Factor in the Ethnicization of Towns and Villages in Primorsky Krai]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 5 (37), pp. 120–127.

Myasnikov, S.V., An' Jan'hujei (2016). Rossiysko-kitayskoe ekonomicheskoe i politicheskoe partnerstvo. Lesnaya politika Rossii [Russian-Chinese Economic and Political Partnership. Forest Policy of Russia]. In *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*. No. 1, pp. 26–30.

Panarin, S.A. (2000). The Rural Economy of the Tunka Valley in a Time of Transition and Crisis. In *Russian views of the transition in the rural sector: structures, policy outcomes, and adaptive responses*. Washington, DC, pp. 188–201.

Shaglanova, O.A. (2010). Kitayskaya rabochaya migratsiya v kontekste buryatskogo sela [Chinese Labor Migration in the Context of the Buryat Village]. In *Transgranichnye migratsii v prostranstve mongol'skogo mira: istoriya i sovremennost': sb. nauch. statey*. Ulan-Ude, pp. 59–74.

Sidorova, M., Trifonova, P. (2016). Kitay narashchivaet prisutstvie v LPK Rossii [China is Increasing Its Presence in the Russian Timber Industry]. In *Lesnaya industriya*. No. 10 (102). Available at: URL: https://www.lesindustry.ru/issues/li_n102/Kitay_naraschivaet_prisutstvie_v_LPK_Rossii_1351/ (date of access 16.01.2023).

Zuenko, I.Yu. (2015). Kitayskoe prisutstvie v sel'skom hozyaystve Dal'nego Vostoka: nekotorye aspekty problemy [Chinese Presence in the Agriculture of the Far East: Some Aspects of the Problem]. In *Izvestiya Vostochnogo instituta*. No. 2 (26), pp. 51–59.

В.В. Кондрашин*

**КРЕСТЬЯНСТВО – ИСТОЧНИК ЛЮДСКИХ
И МАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ ДЛЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ****doi:10.31518/2618-9100-2023-4-4
УДК 94(47)"1918/1922"

Выходные данные для цитирования:
Кондрашин В.В. Крестьянство – источник людских и материальных ресурсов в Гражданской войне для советской власти // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 49–68. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-04.pdf>

V.V. Kondrashin *

**THE PEASANTRY AS A SOURCE OF HUMAN
AND MATERIAL RESOURCES IN THE CIVIL WAR
FOR THE SOVIET GOVERNMENT****

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-4

How to cite:
Kondrashin V.V. The Peasantry as a Source of Human and Material Resources in the Civil War for the Soviet Government // Historical Courier, 2023, No. 4 (30), pp. 49–68. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-04.pdf>]

Abstract. The article highlights one of the most important aspects of the history of the Civil War in Russia – the participation of the peasantry in it. It substantiates the thesis that the peasantry and the peasant economy were the main source of human and material resources for the Soviet power during the Civil War. At that time Prodravzverstka, a forced measure of Soviet power during the war, became the most difficult ordeal for the peasants in the territory controlled by the Bolsheviks. The scale of the seizure during Prodravzverstka was not coordinated with the surplus of grain in the peasant farms, so Prodravzverstka had a negative impact on their condition and contributed to the decline in agricultural production. At the same time the food situation of the peasant families deteriorated. During the Civil War the peasants in the Bolshevik-controlled territory were enlisted on a mass scale for labor and horse-drawn labour. The peasants took a direct part in the Civil War on the side of the Soviets as mobilized and volunteers for the Red Army. They made up the bulk of its soldiers. The attitudes of various social groups of the peasantry toward the defense of Soviet power in the Red Army varied. Its most active supporters, especially at the first stage of the Red Army formation, were representatives of the poorest peasantry. But their share was insignificant in the total mass of peasants in the Red Army who found themselves there during the mobilizations. On the territory of Soviet Russia they also created their own “peasant front” against the policy of “war communism”: the “Chapan War”, Makhnovshchina, Antonovshchina, “Fork revolt”, the West Siberian uprising, etc. Despite this, the peasants provided the Bolshevik regime, industrial centers and the Red Army with food and raw materials, fulfilled various state duties, and fought in the ranks of the Red Army at the war fronts. This allowed the Soviet state to defeat the political regimes that opposed them in the Civil War.

Keywords: peasantry, Civil War, “war communism”, surplus appropriation, peasant protest.

The article has been received by the editor on 16.04.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Виктор Викторович Кондрашин**, доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: vikont37@yandex.ru

Viktor Viktorovich Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, Professor, The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: vikont37@yandex.ru

** Статья подготовлена в рамках апробации главы 12 тома «Истории России» ИРИ РАН.

The article was prepared as part of the testing of chapter 12 of the volume “History of Russia” of the IRI RAS.

Аннотация. В статье освещается один из важнейших аспектов истории Гражданской войны в России – участие в ней крестьянства. Обосновывается тезис о том, что именно крестьянство, крестьянское хозяйство стали основным источником людских и материальных ресурсов для советской власти в годы Гражданской войны. В это время на подконтрольной большевикам территории наиболее тяжелым испытанием для крестьян стала продразверстка – вынужденная мера советской власти в условиях войны. Масштабы изъятий в ходе продразверстки не согласовывались с излишками хлеба в крестьянских хозяйствах, поэтому разверстка негативным образом повлияла на их состояние, способствовала упадку сельскохозяйственного производства. При этом происходило ухудшение продовольственного положения крестьянских семей. В годы Гражданской войны на подконтрольной большевикам территории в массовом порядке крестьяне привлекались к трудовой и гужевой повинностям. Крестьяне приняли самое непосредственное участие в Гражданской войне на стороне советской власти в качестве мобилизованных и добровольцев в Красную армию. Они составили основную массу ее военнослужащих. Отношение различных социальных групп крестьянства к защите советской власти в рядах Красной армии не было одинаковым. Наиболее активными ее сторонниками, особенно на первом этапе формирования Красной армии, выступали представители беднейшего крестьянства. Но их доля была незначительной в общей массе крестьян в составе Красной армии, оказавшихся там в ходе мобилизаций. На территории Советской России они создали и свой собственный «крестьянский фронт» против политики «военного коммунизма»: «Чапанная война», махновщина, антоновщина, «Вилочное восстание», Западно-Сибирское восстание и др. Несмотря на это, крестьяне обеспечили большевистский режим, промышленные центры и Красную армию продовольствием, сырьем, выполняли различные государственные повинности, воевали в рядах Красной армии на фронтах войны. Это позволило Советскому государству победить противостоявшие им в Гражданской войне политические режимы.

Ключевые слова: крестьянство, Гражданская война, «военный коммунизм», продразверстка, крестьянский протест.

Статья поступила в редакцию 16.04.2023 г.

Крестьянство в Гражданской войне – одна из наиболее актуальных и дискуссионных тем в российской и зарубежной историографии. В наибольшей степени изучено крестьянское повстанческое движение на подконтрольной большевикам территории против политики «военного коммунизма». Этот аспект получил отражение в документальных публикациях международного проекта Института российской истории РАН «Крестьянская революция в России», осуществленного под руководством В.П. Данилова¹, а также в трудах российских и зарубежных исследователей: А.В. Посадского, С.А. Есикова, В.И. Шишкина, Д.А. Сафонова, Т.В. Осиповой, С.В. Ярова, С.А. Павлюченкова, Ш. Фицпатрик, М. Френкина и др.² Всесторонний анализ крестьянских восстаний на подконтрольной большевикам территории позволил исследователям выдвинуть и обосновать тезис о крестьянском фронте как самостоятельном фронте в Гражданской войне³.

Достаточно глубоко и всесторонне исследовано состояние крестьянского хозяйства в условиях «военного коммунизма», аграрные преобразования советской власти в годы Гражданской войны, в том числе на региональном уровне⁴.

¹ Кондрашин В.В. В.П. Данилов – публикатор документов по аграрной истории России XX в. // Отечественные архивы. 2012. № 6.

² См. подробнее: Кондрашин В.В. Крестьянское повстанческое движение 1918–1922 гг.: итоги и направления исследования // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 437–484.

³ См. напр.: Крестьянский фронт 1918–1922 гг: сб. ст. и мат-лов. М., 2013.

В последние десятилетия усилился интерес российских исследователей к изучению положения и поведения крестьянства на подконтрольной антибольшевистским режимам территории бывшей Российской империи. Появились документальные и монографические исследования, продолжившие традицию изучения этой темы в советской историографии⁵. Заслуживают внимания публикации об аграрной политике антибольшевистских правительств, крестьянском повстанческом и партизанском движении на Украине, в Сибири и других регионах страны⁶.

Несмотря на достигнутые успехи, нуждаются в дальнейшем изучении на новых достоверных источниках такие аспекты проблемы, как крестьянское хозяйство и крестьянские повинности на территории антибольшевистских правительств, крестьянское движение против политики этих правительств, крестьяне в антибольшевистских армиях, региональные особенности реализации аграрной политики на подконтрольной белым режимам территории, крестьянство и националистические режимы и др.

Добившись уравнительного распределения земли, к которому крестьянство России стремилось весь пореформенный период, в начавшейся Гражданской войне оно не смогло свободно хозяйствовать на ней, так как все противоборствующие политические силы смотрели на деревню как на источник ресурсов в виде продовольствия и сырья, а также живой силы для выполнения трудовых повинностей и участия в вооруженном противостоянии.

На подконтрольной большевикам территории наиболее тяжелым испытанием для крестьянских хозяйств стала продразверстка – вынужденная мера советской власти в условиях Гражданской войны. В условиях резкого сокращения товарного производства сложно было рассчитывать на наличие излишков в крестьянских хозяйствах, традиционно сокращавших даже внутреннее потребление в весенний период. Тем не менее 70 % хлеба и фуража, причитавшегося по разверстке, крестьянам предстояло сдать к 1 марта, а полностью выполнить разверстку к 15 июня 1919 г.⁷

В наибольшей степени тяжесть продразверстки испытали на себе крестьяне хлебопроизводящих губерний, территория которых оставалась под контролем советской власти на протяжении всей Гражданской войны. Это Казанская, Симбирская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Тамбовская, Уфимская и другие губернии. Именно эти губернии дали советской власти хлеб и людские ресурсы для ведения Гражданской войны. К ним примыкали губернии Центральной России и ее севера, также ставшие основным источником ресурсов. Например, на Европейском Севере это были считавшиеся традиционно «хлебными»

⁴ История советского крестьянства: в 5 т. М., 1986. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917–1927; *Кабанов В.В.* Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988; *Павлюченков С.А.* Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997; *Кондрашин В.В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1920 гг. М., 2001; *Саблин В.А.* Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917–1921 (Социальные и экономические результаты). Вологда, 2002; *Шекшеев А.П.* Власть и крестьянство: начало гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 – конец 1918 гг.) Абакан, 2007; *Кондрашин В.В.* Крестьянское движение в России в годы гражданской войны: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009; *Николашин В.П.* Социализация земли и переустройство тамбовской деревни (1917–1918 гг.). Мичуринск, 2015; *Ченская Т.В.* Орловское крестьянство в годы гражданской войны (1918–1921 гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2017. № 5. С. 239–247; и др.

⁵ *Шафир Я.* Белогвардейцы и крестьянство. М.; Л., 1928; *Фоменко П.М.* Как воронежские рабочие и крестьяне боролись против Деникина. Воронеж, 1957; *Скорыходов В.П.* Из истории партизанской борьбы в Восточной Сибири. Иркутск, 1957; и др.

⁶ *Гордеев О.В.* Аграрная политика временных государственных образований Сибири в период гражданской войны (1918–1920 гг.). Красноярск, 2005; *Рышков В.М., Ильиных В.А.* Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013; *Курьшев И.В.* Партизанщина («Жилиевщина») в Северном Казахстане в 1919 году // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: сборник статей и материалов. М., 2015. С. 804–815; *Земельные органы антибольшевистских правительств в Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 г.): сб. док-тов.* Новосибирск, 2017; *Маленьких М.А.* Крестьянство Иркутской губернии в условиях контрреволюционных режимов // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие: сб. ст. Всерос. науч. конф. Сургут, 2017. С. 210–219; *Шекшеев А.П.* «Дубинная война» на юге Енисейской губернии // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. тр. Саратов, 2017. Вып. 11. С. 88–110; и др.

⁷ Декреты Советской власти. М., 1968. Т. IV. С. 293.

Шенкурский уезд Архангельской губернии, Тотемский уезд Вологодской губернии, Никольский уезд Северо-Двинской губернии⁸. Положение и поведение крестьян на указанной территории наиболее полно характеризует особенности участия в Гражданской войне крестьянства остававшегося под властью большевиков. В Сибири, на юге России, Украине и на других территориях, временно контролируемых антибольшевистскими режимами, после их падения в деревне наблюдались примерно те же процессы, что и в вышеназванных губерниях (недовольство продразверсткой, различными повинностями, крестьянское повстанческое движение).

В условиях «военного коммунизма» с его продразверсткой крестьянское хозяйство оказалось в состоянии нарастающего кризиса сельскохозяйственного производства, упадка его основных отраслей, ухудшения продовольственного обеспечения крестьянских семей. В информационном бюллетене Политического управления РСФСР за 20 июня – 1 июля 1919 г. о положении в Саратовской губернии при описании крестьянских настроений отмечалось: «Не хотят сеять, говоря, что все равно отнимут, так что посевная площадь сократилась в несколько десятков раз»⁹. Урожай уже первого продразверсточного года не покрыл всех потребностей села, что поставило под угрозу не только доставку хлеба на сыпные пункты, но и продовольственную безопасность самих производителей сельхозпродукции. В частности, согласно подсчетам продовольственной комиссии в с. Савельевка Бузулукского уезда Самарской губернии, урожай 1919 г. в хозяйствах села составил: пшеницы – 17 015 пудов, а ржи – 3 640 пудов, в то время как для обеспечения граждан села при расчете 1 пуда хлеба на человека в предстоящем году потребовалось бы 14 304 пуда, на обсеменение площади посева под урожай 1920 г. еще 7 674 пуда, не говоря уже о кормовых запасах¹⁰. В подобных условиях население оставалось безучастным к митинговой агитации и призывам усилить привоз хлеба.

Масштабы продовольственных изъятий явно не согласовывались с наличными запасами хлеба у крестьян. В частности, в Самарской губернии, как следует из доклада губернского комиссара по продовольствию К.Г. Мяскова от 22 сентября 1919 г., в текущем году губпродком предполагал изъять по губернии излишки хлеба в 18 млн пудов в дополнение к еще не изъятым излишкам 1918 г., итого 28 млн пудов. Однако Наркомпрод неожиданно выдвинул новые требования: самарскому крестьянству был выставлен счет в 46 млн пудов, что привело к складыванию взрывоопасной ситуации в уездах. В 1918 г. твердые цены были выше рыночных и хоть как-то удовлетворяли крестьянство, в дополнение к этому Волжский мост был поврежден и не ощущалось большого наплыва мешочников, а крестьянство еще верило в государственный товарообмен, поэтому изъятие хлебных излишков проходило без явно выраженного сопротивления¹¹. В 1919 г. себестоимость хлеба оказалась выше установленных государством цен. К тому же «небывалый наплыв мешочников из Москвы, покупка ими хлеба по спекулятивным ценам, применяемый ими индивидуальный товарообмен довели вольную цену до 500 руб. за пуд»¹². В этих условиях подвоз хлеба резко сократился. Ввиду непосильности для крестьян размеров натурального обложения и скрытого сопротивления проводимой разверстке хозяйственные итоги 1919 г. оказались в регионе малоутешительными. В частности, на 31 декабря на сыпных пунктах Самарской губернии имелось в наличии 5 036 953 пуда хлебных продуктов, что было в 9 раз меньше определенной центром разверстки¹³.

О методах и последствиях выкачки продовольствия из советской деревни в годы Гражданской войны говорилось в информационном листке Наркомзема от 21 марта 1919 г.: «Во

⁸ *Саблин В.А.* Хроника отчаяния и борьбы (Вологодская деревня в годы гражданской войны) // Вологда. Историко-краеведческий альманах. 1994. Вып. 1. С. 187–188.

⁹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 1. Д. 211. Л. 155 об.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1252. Оп. 1. Д. 48. Л. 78–78 об.

¹¹ Там же. Л. 104–105. Из урожая 1918 г. только одна Самарская губерния дала государству одну пятую часть всего добытого в заготовительную кампанию хлеба. См.: *Кабанов В.В.* Крестьянское хозяйство в условиях... С. 181.

¹² ГАРФ. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 48. Л. 105.

¹³ Самарская область. Самара, 2001. С. 163.

многих волостях Орловской губернии исполкомы, исполняя наряды на скот, отбирают у крестьян тельных коров, вызывая недовольство крестьян. Молочный скот реквизируется, не считаясь с семейным положением. Ведется беспощадное истребление молодняка. Режут месячных телят»¹⁴. В политических сводках, подготовленных волисполкомами Бугурус-ланского уезда Самарской губернии в сентябре-ноябре 1919 г., тотальным признаком крестьянской рефлексии являлся «ропот на недостаток соли, керосина, спичек, сельскохозяйственного инвентаря», мануфактуры и пр.¹⁵ Особенно остро крестьяне реагировали на отсутствие в продаже соли, что выражалось в готовности привоза хлеба на сыпные пункты даже на условиях явно неэквивалентного обмена¹⁶.

Восприятие крестьянством хлебобродных советских губерний реалий Гражданской войны наиболее точно передают программные документы участников восстаний против политики «военного коммунизма». Характерным в этом плане является наказ граждан Нижне-Санчелевской волости Ставропольского уезда Самарской губернии от 8 марта 1919 г. делегату Я.И. Никишину, «назначенному для мирных переговоров» с карательным отрядом. В требованиях крестьян констатировался факт произвола местных властей и говорилось о желаемых формах диалога с государством:

«1) Мы, крестьяне Нижне-Санчелевской волости, вынуждены были восстать не против Советской власти, но против коммунистических банд с грязным прошлым и настоящим, которые вместо истинных проповедей грабили и разоряли крестьянское население, ставили диктатуру и не входили в положение трудового крестьянства.

2) Мы, крестьяне, видя несправедливое действие коммунистов в том, что во все организации, как в советы, ставили кооптированных приспешников, не считаясь с мнением крестьян, и это им нужно для того, чтобы узнавать у крестьян, где имеются все существенные предметы, которые они через своих приспешников конфисковали и набивали свои карманы, превращая в свою собственность.

3) И если только не отберут право от коммунистов и не представят в распоряжение трудового крестьянства, то мы, крестьяне, вынуждены проводить борьбу до последней капли крови.

4) Мы, крестьяне, требуем крестьянского самоуправления, как-то: участвовать в выборах и быть выбранными как в сельские, волостные, уездные, губернские и т.д. советы из крестьянского населения, но не только из одних рабочих и коммунистов.

5) Мы, крестьяне, посылаем несколько протестов против коммунистов, которые делали всевозможные пакости, но на наши протесты нам грозили арестом и расстрелом, не считаясь с выборными советами, так что наши советы находились под каблуком коммунистов»¹⁷.

Как можно заметить, в наказе просматривается антигородская и антикоммунистическая (в смысле – «против начальства») основа протестных настроений. В нем зафиксированы не только объективированные претензии к власти, но и представление об идеальном (в крестьянском понимании) варианте взаимодействия крестьянства с советской властью: «требуем крестьянского самоуправления».

Крестьянский протест, спровоцированный административным произволом и продовольственной диктатурой, с лета 1918 г. охватывал весь спектр форм обыденного сопротивления (утаивание хлеба, ограничение его производства нормами внутреннего потребления, саботаж требований властей, проведение уездных и губернских крестьянских съездов, обращения к власти с жалобами и претензиями и пр.), а в исключительных случаях приводил к вооруженным выступлениям (в форме покушений на убийство и убийств представителей власти, восстаний, мятежей, рейдовой войны повстанческих отрядов), сопровождавшимся многочисленными жертвами с той и с другой стороны¹⁸. Подобная ситуация была характерна для всех регионов страны, находившейся под властью большевиков. При этом в столичных

¹⁴ Цит. по: Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях... С. 189.

¹⁵ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-193. Оп. 2. Д. 151. Л. 45–73.

¹⁶ Там же. Д. 191. Л. 25.

¹⁷ Цит. по: Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: док-ты и мат-лы. М., 2002. С. 99.

¹⁸ Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне... С. 234–243.

губерниях и близлежащих к ним местностях масштаб крестьянского протеста был значительно ниже, чем в основных хлеборобных и более отдаленных губерниях. Объяснялось это сосредоточением в них значительных отрядов ЧОН, ВЧК и Красной армии, способных оперативно подавить любые проявления этого протеста.

Увеличение масштабов и интенсивности изъятий продовольствия в 1920 г. имело своим непосредственным результатом формирование ответной волны крестьянского недовольства, граничившего с проявлениями социальной агрессии.

В годы Гражданской войны на подконтрольной большевикам территории страны массовый характер носило привлечение крестьян на различные виды работ по трудовым мобилизациям. Основными из них были трудовая и гужевая повинности. Всеобщая трудовая повинность для крестьян была введена декретом СНК от 5 октября 1918 г.¹⁹ Трудовая повинность распространялась и на привлечение крестьян к обмолоту и сдаче хлебов в счет продразверстки²⁰. Гужевая повинность для доставки военных, топливных, продовольственных и других государственных грузов в города, а также подвоза их к железным дорогам, пристаням и другим приемным пунктам была учреждена декретом СНК от 18 августа 1918 г.²¹ К ней привлекались хозяйства, имевшие лошадей, крестьяне в возрасте от 35 до 50 лет и крестьянки от 18 до 40 лет²². Особенно массовым было привлечение к гужевой и трудовой повинности крестьян северных губерний. Там на заготовке дров в лесу работали десятки тысяч крестьян со своими лошадьми²³. Насколько велика и трудна для крестьянских хозяйств была гужевая повинность, свидетельствует тот факт, что в Екатеринбургской, Тюменской, Челябинской, Уфимской и Пермской губерниях ежедневно для вывозки дров и угля требовалось 256 тыс. подвод²⁴. Гужевая повинность применялась и для выполнения продразверстки (доставки на сыпные пункты хлеба и фуража).

В 1919 г. крестьянство прифронтовых губерний (Воронежской, Тамбовской, Саратовской, Тульской и др.) в массовом порядке было мобилизовано на строительство военных рубежей в связи с наступлением А.И. Деникина. 10 тыс. подвод крестьян Вологодской губернии было мобилизовано за 5 дней в период подготовки к наступлению частей Красной армии на Архангельск в начале 1920 г.²⁵ Столько же подвод для эвакуации хлебных излишков и имущества должны были предоставить крестьяне Мамадышского уезда Казанской губернии во время наступления А.В. Колчака²⁶. В годы Гражданской войны в крестьянских хозяйствах в массовом порядке проводились изъятия лошадей и обозного инвентаря для нужд армии. Только за 1918–1919 гг. было изъято 441 тыс. лошадей, большое количество повозок, саней, комплектов упряжи²⁷.

Крестьянство массово привлекалось к различным видам работ по оказанию помощи железнодорожному транспорту, особенно к расчистке снежных заносов путей и станций. Постановление Совета обороны от 25 декабря 1918 г. «О борьбе со снежными заносами» наделило сельские, волостные и уездные советы полномочиями прибегать к военной силе для мобилизации крестьян²⁸. Зимой и весной 1919 г. сотни тысяч крестьян были задействованы в очистке путей. В феврале–марте 1920 г. на основании постановлений Совета обороны от 29 ноября 1919 г. и 2 февраля 1920 г.²⁹ в 13 губерниях Центральной России к снегоочистке железных дорог было привлечено 196 тыс. крестьян на 40 тыс. подводах³⁰.

¹⁹ Декреты Советской власти. М., 1964. Т. III. С. 295.

²⁰ СУ. 1920. № 66. Ст. 298.

²¹ Декреты Советской власти. М., 1973. Т. VI. С. 49.

²² Там же. С. 284.

²³ Саблин В.А. Хроника отчаяния и борьбы... С. 96.

²⁴ История советского крестьянства... Т. 1. С. 127.

²⁵ Из истории гражданской войны в СССР: сб. док-тов и мат-лов. М., 1961. Т. 3. С. 194.

²⁶ Большевики Татарии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны, август 1918 – декабрь 1920: сб. документов и материалов. Казань, 1961. С. 208.

²⁷ Война и революция. 1925. № 1. С. 116–117.

²⁸ Декреты Советской власти... Т. IV. С. 256–257.

²⁹ Там же. Т. VI. С. 324–325.

³⁰ История советского крестьянства... Т. 1. С. 126.

Еще одним видом гужевой и трудовой повинностей крестьян было участие в заготовках и перевозках дров. Только весной 1919 г. на лесозаготовках работало более 250 тыс. крестьян³¹. Для подвоза дров к железным дорогам, пристаням, фабрикам и заводам было привлечено до 90 % всего гужевого транспорта³². В 1918/1919 гг. с решающим участием крестьянства было заготовлено 4,2 млн куб. сажень дров, в 1919/1920 гг. – 9,4 млн. Из них вывезено было 7,1 млн куб. сажень³³. Всего за первую половину 1920 г. в работе по топливно-гужевой повинности было задействовано около 6 млн чел. и 5 млн подвод³⁴. В 1920/1921 гг. в среднем на каждое крестьянское хозяйство европейской части России пришлось по 40–50 дней работы с лошадей и по 30–40 дней без лошади, но там, где осуществлялись массовые лесозаготовки или перевозки военных и продовольственных грузов, число дней трудовой и гужевой повинностей возрастало до 100 и больше дней для конного и пешего работников³⁵.

Крестьяне приняли самое непосредственное участие и в боевых действиях в качестве мобилизованных и добровольцев в Красную армию. Кроме того, на территории Советской России они создали и свой собственный «крестьянский фронт» против политики «военного коммунизма»: «Чапанная война», махновщина, антоновщина, «Вилочное восстание», Западно-Сибирское восстание и др. Масштабы этого «фронта» определялись региональными особенностями. Так, на севере, где неземледельческие губернии жили за счет привозного и покупного хлеба, было невозможно содержать за счет крестьянских хозяйств большие отряды повстанцев. Тем не менее и там были крупные крестьянские выступления на почве недовольства продразверсткой: «Вельское восстание» – крестьянские волнения в 17 волостях Вельского уезда Вологодской губернии 14–22 марта 1921 г. и др.³⁶

Крестьянство составило основную массу военнослужащих Красной армии. По советскому законодательству 1918 г. комплектование РККА на добровольной основе, а затем путем введения всеобщей воинской повинности касалось рабочих и крестьян, не эксплуатирующих чужой труд, в возрасте от 18 до 40 лет³⁷. В 1918 г. был проведен призыв крестьян семи возрастов, по которому из состоявших на учете 1 млн 912 тыс. чел. рядового состава явились на сборные пункты 1 млн 725 тыс. чел. (более 90 %)³⁸. Мобилизация крестьян в Красную армию привела к изменению ее социального состава. Если к началу чехословацкого мятежа она состояла в основном из рабочих-добровольцев, то к концу 1918 г. 83,4 % красноармейцев были из числа мобилизованных в подавляющей своей массе крестьян, т.е. Красная армия стала преимущественно крестьянской³⁹.

Для отражения наступления А.В. Колчака в первой половине 1919 г. в Красную армию были призваны крестьяне 14 возрастов (более 523 тыс. чел.), в том числе участники Первой мировой войны, имевшие военный опыт⁴⁰. Затем мобилизация продолжилась в связи с возникновением деникинского фронта, и в Красную армию было мобилизовано 1 300 тыс. чел., в том числе около 1 млн крестьян⁴¹.

В 1920 г. в связи с польско-советской войной для пополнения Красной армии был проведен призыв крестьянской молодежи 1901 года рождения, который дал фронту 335 тыс. бойцов. К концу Гражданской войны, на 1 ноября 1920 г., общая численность Красной армии составила 5 млн 317 тыс. чел. По своему социальному происхождению более 4 млн красно-

³¹ История советского крестьянства... Т. 1. С. 128.

³² Краткий очерк продовольственного транспорта, 1918–1920. М., 1920. С. 19.

³³ История советского крестьянства... Т. 1. С. 128.

³⁴ Аникст А. Организация рабочей силы в 1920 г. М., 1921. С. 59.

³⁵ История советского крестьянства... Т. 1. С. 129.

³⁶ Трошина Т.И. Вельское восстание // Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: сборник статей и материалов. М., 2013. С. 211–222.

³⁷ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 352–357; Т. II. С. 63–84, 151–153, 334–335.

³⁸ Оликов С. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. М., 1926. С. 32.

³⁹ Кляцкин С.М. На защите Октября, 1917–1920. М., 1965. С. 233.

⁴⁰ Декреты Советской власти. М., 1971. Т. V. С. 63–65, 107–108.

⁴¹ История советского крестьянства... Т. 1. С. 140.

армейцев являлись крестьянами⁴². В социальной структуре армии они составляли 77 %⁴³. При этом в командном составе Красной армии выходцы из крестьян составляли почти две трети. Среди них оказались и видные военачальники: И.Р. Апанасенко, С.М. Буденный, Б.И. Думенко, И.А. Кочубей, И.С. Кутяков, С.К. Тимошенко, В.И. Чапаев и др.

Отношение различных социальных групп крестьянства к защите советской власти в рядах Красной армии было неодинаковым. Наиболее активными ее сторонниками выступали представители беднейшего крестьянства. Таковыми они считались и большевиками в соответствии с их классовым подходом к крестьянству. Летом 1918 г. в связи с мятежом чехословаков в ряде губерний Советской России на добровольческой основе были сформированы отряды Красной армии из числа бедняков и сельских коммунистов, как правило, солдат-фронтовиков. Среди них – Невельский отряд им. Ленина, 2-я бригада Западной стрелковой дивизии, 3-й Седлецкий и 4-й Варшавский полки и ряд других частей. Боевой отряд сформировали крестьяне Вилейской волости Псковской губернии и др.⁴⁴

Осенью 1918 г. по инициативе комбедов Северной области, поддержанной VI Всероссийским чрезвычайным съездом Советов, на подконтрольной большевикам территории страны началось формирование специальных «образцовых полков деревенской бедноты». Три таких полка были образованы в Петрограде, главным образом из крестьян-добровольцев Петроградской, Вологодской, Череповецкой и Северо-Двинской губерний. Три батальона бедноты сформировал Новгородский губвоенкомат⁴⁵. В ноябре 1918 г. из бедноты был создан 1-й Московский революционный полк, два таких полка комплектовались в Орле, по одному – в Витебской, Могилевской, Смоленской губерниях. В начале 1919 г. в г. Урде формировался 1-й Советский Образцовый киргизский полк, а в Астрахани – 1-й Образцовый революционный калмыцкий полк. Тогда же в Приволжском военном округе стала комплектоваться стрелковая «Бригада бедноты». Ряд «комбедовских формирований» проявил стойкость и героизм на фронтах Гражданской войны. На Восточном фронте осенью 1918 г. в числе особо отличившихся был 1-й Крестьянский полк 29-й дивизии 3-й армии, сформированный в основном из крестьян Пермской и Вятской губерний и рабочих-речников⁴⁶. Весной 1919 г. с лучшей стороны проявил себя Казанский полк бедноты⁴⁷.

Организация полков, батальонов и рот бедноты продолжалась до апреля 1919 г., их общая численность достигла 40 тыс. чел.⁴⁸ Именно столько крестьян добровольно ушло защищать советскую власть в годы Гражданской войны из губерний, контролируемых большевиками. Данный факт свидетельствовал о том, что основная масса крестьян призывного возраста, в том числе из бедноты, не пошла добровольцами в Красную армию. Подтверждением этому являются итоги выполнения декрета ВЦИК, СНК и Совета Обороны от 25 апреля 1919 г. «О призыве среднего и беднейшего крестьянства к борьбе с контрреволюцией». Каждая волость должна была выделить 10–20 добровольцев. Вместо 140 тыс. человек деревня выдвинула лишь 24 661 добровольца⁴⁹. Во многом такой результат объяснялся тем, что мобилизация совпала с разгаром весенних полевых работ, во время которых на вес золота в крестьянском хозяйстве была каждая пара рабочих рук, особенно мужских, в том числе для беднейших семей. Но все же главная причина была в нежелании основной массы крестьян покидать свои хозяйства и участвовать в войне, а также в малочисленности среди крестьян приверженцев большевистской партии. В результате с весны 1919 г., когда Гражданская война потребовала значительного увеличения численности Красной армии и

⁴² Директивы командования фронтов Красной армии. М., 1978. Т. IV. С. 227.

⁴³ История советского крестьянства... Т. 1. С. 140.

⁴⁴ Андреев В.М. Под знаменем пролетариата. М., 1981. С. 148–149, 151.

⁴⁵ Путьский Е.П. Военные комиссариаты Петроградского военного округа и их роль в строительстве Красной армии в 1918 г. // Исторические записки. 1957. Т. 61. С. 306.

⁴⁶ История советского крестьянства... Т. 1. С. 142.

⁴⁷ Андреев В.М. Под знаменем пролетариата... С. 159.

⁴⁸ Там же. С. 158–161.

⁴⁹ Декреты Советской власти... Т. V. С. 107–108; Директивы командования фронтов Красной Армии... Т. IV. С. 274.

добиться этого только за счет беднейшего крестьянства было уже невозможно, полки и роты, состоящие исключительно из деревенской бедноты, были признаны нецелесообразными и сливались с обычными красноармейскими частями⁵⁰.

Введение всеобщей воинской повинности вызвало в советской деревне сопротивление значительной части мужчин призывного возраста в формах уклонения от призыва, воинской службы, бегства из расположения частей и пр. Феномен дезертирства, возрожденный из практик военной повседневности времен Первой мировой войны и усилившийся по мере обострения продовольственного кризиса, роста повинностей и репрессивных практик чрезвычайных структур советской власти, вскоре превратился в самостоятельный фактор политической динамики. Тиражирование подобных видов воинских преступлений, масштабы дезертирства превращали аномалию в норму, способствовали росту произвола и насилия, дальнейшей криминализации общества. Например, в 1919 г. число уклонившихся от призыва и дезертировавших из своих частей составило 75 % от общего числа призывников⁵¹. Масштабы дезертирства в годы Гражданской войны из Красной армии, на 80 % состоявшей из крестьян, по оценкам исследователей были весьма значительны – от 2 до 3 млн 710 тыс. чел.⁵²

В контексте культуры повседневности можно интерпретировать данный феномен как определенную социальную практику, направленную на реализацию задач, с одной стороны, адаптации к экстремальным условиям бытия, а с другой – формирования новой идентичности, новых отношений, прежде всего в сфере социально-политического взаимодействия, воплощения истинной крестьянской правды⁵³. В современной историографии не утратили своей актуальности формулировки мотивации дезертиров, выявленные еще С. Оликовым («утомленность войной», потребности семьи и хозяйства, за пределами критические условия обеспечения красноармейцев)⁵⁴. Культурно-антропологический контекст дополняется переживанием ситуации «без государства», поиском и конструированием новой политической идентичности. В пользу обыденного характера реакций крестьянской психологии говорят и эмоционально окрашенные образы, созданные современниками. С. Оликов пишет о так называемой «циркуляции дезертиров»: «дезертиров ловили и отправляли на фронт, а они снова убегали и тащили за собой новых»⁵⁵.

Первый объявленный ВЦИК набор в Красную армию в зоне борьбы с чехословаками дал всего 54 тыс. чел. вместо ожидаемых 275 тыс. новобранцев. Попытки проведения последующих мобилизаций летом 1918 г. вылились в серию массовых протестов и восстаний среди крестьянства, вплоть до захвата власти в отдельных городах (как это было, скажем, в Тамбове и в Шенкурске Архангельской губернии)⁵⁶. Рост масштабов сопротивления военным мобилизациям вызвал создание в декабре 1918 г. специальных органов чрезвычайного управления – дезерткомов (Центральной и губернских комиссий по борьбе с дезертирством).

Массовый характер дезертирство приобретает сразу же после введения всеобщей воинской повинности в мае 1918 г. (декрет СНК «О принудительном наборе в Рабоче-крестьянскую Красную Армию» от 29 мая 1918 г.)⁵⁷. И именно масштабы явления создают прецедент градации дезертиров на «злостных» (к ним относились дезертиры, «умышленно отклоняющиеся от военной службы навсегда или временно, умышленно отстающие от маршевых рот, бежавшие с фронта и задержанные при облавах») и «по слабости воли»

⁵⁰ Васильев М.В. Полки деревенской бедноты в Псковской губернии // XI Машеровские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Витебск, 18 октября 2017 г.). Витебск, 2017. С. 111.

⁵¹ Мовчин Н. Комплектование Красной Армии. Л., 1926. С. 101.

⁵² Голдин В.И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000. С. 79.

⁵³ Там же. С. 64.

⁵⁴ Оликов С. Дезертирство в Красной Армии... С. 20.

⁵⁵ Там же. С. 19.

⁵⁶ Голдин В.И. Россия в Гражданской войне... С. 76.

⁵⁷ СУ РСФСР. 1918. № 41. Ст. 518.

(самовольно покинувшие ряды Красной армии и добровольно явившиеся)⁵⁸. Для борьбы с дезертирством власти активно использовали такой вид наказания, как полная или частичная конфискация наделной земли и имущества семей дезертиров и передача их «во временное пользование семьям красноармейцев»⁵⁹. В то же время добровольно явившиеся дезертиры, как правило, освобождались от уголовной ответственности. Так, например, к 26 июля 1919 г. по 7 военным округам добровольно явилось и было задержано 380,5 тыс. дезертиров из Красной армии⁶⁰. По существующим данным, с начала 1919 по ноябрь 1920 г. было выявлено и возвращено на службу 2 846 тыс. дезертиров, в том числе 1 543 тыс. явились добровольно, а 837 тыс. были задержаны при облавах⁶¹.

Оставляя воинские части ради поправки расстроенного хозяйства, крестьяне исподволь вынуждали власти активизировать деятельность по оказанию помощи семьям красноармейцев. Так, 14 августа 1919 г. пензенская губкомиссия Помсемкрасноармейцев отчиталась перед губернской комиссией по борьбе с дезертирством о засевах полей нуждавшимся семьям: в Городищенском уезде – 871 хозяйство (1 050 дес.), в Пензенском уезде – 657 хозяйств (2 085 дес., выдано семян овса – 3 364 пуда). Как следует из оперативных сводок пензенской комиссии по борьбе с дезертирством, оборотной стороной «облава» в обязательном порядке выступала забота о семьях красноармейцев: «Цель отрядов – выкачивание дезертиров и обследование полей семей красноармейцев»⁶².

Информационные сводки ВЧК, в большинстве своем содержащие достоверную информацию о настроениях крестьян в годы Гражданской войны, фиксируют изменение отношения крестьян к дезертирству и советской власти по мере нарастания угрозы реставрации старых порядков со стороны белого движения. Так, органами ВЧК сообщалось, что в Воронежской губернии «близость фронта и ужас деникинщины пробудили в крестьянах сознание защищать советскую власть»⁶³. В Орловской области произошел резкий перелом настроений крестьянских масс в сторону советской власти в связи с приближением Деникина, «что усилило добровольную явку дезертиров»⁶⁴. Аналогичной была ситуация в Пензенской губернии, где в связи с приближением белых настроение населения во всех уездах губернии резко изменилось в пользу советской власти⁶⁵. Все указанные губернии – это эпицентры бывшего помещичьего землевладения, где в результате революции крестьяне осуществили «черный передел» частновладельческих земель и поэтому вполне осознавали угрозу, которую несли ему белые армии. Именно они дали Красной армии большинство мобилизованных крестьян.

Несколько иной была ситуация в районах со смешанным населением казаков и крестьян, прежде всего на землях казачьих войск. Там большинство казаков и зажиточных крестьян, в том числе дезертиры из Красной армии («зеленые»), с нетерпением ожидали прихода белых, пытались устанавливать с ними связь и даже поднимать восстания в прифронтовой полосе. Объяснялось это ненавистью к политике «военного коммунизма», разорявшей в первую очередь хозяйства зажиточных казаков и крестьян, а также реакцией населения конкретных селений и станиц на насильственные действия продотрядов, ЧК и отрядов по борьбе с дезертирством. Например, на Дону к началу Гражданской войны в казачьей среде выделились полярные социальные группы со своими интересами. Это обстоятельство предопределило известное разделение донского казачества и крестьянства в годы вооруженного противостояния, когда большинство казаков в 1918–1919 гг. сражались на стороне белого движения, а крестьяне массово поддержали большевиков и пошли в Красную

⁵⁸ Оликов С. Дезертирство в Красной Армии... Л. 239.

⁵⁹ Декреты Советской власти... Т. V. С. 265.

⁶⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 182. Л. 109.

⁶¹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 39.

⁶² Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. П-36. Оп. 1. Д. 86. Л. 237; Д. 157. Л. 1.

⁶³ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. М., 1998. Т. 1. С. 185.

⁶⁴ Там же. С. 163.

⁶⁵ Там же. С. 194.

армию. Достаточно указать создателей краснопартизанских отрядов крестьян Б.М. Думенко, С.М. Буденного, Г.С. Маслакова, Г.Г. Колпакова. Эти отряды составили костяк 4-й кавалерийской дивизии, которая вместе со сформированной из ставропольских крестьян 6-й кавалерийской дивизией стала основой для создания в ноябре 1919 г. 1-й Конной армии. Тем самым социальная принадлежность во многом предопределяла выбор казаками и крестьянами противоборствующих лагерей⁶⁶.

В целом в годы Гражданской войны, как и прежде, приоритеты хозяйствования на земле являлись наиболее значимыми для крестьянства и ослабляли страхи перед репрессиями. Дезертирство стало одним из базовых элементов крестьянской повседневности, способом выживания крестьянских хозяйств в экстремальных условиях Гражданской войны.

По мере устранения угрозы реставрации старых порядков и возвращения помещиков крестьянское сопротивление все более приобретало характер войны – войны деревни, защищавшей общинные порядки и свои хозяйственные интересы, и города, государства, пытавшегося оптимизировать скудные продовольственные ресурсы. Наивысшего накала противостояние достигает в 1920–1921 гг. в условиях обострения продовольственной ситуации и появления первых признаков надвигающегося голода. Изъятие продовольствия, рост иных повинностей военно-мобилизационного характера постепенно приобретали характер тотальной угрозы жизнеобеспечения крестьянского хозяйства.

Слухи экономического характера отражали, главным образом, неудовлетворенный социальный интерес сельского населения в продовольствии: «о невыдаче с декабря вовсе продовольственного пайка, и тогда начнутся погромы на евреев и т.д., они распоряжаются и отбирают хлеб и куда-то увозят, а Красная армия голодает» (Самарская губерния, октябрь 1920 г.); «сильно фигурируют слухи, распускаемые даже членами волисполкомов, о голоде, что хлеб сгнил в элеваторах, а голодным его не дают, и это делается нарочно»; «как будто бы на крестьян наложена разверстка по 2 фунта тараканов с души, и кто ее не выполнит, с того будут брать хлебом» (Пензенская губерния, ноябрь 1920 г.)⁶⁷.

Таким образом, первые признаки надвигающейся катастрофы, спровоцированной политикой «военного коммунизма», были замечены уже в конце 1920 г. Непосредственным результатом политических практик стало истощение демографических и экономических ресурсов деревни (мобилизация трудоспособного мужского населения, увеличение норм продразверстки, сокращение посевных площадей, рабочего скота, рост изношенности сельскохозяйственной техники и пр.). В условиях жесткого ограничения хлебного рынка и измельчания крестьянских хозяйств в ходе осуществления социализации земли справиться с засухой деревня не смогла. Почти полное отсутствие осадков осенью 1920 – весной 1921 г. вызвало гибель посевов и травяного покрова и привело к голоду, поразившему хлебодородные губернии центра России. Пик голодовки пришелся на осень 1921 – весну 1922 г. В некоторых районах кризисная ситуация сохранялась до лета 1923 г. География голода охватила Поволжье, юг Украины и Крым, Урал, Башкирию, среднее течение Дона, часть Западной Сибири, территорию в общей сложности 35 губерний с населением до 40 млн чел.⁶⁸

Голод послужил катализатором роста экстремальных состояний человеческой психики, был достигнут предел адаптационных возможностей. Теперь социальный интерес, «нужда» сфокусировались исключительно на поиске продовольствия. Особенно тревожной была продовольственная ситуация в Самарской губернии, где валовой сбор зерна составил в 1920 г. всего лишь 17,1 млн пудов, или 40,7 % от уровня отнюдь не благоприятного в этом отношении 1917 г., а в следующем году валовые сборы зерновых упали еще ниже – до отметки в 11,4 млн пудов⁶⁹. К концу лета 1921 г. численность голодающих в губернии достигла 2 млн 600 тыс. чел. Голодали 93,7 % населения⁷⁰. Общность переживаний сплачивала, объединяла крестьян в «голодные толпы», целыми деревнями покидавшие места

⁶⁶ Народные вожаки 1918–1922 гг.: проблемы изучения и понимания. Материалы заочного круглого стола // КЛИО. 2016. № 4. С. 191.

⁶⁷ Крестьянское движение в Поволжье... С. 604.

⁶⁸ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012. С. 41.

⁶⁹ Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне... С. 454.

своего обитания, обступавшие «уисполкомы, ссыпункты, мельницы» в поисках хоть какого-нибудь продовольствия. Невыдача пропусков на поездки не могла остановить поток голодной стихии, передвигавшейся гужом и уничтожавшей на своем пути посевы, покосы, леса⁷¹. Смертность в районах голодания увеличилась в 5 раз, в Самарской губернии и ТАССР – в 6 раз. В целом по стране, по разным данным, от голода погибло не менее 5 млн чел.⁷²

Несмотря на проведение очередной мобилизационной кампании и создание чрезвычайных структур (Помгол⁷³), избежать кризиса смертности не удалось. Средств, собранных для закупки продовольствия, оказалось недостаточно. О фактическом бессилии местных властей, о полнейшей дезорганизации управления на низовом уровне свидетельствуют неоднократные попытки обращения во ВЦИК с просьбой о предоставлении продовольственной и финансовой помощи. В частности, в телеграмме Балаковского уисполкома сообщалось: «волсоветы ежедневно напоминают о невозможности продолжать работать на местах в силу натиска голодающих». Органы местной власти теряли «вес и авторитет перед населением в силу своей беспомощности»⁷⁴. Бюллетень губисполкома Симбирской губернии за 20–21 марта 1921 г. дает следующую характеристику массовых настроений: «по всей губернии наблюдается сходбище крестьян, начиная преимущественно женщинами, к ним примыкают мужчины, подходят толпами к сельсоветам с просьбой хлеба, покушаются на государственные ссыпные пункты разграблением, где вооруженными силами задерживаются от разграбления, есть случаи по губернии взламывания замков под государственным ссыпунктом и воровство хлеба»⁷⁵. Во многих волостях Симбирской губернии, где, по некоторым данным, голодало до 3/4 всего населения, сельские и волостные сходы принимали постановления о распределении хлеба из общественных амбаров, о запрете на вывоз хлеба из волости, о снятии охраны у государственного хранилища и избрании своего «ключника». Имеются сведения о создании крестьянских органов власти, действующих параллельно с Советами⁷⁶.

Зимой 1921 г., как следовало из доклада о состоянии партийной работы в Пензенской губернии, крестьяне «осаждали» Советы «с просьбой ехать за хлебом»; «были случаи разгрома элеваторов с остатками хлеба..., были случаи голодной смерти»; отмечалась «сильная тяга крестьян в Сибирь на подводах»⁷⁷. Самоликвидация крестьянских семей и стихийная миграция населения, спровоцированная голодом, становились привычной картиной повседневности.

Следует отметить, что миграционная активность сельского населения европейской части России, спровоцированная нехваткой продовольствия, сохранялась на высоком уровне на протяжении всего рассматриваемого периода. В 1918 г. в Сибирь прибыло 183,7 тыс. зарегистрированных переселенцев, большинство из которых оставались земельно неустроенными, не закрепленными за определенными земельными обществами, что усиливало социальную напряженность и недовольство чужаками, покушавшимися на захваты казенной, частновладельческой и надельной земли в сибирской деревне⁷⁸.

Особенно массовым стихийное переселенческое движение в Сибирь и юго-восточные губернии становится в 1920 г., что зафиксировано в попытках властей регламентировать, а по большому счету остановить этот процесс. Так, по данным И.Б. Беловой, с начала июля 1920 г. губисполкомам Тулы, Рязани, Воронежа и Калуги было предписано организовать перевозку ходочков (до 1,5 тыс. на каждую губернию), направлявшихся в Алтайскую,

⁷⁰ Репинецкий А.И. Практики выживания населения Поволжья в условиях голода 1921–1922 гг. // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2019. С. 250.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 96. Д. 526. Л. 9; Д. 525. Л. 16.

⁷² Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического... С. 43.

⁷³ Помгол – Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК, создана в июле 1921 г.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 96. Д. 525. Л. 17.

⁷⁵ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 200. Оп. 4с. Д. 19. Л. 279.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. А-2313. Оп. 2. Д. 107; ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 4с. Д. 19.

⁷⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 13. Д. 712. Л. 21.

⁷⁸ Рынков В.М., Ильных В.А. Десятилетие потрясений... С. 183.

Омскую, Семипалатинскую, Тюменскую и другие сибирские губернии на разведку лучшей жизни. Одновременно местным властям ставилось в обязанность развернуть агитацию против переселения⁷⁹. К 1920 г. в Сибири скопилось уже 500 тыс. крестьян, не приписанных к земельным обществам и не получивших надела⁸⁰.

Летом 1921 г. начинается стихийная массовая миграция голодающих. 25 июля власти вынуждены были санкционировать свободное переселение в Сибирь населения районов, пораженных голодом⁸¹. Так, в ТАССР первое упоминание о первых признаках надвигающейся катастрофы было зафиксировано местным управлением по эвакуации населения при НКВД в сентябре 1921 г. (в июле беженцев насчитывалось 24, в августе – уже 430, а в сентябре – 2 107 чел.). Властями было принято решение о срочной эвакуации 5 % всего взрослого голодающего населения республики. Основными направлениями организованной эвакуации назывались города Брянск, Гомель, Донецкий угольный бассейн, Нижегородская, Владимирская губернии, Сибирь, Туркестан⁸². Миграция продолжалась до начала 1922 г., несмотря на решение ТатЦИКа о прекращении организованной эвакуации из-за отсутствия финансирования. В целом в 1921 г. в пострадавших от голода губерниях выселились 6,5 % крестьянских хозяйств, в 1922 г. – 5,5 %, в 1923 г. – 4,4 %⁸³. По данным переписи 1926 г., в 1920–1924 гг. на территорию Сибирского края переселилось 650 тыс. чел.⁸⁴

Крестьянство голодавших районов смогло вернуться к нормальной жизни только с началом посевной кампании 1922 г. Так, в Самарской губернии период с февраля по май 1922 г. еще характеризовался как «время сплошного голода с массовыми явлениями трупоедства», общественные настроения исчерпывались понятием «усталости», фиксировалось наличие бандитизма. Однако в мае, когда началась посевная кампания, настроение крестьян кардинальным образом изменилось. Урожай зерновых «сильно смягчил голод <...>. В силу этого и настроение крестьянства улучшилось. Особенно хорошие результаты в отношении увеличения авторитета партии в глазах крестьян дала кампания по расторжению кабальных сделок. Устанавливается взгляд на РКП(б) как на защитницу интересов трудового крестьянства. Отношение крестьян к продналогу хорошее <...>». Умер естественной смертью, лишившись своей политической опоры, и бандитизм⁸⁵.

Одним из негативно окрашенных образов крестьянского сознания в период Гражданской войны, маркером, зафиксировавшим рассогласование социально-утопических представлений крестьянства и официальных идеологических установок, стал образ Коммуны. Закон о социализации земли прочно покоился на принципах отмены «всякой собственности на землю», «передачи земли в пользование всего трудового народа», обрабатывающего ее исключительно собственным трудом, распределения земли на уравнилельно-трудовых началах, и равных прав на пользование землей «у коммун и товариществ, общин и отдельных граждан, и семей и т.д.»⁸⁶, что в целом соответствовало императивам «общинного архетипа». Но к зиме 1919 г. положение изменилось.

Согласно ст. 3 «Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», в целях «окончательного уничтожения всякой эксплуатации человека человеком, для организации сельского хозяйства на основе социализма, а также объединения пролетариата и деревенской бедноты в их борьбе с капиталом» признавался необходимым переход от единоличных форм землепользования к товариществам. В силу этого положения вся земля объявлялась единым государственным фондом,

⁷⁹ Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014. С. 329.

⁸⁰ Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений... С. 183.

⁸¹ Там же. С. 185.

⁸² Федотова А. «Мы с переселением ужасно провалились» (Эвакуация как один из видов помощи голодающим ТАССР в 1921–1923 гг.) // Гасырлар Авазы (Эхо веков). 2016. № 3–4. С. 71.

⁸³ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического... С. 64.

⁸⁴ Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений... С. 185.

⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 349. Л. 3, 39, 53.

⁸⁶ См.: Основной закон о социализации земли. 27 января (9 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. I. С. 407–420.

находящимся в распоряжении народных комиссариатов и местных органов власти. Приоритет при осуществлении землеустройства и распределения земли отдавался в первую очередь советским хозяйствам и коммунам, а в последнюю – единоличникам⁸⁷. Это вызвало к жизни стремление крестьян защитить традиционное мироустройство, устои семейно-трудовой формы хозяйствования от посягательств извне и стимулировало социальное недовольство. В 1919 г. Наркомзем был всерьез обеспокоен сведениями, поступавшими с мест, о том, что «сельские общества препятствуют выделу земель группам членов общества, желающих перейти к общественной обработке, организующихся в сельскохозяйственную артель, коммуну и т.д.»⁸⁸.

В дальнейшем увеличение привилегий советских и коллективных хозяйств послужило лишь дополнительным основанием для углубления внутридеревенской конфликтности. Освобождение коммунаров от подводной повинности, материальная поддержка со стороны государства, наличие в хозяйствах запасов зерна, фуража и продовольствия превращали коммунарскую форму организации земледелия в яблоко раздора. Нарушалась освященная традицией социальная ориентация – уравнительный принцип распределения ресурсов внутри общины, что объясняет широкое распространение лозунга: «Громи коммуны, долой коммунию!». Так, протесты против насаждения коллективной формы землепользования были названы основным мотивом восставшего крестьянства в ходе «Чапанной войны»: «Когда инструктор спросил – против кого крестьяне восстают, ему ответили: “Против коммунии”, причем добавили, что стоят за советы» (с. Тереньга Сенгилеевского уезда Симбирской губернии 12 марта 1919 г.); «они идут не против советов, а только лишь против коммунистов-наильников, каковые, якобы, отнимают у крестьян весь хлеб и скот и насильно заставляют переходить в коммуну» (Усинская волость Сызранского уезда Симбирской губернии)⁸⁹.

Необходимо признать, что в период Гражданской войны в условиях архаизации хозяйственных практик и укрепления социально-психологических установок традиционного общества большевикам не удалось реализовать проект по социалистической реконструкции аграрного сектора экономики. Имея стартовый потенциал в виде конфискованной земли и инвентаря, новая власть не обладала необходимыми ресурсами (организационными, кадровыми, финансовыми, материально-техническими, логистическими) для осуществления преобразований. Поэтому попытки запустить процесс перехода мелкого крестьянского производства к крупному механизированному, организационно близкому к предпринимательскому укладу, оказались малоэффективными.

Так, по данным В.М. Рынкова и В.А. Ильиных, к лету 1920 г. в Сибири было создано 262 коммуны, 118 артелей и 82 совхоза, через год число коллективных хозяйств выросло до 1 887: они насчитывали 141 тыс. едоков и получили в свое распоряжение 185 тыс. десятин или 2,5 % всех земель сельскохозяйственного назначения в регионе. Однако данные первых проверок деятельности хозяйств социалистического сектора экономики оказались малоутешительными. В колхозах и совхозах царила полная бесхозяйственность, земля не обрабатывалась, скот уничтожался. Чаще всего создание коллективного хозяйства выступало формой социальной мимикрии, адаптации к новым условиям хозяйствования, обыденного сопротивления аграрной политике. И крестьяне вступали в колхозы и коммуны для того, чтобы получить от государства технику и семена, лучшие земли, льготы по продразверстке, уберечь свое хозяйство от конфискации и т.п. В условиях перехода к нэпу и сокращения господдержки начинается обвальное процесс ликвидации коллективных хозяйств. Так, только в Сибири в 1922 г. было ликвидировано 1 423 коммуны⁹⁰.

В Пензенской губернии на 1 января 1920 г. было организовано 32 коммуны и 51 артель с общим числом едоков в 7 917 чел., получивших в пользование 7 428 дес.⁹¹ Как свиде-

⁸⁷ Известия ВЦИК. 1919. 14 февр.

⁸⁸ ГАПО. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 621. Л. 67.

⁸⁹ Крестьянское движение в Поволжье... С. 238–239, 267.

⁹⁰ Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений... С. 197, 199.

⁹¹ ГАПО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 50. Л. 32.

тельствуют материалы выборочного обследования волостей, к осени 1924 г. в Головинщинской волости действовала лишь одна коммуна «Равенство» (возникла в 1919 г. в с. Андреевка), в составе 96 «едоков», из числа которых лишь 22 были мужчинами. Коммунары заняли бывшую усадьбу местного помещика Бабинова и имели в своем распоряжении 384 дес. земельных угодий. До 1920 г. коммуна состояла из семейных крестьян, объединивших свои хозяйства. Впоследствии ее состав изменился самым кардинальным образом: «преимущественно одиночки, пролетарии, не имеющие ничего, кроме одежды, бедняки и батраки, по большей части из голодающих губерний (Самарская и др.)»⁹².

Участие крестьянства – основной массы населения страны в Гражданской войне оказало важнейшее влияние на ее динамику и результаты. Деревня обеспечивала противоборствующие стороны людскими, продовольственными, сырьевыми и другими ресурсами. Мобилизованные крестьяне составляли большинство военнослужащих Красной и белых армий.

Отношение крестьянства к тяготам Гражданской войны, политике противоборствующих сторон по принуждению их к несению этих тягот определялось двумя обстоятельствами. Первое – это традиционный крестьянский менталитет, основой которого является общинная психология, ориентация крестьянского хозяйства в своей деятельности к минимизации трудовых затрат и возложенных на них государственных повинностей. В годы Гражданской войны он проявился в антигосударственном настрое деревни, ее стремлении не участвовать в войне людскими и материальными ресурсами. Этот фактор объясняет феномен массового крестьянского движения на почве недовольства политикой советской власти и антибольшевистских правительств по принуждению крестьян к участию в войне. И в Советской России, и на подконтрольной большевикам территории в условиях кризиса промышленности и дефицита промышленных товаров и товаров первой необходимости, развала финансовой системы крестьяне не желали сдавать власти хлеб и другие продукты на невыгодных для них условиях. Кроме того, получив в результате революции землю, они рассчитывали сосредоточить все свои силы на ее обустройстве. Поэтому противоборствующие в Гражданской войне режимы столкнулись с проблемой нежелания воевать основной массы крестьян, что проявилось в их массовом дезертирстве из Красной и белых армий. При этом часть крестьян занимала иную позицию: как правило, представители бедноты вступали добровольцами в Красную армию, а верхушка деревни – кулаки – в белые армии.

Акцентируя внимание на антигосударственном настрое крестьян в годы Гражданской войны в силу крестьянской психологии и других факторов, следует отметить, что он не объясняет в полной мере особенности поведения крестьян в различные периоды войны и в отдельных регионах. Здесь необходимо подчеркнуть второе обстоятельство, предопределившее отношение крестьян к советской власти в годы войны. Это поведение на территории сосредоточения бывшего помещичьего землевладения определялось итогами аграрной политики советской власти, утвердившей осуществленный крестьянами в 1917 г. «черный передел» частновладельческой земли на принципах уравнительности («по едокам»). Ничего подобного в аграрной политике антибольшевистских правительств не было. Ни одно из них не могло сделать большего для крестьян в вопросе о земле, чем советская власть. Поэтому при всем негативном отношении крестьян к политике «военного коммунизма» их страх перед белым движением был сильнее. Он решающим образом повлиял на поведение крестьян в критический для советской власти период наступления деникинской армии на Москву. Крестьянская повстанческая армия Махно нанесла серьезные удары по тылам Деникина, ослабив тем самым наступательный порыв деникинской армии. Точно так же крестьянское партизанское движение в Сибири стало серьезным фактором ослабления военного потенциала Колчака и подспорьем Красной армии в его разгроме. Таким образом, не только мобилизованные в ряды Красной армии крестьяне и добровольцы обеспечили победу красных над белыми, но и крестьянские повстанческие отряды в тылу Колчака и Деникина.

⁹² ГАПО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 21. Л. 70.

Этого нельзя сказать о Белом движении и других антибольшевистских режимах, в том числе в национальных районах. Крестьяне не проявили массового энтузиазма в их защите, потому что социальные вопросы, прежде всего вопрос о земле, оставались для них важнее, несмотря на активные попытки националистов поставить их под свои знамена.

Гражданская война принесла российской деревне колоссальные демографические потери, заложила тенденцию деградации хозяйственного потенциала, способствовала формированию экстремальных практик повседневности, вызвала трансформацию социальной и политической идентичности, тиражирование девиантных и криминальных форм поведения. Но в вихре военных невзгод крестьянство проявило себя отнюдь не безучастной жертвой военно-коммунистического эксперимента. В ходе «черного передела», поддержанного большевистским аграрным законодательством, в результате массового крестьянского повстанческого движения, ускорившего введение в Советской России нэпа, пережившие суровые реалии военного лихолетья крестьяне воплотили в жизнь крестьянский идеал – право хозяйствования на своей земле. Именно при их активном участии и поддержке большевики победили в Гражданской войне своих политических противников.

Литература

Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917–1921 (Социальные и экономические результаты) / В.А. Саблин. Вологда: Б.и., 2002. 342 с.

Андреев В.М. Под знаменем пролетариата. М.: Мысль, 1981. 247 с.

Аникст А. Организация рабочей силы в 1920 г. М.: Агит-изд. отд. Г.К.Т. и Н.К.Т., 1921. 126 с.

Большевики Татарии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны, август 1918 – декабрь 1920: сб. док-тов и мат-лов. Казань: Таткнигоиздат, 1961. 708 с.

Буденный С.М. Пройденный путь. М.: Воениздат, 1958. 448 с.

Васильев М.В. Полки деревенской бедноты в Псковской губернии // XI Машеровские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Витебск, 18 октября 2017 г.). Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. С. 110–111.

Голдин В.И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск: Боргес, 2000. 277 с.

Гордеев О.В. Аграрная политика временных государственных образований Сибири в период гражданской войны (1918–1920 гг.). Красноярск: Сибирский гос. технологический ун-т, 2005. 282 с.

Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: стат. исслед. / Г.Ф. Кривошеев и др. М.: Воениздат, 1993. 416 с.

Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012. 318 с.

Земельные органы антибольшевистских правительств в Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 г.): сб. док-тов / отв. ред. В.М. Рынков. Новосибирск: ФГБУН ИИ СО РАН, 2017. 543 с.

Из истории гражданской войны в СССР: сб. док-тов и мат-лов / ред. кол. Г.А. Белов и др. М.: Сов. Россия, 1961. Т. 3. 875 с.

История советского крестьянства: в 5 т. 1917–1927 / гл. ред. Г.В. Шарапов. М.: Наука, 1986. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 455 с.

Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М.: Наука, 1988. 302 с.

Кляцкин С.М. На защите Октября, 1917–1920. М.: Наука, 1965. 475 с.

Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1920 гг. М.: Янус-К, 2001. 542 с.

Кондрашин В.В. Крестьянское движение в России в годы гражданской войны: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009. 574 с.

Кондрашин В.В. В.П. Данилов – публикатор документов по аграрной истории России XX в. // Отечественные архивы. 2012. № 6. С. 37–44.

Кондрашин В.В. Крестьянское повстанческое движение 1918–1922 гг.: итоги и направления исследования // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 437–484.

Краткий очерк продовольственного транспорта, 1918–1920. М.: Б.и., 1920. 36 с.

Крестьянский фронт 1918–1922 гг. сб. ст. и мат-лов / сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2013. 739 с.

Курышев И.В. Партизанщина («Жилиевщина») в Северном Казахстане в 1919 году // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: сборник статей и материалов. М., 2015, 2015. С. 804–815.

Маленьких М.А. Крестьянство Иркутской губернии в условиях контрреволюционных режимов // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие: сб. ст. Всерос. науч. конф. Сургут: Печатный мир, 2017. С. 210–219.

Мовчин Н. Комплектование Красной Армии. Л.: РВС СССР, 1926. 292 с.

Народные вожаки 1918–1922 гг.: проблемы изучения и понимания. Материалы заочного круглого стола // КЛИО. 2016. № 4. С. 177–210.

Николашин В.П. Социализация земли и переустройство тамбовской деревни (1917–1918 гг.). Мичуринск: Мичуринский ГАУ, 2015. 125 с.

Оликов С. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. М.: Изд. военной тип. упр. делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926. 128 с.

Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Рус. книгоизд. товарищество-История, 1997. 270 с.

Путырский Е.П. Военные комиссариаты Петроградского военного округа и их роль в строительстве Красной армии в 1918 г. // Исторические записки. 1957. Т. 61. С. 72–94.

Репинецкий А.И. Практики выживания населения Поволжья в условиях голода 1921–1922 гг. // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Ленинградский гос. ун-т (ЛГУ) им. А.С. Пушкина, 2019. С. 248–254.

Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013. 243 с.

Саблин В.А. Хроника отчаяния и борьбы (Вологодская деревня в годы гражданской войны) // Вологда. Историко-краеведческий альманах. 1994. Вып. 1. С. 187–188.

Скорородов В.П. Из истории партизанской борьбы в Восточной Сибири. Иркутск: Кн. изд-во, 1957. 40 с.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. М.: РОССПЭН, 1998. Т. 1. 864 с.

Трошина Т.И. Вельское восстание // Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сборник статей и материалов. М., 2013. С. 211–222.

Федотова А. «Мы с переселением ужасно провалились» (Эвакуация как один из видов помощи голодающим ТАССР в 1921–1923 гг.) // Гасырлар Авазы (Эхо веков). 2016. № 3–4. С. 71–78.

Фоменко П.М. Как воронежские рабочие и крестьяне боролись против Деникина. Воронеж: Кн. изд-во, 1957. 52 с.

Ченская Т.В. Орловское крестьянство в годы гражданской войны (1918–1921 гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2017. № 5. С. 239–247.

Шафир Я. Белогвардейцы и крестьянство. М.; Л.: Московский рабочий, 1928. 132 с.

Шекшеев А.П. Власть и крестьянство: начало гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 – конец 1918 гг.) Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2007. 156 с.

Шекшеев А.П. «Дубинная война» на юге Енисейской губернии // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. тр. Саратов, 2017. Вып. 11. С. 88–110.

References

Andreev, V.M. (1981). *Pod znamenem proletariata* [Under the Banner of the Proletariat]. Moscow, Mysl'. 247 p.

Anikst, A. (1921). *Organizatsiya rabochey sily v 1920 g.* [Organization of Labor Force in 1920]. Moscow, Agit-izd. otd. G.K.T. i N.K.T. 126 p.

Belov, G.A. et al. (Eds.). (1961). *Iz istorii grazhdanskoj vojny: sb. dokumentov i materialov* [From the History of the Civil War: Coll. of Documents and Materials]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. Vol. 3. 875 p.

Berelovich, A., Danilov, V. et al. (Eds.). (1998). *Sovetskaya derevnya glazami VCHK–OGPU–NKVD* [Soviet Village Through the Eyes of the Cheka–OGPU–NKVD]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 1. 864 p.

Budyonny, S.M. (1958). *Proydenny put'* [The Distance Traveled]. Moscow, Voenizdat. 448 p.

Chenskaya, T.V. (2017). Orlovskoye krest'yanstvo v gody grazhdanskoj vojny (1918–1921 gg.) [Orjol Peasantry during the Civil War (1918–1921)]. In *XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii*. No. 5, pp. 239–247.

Fedotova, A. (2016). “My s pereseleniem uzhasno provalilis” (Evakuatsiya kak odin iz vidov pomoshchi golodayushchim TASSR v 1921–1923 gg.) [“We Failed Terribly with the Resettlement” (Evacuation as One of the Types of Assistance to the Starving of the TASSR in 1921–1923)]. In *Gasyrlar Avazy (Eho vekov)*. No. 3–4, pp. 71–78.

Fomenko, P.M. (1957). *Kak voronezhskie rabochie i krest'yane borolis' protiv Denikina* [How Voronezh Workers and Peasants Fought against Denikin]. Voronezh, Kn. izd-vo. 52 p.

Goldin, V.I. (2000). *Rossiya v Grazhdanskoj vojne. Ocherki noveyshey istoriografii (vtoraya polovina 1980-kh – 90-e gody)* [Russia in the Civil War. Essays on the Latest Historiography (Second Half of the 1980s – 90s)]. Arkhangelsk, Borges. 277 p.

Gordeev, O.V. (2005). *Agrarnaya politika vremennykh gosudarstvennykh obrazovaniy Sibiri v period grazhdanskoj vojny (1918–1920 gg.)* [Agrarian Policy of the Temporary State Formations of Siberia during the Civil War (1918–1920)]. Krasnoyarsk, Sibirskiy gos. tehnologicheskij un-t. 282 p.

Kabanov, V.V. (1988). *Krest'yanskoe khozyaystvo v usloviyakh “voennogo kommunizma”* [Peasant Economy in the Conditions of “War Communism”]. Moscow, Nauka. 302 p.

Karjaev, T.F. et al. (Eds.). (1978). *Direktivy komandovaniya frontov Krasnoy armii* [Directives of the Command of the Fronts of the Red Army]. Moscow, Voenizdat. Vol. 4. 756 p.

Klyatskin, S.M. (1965). *Na zashchite Oktyabrya, 1917–1920* [In Defense of October, 1917–1920]. Moscow, Nauka. 475 p.

Kondrashin, V.V. (2001). *Krest'yanskoe dvizhenie v Povolzh'e v 1918–1920 gg.* [Peasant Movement in the Volga Region in 1918–1920]. Moscow, Yanus-K. 542 p.

Kondrashin, V.V. (2009). *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v gody grazhdanskoj vojny: k voprosu ob istokakh stalinizma* [Peasant Movement in Russia during the Civil War: On the Origins of Stalinism]. Moscow, ROSSPEN. 574 p.

Kondrashin, V.V. (2012). V.P. Danilov – publikator dokumentov po agrarnoy istorii Rossii XX v. [V.P. Danilov, a Publisher of Documents on the Agrarian History of Russia in the 20th Century]. In *Otechestvennyye arhivy*. No. 6, pp. 37–44.

Kondrashin, V.V. (2018). *Krest'yanskoe povstanchesкое dvizhenie 1918–1922 gg.: itogi i napravleniya issledovaniya* [Peasant Insurrectionary Movement of 1918–1922: Results and Directions of Research]. In *Rossiya v gody Grazhdanskoj vojny, 1917–1922 gg.: ocherki istorii i istoriografii*. Moscow, St. Petersburg, Tsentri gumanitarnykh initsiativ, pp. 437–484.

Kostrikin, V.I., Osipova, T.V., Sharapov, G.V. et al. (Eds.). (1968). *Istoriya sovetskogo krest'yanstva. T. 1. Krest'yanstvo v pervoe desyatiletie Sovetskoy vlasti. 1917–1927* [History of the Soviet Peasantry. In Five Volumes. Vol. 1. The Peasantry in the First Decade of Soviet Power. 1917–1927]. Moscow, Nauka. 455 p.

(1920). *Kratkiy ocherk prodovol'stvennogo transporta, 1918–1920* [Brief Essay on Food Transport, 1918–1920]. Moscow. 36 p.

Krivosheev, G.F. et al. (1993). *Grif sekretnosti snyat. Poteri Vooruzhennykh sil SSSR v voynakh, boevykh deystviyakh i voennykh konfliktakh. Statisticheskoe issledovanie* [The Seal of Secrecy has Been Removed. Losses of the Armed Forces of the USSR in Wars, Hostilities and Military Conflicts. Statistical Research]. Moscow, Voenizdat. 415 p.

Kuryshv, I.V. (2015). Partizanshchina ("Zhilyaevshchina") v Severnom Kazakhstane v 1919 godu [Partizanshchina ("Zhilyaevshchina") in Northern Kazakhstan in 1919]. In "Atamanshchina" i "partizanshchina" v Grazhdanskoj vojne: ideologiya, voennoe uchastie, kadry. *Sbornik statey I materialov*. Moscow, pp. 804–815.

Malen'kikh, M.A. (2017). Krest'yanstvo Irkutskoy gubernii v usloviyakh kontrrevolyutsionnykh rezhimov [The Peasantry of the Irkutsk Province in the Conditions of Counter-Revolutionary Regimes]. In *Revolyutsionnaya Sibir': istoki, protsessy, nasledie: sb. st. Vseros. nauch. konf.* Surgut, Pechatnyy mir, pp. 210–219.

Movchin, N. (1926). *Komplektovanie Krasnoy Armii* [Manning the Red Army]. Leningrad, RVS SSSR. 292 p.

Nikolashin, V.P. (2015). *Sotsializatsiya zemli i pereustroystvo tambovskoy derevni (1917–1918 gg.)* [Socialization of Land and Reconstruction of Tambov Villages (1917–1918)]. Michurinsk, Michurinskiy GAU. 125 p.

Olikov, S. (1926). *Dezertirstvo v Krasnoy Armii i bor'ba s nim* [Desertion in the Red Army and the Fight against It]. Moscow, Izd. voennoy tip. upr. delami Narkomvoenmor i RVS SSSR. 128 p.

Pavlyuchenkov, S.A. (1997). *Voennyi kommunizm v Rossii: vlast' i massy* [War Communism in Russia: The Power and the Masses]. Moscow, Rus. knigoizd. tovarishchestvo-Istoriya. 270 p.

Poltorak, S.N. (Ed.). (2016). Narodnye vozhaki 1918–1922 gg.: problemy izucheniya i ponimaniya. *Materialy zaochnogo kruglogo stola* [Folk Leaders of 1918–1922: Problems of Study and Understanding. Materials of the Correspondence Round Table]. In *KLIO*. No. 4, pp. 177–210.

Posadskiy, A.V. (Ed.). (2013). *Krest'yanskiy front 1918–1922 gg. Sbornik statey i materialov* [Peasant Front 1918–1922. Collection of Articles and Materials]. Moscow, AIRO-XXI. 739 p.

Putyrsky, E.P. (1957). Voennye komissariaty Petrogradskogo voennogo okruga i ikh rol' v stroitel'stve Krasnoy armii v 1918 g. [Military Commissariats of the Petrograd Military District and Their Role in the Construction of the Red Army in 1918]. In *Istoricheskie zapiski*. Vol. 61, pp. 72–94.

Repinsky, A.I. (2019). Praktiki vyzhivaniya naseleniya Povolzh'ya v usloviyakh goloda 1921–1922 gg. [Practices of Survival of the Population of the Volga Region during the Famine of 1921–1922]. In *Prirodno-geograficheskie faktory v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'*. *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. St. Petersburg, pp. 248–254.

Rynkov, V.M. (Ed.). (2017). *Zemel'nye organy antibol'shevistskikh pravitel'stv v Sibiri (iyun' 1918 – dekabr' 1919 g.): sbornik dokumentov* [Land Authorities of the Anti-Bolshevik Governments in Siberia (June 1918 – December 1919): Collection of Documents]. Novosibirsk, FGBUN In-t istorii Sibirskogo otd. RAN. 543 p.

Rynkov, V.M., Ilinykh, V.A. (2013). *Desyatiletie potryaseniya: sel'skoe khozyaystvo Sibiri v 1914–1924 gg.* [A Decade of Upheavals: Siberian Agriculture in 1914–1924]. Novosibirsk, FGBUN In-t istorii SO RAN. 243 p.

Sablin, V.A. (1994). Khronika otchayaniya i bor'by (Vologdskaya derevnya v gody grazhdanskoj vojny) [Chronicle of Despair and Struggle (Vologda Village during the Civil War)]. In *Vologda. Istoriko-kraevedcheskiy al'manah*. Is. 1, pp. 187–188.

Sablin, V.A. (2002). *Agrarnaya revolyutsiya na Yevropeyskom Severe Rossii. 1917–1921 (Sotsial'nye i ekonomicheskie rezul'taty)* [Agrarian Revolution in the European North of Russia. 1917–1921 (Social and Economic Results)]. Vologda, OOO PF Poligrafist. 342 p.

Shafir, Ya. (1928). *Belogvardeytsy i krest'yanstvo* [The White Guards and the Peasantry]. Moscow, Leningrad, Moskovskiy rabochiy. 132 p.

Shekshchev, A.P. (2007). *Vlast' i krest'yanstvo: nachalo grazhdanskoj vojny na Yeniseye (oktyabr' 1917 – konets 1918 gg.)* [Power and the Peasantry: The Beginning of the Civil War on the

Yenisei (October 1917 – the End of 1918)]. Abakan, Izd-vo Hakasskogo gos. un-ta im. N.F. Katanova. 156 p.

Sheksheev, A.P. (2017). “Dubinnaya voyna” na yuge Yeniseyskoy gubernii [“Cudgel War” in the South of the Yenisei Province]. In *Voенно-istoricheskie issledovaniya v Povolzh’e: sbornik nauchnyh trudov*. Saratov. Is. 11, pp. 88–110.

Skorokhodov, V.P. (1957). *Iz istorii partizanskoй bor’by v Vostochnoy Sibiri* [From the History of Partisan Struggle in Eastern Siberia]. Irkutsk, Kn. izd-vo. 40 p.

Troshina, T.I. (2013). *Vel’skoe vosstanie* [Velsk Uprising]. In *Krest’yanskiy front 1918–1922 gg. Sbornik statey i materialov*. Moscow, pp. 211–222.

Vasiliev, M.V. (2017). Polki derevenskoy bednoty v Pskovskoy gubernii [Shelves of the Rural Poor in the Pskov Province]. In *XI Masherovskie chteniya: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchenykh (Vitebsk, 18 oktyabrya 2017 g.)*. Vitebsk, VGU imeni P.M. Masherova, pp. 110–111.

Zamaleeva, N.Z. et al. (Eds.). (1961). *Bol’sheviki Tatarii v gody inostrannoy voennoy interventsii i grazhdanskoy voyny, Avgust 1918 – dekabr’ 1920: sb. dokumentov i materialov* [Bolsheviks of Tataria during the Years of Foreign Military Intervention and Civil War, August 1918 – December 1920: Coll. of Documents and Materials]. Kazan, Tatknigoizdat. 708 p.

Zhyromskaya, V.B. (2012). *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossi v XX veke* [The Main Trends in the Demographic Development of Russia in the Twentieth Century]. Moscow, Kuchkovo pole. 318 p.

В.А. Ильных*

**СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР В 1930–1932 ГГ.:
ДИНАМИКА, ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ****doi:10.31518/2618-9100-2023-4-5
УДК 94:631(47)"1930/1932"

Выходные данные для цитирования:
Ильных В.А. Сельское хозяйство СССР в 1930–1932 гг.: динамика, факторы развития // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 69–79.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-05.pdf>

V.A. Il'nykh*

**THE USSR AGRICULTURE IN 1930–1932:
DYNAMICS, FACTORS OF DEVELOPMENT****

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-5

How to cite:
Il'nykh V.A. The USSR Agriculture in 1930–1932: Dynamics, Factors of Development // Historical Courier, 2023, No. 4 (30), pp. 69–79.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-05.pdf>]

Abstract. Author analyses the dynamics and development factors of the main branches and sub-branches of agriculture in the USSR under conditions of the forced collectivization. The changes in organizational-productive structure of agrarian sector of economy were reconstructed. It is concluded that the mass collectivization caused a deep crisis in animal husbandry, which manifested itself in the annual reduction of working and productive livestock. In crop farming it was possible to achieve an increase in the area under crops. But the increase was obtained mainly at the expense of industrial crops (cotton, sugar beets, etc.). The arable land occupied by grain crops increased insignificantly. Quality indicators of grain farming deteriorated. The average annual yield and gross yield of grain in 1930–1932 decreased in comparison with the previous three-year period. At the same time, the volume of state grain procurements in 1930–1932 increased significantly. This indicates an increase in the marketability of grain economy. However, it had an extra-economic coercive character. In the early 1930s there were radical changes in the organizational and production structure of agriculture in the USSR. Collective and state farms took the leading place in crop production. Most livestock was kept on farms categorized as individual farms. The second position in livestock production was occupied by private farms of collective farmers. Enterprises of the socialist sector were significantly inferior to individual farms in terms of livestock. As a result, in the early 1930s the agrarian sector of the USSR was characterized by even more multiformity than in the late 1920s.

Keywords: agrarian policy of the Soviet state, collectivization, agriculture, crop production, animal husbandry, collective farms.

The article has been received by the editor on 30.04.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье проведен анализ динамики и факторов развития основных отраслей и подотраслей сельского хозяйства СССР в условиях форсированной коллективизации. Реконструированы изменения в организационно-производственной структуре аграрного сектора экономики. Сделан вывод о том, что массовая коллективизация

* Владимир Андреевич Ильных, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: agro_iwa@mail.ru

Vladimir Andreevich Il'nykh, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: agro_iwa@mail.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Динамика экономического и социального развития Азиатской России в контексте геостратегических вызовов конца XIX – начала XXI вв.» (FWZM-2021-0003).

The article was made on the topic of the state assignment “Dynamics of the Economic and Social Development of Asian Russia in the Context of Geostrategic Challenges of the Late 19th – Early 21st Centuries” (FWZM-2021-0003).

вызвала глубокий кризис животноводства, который проявился в ежегодном снижении поголовья рабочего и продуктивного скота. В растениеводстве удалось добиться увеличения посевных площадей. Но прирост был получен в основном за счет технических культур (хлопка, сахарной свеклы и др.). Пашня, занятая зерновыми культурами, увеличилась незначительно. Ухудшились качественные показатели зернового хозяйства. Среднегодовая урожайность и валовый сбор зерна в 1930–1932 гг. по сравнению с предыдущим трехлетием уменьшились. В то же время объем государственных хлебозаготовок в 1930–1932 гг. существенно вырос. Это свидетельствует об увеличении товарности зернового хозяйства. Однако она имела внеэкономический принудительный характер. В начале 1930-х гг. произошли радикальные изменения в организационно-производственной структуре сельского хозяйства СССР. Ведущее место в растениеводстве заняли колхозы и совхозы. Больше всего скота содержалось в хозяйствах, относимых к категории единоличных. Вторую позицию в продуктивном животноводстве занимали личные приусадебные хозяйства колхозников. Предприятия социалистического сектора по поголовью скота существенно уступали индивидуальным хозяйствам. В итоге в начале 1930-х гг. аграрный сектор СССР отличался еще большей многоукладностью, чем в конце 1920-х гг.

Ключевые слова: аграрная политика Советского государства, коллективизация, сельское хозяйство, растениеводство, животноводство, колхозы.

Статья поступила в редакцию 30.04.2023 г.

Анализ развития сельского хозяйства относится к числу базовых задач аграрной историографии. Ее решение имеет принципиальное значение для определения эффективности функционирующего в стране аграрного строя. К числу наиболее значимых историографических проблем относятся социально-экономические последствия осуществления форсированной коллективизации.

На рубеже 1910–1920-х гг. падение сельскохозяйственного производства в стране в целом и ее регионах приобрело характер полномасштабного кризиса. С целью его преодоления большевистский режим перешел от «военного коммунизма» к новой экономической политике, базовой целью которой являлось создание экономического механизма, обеспечивающего восстановление и дальнейшее развитие аграрного сектора экономики.

Полномасштабное восстановление сельского хозяйства на базе нэпа началось в 1923 г. Стимулами его поступательного развития стали уменьшение и упорядочение налогообложения, возобновление регулярного снабжения деревни сельскохозяйственными машинами и инвентарем, налаживание системы сельскохозяйственного кредита, землеустройства, агрономического и зооветеринарного обслуживания¹. Темпы восстановительных процессов были впечатляющими. Показатели 1913 г. по общей площади посева были превзойдены в 1926 г., уровень 1916 г. по поголовью свиней – уже в 1924 г., крупного рогатого скота (КРС), а также овец и коз – в 1925 г.²

В полеводстве опережающими темпами развивалось производство технических культур. В 1927 г. хлопка в СССР засеяли на 17 %, льна – на 13, сахарной свеклы на 3 % больше, чем в 1913 г. В то же время посевы зерновых превзошли довоенный уровень лишь на 0,3 %³. Тем не менее и в зерновом хозяйстве процесс восстановления в целом завершился.

Однако за ширмой благополучных количественных результатов развития сельского хозяйства скрывались кризисные явления. Неудовлетворительными были качественные

¹ Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX веке: выбор путей и методов модернизации. Новосибирск, 2014. С. 24–25.

² Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. М., 1935. С. 322–323; Животноводство СССР за 1916–1938 гг.: стат. сб. М.; Л., 1940. С. 4.

³ Социалистическое строительство СССР. М., 1935. С. 322–323.

показатели аграрного производства. поголовье рабочего скота уступало дореволюционному уровню. Преобладающей системой земледелия в земледельческом центре страны по-прежнему было трехполье. Урожайность оставалась низкой и неустойчивой. Продуктивность скота снизилась. Существенных сдвигов в техническом обеспечении сельскохозяйственного труда не произошло. Раздел помещичьих латифундий не привел к существенному увеличению крестьянского землепользования. Характерной чертой ряда регионов европейской части страны оставалось аграрное перенаселение и парцелляция крестьянских наделов. К 1928 г. прирост населения целиком поглотил крестьянские прирезки, полученные в результате революции⁴.

Наиболее значимой негативной чертой аграрного строя нэповской России стало снижение товарности сельскохозяйственного производства. Так, достигнутый в 1926/1927 г. максимальный объем товарного производства животного масла в Сибири составлял 62 % от уровня 1913 г.⁵ При этом коров в регионе в 1926 г. было больше, чем в 1913 г.⁶ Товарная продукция зерновых в целом по стране снизилась с 16,7 млн т (25,5 % к валовому сбору) в 1909–1913 гг. до 14–15 млн т в 1926/1927 г. (18–19 % от валового сбора)⁷. Зерновой экспорт из СССР даже в самые урожайные годы не превышал и четверти его дореволюционного объема, а в неурожайные хлеба не хватало даже для внутреннего потребления⁸.

Базовая причина снижения уровня товарности аграрного сектора экономики заключалась в изменениях организационно-производственной структуры сельского хозяйства. Ликвидированные в ходе социальных катаклизмов рубежа 1910–1920-х гг. высокотоварные помещичьи и крестьянские предпринимательские (кулацкие) хозяйства сменили мелкотоварные крестьянские. При этом произошла нивелировка деревни на более низком, чем дореволюционный, уровне обеспеченности средствами производства⁹. Расширению размеров крестьянских хозяйств препятствовал применяемый большевистским режимом экономический и политический прессинг по отношению к более зажиточным жителям деревни. Крупное крестьянское (кулацкое) хозяйство воспринималось руководителями Коммунистической партии однозначно как капиталистическое, а следовательно, враждебное. Сдерживающим фактором развития производительных сил сельского хозяйства являлось также ставшее результатом аграрной революции укрепление общинного строя. Уравнительные переделы, нередко провоцируемые властями, проводились еще чаще. Несколько оттесненные в предыдущий период чересполосица и принудительные севообороты восстанавливали свои позиции¹⁰.

В конце 1920-х гг. советское руководство пришло к выводу, что мелкотоварное аграрное производство стало препятствием на пути модернизации страны. Преодолеть мелкотоварность сельского хозяйства предполагалось на путях коллективизации деревни. Согласно марксистской теории, производственное кооперирование крестьянства позволяет широко внедрить в сельское хозяйство новейшие технические достижения, превратить аграрный труд в разновидность индустриального и за счет этого резко повысить его производительность¹¹.

⁴ Роголина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010. С. 75.

⁵ Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск, 2005. С. 256.

⁶ Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство. С. 41.

⁷ Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). М., 1966. С. 23; Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг.). Новосибирск, 1992. С. 172, 216.

⁸ Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте... С. 219.

⁹ Есиков С.А. Коллективизация сельского хозяйства как средство модернизации // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 21.

¹⁰ Проекты преобразования аграрного строя... С. 26.

¹¹ Там же. С. 37.

XV съезд ВКП(б) в качестве основной цели партии в деревне поставил задачу «объединения и преобразования мелких индивидуальных хозяйств в крупные коллективы»¹². При этом ставилась задача ускорения колхозного строительства, а не перехода к форсированной коллективизации. В непосредственную повестку дня аграрной политики XV съездом и последующими партийными форумами была поставлена задача проведения комплекса мероприятий по политической изоляции и хозяйственному вытеснению кулачества.

Экономическое наступление на зажиточные слои деревни приводило к их разорению и консервации мелкотоварности крестьянской экономики. Посевы зерновых культур в СССР в 1929 г. увеличились по сравнению с 1927 г. лишь на 1,3 %¹³. В животноводстве началась рецессия. поголовье КРС в 1928/1929 г. сократилось по сравнению с предыдущим годом на 5 %, коров – на 1,2, свиней – на 21,6 %. И лишь численность овец и коз осталась фактически неизменной (прирост на 0,2 %)¹⁴. В 1929 г. начавшийся в 1928 г. сверхнормативный сброс стада ускорился.

В начале января 1930 г. сталинское большинство в ЦК ВКП(б) приняло решение о переходе к форсированной коллективизации. В конце зимы 1930 г. темпы коллективизации соответствовали самым смелым предположениям. В начале марта в СССР в колхозах числилось 56 % крестьянских хозяйств¹⁵. Результатом «большевистского натиска» на деревню стало резкое падение производительных сил сельского хозяйства, особенно ошутимое в животноводстве. С тем чтобы окончательно не уничтожить аграрный сектор экономики, власти скорректировали свою политику по отношению к деревне. Насильственные методы коллективизации были официально дезавуированы. И крестьяне в массовом порядке стали выходить из колхозов. Уровень коллективизации в стране опустился до 21 %¹⁶.

Одной из задач массовой коллективизации являлось решение обострившейся в конце 1920-х гг. зерновой проблемы. Однако форсирование колхозного строительства создало угрозу срыва весеннего сева зерновых в 1930 г. Коррекция аграрного курса правящей партии в марте этого года оказалась своевременной. Коллапс зернового хозяйства был предотвращен. Весной регионы получили дополнительные материальные ресурсы: семена, фураж, технику. Несмотря на усилия центральных, региональных и местных властей, в полной мере преодолеть последствия форсированной коллективизации не удалось. Организация труда в колхозах находилась на крайне низком уровне. Запоздалая доставка семян в рамках государственной семенной помощи, снижение поголовья рабочего скота, его истощенность вследствие «разбазаривания» кормовых ресурсов привели к позднему началу посевной кампании и беспрецедентному затягиванию сроков сева¹⁷. В целом по СССР 20,5 % площадей, занятых яровыми культурами, были засеяны после 1 июня¹⁸.

Площадь ярового посева зерновых культур в стране уменьшилась на 2,7 %. Однако это снижение было перекрыто за счет озимого сева 1929 г., который проходил в иных экономических и политических условиях. В итоге общий посев зерновых в 1929/1930 сельскохозяйственном году увеличился на 6 %. Общая посевная площадь всех культур в СССР в 1929/1930 г. выросла на 7,8 %. На территории Западно-Сибирского края, в котором озимые хлеба практически не возделывались, общая площадь посева снизилась на 21 %, а посевов зерновых – на 27 % (табл. 1)¹⁹.

¹² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 4. С. 299.

¹³ Социалистическое строительство СССР. М., 1935. С. 323.

¹⁴ Животноводство СССР за 1916–1938 гг. ... С. 4.

¹⁵ История советского крестьянства. М., 1986. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. С. 155.

¹⁶ Там же. С. 169.

¹⁷ Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. Новосибирск, 2011. С. 474, 476–477.

¹⁸ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. М., 1936. С. 352.

¹⁹ Там же. С. 241, 246.

Таблица 1

Посевные площади в СССР в 1929–1932 гг. во всех категориях хозяйств (тыс. га)

Культура	1929	1930	1931	1932
Зерновые	96 012	101 761	104 406	99 700
Технические в том числе:	8 800	10 466	14 039	14 877
хлопок	1 056	1 583	2 137	2 172
сахарная свекла	771	1 036	1 394	1 538
Весь посев	118 050	127 218	136 285	134 435

Источник: Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. М., 1936. С. 238, 241.

1930 г. был благоприятным для выращивания сельскохозяйственных культур. Урожай оказался рекордным. Валовый сбор зерна, согласно опубликованным источникам, составил 835,4 млн ц (+16 % по сравнению с 1929 г.)²⁰. Однако данные официальной статистики были завышены. С. Уиткрофт выявил предназначенные для служебного пользования документы ЦУНХУ, в которых приводятся значительно более низкие цифры производства – 772 млн ц. Тем не менее и последний показатель был самым высоким за все 1920-е гг.²¹

В начале 1931 г. массовая коллективизация возобновилась. К началу июля в колхозы в СССР вступили 53 % крестьянских дворов. Их доля в общей посевной площади достигла 68 %. К концу 1931 г. уровень коллективизации вырос до 63 %²². Наряду с коллективизацией развернулось широкомасштабное совхозное строительство.

Весенняя посевная кампания 1931 г., которая проходила в условиях преобладания «социалистического» сектора, должна была продемонстрировать преимущества коллективного сельского хозяйства. Всего весной планировалось засеять 100 млн га (+13,2 % по сравнению с предыдущим годом). Половина от общего плана весенней посевной возлагалась на колхозы. Общий прирост посевных площадей в 1930/1931 г., включая озимые культуры, должен был составить 10,5 %, посева зерновых – 6,5 %²³.

Несмотря на некоторое невыполнение намеченных планов, «вторая большевистская весна» прошла в целом успешно. Площадь посева яровых культур в СССР увеличилась на 10,4 % и составила 97,5 млн га. 60,1 % площадей засеяли колхозы, 9,4 % – совхозы, 30,4 % – единоличники. Однако неудовлетворительные результаты осенней посевной кампании несколько ухудшили показатели общего прироста. Яровой и озимый посевы в стране выросли на 7 %. Посев зерновых увеличился лишь на 2,6 % (см. табл. 1)²⁴.

При этом применительно к зерновым весенняя посевная сильно задержалась. В целом по СССР 22,1 % площадей, занятых яровыми культурами, было засеяно после 1 июня. Причинами задержки отчасти была запоздалая весна. Но свою роль в затягивании весенних сельскохозяйственных работ сыграла нехватка рабочего тягла. Общее число рабочих лошадей в СССР снизилось с июля 1930 по июль 1931 г. на 6 %, а за два предыдущих года – на 17 %²⁵. Некоторые единоличники избавились от рабочего скота, прежде чем вступить в колхоз. В колхозах большинство лошадей находилось в истощенном состоянии. Уход за

²⁰ Сельское хозяйство СССР... С. 239–240.

²¹ Там же. С. 239–240; Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. М., 1934. С. 203; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: док-ты и мат-лы. М., 2001. Т. 3: Конец 1930–1933. С. 854.

²² Колхозы во второй сталинской пятилетке: стат. сб. М.; Л., 1939. С. 1; История советского крестьянства. М., 1986. Т. 2. С. 196.

²³ Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: Сельское хозяйство СССР. 1931–1933. М., 2011. С. 70.

²⁴ Социалистическое строительство СССР. М., 1934. С. 180–185; Сельское хозяйство СССР... С. 249.

²⁵ Сельское хозяйство СССР... С. 352, 511.

ними был неудовлетворительным. Кормов не хватало. К апрелю некоторые колхозы Нижне-Волжского края кормили лошадей соломой с крыш сараев, отчего те часто травились²⁶.

Относительный успех весенней посевной кампании 1931 г. предопределял ряд факторов. Предыдущий сельскохозяйственный год был высокоурожайным и в деревне удалось накопить достаточное количество семян. Колхозы, в которых их не доставало, получили возвратную семсуду. Объединение усилий вошедших в колхозы крестьян действительно создало условия для роста среднестатистических показателей посева по сравнению с единоличными хозяйствами. Свою лепту в увеличение обработанной земли внесли трактора МТС²⁷. С 1 июня 1930 по 1 июня 1931 г. их количество в СССР увеличилось с 637 до 1 228, а число тракторов в них – с 7,1 до 50,1 тыс. МТС вспахали 18 млн га (30 %) колхозных посевных площадей, тогда как в 1930 г. – 2 млн га. Совхозы отличались более высоким уровнем механизации. Количество тракторов в них за 1931 г. выросло с 27,7 до 51,5 тыс.²⁸

Ситуация в сельском хозяйстве резко осложнилась летом 1931 г. в связи с сильной засухой, поразившей Западную Сибирь, Зауралье, Северный Казахстан, Нижнее Поволжье. Помимо засухи, негативное влияние на урожай оказало затягивание весенней посевной (см. выше). Это задержало весь цикл роста и созревания зерновых. Стадия цветения, когда хлеба особенно уязвимы, началась позже обычного и пришлось на июльскую жару, осложненную суховеями. Средняя урожайность зерновых культур в 1931 г. на Урале составила 2,7 ц/га, в Нижне-Волжском крае – 3,7 ц, в Средне-Волжском крае – 4,0 ц, в Казахской АССР – 4,3 ц, в Западно-Сибирском крае – 4,5 ц/га. В остальных регионах страны недорода не было. Но в таких важных хлебопроизводящих районах, как ЦЧО и Украина, урожайность была ниже, чем в предыдущем году. По официальным данным, валовый сбор зерновых в 1931 г. в СССР в целом снизился на 17 %. В предыдущий период более низкой урожайность хлебов в стране была лишь в недородные 1921 и 1924 гг.²⁹

Последствия недорода в ряде регионов и повсеместное сверхнормативное изъятие хлеба в ходе государственных заготовок негативно повлияли на ситуацию в полеводстве в 1931/1932 сельскохозяйственном году. В ряде зернопроизводящих регионов страны произошло снижение посевных площадей. На Украине площадь посевов зерновых культур сократилась на 14 %, посевов всех культур – на 8,5 %, в Западно-Сибирском крае – на 15 и 11 % соответственно. В СССР в целом общая площадь посева уменьшилась на 1,4 %, а зерновых – на 4,5 %. Весенняя посевная кампания вновь затянулась. Нехватка тягловой силы для вспашки и жатвы стала еще острее, чем в предыдущем году. Поголовье рабочих лошадей сократилось еще на 17 % (см. табл. 1)³⁰. Качество живой тягловой силы ухудшилось. Поставки тракторов не смогли компенсировать потери. Сельское хозяйство получило тракторов меньше, чем в 1931 г. При этом многие ранее полученные машины стали выходить из строя. Следствием хлебозаготовок стал дефицит семян, который государству в полной мере компенсировать не удалось. Но наиболее негативное влияние на результаты посевной кампании оказало падение трудовой дисциплины колхозников. Минимизация их оплаты труда стала причиной либо массовых отказов от выхода на производство, либо работы «спустя рукава».

Согласно опубликованным сведениям, урожайность хлебов в СССР в 1932 г. была несколько выше, чем в предыдущем (6,7 и 7 ц/га), а валовый сбор увеличился с 694,8 до 698,7 млн ц. Но так называемый амбарный урожай был существенно меньше. Организационная слабость, недостаток тягловой силы, затягивание уборки в сочетании с осенней непогодой привели к значительному снижению ожидаемого валового сбора. По данным С. Уиткрофта, сбор зерновых снизился с 690 млн ц в 1931 г. до 566 млн ц в 1932 г.³¹ Однако

²⁶ Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода... С. 74.

²⁷ Аграрная политика советского государства... С. 493.

²⁸ Сельское хозяйство СССР... С. 192; Социалистическое строительство СССР. М., 1934. С. 142, 155; Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода... С. 80.

²⁹ Сельское хозяйство СССР... С. 269–270.

³⁰ Там же. С. 238, 246, 248–249, 511.

³¹ Там же. С. 266; Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 854.

руководство страны проигнорировало реальную ситуацию на хлебной ниве. Несмотря на то, что даже по данным официальной статистики валовый сбор в 1932 г. был меньше, чем в 1929 г., на 3 %, объем плановых хлебозаготовок, напротив, увеличился на 15 %³². Подобные результаты стали следствием массовых репрессий, применяемых против крестьян. Хлебозаготовительная кампания 1932/1933 г. стала самой драконовской за всю советскую историю и вызвала массовый голод в ряде регионов страны³³.

Посадки технических культур увеличились больше, чем зерновых. Основными районами хлопководства в стране являлись Узбекистан, Туркмения, Таджикистан. Посевы хлопка выросли в 1930 г. на 50 %, в 1931 г. – еще на 35 %. Однако его урожайность в указанные годы снизилась до 7 и 6 ц/га соответственно. В 1929 г. с каждого га собрали 8,2 ц, а максимальный сбор в 1920-е гг. составлял 9,2 ц/га (в 1925 г.). Это повлияло на более низкие темпы наращивания валового сбора культуры: +29 % в 1930 г. и +16 % в 1931 г. В 1932 г. посевы хлопка увеличились лишь на 1,6 %, сбор с гектара стал еще меньше (5,9 ц), а валовый сбор уменьшился на 1,6 % (см. табл. 1)³⁴. Снижение урожайности было связано с общей бесхозяйственностью коллективного хозяйства по сравнению с единоличным. Полностью заменить традиционные методы ведения производства передовыми технологиями не удалось. Все возрастающая часть вспашки под хлопчатник производилась тракторами. Это и позволило существенно увеличить посевную площадь. Однако другие сельхозоперации были механизированы минимально или вообще не механизированы. В 1932 г. минеральные удобрения внесли на 3,7 % посевной площади хлопка. Расширение посевов, которое не сопровождалось совершенствованием технологии, вело к ухудшению обработки почвы. Ирригационная система не поддерживалась в должном состоянии. Семена были засорены. В растениеводстве Средней Азии нарастала хлопковая монокультура³⁵.

Основными районами свеклосеяния в стране являлись Украина и ЦЧО. Посадки сахарной свеклы в 1930 и 1931 гг. ежегодно увеличивались на 35 % в год. В 1932 г. прирост составил 10 %. Благоприятные погодные условия 1930 г. привели к беспрецедентному росту урожайности. Валовый сбор культуры в этом году превысил предыдущий максимум 1920-х гг., достигнутый в 1927 г., более чем на треть. В 1931 г. урожайность снизилась с 135,3 до 86,4 ц/га, валовый сбор – со 140,2 до 120,5 млн ц (см. табл. 1)³⁶.

Свекловичные районы одновременно являлись зернопроизводящими. Операции по выращиванию свеклы и хлебов могли совпадать по времени. Рабочих рук не хватало, в том числе в связи с увеличением площади посадок. Это приводило к затягиванию сельхозработ. Посевная в 1932 г. заняла 45 дней вместо обычных 30–35 дней. Неудовлетворительная погода, недостаточная прополка, массовое заражение посевов вредителями и истощение почвы привели к падению урожайности. Треть посадок сахарной свеклы вообще пропала. Сбор с одного гектара в 1932 г. (64,3 ц) был меньше, чем в самом недородном для данной культуры 1929 г. (81,1 ц), валовый сбор снизился по сравнению с предыдущим годом на 46 %³⁷. 1932 г., таким образом, стал для промышленного свеклосеяния кризисным.

Нарастали посадки и других технических культур. В СССР занятая ими площадь в 1932 г. превышала показатель 1929 г. на 69 %, в РСФСР – на 74 %³⁸. Более высокие темпы увеличения посадок технических культур по сравнению с зерновыми объясняются более выгодными экономическими условиями их выращивания. Заготовительные цены на них были выше, чем на зерновые. Для производителей технических культур предусматривалось снабжение сортавыми семенами или посадочным материалом, выдача продуктов их переработки (сахара, растительного масла, жмыхов, хлопковаты и др.), а также продажа хлеба

³² Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск, 2020. С. 496.

³³ См.: Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.

³⁴ Социалистическое строительство СССР. М., 1934. С. 211.

³⁵ Сельское хозяйство от VI к VII съезду советов. М., 1935. С. 143; Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода... С. 300–304.

³⁶ Социалистическое строительство СССР. М., 1934. С. 211.

³⁷ Там же; Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода... С. 278–279.

³⁸ Сельское хозяйство СССР... С. 247, 249.

по государственным ценам. Посевщики ряда культур при условии выполнения ими условий контрактационных договоров по площади посева, объемам и срокам поставок полностью или частично освобождались от хлебосдачи³⁹.

Итоги развития растениеводства в СССР в 1930–1932 гг. внешне выглядели достаточно благополучно. Размер посевной площади 1932 г. на 13,9 % превосходил показатели 1929 г. Но прирост был получен в основном за счет технических культур. Пашня, занятая зерновыми, увеличилась только на 3,8 % (см. табл. 1). По официальным данным, валовый сбор зерновых в 1930–1932 гг. был выше показателей предыдущего трехлетия на 2,5 %. При этом превышение было достигнуто за счет наиболее урожайного за всю советскую историю 1930 г. 1931 и 1932 гг. дали снижение валовой продукции. Однако сведения официальной статистики были завышены. По расчетам С. Уиткрофта, в 1930–1932 гг. хлеба в СССР собрали на 6,3 % меньше, чем в 1927–1929 гг. При этом государственные заготовки в 1930–1932 гг. оказались на 77 % больше⁴⁰. Таким образом, товарность зернового хозяйства в начале 1930-х гг. выросла. Однако она имела внеэкономический принудительный характер.

Ситуация в животноводстве отличалась ежегодным снижением поголовья рабочего и продуктивного скота. Максимальный сброс стада пришелся на 1929/1930 г. В 1930/1931 г. темпы сокращения численности сельскохозяйственных животных уменьшились, а в 1931/1932 г. вновь выросли. В СССР к середине лета 1932 г. поголовье овец и коз по сравнению с 1929 г. сократилось на 65 %, лошадей – на 43, свиней – на 43, КРС – на 39,3, коров – на 30,9 % (табл. 2).

Таблица 2

Поголовье скота в СССР в 1929–1932 гг. во всех категориях хозяйств (тыс. голов)

Год	Лошади	Крупный рогатый скот	В том числе коровы	Овцы и козы	Свиньи
1929	34 638	67 112	30 360	146 976	20 384
1930	30 237	52 486	26 693	108 758	13 559
1931	26 247	47 916	24 413	77 692	14 443
1932	19 638	40 561	21 028	52 141	11 611

Источник: Сельское хозяйство СССР... С. 511.

Основными причинами беспрецедентного сокращения стада сельскохозяйственных животных стал их массовый забой крестьянами перед вступлением в колхоз или уходом в город. К забою даже необходимых в хозяйстве животных вынуждал сельских жителей начавшийся голод. Под нож, как всегда в подобных условиях, в первую очередь шел мелкий скот, затем следовал молодежь КРС и в самом крайнем случае – коровы⁴¹.

Сверхнормативными являлись государственные скотозаготовки. Их планы превышали реальные возможности владельцев скота. Заготовки мяса и сдача живого скота в счет контрактации сопровождалась административным нажимом и репрессиями. Уполномоченные вынуждали крестьян подписывать контракты под угрозой, что их причислят в разряд кулаков, раскулачат и сошлют. У единоличников и колхозников часто отбирали единственную корову. По данным Западно-Сибирского УНХУ, на так называемый внеплановый убой приходилось 70 % зафиксированной убыли свиней, 60 % овец. В то же время основной причиной сокращения поголовья КРС стали государственные заготовки – 55 %⁴².

³⁹ Ильиных В.А. Становление и функционирование контрактационной системы в Сибири (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год. Самара, 2015. С. 364.

⁴⁰ Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 858; Ильиных В.А. Хроники хлебного фронта: заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири. М., 2010. С. 340.

⁴¹ Аграрная политика советского государства... С. 497.

⁴² Там же. С. 486.

Для колхозов и совхозов, в которые передавался принудительно обобществленный или законтрактованный скот из хозяйств колхозников и единоличников, был характерен значительный падеж как взрослых сельскохозяйственных животных, так и особенно молодняка из-за нехватки кормов и ненадлежащего ухода. Типичная картина состояния животноводства в колхозах отображена в информации руководства Татарского района в Западно-Сибирский крайисполком от 15 марта 1932 г.: «непролазная грязь»; «коровы подстилки почти никакой не имеют»; «скот весь закарюз в навозе»; «холодно»; «дворы недооборудованы»; «вентиляция отсутствует, в силу чего у ряда коров уже вылезает шерсть и заводится вошь»; «коровы в большинстве своем во время дойки не поднимаются»; «норма кормления снижена до минимума, т.е. до 8 кг в сутки, в силу чего скот в родильном уже не поднимается»; «концентрированные корма расхищаются»; «скот в большинстве своем поится один раз в день»⁴³.

Члены комиссии ЦК и ЦКК ВКП(б), в 1932 г. обследовавшие животноводческие совхозы, констатировали, что в них «не соблюдаются простые, элементарные, известные каждому крестьянину правила ухода за скотом»⁴⁴. Ухудшилась эпизоотическая обстановка. Распространению заболеваний способствовало смешение животных из разных дворов и ферм, дальние перегоны скота без соблюдения ветеринарных норм. В условиях голода в колхозах часть скота забивалась для общественного питания колхозников, работавших в поле.

Более высоким уровень потерь в скотоводстве был в районах развитого маслоделия, обеспеченность крестьянских хозяйств КРС в которых существенно превышала средние показатели по стране. В Западно-Сибирском крае количество коров в 1932 г. по сравнению 1929 г. снизилось в 1,8 раза. В Казахстане в сфере животноводства сложилась катастрофическая ситуация. поголовье лошадей в республике за три года снизилось в 5,4 раза, КРС – в 4, овец и коз – в 8,2 раза. В период с 1930 по 1933 г. число верблюдов уменьшилось с 1 057 тыс. до 73 тыс. голов⁴⁵. Основным фактором катастрофы являлись попытки перевода казахского населения на оседлость. Понуждение к оседлости сопровождалось принудительным обобществлением скота. Часть скота увели с собой за границу казахи-откочевники. Сверхнормативные хлебозаготовки в Казахстане и соседних зернопроизводящих районах привели к дезорганизации снабжения скотоводов хлебом и росту потребления ими мяса. Снижению поголовья способствовали и государственные скотозаготовки. По данным заместителя председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулова, за период с февраля 1931 г. по февраль 1932 г. численность скота в республике уменьшилась на 4,14 млн голов, из них в счет заготовок сдали 1,5 млн голов, остальные животные были съедены голодным населением или погибли от недостатка кормов и плохого ухода⁴⁶.

Динамика развития различных форм организации аграрного производства оказывала влияние на изменение их удельного веса в сельском хозяйстве. Ведущее место в растениеводстве занимали колхозы. На их долю в 1932 г. приходилось 68 % общей площади посева. В единоличных хозяйствах засеивалось 20 % пашни, в совхозах – 10 %. В животноводстве больше всего скота содержалось в хозяйствах, относимых к категории единоличных (33 % КРС, 35,9 % коров, 34 % овец и коз и 25 % свиней). В личных приусадебных хозяйствах (ЛПХ) колхозников коров было больше, чем в единоличных (38,7 % от общей численности), свиней – примерно столько же (25 %), а крупного и мелкого рогатого скота – меньше (31,2 и 27,9 % соответственно). Удельный вес колхозов в поголовье КРС составлял 24,9 %, коров – 14,5, овец и коз – 23,2, свиней – 27,7, совхозов – 8,7, 8,1, 13,8 и 16,6 % соответственно⁴⁷. Доля колхозов в валовом производстве сельхозпродукции (в стоимостном выражении) составляла 51,1 %, совхозов – 10,6, ЛПХ колхозников – 14,4, единоличных хозяйств – 23,9 %⁴⁸.

⁴³ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1685. Л. 15.

⁴⁴ Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 168. Л. 5.

⁴⁵ Сельское хозяйство СССР... С. 517; Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 688.

⁴⁶ Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода... С. 329–332.

⁴⁷ Сельское хозяйство СССР... С. 511; Социалистическое строительство СССР. М., 1935. С. 367.

⁴⁸ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 41. Д. 65. Л. 55.

Таким образом, массовая коллективизация вызвала глубокий кризис животноводства. В растениеводстве удалось добиться увеличения посевных площадей. Однако качественные показатели развития отрасли в начале 1930-х гг. ухудшились. 1932 г. стал кризисным не только для животноводства, но и для полеводства. При этом в начале 1930-х гг. аграрный сектор СССР отличался еще большей многоукладностью, чем в конце 1920-х гг.

Литература

Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. / отв. ред. В.А. Ильиных. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2011. 608 с.

Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: Сельское хозяйство СССР. 1931–1933. М.: РОССПЭН, 2011. 542 с.

Есиков С.А. Коллективизация сельского хозяйства как средство модернизации // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 21–27.

Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг.). Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1992. 222 с.

Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 284 с.

Ильиных В.А. Хроники хлебного фронта: заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири. М.: РОССПЭН, 2010. 342 с.

Ильиных В.А. Становление и функционирование контрактационной системы в Сибири (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год. Самара: Самарский университет, 2015. С. 357–368.

Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск: СО РАН, 2020. 507 с.

История советского крестьянства. М.: Наука, 1986. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937 / ред. И.Е. Зеленин. 448 с.

Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 519 с.

Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 231 с.

Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX веке: выбор путей и методов модернизации / отв. ред. А.А. Николаев. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2014. 298 с.

Рогалина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М.: Энцикл. российских деревень, 2010. 230 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 3: Конец 1930–1933 / ред. И.Е. Зеленин. 1006 с.

References

Davis, R., Whitcroft, S. (2011). *Gody goloda: selskoe hozyaystvo SSSR. 1931–1932* [Years of Hunger: Agriculture in USSR. 1931–1933]. Moscow, ROSSPEN. 543 p.

Esikov, S.A. (2013). *Kollektivizatsiya sel'skogo hozyaystva kak sredstvo modernizatsii* [Collectivization of Agriculture as a Mean of Modernization]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 4, pp. 21–27.

Il'inykh, V.A. (1992). *Kommertsiya na hlebnom fronte (Gosudarstvennoe regulirovanie hlebnogo rynka v usloviyah nepa. 1921–1927 gg.)* [Commerce on the Grain Front (State Regulation of the Grain Market in the Conditions of the NEP. 1921–1927)]. Novosibirsk, Nauka. 222 p.

Il'inykh, V.A. (2005). *Gosudarstvennoe regulirovanie sel'skohozyaystvennogo rynka Sibiri v usloviyah nepa (1921–1928 gg.)* [State Regulation of the Agricultural Market of Siberia in the Conditions of the NEP (1921–1928)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SB RAS. 284 p.

Il'inykh, V.A. (2010). *Hroniki hlebnogo fronta (zagotovitel'nye kampanii kontsa 1920-h gg. v Sibiri)* [Chronicles of the Grain Front (Grain Collection Campaigns of the Late 1920s in Siberia)]. Moscow, ROSSPEN. 342 p.

Il'inykh, V.A. (2015). Stanovlenie i funktsionirovanie kontraktatsionnoy sistemy v Sibiri (konets 1920-kh – nachalo 1930-kh gg.) [Formation and Functioning of the Tax-Tax System of Stalinist Socialism (Late 1920s – Early 1940s)]. In *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 2014 god*. Samara, pp. 357–368.

Il'inykh, V.A. (Ed.). (2011). *Agrarnaya politika sovetskogo gosudarstva i selskoe hozyaystvo v Sibiri v 1930 gg.* [Agrarian Policy of Soviet State and Agriculture of Siberia in the 1930s]. Novosibirsk, Institute of history SB RAS. 608 p.

Il'inykh, V.A., Laperdin, V.B. (2020). *Hlebozagotovki v Sibiri v 1930-e gody* [Grain Procurement in Siberia in the 1930s]. Novosibirsk, SB RAS. 507 p.

Kondrashin, V.V. (2008). *Golod 1932–1933: tragediya rossiyskoy derevni* [The Famine of 1932–1933: Tragedy of Russian Village]. Moscow, ROSSPEN. 519 p.

Moshkov, Yu.A. (1966). *Zernovaya problema v gody sploshnoy kollektivizatsii selskogo hozyaystva v SSSR* [Grain Problem during Collectivization in USSR (1929–1932)]. Moscow, Izdatel'stvo moskovskogo universiteta, 232 p.

Nikolaev, A.A. (2014). *Proekty preobrazovaniya agrarnogo stroya Sibiri v XX veke: vybor putey i metodov modernizatsii* [Projects of Transformation of the Agrarian System of Siberia in the Twentieth Century: The Choice of Ways and Methods of Modernization]. Novosibirsk, Institute of history SB RAS. 298 p.

Rogalina, N.L. (2010). *Vlast' i agrarnye reformy v Rossii XX veka* [Power and Agrarian Reforms in Twentieth-Century Russia]. Moscow, Entsiklopediya rossiyskih dereven'. 230 p.

Zelenin, I.E. (Ed.). (1986). *Istoriya sovetskogo krest'yanstva. T. 2: Sovetskoe krest'yanstvo v period sotsialisticheskoy rekonstruktsii sel'skogo hozyaystva. Konets 1927–1937* [History of the Soviet Peasantry. Vol. 2: Soviet Peasantry during the Socialist Reconstruction of Agriculture. End of 1927–1937]. Moscow, Nauka. 448 p.

Zelenin, I.E. (Ed.). (2002). *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy. 1927–1939. V 5 tomah. T. 3: Konets 1930–1933* [The Tragedy of the Russian Village. Collectivization and Dekulakization. Documents and Materials in 5 volumes. Vol. 3. The End of 1930–1933]. Moscow, ROSSPEN. 1006 p.

А.А. Плясуля*

**ПОЛИТОТДЕЛЫ СОВХОЗОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В 1933–1934 ГОДАХ**doi:10.31518/2618-9100-2023-4-6
УДК 94:338(571.1)"1933/1934"*Выходные данные для цитирования:
Плясуля А.А. Политотделы совхозов Западной Сибири в 1933–1934 годах // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 80–91.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-06.pdf>*

A.A. Plyasulya*

**POLITICAL DEPARTMENTS OF STATE FARMS
IN WESTERN SIBERIA IN 1933–1934**

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-6

*How to cite:
Plyasulya A.A. Political Departments of State Farms in Western Siberia in 1933–1934 // Historical Courier, 2023, No. 4 (30), pp. 80–91.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-06.pdf>]*

Abstract. In the article author reconstructs the history of the establishment and activities of the political departments of the state farms of Western Siberia in 1933–1934. Political departments combined political, administrative, punitive, economic, and cultural-educational functions. They were entrusted with a wide range of tasks, including control over the economic activities of state farms and ensuring the timely delivery of state farm products, placement of party cadres and organization of their training. A key point in the activities of the political departments of state farms was personnel cleansing of farms, and above all, of the leading personnel. Conflicts often arose between political subdivisions and trust management, since mass dismissal of directors and specialists of state farms had a negative effect on manageability of farms and their production results. By the beginning of 1934, the activity of many state farm political departments had shifted to the solution of economic problems and problems. Most chiefs of political departments were directly involved in the organization of the production process, duplicated and replaced the directors of state farms, not always adequately intervened in the economic and operational activities of the administration and specialists of the farms. This circumstance gave rise to conflicts between heads of political departments and directors of state farms. By the autumn of 1934, political departments had generally fulfilled their tasks: the socialist sector of the agrarian economy, including state farms, began to work more steadily, but at the same time, attempts of political departments to functionally replace the director's corps had a negative impact on the development of state farms. At the end of 1934, the political departments of state farms lost their emergency nature and actually turned into expanded party committees.

Keywords: agrarian policy of the Soviet state, state farms, political departments, agriculture, Western Siberia.

The article has been received by the editor on 26.04.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье реконструируется история создания и деятельности политотделов совхозов Западной Сибири в 1933–1934 гг. Политотделы сочетали в себе политические, административные, карательные, хозяйственные и культурно-просветительские функции. На них возлагался широкий круг задач, среди которых – контроль за хозяйственной деятельностью совхозов и обеспечением своевременной сдачи

* **Антон Александрович Плясуля**, Государственный архив Новосибирской области, Новосибирск, Россия, e-mail: antonplyasulya1991@gmail.com
Anton Aleksandrovich Plyasulya, State Archive of the Novosibirsk Region, Novosibirsk, Russia, e-mail: antonplyasulya1991@gmail.com

государству совхозной продукции, расстановка партийных кадров и организация их обучения. Ключевым моментом в деятельности политотделов совхозов являлись кадровые чистки хозяйств и прежде всего руководящего состава. Между политотделами и дирекцией трестов нередко возникали конфликты в связи с тем, что массовое увольнение директоров и специалистов совхозов негативно сказывалось на управляемости хозяйствами и результатах их производства. К началу 1934 г. деятельность многих совхозных политотделов сместилась в сторону решения хозяйственных задач и проблем. Большинство начальников политотделов непосредственно занимались организацией производственного процесса, дублировали и подменяли директоров совхозов, не всегда адекватно вмешивались в хозяйственную и оперативную деятельность администрации и специалистов хозяйств. Данное обстоятельство порождало конфликты между начальниками политотделов и директорами совхозов. К осени 1934 г. политотделы в целом выполнили поставленные перед ними задачи: социалистический сектор аграрной экономики, включая совхозы, стал работать более устойчиво, но в то же время на развитии совхозов негативно сказывались попытки политотделов функционально подменить директорский корпус. В конце 1934 г. политотделы совхозов лишились чрезвычайного характера и фактически превратились в расширенный парткомы.

Ключевые слова: аграрная политика Советского государства, совхозы, политотделы, сельское хозяйство, Западная Сибирь.

Статья поступила в редакцию 26.04.2023 г.

Советскому государству в начале 1930-х гг. не удалось решить проблему эффективной организации производства в социалистическом секторе сельского хозяйства, поэтому приоритетным направлением аграрной политики правящей партии на вторую пятилетку было провозглашено организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов, составной частью которого являлось их очищение от кулаков и иных классово-враждебных элементов.

Январский (1933 г.) объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) так определил особенность новой пятилетки: «В отличие от первой пятилетки вторая пятилетка будет по преимуществу пятилеткой освоения новых предприятий в промышленности, пятилеткой организационного укрепления новых предприятий в сельском хозяйстве – колхозов и совхозов»¹. В резолюции пленума также подчеркивалось, что «имеющее место за последнее время усиление попыток классового врага в некоторых районах СССР пролезть в руководство колхозами и совхозами и дезорганизовать там работу путем вредительства в колхозах и совхозах и организации саботажа заданий государства лишней раз говорит о том, что революционная бдительность и готовность сокрушить классового врага должны являться основной заповедью коммуниста и главной предпосылкой дальнейшего продвижения вперед»².

Поскольку партийные организации в деревне не смогли обеспечить выполнение задач первой пятилетки и не добились повышения производства сельхозпродукции и окончательной победы над «классовым врагом», руководство страны приняло решение о создании чрезвычайных органов управления сельским хозяйством – политотделов МТС и совхозов. Они учреждались в соответствии с постановлением январского (1933 г.) объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) «Цели и задачи политических отделов МТС и совхозов»³.

Необходимость создания политотделов обосновывалась прежде всего причинами политического характера: «Пролезая в совхозы в качестве завхозов, бухгалтеров, полеводов, кладовщиков, управляющих отделениями и др., эти противосоветские элементы вредят совхозному строительству умышленной поломкой тракторов, комбайнов, скверной обра-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 6. С. 17.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 21–32.

боткой земли, плохим уходом за скотом, разложением трудовой дисциплины, расхищением совхозного имущества, особенно его продукции (зерно, мясо, молоко, масло, шерсть и т.д.) <...> Между тем сельские партийные и комсомольские организации, в том числе ячейки в совхозах, лишённые зачастую революционного чутья и бдительности, в ряде мест не только не противопоставляют этой антисоветской работе враждебных элементов классовую бдительность и большевистскую повседневную работу за усиление советского влияния на широкие беспартийные массы колхозников и работников совхозов, но иногда сами попадают под влияние этих вредительских элементов. <...> Вместо образцовой работы по овладению и использованию технического вооружения совхозов и показа на практике преимуществ крупного сельскохозяйственного предприятия перед мелким индивидуальным хозяйством, в совхозах проявляются иногда буржуазные тенденции, процветает преступно-пренебрежительное отношение к государственному имуществу, варварское обращение с тракторами, автомашинами, комбайнами и скотом, расхищается и разбазаривается имущество совхозов, не выполняются задания партии по сдаче государству продукции»⁴.

Политотделы являлись чрезвычайными партийно-государственными органами управления в сельском хозяйстве. Они не подчинялись ни райкомам партии, ни сельсоветам и несли ответственность только перед вышестоящими партийными органами – крайкомами, обкомами, ЦК ВКП(б). Согласно «Положению о политотделах совхозов», они организовывались при каждом совхозе в составе начальника и двух его заместителей и одного помощника по комсомольской работе. Начальник политотдела совхоза одновременно являлся заместителем директора совхоза «по политической части» и осуществлял «полное» руководство партийной и комсомольской работой. Он назначался и смещался ЦК ВКП(б) по представлению первого секретаря крайкома/обкома компартии⁵. Летом 1933 г. в штат политотдела вошли редактор многотиражной газеты и сотрудник по работе с женщинами (женорганизатор)⁶. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 22 апреля 1934 г. «О реорганизации Наркомсовхозов Союза ССР и его местных органов» в штате политотделов совхозов появились дополнительные должности помощников начальников на отделениях (по количеству отделений)⁷.

Политотделы соединяли в себе политические, административные, карательные, хозяйственные и культурно-просветительские функции. На политотделы совхозов возлагались следующие задачи⁸:

1. «Обеспечение безусловного и своевременного выполнения совхозами своих обязательств перед государством». При этом надлежало «вести решительную борьбу с попытками отдельных директоров и их заместителей противопоставить свои узкие интересы совхоза общим интересам государства, с проявлением сокрытия излишков продукции вместо сдачи ее государству».

2. «Обеспечение качества семян в период сева», борьба с хищениями семян, обмолоченного зерна и иного совхозного имущества.

3. «Борьба с невыходами на работу, обеспечение внимательного ухода за живым и мертвым инвентарем».

4. «Политический контроль и наблюдение» за подбором и расстановкой совхозных кадров.

5. «Решительная борьба против расхитителей совхозной собственности, рвачей, лодырей, против небрежного и недобросовестного отношения к живому и мертвому инвентарю».

6. «Изгнание из совхозов всех вредительских противосоветских элементов».

⁴ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 6. С. 23.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Барынькин И.В. Партийное руководство строительством зерновых совхозов Западной Сибири в годы первой и второй пятилеток (1928–1937 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. С. 125.

⁷ Шевляков А.С. Сталинские политотделы в Сибири. Чрезвычайные органы ВКП(б) в политическом и социокультурном пространстве советской деревни (1930-е гг.). Томск, 2007. С. 43–44.

⁸ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 6. С. 24–25.

7. «Обеспечение настойчивого, правильного и своевременного применения законов Советского правительства об административных и карательных мерах в отношении организаторов расхищения общественной собственности и саботажа мероприятий партии и правительства в области сельского хозяйства».

О приоритетах работы новых чрезвычайных органов управления можно судить по тому, что должность одного из заместителей начальника политотдела занимал представитель ОГПУ, который одновременно являлся работником политотдела и ОГПУ. В соответствии с приказом ОГПУ от 25 января 1933 г. на эту должность следовало подбирать оперативников, имеющих «большой стаж оперативной работы», и оперативник должен быть «вполне политически подготовленным коммунистом». В задачи заместителя начальника политотдела по линии ОГПУ входило: «а) непосредственная борьба с контрреволюционными проявлениями на территории МТС и совхозов; б) выявление и освещение деятельности контрреволюционных, антисоветских и кулацких группировок, организаций и отдельных лиц, как в составе МТС, так и всей территории (колхозов), обслуживаемой МТС, и совхозов; в) выявление и освещение деятельности группировок и отдельных лиц, подрывающих производственно-экономическую мощь совхозов, МТС и колхозов; г) охрана социалистической собственности, предупреждение и нанесение своевременного оперативного удара по расхитителям, вредителям, террористам, срывщикам, саботажникам и др.; д) всестороннее освещение политико-морального и производственно-хозяйственного состояния МТС и совхозов»⁹.

В должностные обязанности заместителя начальника политотдела по линии ОГПУ, в частности, входило создание в деревне сети секретных сотрудников и осведомителей. Их общее число в каждом политотделе достигало 25–30 чел. Так, в политотделе Ададымского совхоза агентурная сеть насчитывала 28 чел.¹⁰

В соответствии с циркуляром ОГПУ и политуправления Наркомата земледелия от 3 февраля 1933 г., заместители начальников политотделов «целиком» подчинялись своим начальникам политотделов и обязывались выполнять задания таковых, «информируя их по своим материалам о политическом и хозяйственном состоянии» сельхозпредприятий. В своей агентурно-оперативной работе заместители начальников политотделов сохраняли полную самостоятельность¹¹.

Отбор начальников и заместителей начальников политотделов (за исключением заместителей по линии ОГПУ) проводился специальными комиссиями при региональных парторганах. В Западно-Сибирском крае в состав комиссии входило три человека из состава бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) («тройка»)¹². В 1933 г. ее работой руководил секретарь крайкома Н.И. Кудрявцев. С февраля 1934 г. комиссию возглавил заведующий организационно-инструкторским отделом крайкома П.Г. Осипов¹³. Порядок отбора определялся следующим образом: «Отбор кандидатур производится <...> из руководящих кадров партийного и советского актива, как краевого и районного, а также из числа находящихся на учебе. Выделенная тройка обязана ознакомиться лично с каждым кандидатом, причем отобранные товарищи должны быть лучшими проверенными большевиками»¹⁴.

Все кандидаты проходили утверждение в центральной отборочной комиссии, а кандидаты на должность начальников политотделов – на Оргбюро ЦК ВКП(б). Первый кандидат на должность начальника политотдела в совхоз Западно-Сибирского края (Бийский зерносовхоз) был утвержден Оргбюро ЦК 15 марта 1933 г. Это был член партии с 1919 г., слушатель Института красной профессуры А.Н. Умнов¹⁵. Всего выявлено 15 протоколов

⁹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 3: Конец 1930–1933. М., 2000. С. 678–679.

¹⁰ Папков С.А. Обыкновенный террор: политика сталинизма в Сибири. М., 2012. С. 83.

¹¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-2730. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

¹² Там же. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 428. Л. 1.

¹³ Там же. Д. 429. Л. 1 об.; Д. 548. Л. 1.

¹⁴ Там же. Д. 428. Л. 102.

¹⁵ Там же. Д. 401. Л. 109.

Оргбюро с решениями об утверждении начальников политотделов совхозов региона: от 15 и 27 марта, 8 и 12 апреля, 15, 23 и 28 мая, 1 и 8 июня, 9 июля, 22 и 26 октября, 1, 13 и 20 ноября. Процедуру прошел 121 человек. Большая часть из них (22 чел.) являлись слушателями Института красной профессуры. Слушателей, студентов и аспирантов других учебных заведений насчитывалось 25 чел., преподавателей и работников учебных заведений и научно-исследовательских институтов, научных работников – 12, партийных работников – 11, работников советских, хозяйственных и профсоюзных органов – 40 чел.¹⁶ На момент утверждения на территории Западно-Сибирского края работал 21 чел. Из утвержденных кандидатов на искомую должность в ряды большевистской партии в 1906 г. вступил 1 чел., в 1911 г. – 1, в 1912 г. – 3, в 1914 г. – 1, в 1916 г. – 2, в 1917 г. – 22, в 1918 г. – 23, в 1919 г. – 28, в 1920 г. – 23, в 1921 г. – 7, в 1922 г. – 1, в 1924 г. – 3, в 1925 г. – 2, в 1926 г. – 2, в 1927 г. – 1, в 1928 г. – 1 чел.¹⁷ Соответствующие заместители начальников политотделов выдвигались полномочными представителями ОГПУ по краям и областям, которые несли за своих выдвиженцев персональную ответственность, и утверждались заместителем председателя ОГПУ Г.Г. Ягодой¹⁸. Помощники начальников политотделов по комсомолу подбирались и предварительно утверждались ЦК ВЛКСМ¹⁹.

Для руководства политотделами МТС в краевых/областных земельных управлениях образовывались политсекторы. В Наркомземе СССР создавалось Политуправление. Аналогичный орган учреждался при Наркомате совхозов. Политуправление совхозов организовывалось в составе начальника, двух его заместителей и одного помощника по комсомольской работе. Начальник Политуправления являлся заместителем наркома совхозов и подчинялся как наркому, так и непосредственно ЦК ВКП(б). Начальника Политуправления назначало и смещало ЦК ВКП(б)²⁰.

Особенность структуры совхозных политорганов первоначально заключалась в отсутствии среднего звена управления на уровне трестов. Политотделы совхозов непосредственно подчинялись Политуправлению Наркомата. В апреле 1934 г. принимается решение о создании политсекторов союзных совхозных трестов, возглавляемых заместителями директоров трестов по политчасти. Заместители директора назначались Политуправлением Наркомата совхозов и подчинялись ему. Они осуществляли непосредственное руководство всеми политотделами совхозов данного треста. При заместителе директора по политчасти работала группа ответственных инструкторов в количестве 2–4 чел.²¹ Функционирование политсекторов существенно осложнялось перманентной реорганизацией трестов.

Процесс создания политотделов в совхозах шел достаточно медленно. Одной из причин этого являлась острая нехватка квалифицированных и политически проверенных кадров. В этих условиях основные усилия Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) были направлены на формирование политотделов МТС. В государственном секторе аграрной экономики политотделы в первую очередь создавались в зерносовхозах. Самым дисциплинированным ведомством оказалось ОГПУ. Его работники прибывали в политотделы нередко даже до назначения их начальников²². К концу октября 1933 г. политотделы функционировали в 18 зерносовхозах (72 % от их общего числа) и 94 животноводческих совхозах (39 %)²³.

¹⁶ В том числе нарком юстиции Белорусской ССР, директор 2-го колбасного завода (Ленинград), генеральный консул в Турции, заместитель начальника Совторгфлота, заместитель начальника финансового отдела Московско-Казанской железной дороги. Они были утверждены начальниками политотделов Лузинского свиносовхоза, Крутойярского зерносовхоза, Аскизского мясосовхоза, Обского маслосовхоза, Щегловского свиносовхоза соответственно.

¹⁷ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 401. Л. 109, 196, 203, 222; Д. 402. Л. 7, 84, 108, 120, 134, 142–143, 159–160, 210, 326–328; Д. 403. Л. 107, 125, 126, 140, 182, 191, 192, 207, 245.

¹⁸ Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 678.

¹⁹ Шевляков А.С. Сталинские политотделы в Сибири... С. 45.

²⁰ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 6. С. 32.

²¹ Шевляков А.С. Сталинские политотделы в Сибири... С. 44.

²² Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов: чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве Западной Сибири в 1930-е годы. Томск, 2000. С. 58.

²³ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 512. Л. 2.

Работа по созданию политотделов ускорила в 1934 г. На 1 июля 1934 г. в 336 совхозах региона функционировало 239 политотделов²⁴, к началу 1935 г. – 245 (в том числе 31 в зерновых и 214 в животноводческих хозяйствах)²⁵.

Прибывшие в совхозные политотделы коммунисты столкнулись с проявлениями бесхозяйственности, неудовлетворительной трудовой дисциплиной, низкими производственными показателями. Вина за недостатки, многие из которых имели объективный характер, была возложена на «пролезшие» в совхозы «классово-чуждые элементы». В связи с этим основные усилия политотделов направлялись на «чистку» совхозов.

Так, политотдел Павловского зерносовхоза «вычистил» с предприятия 177 чел., из них 62 чел. по решению суда приговорили к лишению свободы на срок от 3 до 10 лет. По данным Бийского райкома ВКП(б) в 1933 г. благодаря усилиям политотделов из совхозов исключили 280 чел.²⁶ В Чарышском зерносовхозе «вычистили кулаков 32 чел.». Из партийной организации исключили 6 «кулаков». По неполным данным в 1933 г. политотделы зерносовхозов Западно-Сибирского края выявили около 1,6 тыс. «кулацко-вредительских элементов»²⁷.

В книге, подготовленной по итогам обследования экспедицией Аграрного института Коммунистической академии Черепановского маслосовхоза, содержится следующая информация о подвергнутых чистке работниках. Бригадир Песиков считался в совхозе ударником. «Когда впоследствии политотдел присмотрелся ближе к работе Песикова, то оказалось, что этот бригадир – кулак, в прошлом имевший свою маслобойку и паровую мельницу, проник в совхоз обманным путем под маской середняка и занимался вредительством тихой сапой». Бухгалтер 1-й фермы Ефремов «намерено запутал учет, растратил 200 руб. совхозных денег, ежедневно пьянствовал и вел бешеную пропаганду против политотдела <...> Оказалось, что он сын владельца крупной гостиницы гор. Омска. Во время колчаковщины бежал с Колчаком, служил в колчаковской армии».

«Вором и вредителем оказался Генералов, заведующий складом горючего. Он сознательно запутывал учет расхода горючего и систематически воровал и сбывал его. Он был разоблачен политотделом и оказался сыном кулака, пришедшим в совхоз с целью вредительства и воровства». «Уличенный в воровстве» сторож скотного двора Пуликов «в прошлом был крепким кулаком, имевшим 5 наемных рабочих. Хозяйство Пуликова было раскулачено в 1930 г., но Пуликову вскоре удалось обманным путем проникнуть в ряды совхозных работников». «Чуждые и разложившиеся элементы оказались и в рядах парторганизации совхоза. С приходом политотдела из рядов парторганизации было изгнано 8 лжекоммунистов»²⁸.

В первую очередь политотделы проводили чистку руководящего состава совхозов. Так, в Новосибирском маслотресте в 1933 г. из 25 директоров совхозов заменили 14, в 1934 г. – 9 из 27 руководителей хозяйств. В справке о деятельности политотделов Западно-Сибирского овцеводтреста, направленной в декабре 1934 г. в Политуправление Наркомата совхозов, указывалось, что директора хозяйств не сменились только в пяти из 18 совхозов. В Енисейском и Хакасском совхозах директора сменились по 4 раза. На прежней работе осталось только 11 из 62 управляющих фермами²⁹.

Массовое увольнение руководящих кадров совхозов крайне негативно сказывалось на их управляемости, ухудшало производственные показатели. В связи с этим дирекции трестов неоднократно обращались к политотделам с просьбами отказаться от огульного

²⁴ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 575. Л. 5; Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 854. Л. 151.

²⁵ Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 411.

²⁶ Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов... С. 58; Тепляков А.Г. Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ-НКВД в МТС и совхозах Сибири в середине 1930-х гг. // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002. С. 173.

²⁷ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 453. Л. 116; Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму... С. 411.

²⁸ Потапов С., Либкинд А. Черепановский маслосовхоз. М., 1935. С. 41–42.

²⁹ Шевляков А.С. Сталинские политотделы в Сибири... С. 66.

снятия с работы директоров и специалистов хозяйств, а оказывать им помощь, так как резервные кадры для занятия оказавшихся вакантными должностей отсутствовали. Однако многие начальники политотделов продолжали требовать увольнения руководящих работников совхозов³⁰.

Параллельно с формированием политотделов и развертыванием их деятельности происходила реорганизация партийных организаций совхозов. 7 апреля 1933 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О парткомах совхозов, имеющих политотделы», которое предусматривало упразднение парткомов в тех совхозах, в которых были созданы политотделы. При этом «в целях приближения работы совхозных партийных организаций к производству» в отделениях, машинно-тракторных мастерских и на фермах надлежало организовать партячейки, наделенные уставными правами, а в бригадах и на участках – партгруппы во главе с парторганизатором. В те бригады, в которых партгруппу создать было невозможно в силу малочисленности коммунистов или их отсутствия, политотдел направлял партторгов или уполномоченных. В хозяйствах с количеством членов ВКП(б) не более 20 при невозможности организации уставных ячеек на отделениях, фермах общесовхозные ячейки «во главе с бюро ячейки» сохранялись и передавались в подчинение политотделам³¹.

На политотделы, которые заменили совхозные парткомы, возлагалась задача расстановки партийных кадров. При этом основные усилия направлялись на перевод членов партии из «базовой ячейки центральной усадьбы» в низовые ячейки, увеличение числа членов ВКП(б) непосредственно в отделениях, на фермах и в бригадах. Данная задача была поставлена в вышеупомянутом постановлении ЦК ВКП(б) «О парткомах совхозов, имеющих политотделы»³².

Об итогах проделанной политотделами работы по приближению членов партии и комсомольцев к производству можно судить на примере Черепановского маслосовхоза: «Если до прихода политотдела из 9 бригадиров животноводческих бригад 4 были коммунистами, то в 1934 г. 8 бригадиров – коммунисты и комсомольцы. 3 заведующих фермами – все коммунисты, из 3 зоотехников – 1 комсомолец, из 8 бригадиров полевых бригад – 1 коммунист и 1 комсомолец. В числе 100 доярок – 5 коммунисток, из 20 телятниц – 3 коммунистки и 3 комсомолки, из 36 трактористов – 6 комсомольцев. Из общего состава парторганизации в 51 чел. – 33 работают непосредственно в производстве: на фермах, в бригадах и т.д. Из остальных 15 – 5 чел. работают в политотделе и 2 – в дирекции»³³.

В Прокопьевском зерносовхозе до перестройки партийной структуры функционировало две партячейки. В одну из них входило 69 коммунистов и кандидатов, работавших на центральной усадьбе. Вторая ячейка, которая «обслуживала» пять отделений совхоза, состояла из 27 чел. После получения директив вышестоящих партийных органов на работу в отделения из центральной усадьбы перевели 50 чел., при этом общее число партячеек увеличилось до восьми³⁴.

Помимо расстановки кадров, политотделы занимались организацией их обучения. Организовывались многочисленные курсы и кружки, проводились семинары секретарей партячеек и партторгов, инструктивные совещания. В Черепановском маслосовхозе зимой 1933/34 г. работали три партийные школы, занятия проводились 4 раза в месяц. В летнее время функционировали четыре партшколы в животноводческих бригадах. Зимой 1934/1935 г. была организована работа восьми школ: четырех партийных, одной партийно-комсомольской, трех комсомольских. К занятиям, проводившимся 1 раз в 5 дней, привлекались все коммунисты и кандидаты в члены ВКП(б), все комсомольцы и около 25 чел. из беспартийного актива³⁵. В 18 совхозах Новосибирского маслотреста действовало 8 кружков марксизма-ленинизма, 11 кружков по изучению истории ВКП(б) и др. Партийной

³⁰ Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов... С. 79.

³¹ Партийное строительство. 1933. № 7–8. С. 79; ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 9. Д. 879. Л. 737.

³² Партийное строительство. 1933. № 7–8. С. 79.

³³ Потапов С., Либкинд А. Черепановский маслосовхоз... С. 44.

³⁴ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 453. Л. 92.

³⁵ Потапов С., Либкинд А. Черепановский маслосовхоз... С. 44–45.

учебой было охвачено 1 139 чел., среди обучавшихся беспартийные составляли примерно половину³⁶.

Однако политотделы занимались не только и не столько партийно-массовой работой. Большинство их начальников непосредственно занимались организацией производственного процесса, дублировали и подменяли директоров совхозов, не всегда адекватно вмешивались в хозяйственную и оперативную деятельность администрации и специалистов хозяйств. В качестве примера подобного отношения к выполнению своих задач можно привести решение, принятое на заседании политотдела Павловского зерносовхоза 13 октября 1933 г., на котором рассматривался вопрос об организации ремонта тракторов. Политотдел обязал управляющих «немедленно собрать все неработающие трактора, обеспечить их максимально деталями и отправить в Ц[ентральный]Р[емонтный]П[ункт]», «обеспечить оборудование промывочного цеха не позднее 15 октября, прижигательного цеха – не позднее 1 ноября», «развернуть работу по оборудованию мастерских отделений», «в октябре отремонтировать хотя бы не менее 10 % тракторного парка», а также потребовал «от партячек немедленно развернуть работу по сбору деталей, утиля, лома и стягивания всего инвентаря к ремонтным мастерским»³⁷.

О значительном смещении деятельности политотделов совхозов в сторону решения хозяйственных задач и проблем шла речь на совещаниях работников политотделов совхозов, членов парткомов и партторгов, которые проходили в Западно-Сибирском крае в ноябре 1934 г. в связи с обсуждением директивного письма Политуправления Наркомата совхозов от 20 октября 1934 г., в котором указывалось на необходимость переноса основных усилий работников политотделов с хозяйственной на массово-политическую работу. На совещании, в частности, указывалось, что работники политотдела Баклушевского молочно-мясного совхоза № 166 «до сих пор больше работали по выполнению хозяйственных планов, чем партийных, а работники на местах не осуществляют того партийного руководства в повседневной работе на фермах, которое бы обеспечивало выполнение намеченных планов работы без постоянного присутствия политотдела». Так, на 3-й ферме произошел падеж телят, а специалисты совхоза ничего не предприняли, пока не вмешались в дело работники политотдела, которые дали конкретные указания по исправлению ситуации³⁸.

Подобные подходы к организации работы политотделов нередко вызывали конфликтные ситуации между ними и директорами хозяйств. Так, заместитель начальника политсектора МТС Западно-Сибирского крайземуправления Д.И. Воронин, обследовавший по поручению краевого комитета ВКП(б) совхоз им. Грядинского, в письме секретарю крайкома Р.И. Эйхе от 3 ноября 1934 г. сообщал: «тяжелое положение в зерносовхозе в значительной степени обусловлено ненормальными взаимоотношениями начальника политотдела Лабурды с директором зерносовхоза Коняшкиным. Начальник политотдела считает невозможным работать с Коняшкиным и своими поступками всячески дискредитирует директора, вмешиваясь в хозяйственно-оперативные дела совхоза в ущерб партийно-политической работе. Последнее партийное собрание в конце октября завершило ненормальные отношения начальника политотдела и директора. На этом партийном собрании в своем выступлении Лабурда формулировал обвинения против директора таким образом, что он развалил совхоз, провалил хлебосдачу и вообще не справляется с работой директора». По предложению заместителя начальника политотдела по спецработе Сапегина партийное собрание вынесло директору строгий выговор. По мнению же Воронина, Коняшкин «как директор зерносовхоза из этой группы совхозов один из лучших директоров и поход политотдела против Коняшкина является необоснованным». В связи с этим он предложил отменить решение партсобрания, а начальника политотдела «за дискредитацию директора зерно-

³⁶ Шевляков А.С. Сталинские политотделы в Сибири... С. 94.

³⁷ ГАНУ. Ф. П-167. Оп. 1. Д. 3. Л. 214.

³⁸ Там же. Ф. П-43. Оп. 5. Д. 953. Л. 1.

совхоза, за подрыв единоначалия, за слабую работу политотдела особенно в период уборочной и хлебосдачи с работы снять и объявить строгий выговор»³⁹.

В Каратузском мясосовхозе конфликт между директором хозяйства Белоножкой и начальником политотдела Красномировым был обоюдным. Директор совхоза оценивал как «подмену хозяйственного руководства» даже распоряжение начальника политотдела кладовщику склада горючего «о заливке бензина в автомашину политотдела». «Политотдел также не понял роли хозяйственного руководства при развертывании своей работы. В течение почти 2-х месяцев директор не был в политотделе и его не вызывали. Политотдел развертывал работу в совхозе помимо директора»⁴⁰.

Заместитель директора Новосибирского Овцеводтреста по политической части Нечаев 5 декабря 1934 г. в докладе о совещании директоров и начальников политотделов, который был адресован начальнику сектора политотделов овцеводческих совхозов Политуправления Наркомата совхозов Амирджаняну, сообщал следующее: «Во взаимоотношениях между директорами и нач[альниками] П[олит]/отд[елов]. проскальзывает такое отношение: мы и вы. Особенно чувствовалось такое положение <...>, если в совхозе какой-либо вывих, то кое-кто из политотдельцев начинал откращиваться, если же есть положительные черты, то считают, что это является результатом их работы. Правда, у некоторых директоров наблюдаются такие настроения: я единоначальник, я сам по себе, а ты (политотдел) сам по себе; я руковожу всецело хозяйством, а ты занимайся партмассовой работой и мне не мешай, нет глубокого сознания единства задач и целей»⁴¹.

В ряде случаев директора совхозов, напротив, стремились переложить свои функции на политотделы. Так, директор Черепановского маслосовхоза Вшивцев «полагал, что с приходом работников политотдела ответственность за хозяйство у директора уменьшается. Тов. Вшивцев в некоторых случаях пытался переложить хозяйственную работу на политотдельцев. Одно время дело даже доходило до того, что тов. Вшивцев предлагал начальнику политотдела поделить хозяйственную работу, чтобы каждый из них отвечал за определенный участок и не вмешивался в работу другого»⁴².

Конфликтные ситуации возникали и внутри политотделов между начальниками и заместителями начальников политотделов по работе ОГПУ. Некоторые заместители начальников отказывались выполнять поручения последних, ссылаясь на то, что они занимаются оперативной работой, заявляя при этом, что они подчиняются только ОГПУ. Начальники политотделов, в свою очередь, могли перегружать своих вторых заместителей партийно-политической работой, игнорируя их чекистские обязанности. В связи с этим ОГПУ, политуправления Наркомзема и Наркомсовхозов 10 июля 1933 г. издали совместный приказ, в соответствии с которым заместители начальников политотделов по линии ОГПУ обязывались «безусловно выполнять все указания и распоряжения начальников политотделов, касающиеся политической и хозяйственной деятельности политотделов». В то же время начальники политотделов не должны были «загружать своих вторых заместителей (по работе ОГПУ) заданиями, идущими в ущерб их основной оперативной работе»⁴³.

В рамках начатой после XVII съезда ВКП(б) перестройки были предприняты меры по реорганизации парторганизаций совхозов. 8 августа ЦК ВКП(б) принял постановление «О совхозной партийной организации», в соответствии с которым при наличии в совхозах 15 и более коммунистов в них должны были избираться партийные комитеты. При этом секретарем парткома одновременно являлся заместитель начальника политотдела по партийно-массовой работе. В отделениях совхозов организатором партийной группы назначался помощник начальника политотдела⁴⁴. Таким образом, заместитель начальника политотдела и помощник начальника политотдела в отделении оказались в положении выборных лиц.

³⁹ ГАНО. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 2. Л. 93–95.

⁴⁰ Там же. Д. 256. Л. 95–96.

⁴¹ ГАНО. Ф. П-184. Оп. 1. Д. 6. Л. 24.

⁴² *Потапов С., Либкинд А.* Черепановский маслосовхоз... С. 55.

⁴³ ГАНО. Ф. П-273. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

⁴⁴ Партийное строительство. 1934. № 17. С. 48.

Они переизбирались ежегодно. Данное решение являлось первым шагом по пути превращения политотделов в обычные партийные органы.

В постановлении бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) от 20 августа 1934 г. «О совхозных парторганизациях» политотделам совхозов было предложено немедленно избрать партийные комитеты в своих хозяйствах⁴⁵.

К осени 1934 г. политотделы как чрезвычайные органы управления в целом выполнили поставленные перед ними задачи. Социалистический сектор аграрной экономики, включая совхозы, стал работать более устойчиво. В то же время развернувшееся соперничество между райкомами партии и политотделами разрывало единство политического руководства селом⁴⁶. На развитии совхозов негативно сказывались попытки политотделов подменить директорский корпус, установить над ним мелочную опеку.

В связи с этим вопрос о политотделах рассмотрел ноябрьский (1934 г.) пленум ЦК ВКП(б). Давая оценку их деятельности, пленум отметил, что «политотделы как чрезвычайная форма организации, опираясь на силу и авторитет всей партии <...> добились серьезных успехов в деле превращения отсталого участка социалистического строительства – сельского хозяйства – в передовой»⁴⁷. Пленум решил упразднить политотделы МТС, полностью возложив руководство первичными партийными организациями МТС и колхозов на райкомы ВКП(б).

Данное решение не распространялось на политотделы совхозов. Пленум постановил «в совхозах всех видов оставить без изменения систему политотделов»⁴⁸. По мнению А.С. Шевлякова, основной причиной сохранения политотделов в совхозах являлось то, что сдвиги в развитии совхозного производства, достигнутые за 1933–1934 гг., «были весьма незначительными и большинство совхозов оставалось убыточными»⁴⁹. Исследователь также полагает, что «политотделы совхозов находились в ином положении, чем политотделы МТС. Компетенция чрезвычайных органов управления в совхозах распространялась только на территорию этих хозяйств, и они вследствие этого почти не порождали двоецентризма и двоевластия в районах. В силу своего места в системе партийно-государственного руководства политотделы совхозов избежали массовых конфликтов с райкомами ВКП(б), во всяком случае в острых формах»⁵⁰.

Секретарь Западно-Сибирского крайкома большевистской партии Р.И. Эйхе в своем докладе на пленуме крайкома «Об итогах ноябрьского пленума ЦК ВКП(б)» особо подчеркнул: «Политотделы совхозов остаются. Работники политотделов совхозов должны тщательно продумать и посмотреть, где и как улучшить свою работу. Их обязанность более основательно освоить опыт работы политотделов МТС, воспринять лучшие образцы работы»⁵¹. Эйхе поставил перед политотделами задачу «теснее увязаться с территориальными парторганизациями», что означало фактическую передачу совхозных партийных организаций и самих совхозов под контроль райкомов партии. Реализации данной задачи в значительной степени способствовало разукрупнение совхозов, их превращение в более компактные сельхозпредприятия, находящиеся на территории одного сельского района.

Во второй половине 1930-х гг. политотделы совхозов продолжали работу, направленную на организационно-хозяйственное укрепление совхозного сектора аграрной экономики. После завершения в 1935 г. чистки совхозных кадров и партийных организаций была упразднена должность заместителя начальника политотдела по НКВД. В 1935–1936 гг. в большинстве совхозных политотделов было прекращено издание газет и в результате

⁴⁵ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 578. Л. 206.

⁴⁶ Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. II. С. 637.

⁴⁷ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 6. С. 188.

⁴⁸ Там же. С. 190.

⁴⁹ Шевляков А.С. Сталинские политотделы в Сибири... С. 172.

⁵⁰ Там же. С. 173.

⁵¹ Советская Сибирь. 1934. 20 дек.

упразднена должность редактора газеты⁵². В результате численность сотрудников политотделов 1930-х гг. сократилась. В конечном итоге политотделы в совхозах были ликвидированы весной 1940 г. В принятом 17 марта этого года постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по улучшению работы совхозов Наркомсовхозов» отмечалось, что политотделы выполнили свою задачу и потеряли значение. Соответственно упразднялось политуправление при Наркомсовхозов СССР, а также и политчасти при трестах⁵³.

Таким образом, в качестве приоритетного направления аграрной политики на вторую пятилетку (1933–1937 гг.) определено организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов. В целях повышения эффективности деятельности совхозов, усиления их роли и влияния на селе в 1933 г. было создано принципиально новое звено управления – политотделы, имеющие статус чрезвычайных органов. Политотделы соединяли в себе политические, административные, карательные, хозяйственные и культурно-просветительские функции. На политотделы возлагался широкий круг задач: от обеспечения трудовой дисциплины и своевременного выполнения совхозами планов по сдаче продукции до политического контроля за подбором и расстановкой совхозных кадров и чистки совхозов от «вредительских элементов». В первую очередь политотделы проводили чистку руководящего состава совхозов. Это приводило к массовым увольнениям руководящих кадров совхозов, что негативно сказывалось на управляемости хозяйств, ухудшало производственные показатели. В связи с этим дирекции трестов неоднократно обращались к политотделам с просьбами отказаться от огульного снятия с должности директоров и специалистов хозяйств, а оказывать им помощь, так как резервные кадры для занятия вакантных должностей отсутствовали. Политотделы, заменившие совхозные парткомы, занимались расстановкой партийных кадров и организацией их обучения. В результате активной деятельности политотделов в совхозах значительно расширилась партийная сеть. К началу 1934 г. деятельность многих совхозных политотделов сместилась в сторону решения хозяйственных задач и проблем. Большинство начальников политотделов непосредственно занимались организацией производственного процесса, дублировали и подменяли директоров совхозов, не всегда адекватно вмешивались в хозяйственную и оперативную деятельность администрации и специалистов хозяйств. Данное обстоятельство порождало конфликты между начальниками политотделов и директорами совхозов.

В результате работы политотделов к осени 1934 г. социалистический сектор аграрной экономики, включая совхозы, стал работать более устойчиво, но в то же время на развитии совхозов негативно сказывались попытки политотделов функционально подменить директорский корпус и установить над ним мелочную опеку. В конце 1934 г. перед политотделами совхозов была поставлена задача «теснее увязаться с территориальными парторганизациями», что означало фактическую передачу совхозных партийных организаций и самих совхозов под контроль райкомов партии.

Во второй половине 1930-х гг. политотделы совхозов продолжали работу, направленную на организационно-хозяйственное укрепление совхозного сектора аграрной экономики, вплоть до их ликвидации весной 1940 г.

Литература

Барынькин И.В. Партийное руководство строительством зерновых совхозов Западной Сибири в годы первой и второй пятилеток (1928–1937 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. 224 с.

Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1973. 516 с.

Папков С.А. Обыкновенный террор: политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.

⁵² Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов... С. 211–212.

⁵³ СП СССР. 1940. № 6. Ст. 171.

Потанов С., Либкинд А. Черепановский маслосовхоз. М.; Л.: Сельхозгиз, 1935. 207 с.

Тепляков А.Г. Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ-НКВД в МТС и совхозах Сибири в середине 1930-х гг. // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 173–185.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы / ред. совет: В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 3: Конец 1930–1933. 1008 с.

Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. II. С. 636–637.

Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов: чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве Западной Сибири в 1930-е годы. Томск: ТГУ, 2000. 225 с.

Шевляков А.С. Сталинские политотделы в Сибири. Чрезвычайные органы ВКП(б) в политическом и социокультурном пространстве советской деревни (1930-е гг.). Томск: ТГУ, 2007. 216 с.

References

Baryn'kin, I.V. (1984). *Partiynoe rukovodstvo stroitel'stvom zernovykh sovkhovov Zapadnoy Sibiri v gody pervoy i vtoroy pyatiletok (1928–1937 gg.)* [Party Leadership in the Construction of Grain State Farms in Western Siberia during the First and Second Five-Year Periods (1928–1937)], Cand. hist. sci. diss. Novosibirsk. 224 p.

Danilov, V., Manning, R., Viola, L. (Eds.). (2001). *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy* [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dekulakization. Documents and Materials]. Moscow, ROSSPEN. 1008 p.

Gushchin, N.Ya. (1973). *Sibirskaya derevnya na puti k sotsializmu (Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie sibirskoy derevni v gody sotsialisticheskoy rekonstruktsii narodnogo hozyaystva. 1926–1937 gg.)* [The Siberian Village on the Road to Socialism (Socio-Economic Development of the Siberian Village during the Years of Socialist Reconstruction of the National Economy in 1926–1937)]. Novosibirsk, Nauka. 516 p.

Papkov, S.A. (2012). *Obyknovennyy terror: politika stalinizma v Sibiri* [Ordinary Terror: The Policy of Stalinism in Siberia]. Moscow, ROSSPEN. 440 p.

Potapov, S., Libkind, A. (1935). *Cherepanovskiy maslosovkhoz* [Dairy Farm of Cherepanovo]. Moscow, Leningrad, Sel'khozgiz. 207 p.

Shevlyakov, A.S. (2000). *Politotdely MTS i sovkhovov: chrezvychaynye partiyno-gosudarstvennyye organy upravleniya v sel'skom khozyaystve Zapadnoy Sibiri v 1930-e gody* [Political Departments of MTS and State Farms: Extraordinary State and Party Authorities in the Agriculture of Western Siberia in the 1930s]. Tomsk, TGU. 225 p.

Shevlyakov, A.S. (2007). *Stalinskie politotdely v Sibiri. Chrezvychaynye organy VKP(b) v politicheskom i sotsiokul'turnom prostranstve sovetskoy derevni (1930-e gg.)* [Stalinist Political Departments in Siberia. Extraordinary Authorities of the VKP(b) in the Political and Socio-Cultural Space of the Soviet Village (1930s)]. Tomsk, TGU. 216 p.

Shevlyakov, A.S. (2009). *Politotdely MTS i sovkhovov* [Political Departments of MTS and State Farms]. In *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk, pp. 636–637.

Tepliyakov, A.G. (2002). *Institut zamestiteley nachal'nikov politotdelov po rabote OGPU-NKVD v MTS i sovkhovakh Sibiri v seredine 1930-kh gg.* [The Institute of Deputy Chiefs of the Political Departments of the OGPU-NKVD in the MTS and State Farms of Siberia in the Mid-1930s]. In *Ural i Sibir' v stalinskoy politike*. Novosibirsk, pp. 173–185.

С.В. Шарапов*

**ГОСУДАРСТВО, КОЛХОЗЫ И ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)****doi:10.31518/2618-9100-2023-4-7
УДК 94(47)"1940/1945"

Выходные данные для цитирования:
Шарапов С.В. Государство, колхозы и теневая экономика в годы Великой Отечественной войны (по материалам Новосибирской области) // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 92–105. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-07.pdf>

S.V. Sharapov*

**STATE, COLLECTIVE FARMS AND SHADOW ECONOMY
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
(BASED ON MATERIALS FROM NOVOSIBIRSK OBLAST)****

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-7

How to cite:
Sharapov S.V. State, Collective Farms and Shadow Economy during the Great Patriotic War (Based on Materials from Novosibirsk Oblast) // Historical Courier, 2023, No. 4 (30), pp. 92–105. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-07.pdf>]

Abstract. This article is devoted to the problems of functioning of the USSR collective farm agrarian economy during the Great Patriotic War. Collective farms experienced the burden of mobilization policy minimizing the possibilities for peasants to receive an income sufficient for survival. The exclusion of personal economic interest and its replacement by administrative coercion had a negative effect on the productivity of collective farms. The kolkhoz peasantry, giving their labor in exchange for the right to use the private households, often showed indifference to the preservation of artel property. The labor, which became forced, was equally unproductive. Widespread were the practices of imitation of economic activity, evasion of artisanal work, and “barbaric” treatment of crops and livestock. Another negative consequence of the policy of total mobilization of collective farm resources was the transfer of peasant activity into the shadow economy. Emptying collective farm barns, the state itself provoked theft and the sale of artisanal products “on the side”. Nevertheless, the shadow economy, in part, compensated for failures of state supply by giving collective farms access to badly needed industrial goods, and to urban enterprises and institutions to food and land. The collective farms, however, were in an unequal position. The advantageous position was enjoyed by suburban agrarian farms, which had the opportunity to establish close contacts with the city. The most vulnerable were big collective farms in remote areas, which, above all, were subjected to hunger.

Keywords: The Great Patriotic War, agrarian policy of the state, collective farms, mobilization, shadow economy.

The article has been received by the editor on 21.04.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Сергей Валерьевич Шарапов**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

Sergey Valerievich Sharapov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Динамика экономического и социального развития Азиатской России в контексте геостратегических вызовов конца XIX – начала XXI вв.» (FWZM-2021-0003).

The article was made on the topic of the state assignment “Dynamics of the Economic and Social Development of Asian Russia in the Context of Geostrategic Challenges of the Late 19th – Early 21st Centuries” (FWZM-2021-0003).

Аннотация. Статья посвящена проблемам функционирования колхозного сектора аграрной экономики СССР в годы Великой Отечественной войны. Коллективные хозяйства испытывали на себе тяжесть мобилизационной политики, минимизирующей возможности для крестьянства получать от колхозов доход, достаточный для выживания. Исключение личного экономического интереса и подмена его административным принуждением негативно влияли на производственные показатели колхозов. Колхозное крестьянство, отдавая свой труд в обмен на право пользования ЛПХ, зачастую проявляло безразличие к сохранности артельной собственности. В равной степени и труд, ставший принудительным, оказывался малопродуктивен. Распространенными были практики непроизводительного труда, имитации хозяйственной деятельности, уклонения от артельных работ, «варварского» отношения к урожаю и скоту. Другое отрицательное следствие политики тотальной мобилизации колхозных ресурсов – перенос крестьянской активности в теневой сектор экономики. Опустошая колхозные амбары, государство само провоцировало хищения и продажу «на сторону» артельной продукции. Тем не менее теневая экономика частично компенсировала провалы государственного снабжения, открывая колхозам доступ к остродефицитным промышленным товарам, а городским предприятиям и учреждениям – к продовольствию и земле. Колхозы, однако, оказывались в неравных условиях. В выигрышном положении находились сельхозартели пригородных районов, имевшие возможности наладить тесные контакты с городом, в наиболее уязвимом – многоземельные колхозы отдаленных местностей, которые прежде всего и были подвержены голоду.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, аграрная политика Советского государства, колхозы, мобилизации, теневая экономика.

Статья поступила в редакцию 21.04.2023 г.

Введение. Степень влияния, которая оказала коллективизация на советскую деревню, трудно переоценить. С одной стороны, следствием прожектерской воли советской власти стала радикальная пересборка социальных связей в крестьянском обществе (именно поэтому современные исследователи выделяют «колхозный социум» в качестве особого объекта изучения¹). С другой стороны, колхозы возникли как исторически новая форма концентрации рабочей силы и средств производства в аграрном секторе экономики (хотя машинная техника в большинстве своем оставалась в руках МТС). Трансформировав социальные связи, коллективизация столь же значительно изменила отношение крестьян к труду и хозяйствованию. Данный аспект функционирования колхозной системы и будет интересовать нас применительно к условиям войны. Ключевой вопрос – каким образом навязанная крестьянству новая форма коллективизма влияла на их трудовое и экономическое поведение в экстремальных условиях?

Колхозный строй опосредовал взаимоотношения сельхозпроизводителей не только с государством, но и с другими акторами, задействованными в советской экономике. В этой связи нам представляется необходимым выйти за пределы рассмотрения колхозов только как элементов государственной мобилизационно-плановой системы и исследовать иные области их экономической активности. Данная статья, написанная по материалам Новосибирской области, продолжает наметившийся в историографии вектор региональных исследований функционирования аграрной экономики в условиях Великой Отечественной войны².

¹ См.: Изюмова Л.В. Колхозный социум 1930–1960-х гг.: социальная трансформация, идентификация и престиж // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2008. Т. 59, № 16. С. 103–118; Лапердин В.Б. Групповые конфликты в колхозном социуме Западно-Сибирского края в 1930-е годы // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 38–52.

² Андреевков С.Н., Ильиных В.А. Сельское хозяйство Сибири в 1941–1945 гг.: динамика и организационно-производственная структура // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27, № 4. С. 5–12; Мотревич В.П. Вклад

Государство и колхозы. Коллективизация, проведенная в значительной степени с целью концентрации аграрной продукции в руках государства, подчинила сельхозпроизводителей воле партийно-государственного аппарата. Новая аграрная система фактически лишала колхозы экономической самостоятельности, права по собственному усмотрению распоряжаться наличными ресурсами, рабочей силой, земельными угодьями, урожаем, поголовьем обобщественного скота. Эффектом советского аграрного строя, как утверждает Ш. Мерль, стала «инфантилизация» сельхозпроизводителей, которые, перестав быть хозяевами на земле, испытывали безразличие к результативности собственного труда³.

Несмотря на то, что творцы коллективизации декларативно наделяли колхозы статусом сельскохозяйственной артели, несоблюдение кооперативных принципов (добровольности вступления, экономической заинтересованности) представляется очевидным. Однако на уровне официальной риторики фикция колхоза как артельного объединения продолжала поддерживаться. В 1952 г. И.В. Сталин в своем известнейшем политэкономическом сочинении вновь напоминал, что вся произведенная сельхозартелями продукция является «собственностью самих колхозов», а экономические отношения колхозной деревни и города выстроены по принципу «товарно-денежных»⁴. В действительности колхозы могли распоряжаться лишь малой частью произведенной продукции – остатком после выполнения обязательных заготовительных планов. Посредством заготовок, которые фактически приобрели характер натурального налога, государство по своему усмотрению могло претендовать на все большую долю валового продукта, вплоть до полного устранения пределов его изъятия.

Условия войны как раз потребовали максимизировать отчуждаемую государством долю. Впрочем, еще до немецкого вторжения, в 1940 г., реформирование заготовительной системы резко увеличило натуральное налогообложение колхозной деревни. Введение погектарного принципа обязательных поставок основных видов сельскохозяйственной продукции (зерна, мяса, молока, шерсти и др.) ударило по экономике многоземельных колхозов, но государство за счет повышения планов добилось краткосрочной выгоды.

В годы войны обоснования ненормированных изъятий колхозной продукции приобрели характер почти шулерских приемов. 5 декабря 1942 г. перед руководящим составом партийных и советских органов Новосибирской области выступил секретарь и заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А.А. Андреев. Обвиняя региональных и районных руководителей в «антигосударственном» подходе к хлебозаготовкам, Андреев указывал на недопустимое доверительное отношение к исходящим от колхозов «заниженным» данным об урожайности зерновых. Чтобы доказать, что колхозы в «действительности» имеют резервы зерна для хлебосдачи, эмиссар ЦК прибег к очевидной манипуляции: «Средний урожай зерновых по видовой оценке, определенной органами ЦСУ, составляет 9,5 центнеров с га, <...> сдано же с гектара хлеба 1,58 центнеров, остается 8 центнеров. Если взять расход на посев озимых и засыпку семян, 15-процентный аванс колхозникам и сдачу в счет плана, то на все про все затрачено не более 3 центнеров, а 6,5 центнеров с гектара остается в обмолоченном и необмолоченном виде. Значит хлеб есть и не может быть речи, что хлеба не хватит для успешного выполнения плана хлебозаготовок»⁵. Андреев сознательно игнорировал тот факт, что при видовой оценке урожайности не учитывались резко возросшие в годы войны потери зерна во время уборки и обмолота. На языке партийного официоза того времени расчеты Андреева вполне можно назвать «очковтирательскими».

Урожайность зерновых и впоследствии становилась объектом политической манипуляции. 2 сентября 1943 г. Новосибирский обком ВКП(б) признал данные областного статисти-

в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 2021; Сухова О.А., Ягов О.В. Проблемы аграрного развития Пензенской области в годы Великой Отечественной войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022 № 1 (61). С. 154–166; и др.

³ Мерль Ш. Переоценка результатов советской сельскохозяйственной политики в свете сегодняшних успехов // Крестьяноведение. 2019. Т. 4, № 1. С. 51.

⁴ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 16–17.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 73. Оп. 2. Д. 21. Л. 142.

стического управления по урожайности зерновых в регионе заниженными⁶. Это решение было принято под влиянием политического Центра и лично А.А. Андреева. На заседании бюро обкома, где обсуждался проект постановления по данному вопросу, первый секретарь М.В. Кулагин познакомил собравшихся с содержанием недавно состоявшегося разговора с Андреевым: «Андрей Андреевич так поставил вопрос – можно ли сейчас вести хлебозаготовки с таким определением урожайности? Конечно нельзя. Урожайность показана 2–3 центнера в среднем, а районы должны сдать по 4 центнера с га. Значит разговоры в районах идут не о выполнении плана хлебозаготовок, а о цифрах урожайности. Поэтому такие данные могут разложить государственную дисциплину на хлебозаготовках, дезорганизовать хлебозаготовки. Такие данные идут не на пользу, а во вред делу хлебозаготовок. Такие данные создают условия в колхозах к расхищению урожая и безнаказанным потерям. Вот что означает такая заниженная урожайность и вот как поставил этот вопрос Андрей Андреевич»⁷.

Такого рода вмешательства центральной власти воспринимались региональным руководством как завуалированный сигнал к широкому применению принудительных мер: несмотря на сопротивление колхозов, зерно для выполнения заготовительных планов необходимо будет взять. Вниз по вертикали управления аналогичные «сигналы» получали и районные власти. В качестве характерного примера приведем эпизод хлебозаготовительной кампании 1943 г. в Михайловском районе. 5 ноября обком осудил медленный темп хлебосдачи, обвинив местное руководство в том, что оно поддалось «рваческим, противогосударственным настроениям» занижения урожайности⁸. Вслед за этим для проведения чрезвычайных мер в район в качестве уполномоченного был направлен заместитель секретаря обкома Кульков⁹. Прибыв на место, Кульков распорядился добиться повышения хлебосдачи за счет очистки и подработки зерновых отходов, попутно предупредив ответственных лиц, что за невыполнение заготовительных заданий им грозит снятие с должности, лишение партбилета и отдача под суд. Районные работники, попав в подчинение к уполномоченному обкома, мгновенно считали «эзопов язык» Кулькова и действительно увеличили объемы сданного зерна, но не за счет подработки отходов, а взяв хлеб из семенных фондов колхозов. Первый секретарь обкома М.В. Кулагин трактовал данный эпизод следующим образом: «Районные работники, спасая свою шкуру, избрали наиболее легкий путь, залезали в семенные фонды вместо того, чтобы изыскивать хлеб из других источников. Вот что произошло: районные работники из-за шкурнических побуждений оставили колхозы без семян, докладывая о том, что они берут подработку»¹⁰.

Действия Кулькова вряд ли удостоились обсуждения на заседании бюро обкома, если бы не всплеск насилия по отношению к колхозникам и многочисленные жалобы с их стороны. Связано это было уже не с хлебозаготовками, а с кампанией закупки у крестьян картофеля. Кульков, прибыв в район, оказался крайне неудовлетворен ее ходом. Сам он оценивал положение дел так: «На месте оказалось, что заготовка, <...>, проходит чрезвычайно вяло, заготовка сводилась к тому, что уполномоченные ходили по селу с ведерками и собирали по килограмму, все это превращалось в форму пожертвования»¹¹. Кульков лично «рассчитал» норму потребления картофеля для крестьян (2 кг в день на одного взрослого) и поручил районным уполномоченным «убедить» колхозников продать излишки государству. «Убеждение», вновь воспринятое как «иносказание», обернулось прямым насилием. Колхозников, отказывавшихся продавать картофель, сажали под арест, ожидая добиться от них «добровольного» согласия. Для психологического воздействия в бригады, занимавшиеся «закупками» картофеля, включались начальники районных отделов НКВД и НКГБ, районный прокурор и народные судьи¹². Катастрофический характер ситуации придавал тот

⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 33. Д. 717. Л. 1–2.

⁷ Там же. Л. 30.

⁸ Там же. Д. 723. Л. 27–29.

⁹ Там же. Д. 748. Л. 22.

¹⁰ Там же. Л. 23 об.

¹¹ Там же. Л. 23.

¹² Там же. Д. 748. Л. 31–31 об.

факт, что для хранения картофеля в районе отсутствовали подготовленные помещения и около 10 тыс. ц картофеля было заморожено¹³.

Насилие было постоянным спутником колхозной жизни ввиду питаемого и подкрепляемого политическим Центром недоверия к крестьянам, которые подозревались в желании избежать участия в коллективном артельном труде или присвоить себе принадлежавшую колхозам продукцию. Периодически районные власти организовывали подворные обыски с целью обнаружения и изъятия похищенной колхозной собственности. Однако на практике происхождение изымаемой продукции совершенно не учитывалось. В результате у крестьян среди прочего забирали зерно, муку, скот и другие продукты, законно приобретенные на рынке или полученные в счет оплаты трудодней¹⁴. Наиболее массовым было применение насилия с целью принуждения к труду. В спецсообщении ВРИО начальника управления НКГБ по Новосибирской области Воронцова от 28 ноября 1944 г. указывалось, что через военную цензуру проходит большое количество писем на фронт от семей военнослужащих, содержащих жалобы на систематические побои со стороны руководителей колхозов, совхозов и местных органов власти¹⁵. Только с 1 августа по 20 ноября 1944 г. было зафиксировано 91 письмо, сообщавшее о фактах насилия. В основном отправители писем (женщины) жаловались на применение грубой силы со стороны председателей колхозов и бригадиров: «...На работу провожают нас в затылок. Санников угощает нас кулаками. Председателем был в Воскресенской и там людей привязывал к оглобле и гнал во весь дух. Одного мальчика 13 лет ударил два раза так, что он на третий день умер. У нас в Варакино тоже такие порядки заводит»¹⁶; «...Красноармейкам ничем не помогают и руководители нас начинают бить. Блинкова Федосья работала ночь на молотье, а день без отдыха на вязке и стали назначать ее опять на ночь, а за то, что она отказалась, то председатель сельсовета и председатель колхоза избивали ее и она после этого несколько дней не могла подняться с постели. Вот что делают с семьями фронтовиков»¹⁷, «...Бригадир Агапов избивает детей, работающих у него в бригаде. Нашего Васю всего избил палкой, пинками, избитого посадил на грабли и кричит: – Работай, а то голову отрублю. Избитого ребенка домой не отпустил. Жаловаться некому, сельсовет никаких мер не принимает. Что здесь делают наши руководители, как они издеваются над нами, – бьют детей, получается рабство. Как раньше били господа нагайками, так и Советская власть бьет. Неужели батюшко Сталин так разрешил. Если было бы можно, мы довели бы до сведения об этом нашему отцу – т. Сталину»¹⁸.

Михайловский район, о котором шла речь выше, относился к категории неблагополучных. Показателем была не только слабая экономика, но и напряженная продовольственная обстановка. Вместе с Михайловским группу отстающих образовывали районы, располагавшиеся в Барабинской степи Новосибирской области. Зимой 1942/1943 г. из 23 районов, переживавших острые продовольственные затруднения, 15 относились к территории Барабинской степи (всего там располагалось 17 районов)¹⁹. О необеспеченности продуктами питания в колхозах этой местности М.В. Кулагин докладывал А.А. Андрееву и в 1941 г.²⁰ Основные причины отставания заключались в прямолинейной и слепой к специфике районов государственной аграрной и заготовительной политике. Навязанная всему региону зерновая специализация не учитывала характеристик почвенного покрова Барабинской степи. Преобладание болотно-луговых, болотно-подзолистых и засоленных почв создавало выгодные условия для животноводства, но из-за низкого содержания гумуса земледелие здесь было заведомо малопродуктивным. Введение погектарного принципа обязательных поставок зерна для колхозов Барабинской степи обернулось невыполнимыми хлебозаготови-

¹³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 748. Л. 25–25 об.

¹⁴ Там же. Оп. 34. Д. 175. Л. 89–90.

¹⁵ Там же. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 50. Л. 248.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 248–248 об.

¹⁸ Там же. Л. 251 об.

¹⁹ Там же. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 171. Л. 293.

²⁰ Там же. Оп. 6. Д. 230. Л. 8–9.

тельными планами. Повышенный объем полевых работ не давал возможности колхозам Барабинской степи использовать богатые природные условия для развития животноводства. Вопреки здравому смыслу колхозы принуждены были растрачивать большую часть труда на производство зерна в ущерб экономически выгодному направлению хозяйства. В результате грубой непреложности аграрной политики районы Барабинской степи не имели даже шанса выйти из экономического тупика. Как следствие, голод, поражавший прежде всего наиболее незащищенные слои населения – многодетные семьи, лишившиеся кормильца.

В марте 1943 г. в Северном районе Барабинской степи семья военнослужащего Б., жена и четверо детей, вынуждены были переехать к родственникам в другую деревню. В силу того, что и родственники были не в состоянии оказать необходимую продовольственную помощь, семья приняла решение пешком вернуться обратно в Северный район. Остановившись в пути на культстане колхоза «Новая жизнь», жена Б. убила своего младшего двухлетнего ребенка и употребила в пищу для себя и оставшихся детей²¹. В деревне Красноярка того же района в семье П. умер четырехлетний ребенок. Мать умершего ребенка не похоронила, а употребила в пищу²².

В колхозе «Красный путиловец» Пихтовского района Барабинской степи из 37 семей колхозников только пять имели незначительное количество овощей для питания, остальные 32 семьи питались различными отходами и падалью²³. В колхозе «Труд и оборона» Куйбышевского района Барабинской степи из 108 хозяйств не были обеспечены продовольствием 40²⁴. В колхозе им. Калинина Каргатского района Барабинской степи не имели продуктов питания 15 семей, в колхозе «Красный Урман» – 26, в колхозе «13 годовщина Октября» – 30.²⁵ Наиболее тяжелым оказывалось положение в так называемых неуставных сельскохозяйственных артелях (спецпоселках). Так, в артелях «Переселенец» и «Верный путь» Пихтовского района за первые 20 дней февраля 1943 г. умерли от голода 18 человек. За один день вымерла вся семья Д., состоявшая из матери и двух детей²⁶.

Во многих случаях трудоспособные члены семей, оказавшихся без средств к существованию, вырабатывали количество трудодней, значительно превышавшее обязательный минимум (даже с учетом его повышения в 1942 г.)²⁷. Однако участие в артельных работах не обеспечивало даже минимальных потребностей колхозников в пропитании. Колхозы оказались несостоятельными ни в качестве хозяйствующих субъектов, ни в качестве источников основного крестьянского дохода.

Экономическое обесценивание артельного труда негативно влияло на продуктивность хозяйственной деятельности колхозов. Понятие «хозяйствование» с присущим ему экономическим содержанием – соизмерением затрат и результатов труда – вообще вряд ли применимо к колхозному производству. В деятельности колхозов систематически воспроизводились и умножались практики бессмысленного непроизводительного труда, его имитации, не говоря уж о прямом уклонении от выполнения государственных заданий. Если политическому аппарату и удавалось добиться концентрации крестьянского труда в колхозах, то проблема его продуктивности оставалась по большей части «слепым пятном».

Практики имитации хозяйственной деятельности возможно обнаружить в любом сегменте колхозных работ. Посевные кампании повсеместно проводились с грубыми нарушениями элементарных агротехнических правил – сев производился некондиционными семенами по неподготовленным почвам. В некоторых случаях проведение кампании оборачивалось полноценной фикцией. Например, в 1943 г. в колхозе «Большевик» Ордынского района часть семенного материала была расхищена, а в сводку посевов включена площадь, на которой фактически сев не происходил. Во время уборки урожая колхоз договорился

²¹ ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 41. Л. 137.

²² Там же.

²³ Там же. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 171. Л. 305.

²⁴ Там же. Л. 308.

²⁵ Там же. Л. 299.

²⁶ Там же. Л. 306.

²⁷ Там же. Л. 293–311.

с комбайнером, чтобы тот указал эту площадь как убранную²⁸. Аналогично в 1942 г. в колхозе «Борьба» Северного района 87 ц семенного зерна были съедены весной, но попали в сводку посевов²⁹.

Количество засеянных гектаров, зафиксированное в сводке выполнения плана, являлось главным показателем качества работы колхоза во время посевной кампании. В погоне за расширением посевных площадей колхозники принуждались к выполнению порой абсурдных с хозяйственной точки зрения работ. Агроном-директор Томской льняной опытной станции В.А. Стенин в личной записке на имя М.В. Кулагина указывал на вопиющие случаи бессмысленных непроизводительных трудозатрат, приносящих больше вреда, чем пользы: «Кому нужно такое расширение посевов, как это имело место в Томском районе в 1942 г., к сожалению, не являющимся исключением, когда с 15 по 25 июня, вопреки всякому здравому смыслу, без какого-либо соблюдения агротехнических правил засеяли около 2 тыс. га семенами проса, взятыми из ликероводочного треста, неизвестного происхождения и всхожести. О стопроцентном выполнении плана рапортовали, кое-кто сохранил партбилет и прочее. А результат – обман государства и народа, испорченные 60 ц крупы, которыми можно было бы порядочное количество времени кормить дивизию, так как эти посева ничего, или почти ничего, не дали, кроме засорения земли. Я был свидетелем того, как в трех колхозах – “Имени Ворошилова”, “Заветы Ленина”, “Ударник” – 22 июня действительно сеяли, разбрасывали по полю семена, а не съели их, и как в августе месяце эти же поля с одиночными растениями проса перепаживались под рожь»³⁰. Такого рода случаи не были редкостью. Так, в колхозах «Возрождение», «Майское утро», «Авангард» Мошковского района в 1943 г. семена озимых культур были высеяны по непрокультивированному, заросшим сорняками парам, при этом разбросанные вручную семена не были даже заделаны в почву³¹.

Дальнейший уход за посевами, прополка, междурядная обработка проводились безынициативно, при том что областные власти старались мобилизовать в помощь колхозам все незанятое городское население (в основном женщин-домохозяек, комсомольцев и школьников). Удивительно, но направлявшаяся в помощь рабочая сила не была желанной ни районным властям, ни самим колхозам. В 1942 г. первый секретарь М.В. Кулагин на одном из заседаний бюро обкома сетовал на беспечность районных властей: «Надо отметить, что многие районы в своих телеграммах дали уменьшенные заявки на рабочую силу, что свидетельствует о том, что районы не хотят проводить прополку, это надо учесть и сделать правильную разверстку по районам, чтобы были обеспечены все работы на поле»³². Такое отношение складывалось потому, что бремя содержания дополнительной рабочей силы, обеспечения ее жилищными и бытовыми условиями (хотя государство и выделяло хлебные фонды) ложилось на колхозы, а ответственность перед обкомом несли районные власти. Так, например, в 1942 г. в колхозе «13 лет Октября» присланные в помощь на полевые работы школьники попали в невыносимые условия: в выделенном для жилья помещении не было ни топчанов, ни столов, учащиеся спали и питались на грязном полу, никакой посуды для приготовления пищи предоставлено не было. В течение долгого времени школьники не имели горячей еды, а выделенные фонды хлеба расходовались колхозниками на собственное питание³³. Как следствие, школьники бросали работу и бежали в город. Колхозники со своей стороны проявили к детям бесчеловечное отношение. В постановлении обкома, осуждавшем столь вопиющий случай, указывалось: «Вместо того, чтобы не пожалеть для прибывших школьников молока, овощей и других продуктов, имеющихся у них

²⁸ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 715. Л. 105 об.

²⁹ Там же. Д. 654. Л. 86 об.

³⁰ Там же. Оп. 6. Д. 235. Л. 274.

³¹ Там же. Оп. 33. Д. 715. Л. 1–2 об.

³² Там же. Д. 612. Л. 44.

³³ Там же. Д. 631. Л. 26.

в избытке, отдельные колхозники встали на путь вымогательства, выменивая за продукты питания у учащихся одежду и другие вещи»³⁴.

Другим показательным документом является докладная записка бригадира группы домохозяек, работавшей в 1941 г. на уборке в колхозе им. 1 Мая Искитимского района. По ее словам, председатель колхоза крайне удивился прибывшей бригаде, рассчитывая на 10–15 чел., а не на группу в 60 чел. Бригадир Попрыкина следующим образом описывала дальнейшее участие женщин в работах: «Прибыли на пашню, а здесь квартир нет, правда, стоял домик, зашли мы туда, а там окна все выбиты, грязны. Я оставила трех женщин, чтобы они побелили, а остальных направила на работу, но вот тут-то и завязалось – граблей нет, вил нет, женщины обижаются, мы, говорит, приехали, а у них и своим-то колхозникам делать нечего. Колхозники, конечно, стали на нас говорить: “Вот приехали обжираться, а нам самим не хватает хлеба”»³⁵.

Во время уборочных кампаний официальная пропаганда настраивала колхозы и совхозы на спасение каждого центнера выращенного урожая. Имея в виду ранние заморозки в климатических условиях Западной Сибири, власть требовала включаться в массивную уборку заранее, не дожидаясь полного созревания хлебов. Такие установки наткнулись на сопротивление со стороны колхозов. Весьма распространены были так называемые «зеленые настроения», которые выражались в отказах выходить на уборку по причине незрелости посевов. На наш взгляд, основным мотивом затягивания уборки со стороны колхозов была экономия труда, рассчитывать на полноценную оплату которого не приходилось. При сокращении возможностей МТС массивная начало уборки означало включение в работу простых конноуборочных машин и широкое применение ручного труда. Председателем облисполкома И.Т. Гришиным безынициативность колхозов объяснялась следующим образом: «Мотивируется – зачем работать простыми машинами, когда можно подождать, пока хлеб созреет, и убрать его комбайнами»³⁶. Кроме того, уборка недозревшего хлеба была сопряжена с многочисленными издержками труда, поскольку такое зерно требовало просушки и дополнительной подработки. К тому же раннее начало уборки накладывалось на важную для колхозного крестьянства сеноуборочную пору (а ведь сохранение скота в личном приусадебном хозяйстве (ЛПХ) являлось важным условием выживания в военное время).

Колхозы усматривали выгоду в том, чтобы как можно большая часть собранного урожая была приведена в некондиционное состояние, ведь непригодное для сдачи государству зерно оставалось на внутреннее потребление. М.В. Кулагин в 1942 г. на заседании бюро обкома, посвященном хлебозаготовкам, отмечал, что артели сознательно допускают порчу урожая: «Имеют место такие случаи, когда гибнут хлеба, потому что оставляют зерно в большом количестве неубранным под крыши, оно греется, гибнет и идет в отходы. Отходы прибирают к месту, имея в виду, что, когда настанет нужда, эти отходы можно будет использовать или как зерно, или на фураж»³⁷. Способов искусственно создавать отходы в распоряжении колхозов было множество. Как указывалось в постановлении обкома от 2 декабря 1943 г., колхозы «засоряют хлеб примесями других культур и приводят его в некондиционное состояние для сдачи государству, при длительном хранении зерна неочищенным, подвергают порче, с целью использования на внутривоспроизводственные нужды»³⁸. Сама по себе очистка зачастую оборачивалась имитацией. 18 ноября 1942 г. в рассылаемом по районам закрытом письме обком предупреждал местные власти о необходимости внимательно относиться к тому, как работают колхозы: «Умышленно при обмолоте оставляют зерно в колосе или в соломе, или в различных отходах. Очищают зерно обязательно триерами с той же целью – как можно больше получить отходов, а затем израсходовать их на фураж или раздать по трудодням, тогда как зерно для сдачи государству можно сделать кондиционным

³⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 631. Л. 26.

³⁵ Там же. Оп. 5. Д. 360. Л. 94–95.

³⁶ Там же. Оп. 33. Д. 637. Л. 166 об.

³⁷ Там же. Д. 647. Л. 123.

³⁸ Там же. Д. 728. Л. 1 об.

путем очистки на обычных веялках и сортировках»³⁹. В докладной записке о ходе хлебозаготовок в Тогучинском районе в 1942 г. председатель облисполкома И.Т. Гришин предупреждал, что колхозы всеми возможными способами стараются затягивать работу по приведению зерна в кондиционное состояние для сдачи государству: «Как выяснилось, почти каждому уполномоченному и проверяющему дается такой ответ, что надо сортировать, надо сушить, надо подработать. Но как только уходит уполномоченный – ни сушки, ни подработки зерна не делают, сознательно затягивают, чтобы хлеб оставить на внутриколхозные нужды»⁴⁰.

По той же причине колхозам было выгодно как можно дольше оставлять зерно необмолоченным. Активная фаза хлебозаготовительной кампании начиналась в августе и продолжалась до начала следующего года. При условии, что колхозу удастся растянуть обмолот, необмолоченная часть зерна могла достаться артели. Во время обсуждения на бюро обкома хлебозаготовок в области в ноябре 1943 г. секретарь обкома П. Ужев указывал на сознательное затягивание обмолота колхозами: «Говорят, что молотилки и комбайны не работают потому, что много неисправностей и нет горючего. Неверно. Неправильно. Мы имеем сейчас сведения по данным наших органов и по данным нашей личной проверки в Туганском и Искитимском и других районах такие факты, когда саботажники хлебосдачи заявляют с прямой откровенностью, что если мы сейчас закончим молотьбу хлеба, это значит, что весь хлеб будет вывезен и нам ничего не достанется. Затягивают обмолот с целью оттяжки выполнения плана хлебосдачи с тем, чтобы растянуть обмолот хлеба до нового урожая так, как это было и продолжает быть в некоторых районах и сейчас»⁴¹.

В годы войны государство, претендуя на тотальное изъятие колхозной продукции, минимизировало возможности для крестьян легальным путем получать полноценную долю от произведенного. Тем самым власть сама провоцировала воровство колхозной собственности. Учитывая исключительно плохое состояние ее учета, хищения сопровождали весь цикл сельскохозяйственных работ. Обесценивание колхозного труда и внешний над ним контроль приводили к тому, что колхозники с безразличием относились к сохранению урожая. Фактически колхозы были местом обмена труда, причем для рядовых колхозников его продуктивность не имела значения, на возможность вести подсобное хозяйство, которое и становилось главным источником пропитания. Меры государства по ужесточению трудового законодательства (повышение обязательного минимума трудодней) вряд ли могли качественно повлиять на колхозную экономику. Таким образом, решить проблему нерационального использования труда не представлялось возможным. Более того, проведение карательных мер по отношению к «тунеядцам» могло наталкиваться на защиту со стороны самих колхозов. Например, прокурор Маслянинского района обнаружил в колхозе «Сатурн» «излишне» либеральное отношение к «лодырям» – вместо передачи материалов в народный суд на 11 колхозников правление ограничилось штрафом в размере 5 трудодней на каждого⁴². В докладной записке прокуратуры о выполнении постановления о повышении обязательного минимума трудодней состояние трудовой дисциплины в колхозах оценивалось следующим образом: «Организация труда поставлена отвратительно. Как правило, накануне рабочего дня правлениями колхозов наряды на работу не составляются. Назначения на работу даются только утром путем подворных обходов, разыскивания отдельных колхозников, вызова их в контору колхоза. При такой постановке трудовая дисциплина падает; лодыри и тунеядцы приступают к порученной им работе в 10–11 часов утра. В период рабочего дня не контролируются. Работу кончают, не выполнив заданий, в 3–4 часа дня и зачастую остаются безнаказанными»⁴³.

Колхозы и теневая экономика. Если частный интерес крестьянства не находил выражения в легальных формах колхозной деятельности, то некоторое пространство ему

³⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 651. Л. 86.

⁴⁰ Там же. Д. 654. Л. 77 об.

⁴¹ Там же. Д. 648. Л. 82 об.

⁴² Там же. Оп. 34. Д. 184. Л. 87.

⁴³ Там же.

давал теневой сектор экономики, отчасти компенсировавший изъяны государственного товарооборота и снабжения. Колхозы в качестве предметов аренды, торга и обмена могли предложить землю, скот и продовольственную продукцию; взамен они рассчитывали получить остродефицитные в сельской местности промышленные товары – материалы, горючее, запчасти для техники, мануфактурную продукцию и пр. Преимущество имели колхозы пригородных районов (Новосибирского, Мошковского, Туганского, Болотнинского, Томского и др.).

Значительную активность в контактах с колхозами проявляли отделы рабочего снабжения (ОРСы) городских предприятий, которые выступали агентами заключения сделок по обмену продовольствия на промышленные товары. Теневой характер таким операциям придавала весьма распространенная практика продажи колхозами товаров, предназначенных для сдачи государству. Облпрокурор К.Я. Румянцев во время обсуждения на бюро обкома проблемы расхищения колхозной собственности считал необходимым проверить все ОРСы: «Есть случаи, что они заключают с колхозами договоры, причем извращают идею шефства, используют тяжелое положение колхозов, забирают у них многие продукты, вплоть до крупы, которая подлежит сдаче государству. Они привозят в колхозы технику, сырье и материалы и меняют их, толкают колхозы на противогосударственные дела»⁴⁴. Так, в колхозах Мошковского района за короткий промежуток времени в обмен на промышленные товары только ОРСом одного завода было взято 7 коров, свыше одной тонны мяса, много картофеля и других сельскохозяйственных продуктов⁴⁵.

Такие контакты, по данным К.Я. Румянцева, зачастую осуществлялись при посредничестве районных властей, которые сами нередко рассматривали колхозы как источник собственного снабжения. Во взимании «оброка» с колхозов участвовали как работники райкомов и райисполкомов, так и сотрудники НКВД, райземотделов и других организаций. Так, по данным КПК, только из колхоза им. Сталина Болотнинского района в 1943 г. на личные нужды председатель сельсовета забрал 121 кг муки, 15 кг мяса и 16 кг меда, управляющий отделением Госбанка – 15,5 кг меда, начальник районного управления НКВД – 6 кг мяса и 12,7 кг меда, секретарь райкома – 30 кг мяса и 5 кг меда, уполномоченный райкома – 10 кг меда, заведующий райземотдела – 8 кг зерна, 2,5 кг мяса и 4,1 кг меда и т.д.⁴⁶ Взамен правления колхозов получали возможность без препятствий со стороны районной власти вести дела и в свою пользу. Председатель вышеупомянутого колхоза, удовлетворяя требования районных работников, не забывал и о себе. В январе 1943 г. продав мед колхоза на рынке на 8 тыс. руб., он израсходовал вырученные деньги на собственные нужды⁴⁷.

В ряде случаев сами председатели колхозов становились инициаторами подкупа районных управленцев. На заседании бюро обкома обсуждалась фигура председателя колхоза «За Родину» Кувшинова, который характеризовался М.В. Кулагиным как «ловкач» и «делец»: «Он по-купчески обрабатывал там всех городских, районных и других руководящих работников. Он затягивал их, опутывал различными подарками: к праздничку посылочку, свежие овощи нужны – к вашим услугам, мясо нужно – пожалуйста, выпить хочешь – с великим удовольствием и т.д., и на его удочку попали многие руководящие работники». Дело дошло до того, что райком предложил этому колхозу выделить участок и посадить своими силами картофель исключительно для снабжения работников комитета партии и райисполкома. С колхозом в результате рассчитались деньгами, которые были распределены на трудодни. Сам же председатель колхоза, по словам М.В. Кулагина, «этим самым создал себе условия, когда его никто не мог критиковать, когда его стали расценивать как значительного человека, забывая, что на самом деле это торгаш, ловкач и что его нельзя терпеть на посту председателя колхоза»⁴⁸.

⁴⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 719. Л. 141.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 41. Л. 251.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 680. Л. 157 об.

Благодаря включенности ответственных работников снабженческих организаций в теневую экономику колхозы получали возможность приобретать остродефицитные в военное время товары. В июле 1945 г. были вскрыты крупные злоупотребления на новосибирской базе Сельхозснаба. Только за период с 1 января 1944 г. по 1 июля 1945 г. ее работники, получая взятки, незаконно распределили дефицитных запасных частей, инструментов и материалов общей стоимостью в 170 656 руб. Активную роль в реализации товаров «из-под полы» играли директор базы Чеботарев и его заместитель Савиных. Запасные части и материалы за взятки приобретались колхозами (причем не только Новосибирской области) и другими организациями. Например, в августе 1944 г. колхозу «Краснофлотец» Алтайского края Чеботарев за взятку (2 овцы) отпустил различных дефицитных товаров стоимостью в 5 тыс. руб. В августе 1944 г. и феврале 1945 г. Чановскому и Венгеровскому райпотребсоюзам в обмен на 60 кг масла, 8 кг конфет, 40 кг гидрожира, 50 кусков мыла и 10 кг сахара было выдано разных материалов на сумму в 2 724 руб. Получив от колхоза «Память Кирова» Маслянинского района овцу, куль муки и 10 кг меда, Чеботарев отпустил ему запасных частей и инструментов на 1 364 руб.⁴⁹

Не только продукция, но и земля выступала для колхозов активом, который можно было использовать в теневых операциях. Крайне выгодной практикой для колхозов пригородных районов была сдача земли в аренду промышленным предприятиям и городским организациям. В данном случае теневые сделки компенсировали неповоротливость бюрократического аппарата. Государственная власть осознавала потребность несельскохозяйственных организаций в обзаведении собственными подсобными хозяйствами. 7 апреля 1942 г. было издано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), по которому облисполком должен был выявить и передать под подсобные хозяйства все пустующие земельные участки в городах, а при их отсутствии разрешить промышленным предприятиям, учреждениям, организациям и воинским частям производить временно посева на неиспользуемых землях колхозов с согласия последних⁵⁰. Заявки о выделении земли поступали в облисполком и облземотдел, но рассмотрение их затягивалось. На 21 июня 1944 г. оставались неразобранными дела об отводе земель 347 организациям на 28 309 га⁵¹. Как следствие волокиты, городские предприятия и организации предпочитали, минуя облисполком, договариваться с колхозами напрямую на взаимовыгодных условиях.

Так, в колхозе «Пламя революции» Коченевского района в 1944 г. из 2 506 га закрепленной за ним земли общественными посевами было занято только 382 га, а 800 га были выделены для подсобных хозяйств различных предприятий и учреждений. Землю в этом колхозе имели 16 различных организаций, и только одна воинская часть получила подсобное хозяйство легально, через облисполком. В обмен на землю колхоз получал промышленные товары. От Новосибирской межрайонной базы облпотребсоюза за 40 га земли колхоз получил 20 комплектов конной сбруи, 2 кавалерийских седла, 2 кг баббита, более 100 кг автола; от Новосибирской швейной фабрики № 4 за 80 га земли – 4 мужских и 5 женских костюмов, 20 м парусины; от Чикского ремзавода за 30 га – 50 кг автола и 1,5 т угля; от второго вагонного участка Томской железной дороги за 50 га – 4 ведра, 4,5 м брезента, 10,5 кг гвоздей и 2 кг шпагата⁵².

В колхозе «Память Ильича» того же района из 2 918 га закрепленной за ним земли под общественные посева было занято менее 200 га. В то же время 814 га были отданы в аренду 18 предприятиям и учреждениям. Только 2 из них получили от колхоза землю легальным путем. Колхоз за переданные таким образом уголья получил от железнодорожного училища 3 т угля и 5 ведер; от узловой железнодорожной поликлиники – 30 м марли и одну пару ботинок; от продтехснаба Новосибирского треста столовых – 50 кг колесной мази, 50 кг веревки, 5 кусков кожи и 5 л водки; от женской детской консультации г. Новосибирска –

⁴⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 851. Л. 65–65 об.

⁵⁰ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). М., 1968. Т. 3. С. 65.

⁵¹ ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 50. Л. 49 об.

⁵² Там же. Л. 47 об.

10 недоуздов⁵³ и 6 кг сыромятного ремня⁵⁴. При нелегальной передаче земли в аренду ставился вопрос: как будут выполняться обязательные поставки сельхозпродукции, которыми облагался каждый гектар, закрепленной за колхозами земли? Это решалось переговорами: в некоторых случаях сами колхозы выполняли все госпоставки, в других же случаях арендаторы земли отдавали часть продукции в счет выполнения планов.

Зачастую в «тень» уходили и денежные операции колхозов. Сложившаяся в 1930-е гг. система финансового обслуживания колхозов позволяла последним хранить в колхозной кассе «минимальную сумму» наличных денег. Снятие денежных средств со счета капиталовложений разрешалось только в соответствии с производственным планом и приходно-расходной сметой. Колхозы имели право позаимствовать деньги на текущие расходы, но при условии их последующего возврата⁵⁵.

Минуя банковскую систему, колхозы формировали «черные кассы», денежные средства из которых расходовались как на нужды колхозов и колхозников, так и на расчеты с государством. Например, колхоз «50 лет Климу Ворошилову» продал колхозный дом за 30 тыс. руб. и телку за 3 тыс. руб., но вырученные деньги на счет капиталовложений не внес, а израсходовал 8 тыс. руб. на уплату страховых платежей и подоходного налога, 10 тыс. руб. в счет подписки на военный заем и остальные 15 тыс. руб. раздал авансом на трудодни колхозникам. Другой колхоз, продав дом за 15 тыс. руб., 8 тыс. израсходовал на оплату займа и 7 тыс. раздал колхозникам на трудодни⁵⁶. Колхозы бесконтрольно тратили весьма значительные суммы денег. Например, в 1943 г. колхоз «Заря» Мошковского района израсходовал, минуя банк, 184 тыс. руб., колхоз им. Харлампиева – 132 тыс. руб., колхоз «Партизан» – 82 тыс. руб.⁵⁷

Заключение. Колхозный строй, сложившийся в 1930-е гг., позволял правительству по своему усмотрению управлять соотношением долей произведенной колхозами продукции: той его части, которая почти за бесценок доставалась государству, и остатком, распределявшимся между самими колхозниками. В связи с непредсказуемостью государственной политики крестьянство не видело возможности полагаться на колхозы как на основной источник средств к существованию. На протяжении всего десятилетия крестьянство изобретало, воспроизводило и умножало практики, которые позволяли ему хотя и нелегально, но использовать колхозы в своих экономических интересах. По этой же причине усиливалось взаимное недоверие между государством и колхозным крестьянством.

Во время войны государственная мобилизационная политика минимизировала возможности для крестьянства получать доходы от колхозов, увеличив долю неоплачиваемого труда. Это, в свою очередь, закономерно вызвало сопротивление «снизу», выразившееся в хищениях продукции, уклонениях от артельного труда и его имитации, бегства из неблагополучных колхозов и т.д. Власть отвечала на рост нежелательного поведения колхозников усилением мер надзора, принуждения и насилия.

Дисбаланс государственных интересов и частных интересов крестьянства негативно влиял на продуктивность в колхозном секторе экономики. Производственный цикл в земледельческой отрасли занимал продолжительный период времени (весна-осень). Продуктивность зависела от качества выполнения работ на каждом его этапе (посев, уход, уборка). Проблема заключалась в том, что для колхозного крестьянства экономическая ценность вкладываемого в колхозное производство труда низводилась до минимума. Труд был условием членства в колхозе и давал возможность законно пользоваться ЛПХ, которое и становилось основным источником доходов. Как следствие, безразличие колхозников к результативности собственных трудозатрат на колхозных полях и фермах. Более того, для колхозов оказывалось выгодным приведение урожая в некондиционное для сдачи государству состо-

⁵³ Недоуздок – элемент упряжи лошадей и скота.

⁵⁴ ГАНУ. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 50. Л. 47 об. – 48.

⁵⁵ *Кометчиков И.В.* «Черные кассы» колхозов Центрального Нечерноземья и борьба с ними в середине 1940-х – начале 1950-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 407.

⁵⁶ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 224. Л. 18–19.

⁵⁷ Там же. Оп. 33. Д. 723. Л. 64 об.

яние, поскольку «отходы» оставались в их распоряжении. Слабость колхозной экономики, которая не справлялась с обеспечением всей страны продовольствием, частично компенсировалась сектором подсобных хозяйств, который стихийно расширялся за счет колхозных земель, а также теневой экономикой, смягчавшей провалы государственного снабжения.

Колхозы, однако, находились далеко не в равных условиях. В наилучшем положении оказывались относительно малоземельные пригородные колхозы, для которых и заготовительные планы оказывались меньше (ввиду погектарного принципа), и возможности для контактов с городом были шире. Наихудшая ситуация складывалась в многоземельных и отдаленных от городов колхозах (в Новосибирской области это прежде всего колхозы Барабинской степи), которые в большей степени оказывались подвержены голоду.

Литература

Андреев С.Н., Ильиных В.А. Сельское хозяйство Сибири в 1941–1945 гг.: динамика и организационно-производственная структура // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27, № 4. С. 5–12.

Изюмова Л.В. Колхозный социум 1930–1960-х гг.: социальная трансформация, идентификация и престиж // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2008. Т. 59, № 16. С. 103–118.

Кометчиков И.В. «Черные кассы» колхозов Центрального Нечерноземья и борьба с ними в середине 1940-х – начале 1950-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 406–414.

Лапердин В.Б. Групповые конфликты в колхозном социуме Западно-Сибирского края в 1930-е годы // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 38–52.

Мерль Ш. Переоценка результатов советской сельскохозяйственной политики в свете сегодняшних успехов // Крестьяноведение. 2019. Т. 4, № 1. С. 45–69.

Мотревич В.П. Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Альфа Принт, 2021. 700 с.

Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. 93 с.

Сухова О.А., Ягов О.В. Проблемы аграрного развития Пензенской области в годы Великой Отечественной войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 1 (61). С. 154–166.

References

Andreenkov, S.N., Il'inyh, V.A. (2020). Sel'skoe hozyaystvo Sibiri v 1941–1945 gg.: dinamika i organizatsionno-proizvodstvennaya struktura [Agriculture of Siberia in 1941–1945: Dynamics, Organizational and Production Structure]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 27, No. 4, pp. 5–12.

Izyumova, L.V. (2008). Kolhoznyy sotsium 1930–1960-h gg.: sotsial'naya transformatsiya, identifikatsiya i prestizh [Collective-Farm Society in the 1930s–1960s: Social Transformation, Identification and Prestige]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 59, No. 16, pp. 103–118.

Kometchikov, I.V. (2014). “Chernye kassy” kolhozov Tsentral'nogo Nечернозем'ya i bor'ba s nimi v seredine 1940-kh – nachale 1950-kh gg. [“Black Cash Registers” of Collective Farms of Central Non-Chernozem Region and the Fight against Them in the Mid-1940s – Early 1950s.]. In *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. No. 1, pp. 406–414.

Laperdin, V.B. (2021). Gruppovye konflikty v kolhoznom sotsiume Zapadno-Sibirskogo kraja v 1930-e gody [Group Conflicts in Collective Farm Societies of West Siberian Territory in the 1930s]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 4 (18), pp. 38–52.

Merl', Sh. (2019). Pereotsenka rezul'tatov sovetskoy sel'skohozyaystvennoy politiki v svete segodnyashnih uspehov [Reassessment of the Soviet Agrarian Policy in the Light of Today's Achievements]. In *Krest'yanovedenie*. Vol. 4, No. 1, pp. 45–69.

Motrevich, V.P. (2021). *Vklad v Pobedu: sel'skoe hozyaystvo Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Contribution to the Victory: Ural Agriculture during the Great Patriotic War]. Ekaterinburg, Al'fa Print. 700 p.

Stalin, I.V. (1952). *Ekonomicheskie problemy sotsializma v SSSR* [Economic Problems of Socialism in USSR]. Moscow, Gospolitizdat. 93 p.

Suhova, O.A., Yagov, O.V. (2022). *Problemy agrarnogo razvitiya Penzenskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Problems of Agrarian Development of the Penza Region during the Great Patriotic War]. In *Izvestiya Vysshih uchebnyh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. No. 1 (61), pp. 154–166.

Г.У. Орынбаева*

ИЗУЧЕНИЕ ТЕМЫ ЦЕЛИНЫ В КАЗАХСТАНСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ: ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫdoi:10.31518/2618-9100-2023-4-8
УДК 94:338(574)+(093)

Выходные данные для цитирования:
Орынбаева Г.У. Изучение темы целины в казахстанской историографии: итоги и проблемы // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 106–115.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-08.pdf>

G.U. Orynbaeva*

THE STUDY OF THE VIRGIN LANDS IN KAZAKHSTAN
HISTORIOGRAPHY: RESULTS AND PROBLEMS

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-8

How to cite:
Orynbaeva G.U. The Study of the Virgin Lands in Kazakhstan Historiography: Results and Problems // Historical Courier, 2023, No. 4 (30), pp. 106–115.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-08.pdf>]

Abstract. The article is devoted to the study of the topic of development of virgin and fallow lands in Kazakhstan, which continues to be debatable in the world historiography. A review of works by Kazakhstani historians of the Soviet period and the era of independence, which touched upon this problem, is presented. The analysis of researches of the last decades has revealed the following main provisions of the established conceptual approach in the researches of Kazakhstani authors. The main positive result of the virgin campaign is the solution of the food problem, technogenic modernization of the region and inherited by modern Kazakhstan ploughed lands. Leading researchers believe that development of virgin lands was the logical conclusion of tsarist government's policy of mass colonization of Kazakhstani lands in the end of 19th – beginning of 20th centuries. Kazakhstani historians pay a lot of attention to negative sides of the virgin campaign. They see them in ignoring of national interests of Kazakh ethnos which led to language assimilation of most part of it, the results of which are being solved with difficulties even today after several decades. The disregard of soil and climatic conditions of the region also refers to the expenses of the virgin campaign, which caused the ecological disaster – large-scale erosion of the soil, which the team of scientists overcame by the efforts. Further the author of the article sets forth his own judgments about further development of the topic of virgin lands in Kazakhstan, which should be based on drawing of a huge untapped array of archival documents, raw museum sources, periodicals, memoirs, works of art, field materials etc., available both in central cities of the country and in the regions. The priority problems include: the virgin everyday reality; solutions of the environmental problem of the “dusty boiler” by soil scientists under the leadership of A. Barayev; the role of Labor Heroes in the virgin epic; transformation processes in the Soviet everyday life and in the Kazakh folk culture.

Keywords: Soviet Union, Kazakhstan, virgin land, historiography, everyday life, Heroes of Labor, culture.

The article has been received by the editor on 02.04.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена изучению темы освоения целинных и залежных земель в Казахстане, которая продолжает оставаться дискуссионной в мировой историографии. Представлен обзор работ казахстанских историков советского

* **Гульмира Усенбаевна Орынбаева**, кандидат исторических наук, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан, e-mail: orinbaevag@mail.ru
Gulmira Orynbaeva, Candidate of Historical Sciences, Ch.Ch. Valikhanov Institute of the History and Ethnology, Almaty, Kazakhstan, e-mail: orinbaevag@mail.ru

периода и эпохи независимости, затрагивавших эту проблему. Анализ исследований последних десятилетий выявил следующие основные положения сложившегося концептуального подхода в исследованиях казахстанских авторов. Главным положительным итогом целинной кампании признается решение продовольственной проблемы, техногенная модернизация края и доставшиеся в наследство современному Казахстану распаханые земли. Ведущие исследователи темы считают, что освоение целины стало логическим завершением проводимой царским правительством еще в конце XIX – начале XX в. политики массовой колонизации казахстанских земель. Казахские историки немало внимания уделяют негативным сторонам целинной кампании. Их они видят в игнорировании национальных интересов казахского этноса, приведшего к языковой ассимиляции большей его части, результаты которой даже сегодня по прошествии ряда десятилетий государство, уже будучи независимым, решает с большими трудностями. К издержкам целинной кампании также относят пренебрежение почвенно-климатическими условиями региона, что стало причиной экологической катастрофы – масштабной эрозии почв, преодоленной усилиями коллектива ученых. Далее автор статьи излагает собственные суждения о дальнейшей разработке темы целины в Казахстане, которую необходимо базировать на привлечении огромного неосвоенного массива архивных документов, необработанных музейных источников, периодической печати, мемуарных работ, произведений искусства, полевых материалов и других источников, имеющих как в центральных городах страны, так и в регионах. К приоритетным проблемам относятся целинная повседневная реальность, решения экологической проблемы «пыльного котла» почвоведомы под руководством А. Бараева, роль Героев Труда в целинной эпопее, процессы трансформации как в советском быту, так и в казахской народной культуре.

Ключевые слова: Советский Союз, Казахстан, целина, историография, повседневность, Герои Труда, культура.

Статья поступила в редакцию 02.04.2023 г.

Одной из тем, требующих глубокого переосмысления, является освоение целины в Казахстане. Имеется немалое количество литературы, в которой с различной полнотой освещены проблемы, связанные с освоением целины на территории республики. В целом казахстанскую историографию целинной кампании можно разделить на два этапа: советский и постсоветский.

Заметный вклад в историографию освоения целины в советскую эпоху внесли работы Ф.И. Колодина, Ф.К. Михайлова, С.Л. Ковальского, Х.М. Маданова, И.Ш. Шамшатов и др.¹ Большинство из них – довольно солидные по тем временам исследовательские работы, раскрывающие на конкретном материале историю этой аграрно-политической кампании, организованной и проведенной КПСС. Как правило, работы советских историков выдержаны в пропагандистском, нередко пафосном духе: демонстрируют историческую необходимость и неизбежность проведенных мероприятий, подчеркивают положительные результаты, описывают чувство воодушевления у первоцелинников, их мужество и героизм. Недостатки и негативные стороны обходятся, лишь иногда присутствуют отдельные, достаточно туманные указания, к примеру, на «формальный подход» руководителей сельскохозяйственных предприятий к бытовому обустройству прибывших переселенцев. В этом плане

¹ Колодин Ф.И., Михайлов Ф.К. Крутой подъем сельского хозяйства Казахстана (1953–1958 гг.) // Из истории социалистического строительства в Казахстане. Труды института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1960. Т. 9. С. 5–63; Коммунистическая партия в борьбе за освоение целинных земель в Казахстане. Алма-Ата, 1969; Ковальский С.Л., Маданов Х.М. Освоение целинных земель в Казахстане. Алма-Ата, 1986; Маданов Х.М. Деятельность КПСС по осуществлению ленинской аграрной политики в Казахстане (1946–1975 гг.). Алма-Ата, 1980; Шамшатов И.Ш. Колхозы Казахстана: развитие общественного хозяйства и его социально-экономические результаты (1946–1980 гг.). Алма-Ата, 1985; и др.

более или менее стремящейся к объективности можно назвать работу И.Ш. Шамшатов «Колхозы Казахстана», который не стал замалчивать упадок животноводства в 1950-е гг., что уже было новым явлением в советской историографии целины. В целом советская историческая концепция на сегодняшнем этапе утратила свою научную ценность и представляет в большей степени историографический интерес.

В работах казахстанских историков периода независимости произошла кардинальная теоретико-методологическая переоценка советской концепции. Авторы исследований на тему целины, опубликованных в 1990-е и 2000-е гг., указывают как на положительные, так и отрицательные последствия данной кампании. В них уже с новых позиций, но с разной степенью глубины и переосмысления преподносится этот важный эпизод в истории противоречивой эпохи. Особое значение в ряду работ на тему освоения целинных и залежных земель в Казахстане имеет монография Ж.Б. Абылхожина «Постсталинский период в истории Советского Казахстана: череда обреченных реформ и несостоявшихся деклараций (1953–1991)». В рамках отдельной главы («Реализация целинного проекта»)² данной работы автор воссоздал относительно полную историческую картину освоения целины, указывая на экономическую нецелесообразность, экологическую нерациональность и социальную неэффективность этой кампании, раскрыв, таким образом, ряд имевших место и в свое время подвергнутых умолчанию негативных моментов.

Также среди современных работ следует отметить монографию З.Г. Сактагановой «Экономическая модернизация Казахстана. 1946–1970 гг.»³, в подразделе которой («Реализация “нового курса” аграрной политики Н.С. Хрущева в Казахстане») показаны позитивные и негативные последствия экономической политики советского руководства в Казахстане в период освоения целины. Автор указывает на волюнтаризм со стороны партийного руководства в ходе целинной кампании, экономические просчеты и потери, факты бесхозяйственности и их замалчивание, этнодемографические, экологические и другие проблемы, которые породила целина. В качестве положительной стороны исследовательница отмечает произошедшую модернизацию целинных регионов Казахской ССР вследствие огромных капиталовложений.

Специально теме освоения целины в Казахстане посвящена кандидатская диссертация А.С. Абдирайымовой⁴, которую на сегодняшний день можно назвать наиболее полным исследованием по теме. Автор останавливается на ряде проблем и негативных последствий, к которым привело освоение целинных земель. Это игнорирование специфических природных условий края, что привело к экологическим бедствиям, а также равнодушие к национальным интересам коренного населения. Кроме того, диссертант указывает на тяжелые бытовые условия на целине, распространение хулиганства, массовые жалобы в центральные органы со стороны первоцелинников. Соглашаясь с необходимостью этой акции, автор исследования считает, что ее экономический эффект оказался невысоким.

Факты, связанные с целинной кампанией, приводит С.Ш. Казиев в своей статье, посвященной национальной политике и межэтническим отношениям в Казахстане в 1953–1964 гг.⁵ Автор указывает на стремление союзного руководства в течение 1960–1970-х гг. вычленив северные области Казахстана – Целинный край из состава республики. Так, в декабре 1960 г. по настоянию Н.С. Хрущева с поста Председателя Совета Министров Казахской ССР был снят Ж.А. Ташенев, воспротивившийся передаче целинных областей в состав РСФСР⁶.

Из недавних работ, посвященных теме целины, следует отметить статью Ж.К. Есимовой «Этнический компонент в развитии северных областей в период освоения

² *Абылхожин Ж.Б.* Постсталинский период в истории Советского Казахстана: череда обреченных реформ и несостоявшихся деклараций (1953–1991). Алматы, 2019. С. 55–81.

³ *Сактаганова З.Г.* Экономическая модернизация Казахстана. 1946–1970 гг. Караганда, 2017. С. 182–220.

⁴ *Абдирайымова А.С.* Хозяйственно-экономические, демографические и экологические последствия освоения целинных и залежных земель в Казахстане (1950-е – 1990-е гг. XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2007.

⁵ *Казиев С.Ш.* Национальная политика и межэтнические отношения в Казахстане в постсталинский период (1953–1964 гг.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 56–61.

⁶ Там же. С. 58–59.

целины»⁷. Автор исследует языковой аспект проблемы освоения целины в Казахстане, который часто акцентируется в казахстанской историографии как одно из самых негативных последствий целинной кампании. Исследовательница показывает причины и процесс утери казахским языком своего положения в общественном пространстве, оценивая это явление традиционно отрицательно.

Демографические аспекты истории освоения целины в Казахстане (миграционные процессы, численность и структура населения и др.) фрагментарно рассматриваются в исследованиях В.В. Козиной⁸, А.Н. Алексеенко⁹, Б.О. Жангуттина¹⁰. Целинная тематика также активно изучается в областях Казахстана – регионах освоения целинных земель. Здесь периодически издаются коллективные работы, посвященные юбилейным датам, памяти и хронике событий на целине.

Ценными в плане изучения социально-экономических и политических сторон целинной кампании видятся мемуары Д.А. Кунаева¹¹. Опубликованные воспоминания бывшего советского партийного лидера важны в целях разработки живой картины событий и освещения повседневной жизни участников целинной кампании.

Из краткого обзора литературы видно, что в основном имеющиеся работы являются исследованиями, носящими обзорный характер либо освещающими только определенную сторону этого сложного и масштабного явления. Казахстанские историки сосредоточили свое внимание преимущественно на вопросе экономической эффективности целины и демографических аспектах проблемы. Исследователи темы акцентируют внимание на положительных и отрицательных сторонах целинной эпопеи. Причем казахстанская историография склонна давать в большей степени отрицательную оценку этому периоду в истории страны. Современные отечественные историки разработку проблемы стремятся вести с учетом новых теоретико-методологических подходов в контексте обретения республикой независимости и, соответственно, утверждения в обществе новых идеалов и ценностей. Из отрицательных последствий казахстанскими авторами в основном называются утрата демографического лидерства титульного этноса, интенсивные процессы аккультурации, а также экологический кризис, связанный с ветровой эрозией почв, и др.

Следует согласиться с рядом казахстанских исследователей, что положительным итогом целинной эпопеи является ликвидация продовольственного дефицита, который на протяжении десятилетий, если не веков, перманентно преследовал народы страны и был усугублен в результате волонтаристской аграрной политики большевиков, спровоцировавших голод в начале 1930-х гг. Ситуация с питанием улучшилась лишь в 1950-е гг., что было связано с освоением целинных земель в Казахстане¹². В этом некоторые историки видят позитивную роль Н.С. Хрущева. Так, американский советолог У. Таубман подчеркивает, что политику Хрущева на всем протяжении его руководства страной отличало желание улучшить возможными способами материальное положение советских людей, в особенности колхозного крестьянства, фактически находящегося в положении крепостных¹³. Действительно, благодаря целинному проекту в северных регионах республики значительный размах получило жилищное строительство, выросли сотни новых поселков. Одновременно осуществлялась газификация сел, водоснабжение, строились новые дороги, в быт стало внедряться электричество¹⁴. Однако при этом нужно заметить, что кое-где в реги-

⁷ Есимова Ж.К. Этнический компонент в развитии северных областей в период освоения целины [Электронный ресурс]. URL: <http://group-global.org/ru/> (дата обращения: 01.04.2023).

⁸ Козина В.В. Демографическая история Казахстана (конец XIX – нач. XXI вв.). Караганда, 2007. С. 58–61.

⁹ Алексеенко А.Н., Масанов Н.Э. Миграционные процессы в периоды кампании по освоению целинных и залежных земель, промышленного строительства // История Казахстана: народы и культуры. Алматы, 2000. С. 392–400.

¹⁰ Жангуттин Б.О. Формирование славянского населения в Казахстане (численность, миграционный процесс в конце XIX – XX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. Алматы, 2010. С. 216–230.

¹¹ Кунаев Д.А. О моем времени. Алматы, 1992.

¹² Турсунбаев А.Б. Дорогой борьбы и свершений (Из истории казахского аула). Алма-Ата, 1971. С. 114.

¹³ Таубман У. Хрущев. М., 2008.

онах, не затронутых целинными процессами, вплоть до 1980-х гг. люди продолжали жить в землянках и мазанках¹⁵.

Современная казахстанская историография в целом имеет как общие тенденции в освещении истории целинного проекта, так и различия в мнениях. Заметим, что разность оценок и подходов неизбежна и в немалой степени связана с тем, изучает ли автор историю общества, членом которого является, либо исследует со стороны. В социокультурной антропологии также существует понятие эмического и этического подходов, т.е. создание исторической картины глазами исследователя эндогенного или экзогенного происхождения. На наш взгляд, интересно и необходимо существование именно разных подходов, взглядов, позиций, оценок.

Несмотря на издание важных в научном и методологическом отношении исторических исследований, тема освоения целины в Казахстане все еще содержит в себе множество неизученных и малоизвестных страниц. На наш взгляд, одна из проблем в изучении этой темы – это то, что она в основном исследовалась на макроуровне. Еще с советских времен продолжается традиция, когда основное внимание уделяется деятельности руководящих органов, государственной политике, деятелям государственного масштаба. Как правильно подметила российская исследовательница Е. Осокина, для советских историков зачастую характерна «подмена реальной истории историей постановлений»: «Советские исследователи..., как правило, рассматривали реальный исторический процесс через призму постановлений партии и правительства»¹⁶. При изучении темы целины основной упор делается на архивные источники, которые содержат преимущественно оптику властных структур. Использование разноплановых источников, по нашему мнению, даст более объективный, приближенный к истине взгляд на историческую проблему. Оживить картину событий, ярче обрисовать роль и значение человеческого фактора в истории целины могли бы опросы информаторов, очевидцев тех событий и социокультурных процессов, а также широкое использование мемуарных источников.

Необходимо изучение истории освоения целинных и залежных земель в Казахстане как на макро-, так и микроуровнях. В ходе исследовательских работ наряду с историческими следует использовать методы исторической этнографии, повседневной истории и др., активнее использовать вещественные источники, фотодокументы, а также воспоминания участников «целинной эпопеи». Одна из задач исследования темы, никогда не ставившаяся в отечественной науке, – это изучение особенностей повседневной жизни и быта первоцелинников. Необходимо исследовать их мотивы, первоначальное размещение и обустройство, организацию жилья, питания, отдых и развлечения, социальный состав и социальный облик целинников, семейные отношения, уровень образования, культурные запросы, ментальность и настроения.

Состояние казахстанского села в первые целинные годы описывает западный историк Р. Уайт, который приводит рассказ сельского учителя из Семипалатинской области. По словам старожила-учителя, в районах проведения целинной кампании не было домов как таковых, только землянки с соломенными крышами и земляными полами. Солома и сухой коровий и конский помет использовались для обогрева их зимой и приготовления пищи. Даже школа находилась в такой же землянке с земляным полом¹⁷. У людей в те годы нередко не было обуви, приходилось ходить босиком даже в холод. Известная целинница В.В. Сидорова, приехавшая на казахстанскую целину в 1958 г., в своих воспоминаниях пишет, что молодые механизаторы нередко на полевые работы выходили босиком даже в прохладные

¹⁴ Соскин С.Н. О преодолении социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней в период строительства коммунизма. Алма-Ата, 1967. С. 174, 180–181.

¹⁵ Очерки по истории традиционной структуры казахов в первые советские десятилетия: социально-экономические и социокультурные аспекты. Алматы, 2022. С. 340.

¹⁶ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999. С. 17.

¹⁷ Wight R. Vanished khans and empty steppes. A History of Kazakhstan from Pre-History to Post-Independence. London, 2014. P. 268.

дни, хотя им выдавались сапоги, которые они предпочитали беречь. Сама же Вера Васильевна, находясь на видной должности комсомольского руководителя, также по своим рабочим делам в теплое время бегала босая, жалея кеды – единственную свою обувь¹⁸.

Подробно не изучены негативные моменты, имевшие место в зонах освоения целинных земель в Казахстане. Это социальные и этнические конфликты, сложная криминогенная ситуация, социально-экономические и бытовые трудности, возникшие в результате материально-технической неподготовленности и приводившие к текучести кадров, социальной напряженности, массовым беспорядкам и др. О своеобразии целинного контингента, опасности общения с условно освобожденными из лагерей на целине также вспоминает В.В. Сидорова¹⁹.

Темами, которые необходимо изучить с позиций социокультурной антропологии, могли бы стать вопросы трансформации казахского этноса в результате освоения целины. Следует выявить степень влияния демографического фактора, в том числе резкого превалирования инонациональных групп, в основном славянских, на культуру и быт коренного населения Северного и Центрального Казахстана. К числу неизученных вопросов относятся изменения сознания и ментальность проживавших в регионе освоения целинных земель казахов, а возможно и всего Казахстана, отражение данных процессов на устном народном творчестве и т.д.

Нужно отметить, что именно освоение целины считается новой точкой отсчета в динамике культурных процессов, происходящих в казахском этносе в XX в. С 1960-х гг. начинается процесс утраты традиционной культуры, причинами которой преимущественно являлись постепенное развитие экономики, рост, хоть и медленный, уровня жизни на селе, культивирование советского образа жизни и быта. Известно, что отдельные элементы народного костюма со временем сохранились только в одежде пожилых колхозников, а также животноводов. Кроме того, коренные изменения в общественном хозяйстве, проникновение пищевых традиций соседствующих народов земледельческой культуры также нашли отражение в пище казахов-колхозников²⁰. Хлеб, по примеру славянского населения республики, для казахов превратился в обязательный каждодневный продукт питания. Рыба, птица, яйца и т.д. стали постепенно входить в повседневный рацион казахской сельской семьи²¹.

Также важно рассмотреть характер межнациональных отношений и взаимодействий на целине, изучить, как повлияла целинная кампания на развитие межэтнических отношений в республике и в стране в целом. Необходимо признать, в СССР была проделана большая работа по деколонизации общественных порядков и сознания национальных меньшинств, на что указывают даже представители западной советологии, для которой еще со времен «холодной войны» традиционно сильна антисоветская направленность²². В заслугу советского государства, например, можно смело поставить оздоровление межнациональных отношений в Казахстане, их регулирование и воспитательные мероприятия, которые со временем привели к ликвидации довольно частых трений между переселенческим и коренным населением. Хотя необходимо учитывать, что во многом эти положительные результаты сопровождалось подавлением национального самосознания и культурного своеобразия народов.

Еще одна тема, которую можно рассмотреть с антропологических позиций, – это Герои Труда. Кем они были, без официальных масок, Герои Социалистического Труда, как их выбирали, по каким критериям, какую роль в реальности они призваны были выполнять, не были ли иногда их трудовые доблести мифическими? На самом деле эта тема касается не только тех, кто трудился на целине. Потому что зачастую Герои Соцтруда тоже были частью

¹⁸ Сидорова В.В. Целина – судьба моя. Алматы, 2016. С. 17, 20.

¹⁹ Там же. С. 24–27.

²⁰ Востров В.В., Кауанова Х.А. Материальная культура казахского народа на современном этапе. Алма-Ата, 1972. С. 166, 173.

²¹ Культура и быт казахского колхозного аула. Алма-Ата, 1967. С. 139.

²² Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 26.

советского мифа, частью ложного гражданского общества. В герои партийными руководителями выбирались иногда люди удобные, готовые по заказу прославлять партию и партийных деятелей, заниматься агитационной деятельностью. Многие из них переродились со временем в местных авторитетов и «свадебных генералов», входящих в свиту местных партийных боссов. Из своего первоначального статуса рядовых тружеников они перешли в статус элиты районного, областного, республиканского или общесоюзного масштаба. Они выступали с высоких трибун, произносили здравицы в честь высокопоставленных чиновников и таким образом могли пользоваться определенными благами²³. В то же время, конечно, среди них было много социально активных незаурядных личностей, которые действительно принесли много пользы обществу, искренне служили своей стране. Некоторые из них оставили мемуары²⁴, как, например, упомянутая выше комсомольский и партийный организатор В.В. Сидорова. Эта работа показывает истинную картину истории целины, обнажая в том числе ее неприглядные моменты.

Важной темой для истории освоения целины в Казахстане представляется также изучение усилий ученых-аграриев под руководством академика А.И. Бараева по восстановлению разрушенного почвенного покрова в результате форсированной целинной кампании. А.И. Бараевым был внесен большой вклад в спасение пахотных земель, подвергшихся эрозии в результате нежелания Н.С. Хрущева брать в расчет особенности местных почв, а также несмотря на трудные взаимоотношения ученого с этим государственным деятелем, долго отказывавшим Бараеву в поддержке²⁵. В Казахстане увековечено имя академика А.И. Бараева, одна из центральных улиц Астаны носит его имя, однако его деятельность, а также других почвоведов и агрономов по разработке почвозащитной системы земледелия освещена преимущественно журналистами, научное исследование до сих пор отсутствует.

Период освоения целинных и залежных земель в истории бывших республик Советского Союза, в первую очередь Казахстана и России, оставил множество вопросов для обсуждений и размышлений. Масштабная аграрно-политическая кампания является одним из самых значительных явлений в истории нашей страны, внесших коренной перелом в развитие всех сфер ее жизнедеятельности. В результате процесса освоения целины в Казахстане появилось качественно новое, видоизмененное в социальном, демографическом, культурном, языковом и бытовом плане общество. Конечно же, тема освоения целины имеет еще немало неизученных аспектов, разработку которых с новых интересных ракурсов можно осуществить совместными усилиями казахстанских и российских исследователей, так как речь идет о нашей общей истории.

Литература

Абдирайымова А.С. Хозяйственно-экономические, демографические и экологические последствия освоения целинных и залежных земель в Казахстане (1950-е – 1990-е гг. XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2007. 133 с.

Абылхожин Ж.Б. Постсталинский период в истории Советского Казахстана: череда обреченных реформ и несостоявшихся деклараций (1953–1991). Алматы: КБТУ, 2019. 468 с.

Войнович В.Н. Антисоветский Советский Союз. Документальная фантазмагория: в 4 ч. М.: Материк, 2002. 416 с.

Востров В.В. Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области (Историко-этнографический очерк) // Труды Института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1956. Т. 3. Этнография. С. 5–104.

²³ См.: Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 304–310; Войнович В.Н. Антисоветский Советский Союз. Документальная фантазмагория: в 4 ч. М., 2002. С. 50–53.

²⁴ Дитюк В.О. Хлеб насущный... Алма-Ата, 1981; Моргун Ф.Т. Поле без плуга. М., 1984; Сидорова В.В. Целина – судьба моя...; и др.

²⁵ Зеленин И.Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы» (сентябрь 1953 – начало 60-х годов) [Электронный ресурс]. URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5798 (дата обращения: 01.04.2023).

Востров В.В., Кауанова Х.А. Материальная культура казахского народа на современном этапе. Алма-Ата: Наука, 1972. 236 с.

Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р.Г. Суни и Т. Мартина. М.: РОССПЭН, 2011. 376 с.

Дитюк В.О. Хлеб насущный... Алма-Ата: Кайнар, 1981. 110 с.

Есимова Ж.К. Этнический компонент в развитии северных областей в период освоения целины [Электронный ресурс]. URL: <http://group-global.org/ru/> (дата обращения: 01.04.2023).

Жангуттин Б.О. Формирование славянского населения в Казахстане (численность, миграционный процесс в конце XIX – XX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. Алматы, 2010. 289 с.

Зеленин И.Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы» (сентябрь 1953 – начало 60-х годов) // [Электронный ресурс]. URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5798 (дата обращения: 01.04.2023).

История Казахстана: народы и культуры / Масанов Н.Э. и др. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. 608 с.

Казиев С.Ш. Национальная политика и межэтнические отношения в Казахстане в постсталинский период (1953–1964 гг.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 56–61.

Ковальский С.Л., Маданов Х.М. Освоение целинных земель в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1986. 224 с.

Козина В.В. Демографическая история Казахстана (конец XIX – нач. XXI вв.). Караганда: Изд-во КарГУ, 2007. С. 58–61.

Колодин Ф.И., Михайлов Ф.К. Крутой подъем сельского хозяйства Казахстана (1953–1958 гг.) // Из истории социалистического строительства в Казахстане. Академия наук Казахской ССР. Труды института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1960. Т. 9. С. 5–63.

Коммунистическая партия в борьбе за освоение целинных земель в Казахстане / под ред. П.М. Пахмурного. Алма-Ата: Казахстан, 1969. 604 с.

Культура и быт казахского колхозного аула / отв. ред. А.Х. Маргулан и В.В. Востров. Алма-Ата: Наука, 1967. 304 с.

Кунаев Д.А. О моем времени. Алматы: Дәуір, 1992. 352 с.

Маданов Х.М. Деятельность КПСС по осуществлению ленинской аграрной политики в Казахстане (1946–1975 гг.). Алма-Ата: Наука КазССР, 1980. 296 с.

Моргун Ф.Т. Поле без плуга. М.: Известия, 1984. 512 с.

Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999. 271 с.

Очерки по истории традиционной структуры казахов в первые советские десятилетия: социально-экономические и социокультурные аспекты / Абылхожин Ж.Б. и др. Алматы: ЛЕМ, 2022. 455 с.

Сактаганова З.Г. Экономическая модернизация Казахстана. 1946–1970 гг. Караганда: Изд-во КарГУ, 2017 г. 365 с.

Сидорова В.В. Целина – судьба моя / ред. Е.Ф. Брусилевская. Алматы: Колесо, 2016. 342 с.

Соскин С.Н. О преодолении социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней в период строительства коммунизма. Алма-Ата: Казахстан, 1967. 223 с.

Таубман У. Хрущев / пер. с англ. Н.Л. Холмогоровой. М.: Молодая гвардия, 2008. 850 с.

Турсунбаев А.Б. Дорогой борьбы и свершений (Из истории казахского аула). Алма-Ата: Казахстан, 1971. 168 с.

Фитцпатрик Ш. Знатные люди // Фитцпатрик Ш. Сталиньские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2001. С. 304–310.

Шамшатов И.Ш. Колхозы Казахстана: развитие общественного хозяйства и его социально-экономические результаты (1946–1980 гг.). Алма-Ата: Наука, 1985. 252 с.

Wight R. Vanished khans and empty steppes. A History of Kazakhstan from Pre-History to Post-Independence. London: Hertfordshire Press, 2014. 394 p.

References

- Abdirayimova, A.S. (2007). *Khozyaystvenno-ekonomicheskie, demograficheskie i ekologicheskie posledstviya osvoeniya tselinnykh i zaleznykh zemel' v Kazakhstane (1950-e – 1990-e gg. XX v.)* [Economic, Demographic and Environmental Consequences of Developing Virgin and Fallow Lands in Kazakhstan (The 1950s–1990s of the 20th Century)]. Cand. Hist. Sci. Diss. Almaty. 133 p.
- Abylhozhin, Zh.B. (2019). *Poststalinskiy period v istorii Sovetskogo Kazakhstana: chereda obrechennykh reform i nesostoyavshikhsya deklaratsiy (1953–1991)* [Post-Stalin Period in the History of Soviet Kazakhstan: A Series of Doomed Reforms and Failed Declarations (1953–1991)]. Almaty, KBTU. 468 p.
- Abylhozhin, Zh.B. et al. (2022). *Ocherki po istorii traditsionnoy struktury kazakhov v pervye sovetskie desyatiletiya: sotsial'no-ekonomicheskie i sotsiokul'turnye aspekty* [Essays on the History of the Traditional Structure of the Kazakhs in the First Soviet Decades: Socio-Economic and Socio-Cultural Aspects]. Almaty, LEM. 455 p.
- Dityuk, V.O. (1981). *Khleb nasushchnyy...* [Daily Bread...]. Alma-Ata, Kajnar. 110 p.
- Fitzpatrik, Sh. (2001). *Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's Peasants. Social History of Soviet Russia in the 30s: Village]. Moscow, ROSSPEN. 422 p.
- Kaziyev, S.Sh. (2014). *Natsional'naya politika i mezhetnicheskie otnosheniya v Kazakhstane v poststalinskiy period (1953–1964 gg.)* [National Policy and Interethnic Relations in Kazakhstan in the Post-Stalin Period (1953–1964)]. In *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. No. 4, pp. 56–61.
- Kolodin, F.I., Mikhaylov, F.K. (1960). *Krutoy pod'em sel'skogo khozyaystva Kazakhstana (1953–1958 gg.)* [The Steep Rise of Agriculture in Kazakhstan (1953–1958)]. In *Iz istorii sotsialisticheskogo stroitel'stva v Kazakhstane. Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii*. Vol. 9, pp. 5–63.
- Koval'skiy, S.L., Madanov, Kh.M. (1986). *Osvoenie tselinnykh zemel' v Kazakhstane* [Development of Virgin Lands in Kazakhstan]. Alma-Ata, Nauka. 224 p.
- Kozina, V.V. (2007). *Demograficheskaya istoriya Kazakhstana (konets XIX – nach. XXI vv.)* [Demographic History of Kazakhstan (Late 19th – Early 21st Century)]. Karaganda, Izd-vo KarGU. 145 p.
- Kunaev, D.A. (1992). *O moem vremeni* [About My Time]. Almaty, Daur. 352 p.
- Madanov, Kh.M. (1980). *Deyatel'nost' KPSS po osushchestvleniyu leninskoy agrarnoy politiki v Kazakhstane (1946–1975 gg.)* [Activities of the CPSU to Implement the Leninist Agricultural Policy in Kazakhstan (1946–1975)]. Alma-Ata, Nauka. 296 p.
- Margulan, A.H., Vostrov, V.V. (Eds.). (1967). *Kul'tura i byt kazakhskogo kolkhoznogo aula* [Culture and Life of the Kazakh Collective Farm Village]. Alma-Ata, Nauka. 304 p.
- Masanov, N.E. et al. (2000). *Istoriya Kazakhstana: narody i kul'tury* [History of Kazakhstan: Peoples and Cultures]. Almaty, Dyk-Press. 608 p.
- Morgun, F.T. (1984). *Pole bez pluga* [A Field without a Plow]. Moscow, Izvestiya. 512 p.
- Osokina, E.A. (1999). *Za fasadom "stalinskogo izobiliya": Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the Facade of "Stalin's abundance": Distribution and the Market in the Supply of the Population during the Years of Industrialization. 1927–1941]. Moscow, ROSSPEN. 271 p.
- Pakhmurny, P.M. (Ed.). (1969). *Kommunisticheskaya partiya v bor'be za osvoenie tselinnykh zemel' v Kazakhstane* [The Communist Party in the Struggle for the Development of Virgin Lands in Kazakhstan]. Alma-Ata, Kazakhstan. 604 p.
- Saktaganova, Z.G. (2017). *Ekonomicheskaya modernizatsiya Kazakhstana. 1946–1970 gg.* [Economic Modernization of Kazakhstan. 1946–1970]. Karaganda, Izd-vo KarGU. 365 p.
- Shamshatov, I.Sh. (1985). *Kolkhozy Kazakhstana: razvitie obshchestvennogo khozyaystva i ego sotsial'no-ekonomicheskie rezul'taty (1946–1980 gg.)* [Collective Farms of Kazakhstan: Development of the Social Economy and Its Socio-Economic Results (1946–1980)]. Alma-Ata, Nauka. 252 p.

Sidorova, V.V. (2016). *Tselina – sud'ba moya* [Virgin Land is My Destiny]. Almaty, Koleso. 342 p.

Soskin, S.N. (1967). *O preodolenii sotsial'no-ekonomicheskikh i kul'turno-bytovykh razlichiy mezhdru gorodom i derevney v period stroitel'stva kommunizma* [On Overcoming the Socio-Economic and Cultural Differences between the City and the Countryside during the Building of Communism]. Alma-Ata, Kazakhstan. 223 p.

Suni, R.G., Martin, T. (Eds.). (2011). *Gosudarstvo natsiy: Imperiya i natsional'noe stroitel'stvo v epokhu Lenina i Stalina* [The State of Nations: Empire and Nation-Building in the Era of Lenin and Stalin]. Moscow, ROSSPEN. 376 p.

Taubman, U. (2008). *Khrushchev* [Khrushchev]. Moscow, Molodaya gvardiya. 850 p.

Tursunbaev, A.B. (1971). *Dorogoy bor'by i sversheniy (Iz istorii kazakhskogo aula)* [The Road of Struggle and Achievements (From the History of the Kazakh Village)]. Alma-Ata, Kazakhstan. 168 p.

Vostrov, V.V. (1956). *Kazakhi Dzhanybekskogo rayona Zapadno-Kazakhstanskoy oblasti (Istoriko-etnograficheskiy ocherk)* [Kazakhs of the Dzhanybek District of the West Kazakhstan Region (Historical and Ethnographic Essay)]. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii. Vol. 3. Etnografiya*. Alma-Ata, pp. 5–104.

Vostrov, V.V., Kauanova, Kh.A. (1972). *Material'naya kul'tura kazakhskogo naroda na sovremennom etape* [The Material Culture of the Kazakh People at the Present Stage]. Alma-Ata, Nauka. 236 p.

Voynovich, V.N. (2002). *Antisovetskiy Sovetskiy Soyuz. Dokumental'naya fantasmagoriya: v 4 ch.* [Anti-Soviet Soviet Union. Documentary Phantasmagoria in 4 parts]. Moscow, Materik. 416 p.

Wight, R. (2014). *Vanished khans and empty steppes. A History of Kazakhstan from Pre-History to Post-Independence*. London, Hertfordshire Press, 394 p.

Yesimova, Zh.K. (2019). *Etnicheskiy komponent v razvitiy severnykh oblastey v period osvoeniya tseliny* [Ethnic Component in the Development of the Northern Regions during the Development of Virgin Lands]. Available at: URL: <http://group-global.org/ru/> (date of access 01.04.2023).

Zelenin, I.E. *Tselinnaya epopeya: razrabotka, prinyatie i osushchestvlenie pervoy khrushchevskoy "sverkhprogrammy" (sentyabr' 1953 – nachalo 60-h godov)* [Virgin Epic: Development, Adoption and Implementation of the First Khrushchev "Super Program" (September 1953 – Early 60s)]. Available at: URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5798 (date of access 01.04.2023).

Zhanguttin, B.O. (2010). *Formirovanie slavyanskogo naseleniya v Kazakhstane (chislennost', migratsionnyy protsess v kontse XIX – XX vv.)* [Formation of the Slavic Population in Kazakhstan (Number, Migration Process at the End of the 19th – 20th Centuries)]. Doct. Hist. Sci. Diss. Almaty. 289 p.

С.В. Виноградов
Ю.Г. Ещенко*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО СОЗДАНИЮ НОВОЙ МИГРАЦИОННОЙ МОДЕЛИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-9
УДК 94:314.15(47)"1850/1917"

Выходные данные для цитирования:

*Виноградов С.В., Ещенко Ю.Г. Государственная политика по созданию новой миграционной модели в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 116–132.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-09.pdf>*

S.V. Vinogradov
Yu.G. Yeshchenko*

STATE POLICY TO CREATE A NEW MIGRATION MODEL IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES**

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-9

How to cite:

*Vinogradov S.V., Yeshchenko Yu.G. State Policy to Create a New Migration Model in the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries // Historical Courier, 2023, No. 4 (30), pp. 116–132.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-09.pdf>]*

Abstract. The article analyzes the main components of migration policy implemented in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. Within the framework of the concept of three stages of the migration process the authors characterize the migration model that developed during the period under study, which implied planning (development of the main directions of state migration policy); organization of the movement of labor resources (creation of appropriate management and administrative structures); consolidation and adaptation of migrants (providing benefits to migrants, debt forgiveness, loans for the initial settlement). Before the peasant reform, the main task of the government, which defended in its domestic policy the interests of, primarily, the landowning nobility, was the retention of peasants in the landed estates through the system of serfdom. Under these conditions, internal migration developed poorly and the vast peripheral territories that entered the Russian Empire in the seventeenth and nineteenth centuries were developed and populated very slowly. The main sources of settlement in the new lands were: 1) “free migration”, consisting of runaway serfs, former soldiers and representatives of free estates, such as merchants, Cossacks, etc.; 2) peasant migration, which implied the resettlement to new lands of state peasants, who were forced to do so on a mandatory basis by the state authorities. But these sources, given the vastness of the developed territories, were clearly insufficient. The development of a new migration model was due to a change of vector in the socio-economic development of the country. Its difference from the previous model was the emergence of the labor market and, accordingly, an increase in migration flows to the outskirts in the context of a shortage of agricultural land and the relative overpopulation of villages in the old agrarian areas. In the emerging new system of socio-economic relations, the state, interested in the rapid development of the peripheral territories, had to regulate the movement of migration flows, setting

* **Сергей Вадимович Виноградов**, доктор исторических наук, профессор, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия, e-mail: dissovetdm@yandex.ru

Sergey Vadimovich Vinogradov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia, e-mail: dissovetdm@yandex.ru

Юлия Геннадьевна Ещенко, кандидат исторических наук, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия, e-mail: pushistik_yuliya@mail.ru

Yuliya Gennadevna Yeshchenko, Candidate of Historical Sciences, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia, e-mail: pushistik_yuliya@mail.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00547 «Модель регулирования трудовой миграции в Российской империи в 1861–1914 гг. (на примере формирования промышленно-промысловых кластеров Волго-Каспийского рыболовного района)»: <https://rscf.ru/project/23-28-00547/>.

This work has been supported by the grants the Russian Science Foundation No. 23-28-00547 “Model of Regulation of Labor Migration in the Russian Empire in 1861–1914 (By the Example of the Formation of Industrial and Commercial Clusters of the Volga-Caspian Fishing Region)”: <https://rscf.ru/en/project/23-28-00547/>.

them in the right direction. For this purpose at the level of the central state apparatus specialized administrative bodies were created to organize the movement of migrants. The main source of internal labor migration in the period under study were former serfs.

Keywords: migration model, state policy, migration policy, post-reform period, resettlement, development, colonization.

The article has been received by the editor on 02.04.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье анализируются основные составляющие миграционной политики, реализовывавшейся в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. В рамках концепции о трехстадийности миграционного процесса авторами характеризуется сложившаяся в исследуемый период миграционная модель, которая подразумевала планирование (выработку основных направлений государственной миграционной политики), организацию перемещения трудовых ресурсов (создание соответствующих управленческих и административных структур), закрепление и адаптацию мигрантов (предоставление льгот мигрантам, списание долгов, выдачу ссуд на первоначальное обустройство). До крестьянской реформы главной задачей правительства, отстаивавшего во внутренней политике интересы прежде всего дворян-землевладельцев, являлось удержание крестьян в помещичьих хозяйствах через систему крепостного права. В этих условиях внутренняя миграция развивалась слабо, и обширные окраинные территории, вошедшие в Российскую империю в XVII–XIX вв., осваивались и заселялись очень медленно. Основные источники заселения новых земель: 1) «вольная миграция», состоявшая из беглых крепостных крестьян, бывших военных и представителей свободных сословий, например купцов, казаков и т.д.; 2) крестьянская миграция, подразумевавшая переселение на новые земли государственных крестьян, которые вынуждены были это делать в обязательном порядке по решению государственных органов. Но этих источников, учитывая обширность осваиваемых территорий, было явно недостаточно. Выработка новой миграционной модели была обусловлена сменой вектора в социально-экономическом развитии страны. Ее отличие от предыдущей модели состояло в появлении рынка рабочей силы и, соответственно, в увеличении миграционных потоков на окраины в условиях дефицита сельскохозяйственных земель и относительной перенаселенности деревень в старых аграрных районах. В складывавшейся новой системе социально-экономических отношений государство, заинтересованное в скорейшем освоении окраинных территорий, было вынуждено заниматься регулированием движения миграционных потоков, задавая им нужное направление. Для этого на уровне центрального государственного аппарата создавались специализированные административные органы по организации переселенческого движения. Главным источником внутренней трудовой миграции в исследуемый период стали бывшие крепостные крестьяне.

Ключевые слова: миграционная модель, государственная политика, миграционная политика, пореформенный период, переселение, освоение, колонизация.

Статья поступила в редакцию 02.04.2023 г.

Введение. Одним из основных факторов развития Российского государства является пространственный, или геополитический, фактор. Обширная площадь Российской империи и ее постоянное расширение в XIX в. поставили перед государством задачу поиска эффективной миграционной модели для заселения и удержания окраинных территорий. Суще-

вавшие до 1861 г. модели организации миграционных потоков (такие как крестьянская, вольная, казачья и др.), рассмотренные в предыдущих работах¹, показали слабую результативность. К тому же в правительственных кругах, в которых заметную роль играли представители земельной аристократии, владевшие значительным количеством крепостных крестьян, традиционно преобладало отрицательное отношение к миграциям из центральной части страны.

Отмена крепостного права, ускоренное промышленное развитие, строительство транспортных коммуникаций, связавших Центральную Россию с Уралом, Сибирью и Дальним Востоком, открыли новые возможности для внутренней миграции населения. Нарождавшемуся капитализму настоятельно требовалась новая модель регулирования миграционных потоков рабочей силы, ориентированная на начинавшуюся индустриализацию и интегрированная с новыми стратегиями экономического развития, требовавшими максимального включения окраинных территорий во всероссийский рынок.

Создававшаяся в пореформенный период миграционная модель предполагала ведущую роль государства в колонизационном процессе за счет проведения целенаправленной переселенческой политики, что сопровождалось соответствующими изменениями в законодательстве. Ее отличие от моделей предшествующих периодов состояло в росте миграционного потока, регулировании государством всех трех стадий миграционного процесса (планирование, переселение, адаптация), создании на уровне центрального государственного аппарата специализированных административных органов по организации переселенческого движения, увеличении капиталовложений казны в обеспечение миграции населения, выразившихся как в непосредственных финансовых расходах, так и в сдаче в арендное пользование или владение обширных площадей казенных земель.

Проблемы выработки и реализации государственной миграционной политики в пореформенный период в Российской империи широко представлены в историографии. Не ставя перед собой задачу охарактеризовать весь массив имеющейся научной исторической литературы по проблеме, что могло бы стать предметом отдельного исследования, остановимся на обозначении некоторых тематических векторов в изучении миграционной (переселенческой) политики пореформенного периода в современной отечественной историографии.

Детально проработан вопрос финансирования переселенческого дела в Российской империи. О.Ф. Иванова исследовала вопросы кредитования переселявшихся крестьян сквозь призму деятельности крестьянского поземельного банка в дореволюционной России². В.Л. Степанов проанализировал финансовую политику по отношению к крестьянскому населению, в том числе и по организации переселения малоземельных крестьян на окраины империи³. А.В. Филимонов рассмотрел систему учреждений, курировавших переселение, их роль в выстраивании системы материального обеспечения переселенцев на осваиваемых территориях, а также изменения в финансировании переселенческих мероприятий в условиях нового аграрного курса российского правительства в начале XX в.⁴

В ряде работ представлено региональное измерение колонизационно-переселенческих процессов второй половины XIX – начала XX в. Предметом исследования историков стала организация переселения на Северный Кавказ, в Туркестан, Киргизию и на Дальний Восток⁵.

¹ Виноградов С.В., Ещенко Ю.Г., Савельева Е.В., Лихолет О.В. Проблемы освоения окраинных российских территорий в XVIII в.: поиск стратегии (на примере Волго-Каспийского рыболовного района) // Былые годы. 2022. № 17. С. 1564–1574.

² Иванова О.Ф. Кредитное обеспечение процессов переселения крестьян Российской империи в конце XIX – начале XX вв. (на примере Уфимской губернии) // Сервис plus. 2009. № 1. С. 79–85.

³ Степанов В.Л. Политика финансового ведомства России по крестьянскому вопросу в конце XIX – начале XX в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 1–2. С. 70–75.

⁴ Филимонов А.В. «Заселить страну русскими людьми»: финансовый аспект имперского переселенческого проекта в Южно-Уссурийском крае (1882–1892 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 130–134; Филимонов А.В. Разработка и реализация программ финансирования переселенческого дела в России конца XIX – начала XX вв. // Исторический курьер. 2018. № 2. С. 1–18.

Активно исследовалась государственная политика по освоению и заселению Сибири⁶. Особое внимание уделялось проблеме заселения восточных территорий в рамках деятельности Комитета Сибирской железной дороги⁷. Массовое переселение крестьян в Сибирь как мера для решения аграрного кризиса хозяйства черноземной полосы изучено М.К. Чуркиным⁸. В поле зрения исследователей находились вопросы организации управления переселенческим движением в пореформенный период, проблемы выбора вектора миграционной политики, а также историография российской миграционной политики⁹.

Освоение Россией окраинных территорий зарубежными исследователями чаще всего рассматривается не с позиций анализа внутригосударственных процессов, а с точки зрения оценки военно-стратегического и политического влияния России в определенном регионе, борьбы за природные ресурсы. Такой подход особенно характерен для оценки российского присутствия в Арктике и на Дальнем Востоке¹⁰. Другим подходом в зарубежной историографии является изучение приграничных территорий как мест выстраивания международной торговли, трансграничной миграции, торгово-экономических, культурных, политических и других связей¹¹. Ряд работ иностранных авторов посвящен изучению принципов государственного управления окраинами Российской империи, правовому статусу окраин и эволюции правительственной политики¹².

⁵ Зубариев Р.Б. Колонизационно-переселенческие процессы на Северном Кавказе во второй половине XIX в.: политические, экономические и демографические процессы: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2019; Варювода Н.В. Переселенческая политика Российской империи на Северном Кавказе в пореформенный период // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3. С. 262–268; Вагабов М.М., Горшкова Т.В., Рогожкин В.А. К вопросу о переселенческой политике Российской империи на Кавказе и формировании районов с русскими переселенцами в Дагестане // Вопросы истории. 2021. № 12–2. С. 106–113; Брежнева С.Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2018. Т. 17, № 3. С. 608–638; Ташиболотова С. К вопросу о роли переселенческой политики и практики Российской империи в колонизации Кыргызстана во второй половине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории Кыргызстана. 2010. № 3. С. 97–105; Васильченко О.А. Государственная политика семейных переселений на Дальний Восток Российской империи: социально-правовой аспект // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. № 3–4. С. 292–306.

⁶ Белянин Д.Н. Государственная политика аграрно-крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861–1917 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2016; Никоненко Д.В. Переселенческая политика в российском законодательстве. 1861–1889 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006; Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Проекты степной колонизации 1870-х гг.: смена приоритетов и поиск новых методов интеграции // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3-2. С. 46–54; Бакиев А.И. Теория фронта и переселение крестьян в Сибирь: научная трактовка государственной политики XIX–XX вв. // Известия лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 2. С. 130–140; Иванов А.А., Котов А.Э. Русские консерваторы и переселенческая политика правительства (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы истории. 2019. № 2. С. 60–75; и др.

⁷ Канн С.К. Комитет Сибирской железной дороги (1892–1905 гг.) как орган управления национальным проектом // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 129–131; Ус Л.Б. «Вспомогательные предприятия» Комитета Сибирской железной дороги // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 36–39.

⁸ Чуркин М.К. Об особенностях аграрного кризиса в центрально-черноземных губерниях Европейской России и возможных путях его преодоления во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 1. С. 29–37.

⁹ Антонова Е.К. Структура управления Томского переселенческого района 1906–1917 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 132–134; Гришанова А.Г., Фадеева Т.А. Экономика, наука, культура, общество и трансформация миграционной политики в Российской империи: западные и восточные векторы (теоретические аспекты) // Миграционное право. 2019. № 2. С. 7–11; Ананьев Д.А. Крестьянские переселения в Сибирь и на Дальний Восток в пореформенную эпоху в оценках англо-американских и немецких исследователей (конец XIX – начало XXI в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 45. С. 120–132.

¹⁰ Slezkine Y. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, 1994.

¹¹ Geraci R.P. Window to the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca; London, 2001; Dowler W. Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917. Montreal, 2001; Wood A. Russia's frozen frontier: a history of Siberia and the Russian Far East 1581–1991. London; New York, 2011.

¹² Velychenko St. Identities, Loyalties, and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands? // The Russian Review. 1995. № 2. P. 188–208; Strakhovsky L. Constitutional Aspects of the Imperial Russian Government's Policy Toward National Minorities // The Journal of Modern History. 1941. № 4 (13). P. 467–492.

Ввиду того, что предметом исследования является государственная политика, основным источником для написания статьи послужили законодательные документы, опубликованные в собраниях и сводах законов Российской империи. В них отражена работа министерств внутренних дел и государственных имуществ, Комитета Сибирской железной дороги, Кабинета министров по подготовке и принятию законодательных инициатив, их внедрению, внесению поправок и дополнений в уже действовавшее законодательство для решения стратегической задачи хозяйственного освоения, заселения и закрепления окраинных и приграничных территорий посредством организации миграционных потоков рабочей силы.

Методологической базой исследования является концепция Л.Л. Рыбаковского о трехстадийности миграционного процесса¹³. В рамках данной концепции созданная в пореформенный период миграционная модель (впрочем, как и любая другая, существовавшая ранее) характеризуется нами как комплекс мер, включающий в себя планирование (выработку основных направлений государственной миграционной политики), организацию перемещения трудовых ресурсов (создание соответствующей инфраструктуры, управленческих и административных структур), закрепление и адаптацию мигрантов (предоставление льгот мигрантам, списание долгов, выдачу ссуд на первоначальное обустройство и т.п.).

Выработка основных направлений государственной миграционной политики.

После отмены крепостного права появилась возможность организации колонизации обширных земель в окраинных регионах Российской империи. Это было и решением вопроса крестьянского малоземелья и перенаселенности старых аграрных регионов. Основными территориями, на которые планировалось переместить трудовые ресурсы из центра страны, являлись, прежде всего, Сибирь и Дальний Восток.

Включение в состав Российской империи в 1858 г. Приамурья по Айгунскому договору и Приморья в 1860 г. по Пекинскому договору обусловило необходимость срочного освоения новых территорий. В 1861 г. был принят документ, регламентирующий условия переселения на Дальний Восток¹⁴. Для переезда требовалось иметь свидетельство с места проживания о праве на переселение, после чего желающие могли приобретать земельные участки для пользования или приписываться к городам в Амурской и Приморской областях. Переселение осуществлялось полностью за счет мигрантов, без каких-либо мер финансовой поддержки со стороны государства. Действие установленных правил по переселению ограничивалось 20-летним сроком, но после его истечения продлевалось в 1882¹⁵ и в 1892 г.¹⁶

Государственная концепция освоения окраинных территорий нашла отражение в ключевом документе по организации внутренней миграции населения – Положении о добровольном переселении 1889 г.¹⁷ Свободное, или добровольное, перемещение основных податных сословий (крестьян и мещан) было четко регламентировано. Так как переселение осуществлялось на казенные земли, то регулирование данного процесса возлагалось на два министерства – государственных имуществ и внутренних дел. Прошения желавших переселиться (с обоснованием причин и указанием региона переселения) «подавались на имя местного губернатора, который перенаправлял их вместе с комплектом сопроводительных документов о хозяйственном положении семейства и заключением губернского присутствия по крестьянским делам в министерство внутренних дел». После согласования с Министерством государственных имуществ выдавалось разрешение на переселение. В Положении

¹³ Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М., 2003.

¹⁴ Сенатский указ «О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» от 27 апреля 1861 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 36 (1861). Ч. 1. СПб., 1863. № 36928.

¹⁵ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О некоторых изменениях в правилах о льготах переселенцам в Приамурском крае» от 26 января 1882 г. // Там же. Собр. 3. Т. 2 (1882). СПб., 1886. № 633.

¹⁶ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О продлении действия правил, касающихся поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях и об изменении и дополнении сих правил» от 18 июня 1892 г. // Там же. Т. 12 (1892). СПб., 1895. № 8755.

¹⁷ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время» от 13 июля 1889 г. // Там же. Т. 9 (1889). СПб., 1891. № 6198.

указывалось, что лица, осуществлявшие переселение без указанных разрешений, возвращались обратно в места приписки по распоряжению администрации.

Передача мигрантам в арендное пользование земельных участков из казенного фонда в исследуемый период осуществлялась как на территории европейской части России, например в Нижнем Поволжье, так и в Сибири – в Тобольской и Томской губерниях, а также в Средней Азии и Казахстане – в Семиреченской, Акмолинской и Семипалатинской губерниях. Размер участков казенной земли, отводившихся переселенцам на указанных территориях, определялся исходя из количества душ мужского пола в семье, особенностей земельного участка и плодородности почвы. Различались условия, на которых казенные земли передавались поселенцам. В европейской части России «земля отдавалась во временное арендное пользование по договору на срок от 6 до 12 лет, по происшествии которого земля могла быть передана арендаторам в бессрочное пользование», в результате чего крестьяне-переселенцы сравнивались в статусе с государственными крестьянами, проживавшими в тех местностях. В сибирских губерниях, в Средней Азии и Казахстане земли предоставлялись сразу в постоянное бессрочное пользование. Поземельное устройство определялось соответствующим сельским сходом – казенные земли предоставлялись либо в общинное, либо в подворное пользование¹⁸.

Важность Положения заключалась в том, что оно регламентировало особенности поземельного устройства как на территории сельских обществ, из которых выбывали переселенцы, так и в новых обустриваемых сельских обществах, а также особенности перераспределения выкупных платежей и недоимок. Действие Положения о добровольном переселении 1889 г. в последующие годы распространилось и на другие территории Российской империи. В 1890 г. нормы указанного Положения были распространены на Вятскую губернию¹⁹, в 1892 г. – на Иркутскую и Енисейскую губернии²⁰. С 1893 г. пункты Положения стали применяться не только для крестьян и мещан, переселявшихся из других губерний, но и для переселившихся из одних уездов в другие внутри одной губернии²¹. Положение также применялось при переселении русских на территории, традиционно заселенные инородцами.

Развитие железнодорожного сообщения, связавшего Сибирь и другие отдаленные районы с центральной частью России, поставило задачу освоения не только земель, непосредственно прилегающих к железнодорожному тракту, но и более отдаленных территорий. Наличие коммуникаций и относительная заселенность земель по линии протяженности Сибирской железной дороги способствовали началу освоения территории Сибири вглубь, в частности, в труднодоступные и практически не заселенные ранее таежные районы. Предварительно проводилось обследование указанных пространств и выделение из них площадей, годных для нарезки на переселенческие участки, и площадей, не подлежавших заселению. Заселение осуществлялось в пределах Тобольской и Томской губерний и Иркутского генерал-губернаторства, на таежных землях, отстоявших от линии Сибирской железной дороги на расстояние не менее 20 верст. В числе поселенцев были не только мигранты из европейской части России, но и сибирские крестьяне-старожилы, «пожелавшие водвориться на казенных пространствах». Последним предоставлялось право оставаться в

¹⁸ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли...». № 6198.

¹⁹ Высочайше утвержденное положение Комитета Министров «О применении правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке причисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время, к крестьянам, переселившимся с разрешения Правительства на казенные земли Вятской губернии» от 11 мая 1890 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 23 (1903). Ч. 1: дополнение к т. 10. СПб., 1905. № 6815а.

²⁰ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли губерний Иркутской и Енисейской» от 20 апреля 1892 г. // Там же. Т. 12 (1892). СПб., 1895. № 8515.

²¹ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О дополнении правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли» от 8 ноября 1893 г. // Там же. Т. 13 (1893). СПб., 1897. № 10033.

составе своих сельских обществ в течение трех лет²². Эта мера была важна потому, что до выхода из состава общества и до причисления к волости по новому месту водворения за крестьянами-старожилами сохранялись земельные участки по старому месту жительства.

Заселялись и другие участки вдоль вновь проложенных коммуникаций. Так, после возведения в 1895–1898 гг. Пермь-Котласской железной дороги в 1900 г. были введены Временные правила об образовании переселенческих участков в Вологодской и Пермской губерниях для заселения данных территорий²³.

Другим направлением миграционной политики было переселение русских на территории, традиционно заселенные автохтонными народами. Преимущественное право переселения в стратегически значимые районы традиционно отдавалось коренному русскому населению.

Попытки демаркации границы Российской империи с Афганистаном после присоединения Мервского оазиса вылились в военное столкновение. После победы русских отрядов в сражении у реки Кушка в 1885 г. территориальные вопросы были решены, а население на присоединенных землях приняло российское подданство²⁴. В 1892 г. в долину реки Кушка на земли, отошедшие к Российской империи, было решено переселить 218 семейств русских земледельцев²⁵.

В 1896 г. из состава земель Кубанского казачьего войска в самостоятельную Черноморскую губернию была выделена территория, включавшая в себя ранее Черноморскую кордонную линию и Черноморскую береговую линию – крепости и крепостные сооружения, служившие для защиты от набегов черкесов²⁶. В 1897 г. принято решение об организации добровольного переселения на участки казенной земли губернии. К водворению допускались только сельские обыватели и мещане, принадлежавшие к коренному русскому населению губерний и областей европейской части России²⁷.

По Правилам о добровольном переселении 1904 г. «разрешение на переселение в Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую области и в Кавказский край выдавалось только лицам коренного русского происхождения православного вероисповедания». При выдаче разрешений предписывалось отдавать предпочтение желающим переселиться из числа «отставных и запасных нижних чинов, кои имеют в составе семейств не менее двух годных для занятия хлебопашеством работников»²⁸.

Подобные переселения решали задачу закрепления русского населения на вновь присоединяемых национальных окраинах, ассимиляции и включения местного населения в русскую культурную среду, способствовали переходу кочевых и полукочевых народов к оседлому образу жизни. Немаловажной задачей было использование природных богатств территорий для их активного промыслового освоения.

Создание эффективной миграционной модели требовало включения в переселенческий поток значительных масс населения. В первой половине XIX в. в качестве основной мигра-

²² Высочайшее утвержденное положение Комитета Сибирской железной дороги «О заселении таежных пространств в пределах Тобольской и Томской губерний и Иркутского генерал-губернаторства» от 27 апреля 1896 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 23 (1903). Ч. 1: дополнение к т. 16. СПб., 1905. № 12837в.

²³ Высочайшее утвержденное положение Комитета Сибирской железной дороги «О порядке заселения в район Пермь-Котласской железной дороги» от 9 июля 1901 г. // Там же. Ч. 1: дополнение к т. 21. СПб., 1905. № 20504а.

²⁴ Соегов М.Г. К истории сражения 1885 г. при р. Кушка с участием туркмен под командованием офицера-аварца // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2016. № 2. С. 39–44.

²⁵ Высочайшее повеление, объявленное военным министром «О переселении в Закаспийскую область, на реку Кушку, 218 семей русских землевладельцев» от 5 мая 1892 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 12 (1892). СПб., 1895. № 8590.

²⁶ Нагаева Г.А. Исторические факторы формирования населенных пунктов (на примере Черноморского побережья Краснодарского края) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 24–37.

²⁷ Высочайшее утвержденное мнение Государственного Совета «О переселении в Черноморскую губернию» от 31 марта 1897 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 23 (1903). Ч. 1: дополнения к т. 17. СПб., 1905. № 13915а.

²⁸ Высочайшие утвержденные Временные Правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-землевладельцев от 6 июня 1904 г. // Там же. Т. 24 (1904). Ч. 1. СПб., 1907. № 24701.

ционной силы выступали государственные крестьяне. После 1861 г. ставка стала делаться на бывших крепостных крестьян и мещан как на самые многочисленные сословия, среди которых было много недовольных своим положением и готовых рискнуть начать новую жизнь на осваиваемых окраинных территориях²⁹.

Широкое распространение капиталистических отношений, выдвигание на передовые позиции в деловых кругах людей не по принципу родовитости, а по личностным характеристикам и предпринимательским навыкам, приводило к постепенной утрате экономического лидерства дворянского сословия. Особенно это проявлялось в среде мелкопоместных и обедневших дворян, потерявших в пореформенный период основу своего материального благополучия – крепостных крестьян. Это способствовало возникновению такой уникальной группы переселенцев, как дворяне-землепашцы, изучению которой обычно уделяется мало внимания ввиду ее малочисленности в миграционном потоке³⁰. Потомственным дворянам, обрабатывавшим землю своим личным трудом (как имевшим неопровержимые доказательства своего дворянского происхождения, так и тем, дворянское происхождение которых было известно местным губернским предводителям дворянства), было предоставлено право селиться на казенных землях в Тобольской и Томской губерниях, в Степном, Иркутском и Приамурском генерал-губернаторствах. Переселенцам выделялись участки в размере от 60 до 100 десятин на семью. В отличие от крестьян и мещан, арендовавших землю, дворянам участки предоставлялись в собственность с необходимостью оплаты поземельной подати (однако право собственности на недра и находящиеся там полезные ископаемые – «благородные металлы и драгоценные камни» – оставалось за государством)³¹.

Таким образом, государственная политика по созданию новой эффективной миграционной модели в пореформенный период включала в себя несколько взаимодополняющих составляющих: форсированное освоение окраинных территорий, в том числе Сибири, Дальнего Востока, Севера; переселение русских, преимущественно бывших военных, на приграничные или недавно присоединенные территории; включение в переселенческое движение различных социальных групп населения.

Организация перемещения трудовых ресурсов. Организация перемещения трудовых ресурсов требовала проведения работ по межеванию переселенческих участков для размещения мигрантов, а также создания управленческих и административных структур, регулировавших переселение.

Образование переселенческих участков возлагалось на поземельно-устроительные партии. Участки образовывались при соблюдении ряда условий. Границы участков, как для устройства целых селений, так и для отдельных хуторов, были обусловлены особенностями местности и ограничивались естественными преградами – лесом, рекой, оврагами и т.п. На каждом переселенческом участке должен был быть свободный доступ к воде и место, пригодное под строительство комплекса жилых и хозяйственных построек – усадеб. При образовании участка определялось количество переселенцев, которые могли быть размещены на нем, в зависимости от плодородия и особенностей почвы, типов сельскохозяйственных культур, преобладавших в местности, и др. К участкам должны были прилегать лесные и свободные территории, пригодные для выпаса скота и обеспечения переселенцев элементарным топливом – дровами.

Проекты переселенческих участков вносились начальниками поземельно-устроительных партий на рассмотрение местным органам управления, которые принимали окон-

²⁹ Кауфман А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 16.

³⁰ Крих А.А. Социальные репрезентации населения в контексте переселенческой политики в Сибири в позд-неимперский период // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 195–205.

³¹ Высочайше утвержденное Положение Комитета Сибирской железной дороги «О переселении на казенные земли Сибири дворян-землепашцев» от 22 июня 1900 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 23 (1903). Ч. 1: дополнение к т. 20. СПб., 1905. № 189186.

чательное решение о количестве мигрантов, которые могли бы разместиться на данных землях³².

По Положению 1889 г. «для наблюдения за движением переселенцев, оказания им содействия на время следования до новых мест проживания, а также для регистрации переселявшихся при земском отделе Министерства внутренних дел было учреждено 6 должностей чиновников особых поручений»³³.

Для последовательного приведения в действия значительного объема нормативно-правовых документов, регламентировавших переселенческую политику, требовался специфический орган исполнительной власти в системе управления Российской империи. Им стало Переселенческое управление, организованное в структуре Министерства внутренних дел в 1896 г. и просуществовавшее до революции. Управлению была предоставлена вся полнота власти относительно контроля за реализацией существовавших законов о переселении населения. В числе конкретных функций нового подразделения МВД значились: выдача разрешений на переселение; принятие мер по упорядочению переселенческого движения; поддержка переселенцев во время обустройства по новому месту проживания; контроль за кредитами, выделявшимися Министерству внутренних дел на осуществление переселенческих мероприятий; предварительная проработка законодательных инициатив и административных мер по организации переселенческого дела; курирование любых дел по распоряжению министра внутренних дел, так или иначе связанных с реализацией переселенческой политики. Ранее выполнение указанных функций распределялось между чиновниками особых поручений земского отдела МВД, должности которых были упразднены, а чиновники переведены на службу в новое управление³⁴. В 1905 г. Переселенческое управление было передано в структуру Главного управления землеустройства и земледелия, созданного на основе Министерства земледелия и государственных имуществ.

Помимо этого, существовала практика создания специализированных отрядов чинов, курировавших переселенческую деятельность в каком-либо конкретном регионе и ответственных за образование из казенных земель переселенческих участков, предоставление их переселенцам и организацию поземельного устройства³⁵. Так, для отвода переселенческих участков в Черноморской губернии временно, на два года (1898–1899 гг.), был образован особый отряд поземельно-устроительных и межевых чинов в составе заведующего, производителя работ и семи межевых чиновников. Для учреждения отряда и организации его деятельности министр земледелия и государственных имуществ получил в Государственном Совете ассигнование кредита на оклады, командировочное довольствие чиновников и оперативные расходы отряда; на приобретение геодезического оборудования для исследования нагорной полосы Черноморского побережья; на расходы для производства работ по поземельному устройству государственных крестьян³⁶.

Осуществление переселенческой деятельности требовало значительных капиталовложений, которые шли не только на оплату жалованья чиновникам, но и на ссуды и так называемые «подъемные» деньги для мигрантов. Так, для расширения штата чиновников, осуществлявших руководство переселенческой деятельностью в 1903 г., в распоряжение министра внутренних дел было отпущено 106 625 руб. В распоряжение министра земледелия и государственных имуществ в 1903 г. для подготовки переселенческих участков в Сибири,

³² Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О переселении в Черноморскую губернию» от 31 марта 1897 г.

³³ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан...» от 13 июля 1889 г.

³⁴ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об учреждении в составе Министерства внутренних дел Переселенческого управления» от 2 декабря 1896 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 16 (1896). Ч. 1. СПб., 1899. № 13464.

³⁵ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об отряде чинов по образованию переселенческих участков в Западной Сибири» от 22 января 1885 г. // Там же. Т. 5 (1885). СПб., 1887. № 2686.

³⁶ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об образовании особого поземельно-устроительного отряда для отвода переселенческих участков в Черноморской области» от 2 марта 1898 г. // Там же. Т. 18 (1898). Ч. 1. СПб., 1901. № 15099.

степных областях, Пермской и Вологодской губерниях было отпущено 693 945 руб. В этой сумме были предусмотрены и премиальные выплаты, например чинам сибирских поземельно-устроительных партий и отрядов³⁷. Помимо указанных сумм, в том же 1903 г. в распоряжение министра внутренних дел было отпущено: на содержание штата чиновников, осуществлявших руководство переселенческой деятельностью на Дальнем Востоке – 46 700 руб.; на оплату жалования землемеров и проведение работ по хуторскому и подворному размежеванию земель переселенцев – 7 450 руб.; на осуществление санитарно-медицинского надзора во время передвижения переселенцев по линии Забайкальской железной дорог – 3 612 руб.; на организацию врачебно-продовольственной помощи переселенцам – 297 000 руб.; на обустройство подъездных дорог к переселенческим поселкам – 100 000 руб.; на выдачу ссуд поселенцам – 500 000 руб. и др.³⁸

Заселение Сибири и Дальнего Востока приобрело более целенаправленный характер с началом возведения Транссибирской магистрали. Нарезка свободных казенных земель на переселенческие участки осуществлялась, по возможности, на местностях, ближайших к железной дороге, а также к морскому побережью, рекам, грунтовыми дорогам. С одной стороны, это облегчало межевание участков, с другой – давало переселенцам, находившимся на значительном удалении от центра страны, возможность доступа к транспортным коммуникациям. Существенно способствовал делу переселения в восточные регионы страны созданный в 1892 г. Комитет Сибирских железных дорог, в компетенцию которого входил широкий круг вопросов не только по строительству дорог и инфраструктуры, но и по освоению окраинных территорий³⁹.

Создание условий для адаптации мигрантов. Одним из основных инструментов для закрепления и адаптации мигрантов на новых местах проживания являлась практика предоставления разнообразных льгот, ссуд и других мер поддержки. Так, для переселенцев в Амурскую и Приморскую области действовал льготный период, во время которого они освобождались от всех видов земских повинностей, как денежных, так и натуральных; им также предоставлялись льготы на приобретение в собственность участков казенной земли⁴⁰. Для стимулирования международной морской торговли, развития северных промыслов и закрепления населения на территориях с суровыми климатическими условиями в 1876 г. было принято Положение по льготам переселенцам на Мурманский берег. Переселенцы освобождались от назначения на действительную военную службу и зачислялись в запас флота, что позволяло иметь морской контингент из местного населения, которым в случае необходимости можно было быстро укомплектовать военные суда на северной границе. На переселенцев распространялись льготы и права на торговлю с Норвегией, существовавшие для жителей Поморского края и Архангельской губернии. Как и для переселенцев в другие окраинные регионы, вводилось освобождение от выплат государственных податей и денежных и натуральных повинностей сроком на 10 лет с момента утверждения Положения. Для обустройства на новом месте была предусмотрена система ссуд: от 50 до 150 руб. – на первоначальное обустройство, от 100 до 200 руб. – на покупку леса для постройки жилья и др.⁴¹

По Положению о добровольном переселении 1889 г. для переселенцев устанавливался ряд льгот. Все мигранты освобождались полностью от казенных сборов и арендных платежей за отведенные земли на территории европейской России – на два года, на остальных

³⁷ Высочайше утвержденное положение Комитета Сибирской железной дороги «Об усилении состава лиц, ведающих переселенческим делом в России» от 31 января 1903 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 23 (1903). Ч. 1: дополнение к т. 23. СПб., 1905. № 22465а.

³⁸ Высочайше утвержденное положение Комитета Сибирской железной дороги «Об отпуске средств на организацию переселения на Дальний Восток» от 27 декабря 1903 г. // Там же. № 237996.

³⁹ *Белянин Д.Н.* Основные направления государственной помощи переселенцам в период деятельности Комитета Сибирской железной дороги // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2019. № 3. С. 49–57.

⁴⁰ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О некоторых изменениях в правилах о льготах переселенцам в Приамурском крае» от 26 января 1882 г.

⁴¹ Высочайше утвержденное Положение о льготах, предоставляемых переселенцам на Мурманский берег, от 14 мая 1876 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 51 (1876). Ч. 1. СПб., 1878. № 5934.

территориях – на три года с момента водворения; последующие три года подати платились в размере 50 %. Отсрочивалось время несения воинской повинности для лиц, достигших в год переселения призывного возраста, для переселенцев в европейскую часть России на два года, в Степной край и Сибирь – на три года⁴².

Для прибывавших на места нового поселения были предусмотрены путевые ссуды, ссуды на хозяйственное обзаведение, посев и устройство жилищ, а также безвозмездное получение с казенных дач леса на постройку жилья. Никаких процентов или пени по данным ссудам не предусматривалось. Выдача ссуд возлагалась на чиновников особых поручений Переселенческого управления, находившихся на линии Сибирской железной дороги, а также на чиновников особых поручений по переселенческим делам, состоявших при генерал-губернаторах.

Несмотря на явную государственную заинтересованность в заселении окраинных территорий с низкой плотностью населения, разработке мер стимулирования переселенцев в виде разнообразных льгот и ссуд, освобождения от уплаты казенных сборов и т.д., следует отметить двойственность проводимой переселенческой политики. В Правилах о добровольном переселении 1889 г. указывалась следующая схема перераспределения выкупных платежей и недоимок переселенцев. Плата выкупных платежей за наделы, которые переселенцы оставляли, перекладывалась на условиях круговой поруки на их бывших односельчан. На сельские общества возлагалась также и ответственность по оплате всех недоимок переселявшихся «в казенных, земских и мирских сборах»⁴³. С одной стороны, оплата выкупных платежей выглядела логичным условием, так как земля переселившихся оставалась в общинном пользовании. С другой стороны, данный пункт значительно осложнял возможность переселения конкретного домохозяина, так как сельское общество не было заинтересовано выплачивать чужие выкупные платежи и недоимки.

Другой проблемой, которую предоставляемые от государства преференции не смогли решить, являлось то, что добровольные переселенцы не всегда закреплялись на новых местах. О массовости проблемы говорят специально принятые постановления, регулировавшие особенности возврата поселенцев на прежние места проживания. Наличие значительного количества прецедентов потребовало в 1897 г. принятия дополнения в Правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан⁴⁴. Дополнение предлагалось в качестве временной меры и действовало на территориях Тобольской и Томской губерний и Степного и Иркутского генерал-губернаторств.

Переселенцы, самовольно оставившие земли, выданные им на новых местах пребывания, теряли право на получение других казенных наделов. Земли, оставленные переселенцами, считались свободными по прошествии трехлетнего срока, после чего на них было возможно поселение новых мигрантов. Однако данные меры были применимы только в том случае, когда было возможно отследить место следующей приписки мигранта – вернулся он на старое место проживания или, например, причислился к соседним сельским обществам. В случае же самовольного ухода и «безвестного отсутствия» мигрантов взыскание с обществ недоимок за брошенные наделы сначала временно приостанавливалось. В случае если беглец не обнаруживался по истечении трехлетнего срока, то числившиеся недоимки списывались. Следует отметить и тот факт, что никакого наказания для мигрантов, не сумевших обустроиться на новом месте жительства, не предусматривалось. И даже прописанный пункт о потере права на получение других казенных земель был установлен с оговоркой. Допускались исключения в случаях, «заслуживающих особого уважения», с разрешения Министерства внутренних дел⁴⁵. Поэтому данные дополнения были, скорее, важны не для самовольно поки-

⁴² Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан...» от 13 июля 1889 г.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Высочайше утвержденное положение Комитета Сибирской железной дороги «По вопросу о самовольном оставлении переселенцами мест их нового водворения» от 12 апреля 1897 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 17 (1897). СПб., 1900. № 13963.

⁴⁵ Там же.

давших места переселения, а для тех, кто оставался, так как документ регулировал условия выплаты сельскими обществами казенных и земских сборов за покинувших общества мигрантов.

Здесь нужно оговориться относительно употребления терминов «добровольное» и «самовольное» переселение, часто встречающихся в нормативных документах исследуемого периода. Под добровольным в документах понимается переселение с разрешения правительства, а под самовольным – переселение без получения соответствующих свидетельств и разрешений. Поэтому, несмотря на прописанную возможность добровольного переселения, оно осуществлялось под мониторингом со стороны курировавших министерств – внутренних дел и государственных имуществ, и фактически под добровольной миграцией понималось регулируемое государством переселение. Переселение не всегда разрешалось: в некоторые регионы переселялось только русское население; в приграничные, недавно отошедшие к Российской империи районы, переселяли, как правило, лиц военного звания с семьями; для переселения рядовых сельских обывателей требовалось согласие сельского общества, которое перенимало на себя оплату по их выкупным платежам, поэтому реальная, а не декларировавшаяся добровольность была возможна только при так называемом самовольном переселении.

Ставка при переселении делалась государством на крепкие зажиточные сельские семьи, так как, несмотря на меры финансовой поддержки со стороны государства (проезд по всем железным дорогам по удешевленному тарифу, подъемные по 100 руб. на семью при переселении и др.), переселение разрешалось только тем из просителей, которые обладали достаточными средствами для переезда за свой счет. Кроме того, размер выдававшихся казенных земельных наделов зависел от количества душ мужского пола, следовательно, лучшие условия при переселении могли получить именно большие семьи.

В более выгодном положении были представители привилегированных сословий, пополнившие ряды мигрантов. Дворяне-переселенцы при переезде пользовались льготами на проезд по железной дороге, а также всеми ссудами и пособиями, установленными для переселенцев из числа сельских обывателей и мещан по Положению 1889 г. Интересно, что в специальном постановлении особо оговаривалась невозможность отчуждения у дворян земельных участков, предоставленных в собственность, и обременения их долгами. В случае же возникновения долгов по казенным взысканиям утверждался перечень имущества, продажа которого не допускалась. В его число входили: «иконы, образницы и киоты с иконами, богослужебные и учебные предметы и книги; знаки отличия; ежедневная одежда и домашняя утварь; хлеб и овощи, необходимые для продовольствия семьи на три месяца; три коровы и корм для них; топливо на обогрев жилья на три месяца; земледельческие и промысловые орудия, безусловно необходимые для поддержания хозяйства на отведенном участке земли, а также соответствующее количество рабочего скота; семена в количестве, необходимом для посева»⁴⁶. Таким образом, для дворян-переселенцев постарались создать максимально удобные условия для жизни на новом месте, предоставив ряд экономических гарантий для защиты от разорения.

Заключение. Таким образом, в условиях отмены крепостного права и формирования рынка свободной рабочей силы менялась парадигма государственной миграционной политики. До 1861 г. главной задачей правительства, состоявшего в большинстве своем из представителей земельной аристократии, владевших значительным количеством крепостных душ, являлось удержание крестьянства в помещичьих имениях. В этих условиях внутренняя миграция развивалась слабо и обширные окраинные территории, вошедшие в Российскую империю в XVII–XIX вв., осваивались и заселялись очень медленно.

Между тем менявшиеся в неблагоприятную сторону к 1860-м гг. политические и социально-экономические условия существования Российской империи требовали смены существовавшей миграционной политики. Начавшаяся в исследуемый период индустриализация

⁴⁶ Высочайше утвержденное Положение Комитета Сибирской железной дороги «О переселении на казенные земли Сибири дворян-землепашцев» от 22 июня 1900 г.

диктовала возрастающие потребности отечественной экономики в различных природных ресурсах, которые в изобилии имелись на окраинных территориях, но их добыча из-за слабости внутренней трудовой миграции была затруднена. К тому же в неблагоприятных политических условиях, сложившихся после Крымской войны, существовала угроза потери или уступки неосвоенных земель, как это произошло с Аляской в 1867 г.

Поэтому важной задачей в складывавшихся социально-экономических реалиях пореформенного периода стала выработка правительством новой миграционной модели, способной вовлечь в освоение новых территорий широкие массы освободившихся от крепостной зависимости крестьян и другие категории обедневшего в результате реформ 1860-х гг. населения, например дворян-землепашцев. Параллельно достаточно успешно решалась задача законодательного обеспечения и финансирования переезда тысяч семей из аграрно-перенаселенных центральных районов России на Дальний Восток, в Сибирь, степные районы Казахстана и другие окраинные земли.

Реализация новой миграционной модели способствовала решению комплекса стоявших перед правительством оперативных задач. В начале XX в. в приоритетном порядке заселялись территории, примыкавшие к строящимся транспортным коммуникациям в Сибири, на Дальнем Востоке и севере страны. Также, стремясь к созданию в национальных районах точек опоры в виде русских поселений, правительство предоставляло для мигрантов на такие территории максимально льготные условия. При этом существовал достаточно жесткий отбор для переселенцев. Предпочтение отдавалось семьям отставных военных, казакам, т. е. людям, знакомым с воинской службой. Подобные поселения в исследуемый период появлялись на побережье Каспийского моря, на Кавказе, в Туркестане и т.д.

Несмотря на все принимавшиеся меры – льготы, списание недоимок, ссуды на обустройство и пр., переселение было связано со значительными расходами и риском. Тем не менее именно на пореформенный период приходится процесс активного расселения населения по территории Российской империи, чему способствовала не только государственная миграционная политика, но и ход исторического развития страны – отмена крепостного права, развитие капиталистических отношений, индустриализация, строительство транспортных коммуникаций.

Литература

Ананьев Д.А. Крестьянские переселения в Сибирь и на Дальний Восток в пореформенную эпоху в оценках англо-американских и немецких исследователей (конец XIX – начало XXI в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 45. С. 120–132.

Антонова Е.К. Структура управления Томского переселенческого района 1906–1917 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 132–134.

Бакшеев А.И. Теория фронта и переселение крестьян в Сибирь: научная трактовка государственной политики XIX–XX вв. // Известия лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 2 (35). С. 130–140.

Белянин Д.Н. Государственная политика аграрно-крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861–1917 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2016. 49 с.

Белянин Д.Н. Основные направления государственной помощи переселенцам в период деятельности Комитета Сибирской железной дороги // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2019. № 3 (23). С. 49–57.

Брежнева С.Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2018. Т. 17, № 3. С. 608–638.

Вагабов М.М., Горшкова Т.В., Рогожкин В.А. К вопросу о переселенческой политике Российской империи на Кавказе и формировании районов с русскими переселенцами в Дагестане // Вопросы истории. 2021. № 12–2. С. 106–113.

Варивода Н.В. Переселенческая политика Российской империи на Северном Кавказе в пореформенный период // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3. С. 262–268.

Васильченко О.А. Государственная политика семейных переселений на Дальний Восток Российской империи: социально-правовой аспект // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5, № 3–4 (17–18). С. 292–306.

Виноградов С.В., Ещенко Ю.Г., Савельева Е.В., Лихолет О.В. Проблемы освоения окраинных российских территорий в XVIII в.: поиск стратегии (на примере Волго-Каспийского рыболовного района) // Былые годы. 2022. № 17 (4). С. 1564–1574.

Гришанова А.Г., Фадеева Т.А. Экономика, наука, культура, общество и трансформация миграционной политики в Российской империи: западные и восточные векторы (теоретические аспекты) // Миграционное право. 2019. № 2. С. 7–11.

Зубариев Р.Б. Колонизационно-переселенческие процессы на Северном Кавказе во второй половине XIX в.: политические, экономические и демографические процессы: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2019. 204 с.

Иванов А.А., Котов А.Э. Русские консерваторы и переселенческая политика правительства (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы истории. 2019. № 2. С. 60–75.

Иванова О.Ф. Кредитное обеспечение процессов переселения крестьян Российской империи в конце XIX – начале XX вв. (на примере Уфимской губернии) // Сервис plus. 2009. № 1. С. 79–85.

Канн С.К. Комитет Сибирской железной дороги (1892–1905 гг.) как орган управления национальным проектом // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 129–131.

Кауфман А. Переселение и колонизация. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 81 с.

Крих А.А. Социальные репрезентации населения в контексте переселенческой политики в Сибири в позднеимперский период // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 195–205.

Нагаева Г.А. Исторические факторы формирования населенных пунктов (на примере Черноморского побережья Краснодарского края) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 3 (59). С. 24–37.

Никоненко Д.В. Переселенческая политика в российском законодательстве. 1861–1889 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. 25 с.

Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Проекты степной колонизации 1870-х гг.: смена приоритетов и поиск новых методов интеграции // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3-2. С. 46–54.

Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований, 2003. 240 с.

Соегов М.Г. К истории сражения 1885 г. при р. Кушка с участием туркмен под командованием офицера-аварца // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2016. № 2 (46). С. 39–44.

Степанов В.Л. Политика финансового ведомства России по крестьянскому вопросу в конце XIX – начале XX в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 1-2. С. 70–75.

Ташболотова С. К вопросу о роли переселенческой политики и практики Российской империи в колонизации Кыргызстана во второй половине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории Кыргызстана. 2010. № 3. С. 97–105.

Ус Л.Б. «Вспомогательные предприятия» Комитета Сибирской железной дороги // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 36–39.

Филимонов А.В. «Заселить страну русскими людьми»: финансовый аспект имперского переселенческого проекта в Южно-Уссурийском крае (1882–1892 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 130–134.

Филимонов А.В. Разработка и реализация программ финансирования переселенческого дела в России конца XIX – начала XX вв. // Исторический курьер. 2018. № 2. С. 1–18.

Чуркин М.К. Об особенностях аграрного кризиса в центрально-черноземных губерниях Европейской России и возможных путях его преодоления во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 1 (52). С. 29–37.

Dowler W. *Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2001. 296 p.

Geraci R.P. *Window to the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001. 389 p.

Slezkine Y. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca: Cornell University Press, 1994. 476 p.

Strakhovsky L. *Constitutional Aspects of the Imperial Russian Government's Policy Toward National Minorities* // *The Journal of Modern History*. 1941. № 4 (13). Pp. 467–492.

Velychenko St. *Identities, Loyalties, and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands?* // *The Russian Review*. 1995. № 2. Pp. 188–208.

Wood A. *Russia's frozen frontier: a history of Siberia and the Russian Far East 1581–1991*. London; New York: Bloomsbury Academic, 2011. 320 p.

References

Anan'ev, D.A. (2017). Krest'yanskie pereseleniya v Sibir' i na Dal'niy Vostok v poreformennuyu epokhu v otsenках anglo-amerikanskih i nemetskih issledovateley (konets XIX – nachalo XXI v.) [Peasant Resettlements in Siberia and the Far East in the Post-Reform Era in the Assessments of Anglo-American and German Researchers (Late 19th – Early 21st Century)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 45, pp. 120–132.

Antonova, E.K. (2007). Struktura upravleniya Tomskogo pereselencheskogo rayona 1906–1917 gg. [Management Structure of the Tomsk Resettlement District 1906–1917]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 294, pp. 132–134.

Baksheev, A.I. (2020). Teoriya frontira i pereselenie krest'yan v Sibir': nauchnaya traktovka gosudarstvennoy politiki XIX–XX vv. [The Theory of the Frontier and the Resettlement of Peasants in Siberia: A Scientific Interpretation of State Policy in the 19th–20th Centuries]. In *Izvestiya laboratorii drevnih tekhnologiy*. Vol. 16, No. 2 (35), pp. 130–140.

Belyanin, D.N. (2016). Gosudarstvennaya politika agrarno-krest'yanskih pereseleniy v Zapadnuyu Sibir' v 1861–1917 gg. [State Policy of Agrarian and Peasant Migrations to Western Siberia in 1861–1917], Dr. hist. sci. diss. Tomsk. 49 p.

Belyanin, D.N. (2019). Osnovnye napravleniya gosudarstvennoy pomoshchi pereselentsam v period deyatel'nosti Komiteta Sibirskoy zheleznoy dorogi [The Main Directions of State Assistance to Immigrants during the Period of Activity of the Committee of the Siberian Railway]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. No. 3 (23), pp. 49–57.

Brezhneva, S.N. (2018). Otrazhenie idei akkul'turatsii v pereselencheskoy politike Rossiyskoy imperii v Turkestane na rubezhe XIX–XX vv. [Reflection of the Idea of Acculturation in the Resettlement Policy of the Russian Empire in Turkestan at the Turn of the 19th–20th Centuries]. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. Vol. 17, No. 3, pp. 608–638.

Churkin, M.K. (2006). Ob osobennostyakh agrarnogo krizisa v tsentral'no-chernozemnykh guberniyah Evropeyskoy Rossii i vozmozhnykh putyakh ego preodoleniya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [On the Peculiarities of the Agrarian Crisis in the Central Black Earth Provinces of European Russia and Possible Ways to Overcome it in the Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 1 (52), pp. 29–37.

Dowler, W. (2001). *Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917*. Montreal, McGill-Queen's University Press. 296 p.

Filimonov, A.V. (2017). “Zaselit' stranu russkimi lyud'mi”: finansovyy aspekt imperskogo pereselencheskogo proekta v Yuzhno-Ussuriyskom krae (1882–1892 gg.) [“Populate the Country

with Russian People”: The Financial Aspect of the Imperial Resettlement Project in the South Ussuri Region (1882–1892)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 415, pp. 130–134.

Filimonov, A.V. (2018). Razrabotka i realizatsiya programm finansirovaniya pereselencheskogo dela v Rossii kontsa XIX – nachala XX vv. [Development and Implementation of Programs for Financing the Resettlement Business in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. In *Istoricheskij kur'er*. No. 2, pp. 1–18.

Geraci, R.P. (2001). *Window to the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca; London, Cornell University Press. 389 p.

Grishanova, A.G., Fadeeva, T.A. (2019). Ekonomika, nauka, kul'tura, obshchestvo i transformatsiya migratsionnoy politiki v Rossiyskoy imperii: zapadnye i vostochnye vektory (teoreticheskie aspekty) [Economy, Science, Culture, Society and Transformation of Migration Policy in the Russian Empire: Western and Eastern Vectors (Theoretical Aspects)]. In *Migratsionnoe pravo*. No. 2, pp. 7–11.

Ivanov, A.A., Kotov, A.E. (2019). Russkie konservatory i pereselencheskaya politika pravitel'stva (konets XIX – nachalo XX v.) [Russian Conservatives and the Resettlement Policy of the Government (Late 19th – Early 20th Century)]. In *Voprosy istorii*. No. 2, pp. 60–75.

Ivanova, O.F. (2009). Kreditnoe obespechenie protsessov pereseleniya krest'yan Rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX vv. (na primere Ufimskoy gubernii) [Credit Support for the Processes of Resettlement of Peasants of the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Centuries (On the Example of the Ufa Province)]. In *Servis plus*. No. 1, pp. 79–85.

Kann, S.K. (2008). Komitet Sibirskoy zheleznoy dorogi (1892–1905 gg.) kak organ upravleniya natsional'nym proektom [Committee of the Siberian Railway (1892–1905) as a Governing Body for the National Project]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 3, pp. 129–131.

Kaufman, A. (1905). *Pereselenie i kolonizatsiya* [Resettlement and Colonization]. St. Petersburg, Tip. t-va “Obshchestvennaya pol'za”. 81 p.

Krih, A.A. (2014). Sotsial'nye reprezentatsii naseleniya v kontekste pereselencheskoy politiki v Sibiri v pozdneimperskiy period [Social Representations of the Population in the Context of the Resettlement Policy in Siberia in the Late Imperial Period]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. Vol. 10, pp. 195–205.

Nagaeva, G.A. (2021). Istoricheskie faktory formirovaniya naselennykh punktov (na primere Chernomorskogo poberezh'ya Krasnodarskogo kraja) [Historical Factors in the Formation of Settlements (On the Example of the Black Sea Coast of the Krasnodar Territory)]. In *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. No. 3 (59), pp. 24–37.

Nikonenko, D.V. (2006). Pereselencheskaya politika v rossiyskom zakonodatel'stve. 1861–1889 gg. [Migration Policy in Russian Legislation. 1861–1889], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 25 p.

Remnev, A.V., Suvorova, N.G. (2011). Proekty stepnoy kolonizatsii 1870-kh gg.: smena prioritetov i poisk novykh metodov integratsii [Projects of Steppe Colonization in the 1870s: A Change of Priorities and the Search for New Methods of Integration]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 3-2, pp. 46–54.

Rybakovskiy, L.L. (2003). *Migratsiya naseleniya (voprosy teorii)* [Population Migration (Questions of Theory)]. Moscow, Nekommercheskiy fond – Institut sotsial'no-ekonomicheskikh i politicheskikh issledovaniy. 240 p.

Slezkine, Y. (1994). *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca, Cornell University Press. 476 p.

Soegov, M.G. (2016). K istorii srazheniya 1885 g. pri r. Kushka s uchastiem turkmen pod komandovaniem ofitsera-avartsa [To the History of the Battle of 1885 at the River Kushka with the Participation of Turkmens under the Command of an Avar Officer]. In *Vestnik Instituta istorii, arheologii i etnografii*. No. 2 (46), pp. 39–44.

Stepanov, V.L. (2013). Politika finansovogo vedomstva Rossii po krest'yanskomu voprosu v kontse XIX – nachale XX v. [The Policy of the Financial Department of Russia on the Peasant Issue

in the Late 19th – Early 20th Century]. In *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*. Seriya: Gumanitarnye nauki. No. 1–2, pp. 70–75.

Strakhovsky, L. (1941). Constitutional Aspects of the Imperial Russian Government's Policy Toward National Minorities. In *The Journal of Modern History*. No. 4 (13), pp. 467–492.

Tashbolotova, S. (2010). K voprosu o roli pereselencheskoy politiki i praktiki Rossiyskoy imperii v kolonizatsii Kyrgyzstana vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [On the Role of the Resettlement Policy and Practice of the Russian Empire in the Colonization of Kyrgyzstan in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Voprosy istorii Kyrgyzstana*. No. 3, pp. 97–105.

Us, L.B. (2007). “Vspomogatel'nye predpriyatiya” Komiteta Sibirskoy zheleznoy dorogi [“Auxiliary Enterprises” of the Committee of the Siberian Railway]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 2, pp. 36–39.

Vagabov, M.M., Gorshkova, T.V., Rogozhkin, V.A. (2021). K voprosu o pereselencheskoy politike Rossiyskoy imperii na Kavkaze i formirovaniy rayonov s russkimi pereselentsami v Dagestane [On the Issue of the Resettlement Policy of the Russian Empire in the Caucasus and the Formation of Areas with Russian Settlers in Dagestan]. In *Voprosy istorii*. No. 12–2, pp. 106–113.

Varivoda, N.V. (2017). Pereselencheskaya politika Rossiyskoy imperii na Severnom Kavkaze v poreformennyy period [Migration Policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the Post-Reform Period]. In *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. No. 3, pp. 262–268.

Vasilchenko, O.A. (2003). Gosudarstvennaya politika semeynykh pereseleniy na Dal'niy Vostok Rossiyskoy imperii: sotsial'no-pravovoy aspekt [State Policy of Family Relocation to the Far East of the Russian Empire: Social and Legal Aspect]. In *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. No. 3–4 (17–18), Vol. 5, pp. 292–306.

Velychenko, St. (1995). Identities, Loyalties, and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands? In *The Russian Review*. No. 2, pp. 188–208

Vinogradov, S.V., Eshchenko, Y.G., Saveleva, E.V., Liholeto, O.V. (2022). Problemy osvoeniya okrainnykh rossiyskikh territoriy v XVIII v.: poisk strategii (na primere Volgo-Kaspiyskogo rybolovnogo rayona) [Problems of Development of the Outlying Russian Territories in the 18th Century: The Search for a Strategy (On the Example of the Volga-Caspian Fishing Region)]. In *Bylye gody*. No. 17 (4), pp. 1564–1574.

Wood, A. (2011). *Russia's frozen frontier: a history of Siberia and the Russian Far East 1581–1991*. London, New York, Bloomsbury Academic. 320 p.

Zubariev, R.B. (2019). *Kolonizatsionno-pereselencheskie protsessy na Severnom Kavkaze vo vtoroy polovine XIX v.: politicheskie, ekonomicheskie i demograficheskie process* [Colonization and Resettlement Processes in the North Caucasus in the Second Half of the 19th Century: Political, Economic and Demographic Processes], Cand. hist. sci. diss. Pyatigorsk. 204 p.

Е.В. Баранова
Д.В. Манкевич
В.Н. Маслов
А.В. Стальмакова*

ИСТОРИОГРАФИЯ ПОСЛЕВОЕННОГО ЗАСЕЛЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКИХ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫХ МИГРАЦИЙ**

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-10
УДК 930:314.15(470.26)"1946/1955"

Выходные данные для цитирования:
Баранова Е.В., Манкевич Д.В., Маслов В.Н., Стальмакова А.В. Историография послевоенного заселения Калининградской области в контексте советских общегосударственных миграций // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 133–151. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-10.pdf>

E.V. Baranova
D.V. Mankevich
B.N. Maslov
A.V. Stalmakova*

HISTORIOGRAPHY OF POSTWAR SETTLEMENT IN THE KALININGRAD REGION IN THE CONTEXT OF SOVIET NATIONAL MIGRATIONS

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-10

How to cite:
Baranova E.V., Mankevich D.V., Maslov B.N., Stalmakova A.V. Historiography of Postwar Settlement in the Kaliningrad Region in the Context of Soviet National Migrations // Historical Courier, 2023, No. 4 (30), pp. 133–151. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-10.pdf>]

Abstract. Post-Soviet decades are characterized by growing attention to the problems of demographic history of Russia (USSR) as a whole, as well as of individual regions of the country in modern times. For the Kaliningrad region, one of the central themes is that of the settlement of the region in the postwar period, on which local historians, as well as researchers from some donor regions (Belarus, the Bryansk, Pskov, Kirov regions, Mordovia) work predominantly. In Soviet regional historiography (E.M. Kolganova, V.S. Isupov, etc.) the priority subjects were the organization and dynamics of the settlement of the region, the role of the Communist Party in the arrangement of migrants. In the post-Soviet time works appeared, the authors of which investigated the issues of recruitment, the difficulties of moving and settling in, the phenomenon of “backflow”, the national composition and social appearance of migrants, the features and economic aspects of the settlement system, the typical and unique in the demographic development of the region (Yu.V. Kostyashov, V.N. Maslov, E.A. Maslov, M.G. Shenderyuk, D.V. Mankevich, E.V. Baranova and others). Radical expansion of a circle of sources allowed to specify or reconsider

* **Елена Вячеславовна Баранова**, кандидат исторических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград, Россия, e-mail: EBaranova@kantiana.ru

Elena Vyacheslavovna Baranova, Candidate of Historical Science, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, e-mail: EBaranova@kantiana.ru

Дмитрий Владимирович Манкевич, кандидат исторических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград, Россия, e-mail: hist-study@mail.ru

Dmitry Vladimirovich Mankevich, Candidate of Historical Science, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, e-mail: hist-study@mail.ru

Виталий Николаевич Маслов, кандидат исторических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград, Россия, e-mail: vmaslov@kantiana.ru

Vitaly Nikolaevich Maslov, Candidate of Historical Science, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, e-mail: vmaslov@kantiana.ru

Ангелина Вячеславовна Стальмакова, аспирант, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград, Россия, e-mail: angelinasaenko08@gmail.com

Angelina Vyacheslavovna Stalmakova, Postgraduate Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, e-mail: angelinasaenko08@gmail.com

** Статья выполнена в рамках проекта «Миграции как фактор социальной трансформации регионов СССР в период послевоенного восстановления: анализ средствами digital humanities» (НУЛ междисциплинарных эмпирических исследований НИУ ВШЭ – Пермь и НИЦ социально-гуманитарной информатики Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта).

The article was carried out within the framework of the project “Migration as a Factor in the Social Transformation of the Regions of the USSR during the Post-War Recovery: Analysis by Digital Humanities” (Scientific and Educational Laboratory of interdisciplinary empirical research of the Higher School of Economics – Perm and the Research Center for Social and Humanitarian Informatics of the Baltic Federal University named after Immanuel Kant).

a number of the representations developed in Soviet time; introduction in a scientific turn of materials of oral history – to consider process of settlement of edge from historical-anthropological positions; digital processing of echelon lists of migrants – to reveal not obvious earlier aspects of social and economic shape of “first wave” of migrants to the countryside. The topic of the settlement of the region is integrated into the context of all-union migrations thanks to the studies of O.V. Gorbachev, N.V. Chernysheva, S.A. Piskunov, and V.V. Kanishev. The most studied to date is planned agricultural resettlement, the least studied is the process of formation of Kaliningrad urban population.

Keywords: history of the USSR, Kaliningrad region, historiography, migration, migrants, demography, Soviet man.

The article has been received by the editor on 15.03.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Постсоветские десятилетия характеризуются ростом внимания к проблемам демографической истории как России (СССР) в целом, так и отдельных регионов страны в Новейшее время. Для Калининградской области одной из центральных является тема заселения региона в послевоенный период, над которой работают преимущественно местные историки, а также исследователи из некоторых регионов-доноров (Беларусь, Брянская, Псковская, Кировская области, Мордовия). В советской региональной историографии (Э.М. Колганова, В.С. Исупов и др.) приоритетными сюжетами были организация и динамика заселения области, роль Коммунистической партии в устройстве переселенцев. В постсоветское время появились работы, авторы которых исследовали вопросы вербовки, трудности переезда и обустройства, феномен «обратничества», национальный состав и социальный облик переселенцев, особенности и экономические аспекты системы расселения, типичное и уникальное в демографическом развитии области (Ю.В. Костяшов, В.Н. Маслов, Е.А. Маслов, М.Г. Шендерюк, Д.В. Манкевич, Е.В. Баранова и др.). Радикальное расширение круга источников позволило уточнить или пересмотреть ряд сложившихся в советское время представлений; введение в научный оборот материалов устной истории – рассмотреть процесс заселения края с историко-антропологических позиций; цифровая обработка эшелонных списков переселенцев – выявить неочевидные ранее аспекты социально-экономического облика «первой волны» переселенцев в сельскую местность. Тема заселения области интегрирована в контекст общесоюзных миграций благодаря исследованиям О.В. Горбачева, Н.В. Чернышевой, С.А. Пискунова, В.В. Канищева. Наиболее изученным на сегодняшний день является плановое сельскохозяйственное переселение, наименее – процесс формирования калининградского городского населения.

Ключевые слова: история СССР, Калининградская область, историография, миграции, переселенцы, демография, советский человек.

Статья поступила в редакцию 15.03.2023 г.

В СССР перемещения больших групп людей имели существенное социально-экономическое значение. Их масштабы увеличились в послевоенное время. Миграции были особенно важны для территорий, присоединенных в результате победы во Второй мировой войне. Формирование населения Калининградской области, образованной на северо-восточной части бывшей Восточной Пруссии, стало результатом организованных (плановых) и стихийных миграций. Для работы в промышленности, управленческом аппарате, учреждениях

социальной сферы в область по линии соответствующих ведомств, в том числе через систему оргнабора, командировались рабочие и специалисты. Заселение сельских районов области осуществлялось путем планового переселения колхозников. Существенным, прежде всего в первые послевоенные годы, было место репатриантов и демобилизованных военнослужащих в пополнении советского населения региона.

Изучение миграционных процессов советскими и российскими историками.

В СССР, несмотря на высокую интенсивность и внушительные масштабы миграций 1940-х – начала 1950-х гг., их анализ начался только с середины 1950-х гг., когда возродились прерванные репрессиями второй половины 1930-х гг. исследования демографических процессов¹.

Для изучения миграций свойственен междисциплинарный и прикладной характер. В 1950–1970-е гг. приоритет в исследовании феномена миграций принадлежал экономистам и географам. Под «миграциями» понимались переезды людей, связанные с переменой места жительства. Перемещения населения изучались как один из факторов, определявших баланс трудовых ресурсов, средство их рационального перераспределения². К концу 1970-х гг. появились исследования о маятниковых миграциях³. В центре внимания находились актуальные миграционные потоки. Разработка истории миграций в СССР в этот период затруднялась недоступностью большей части статистической информации, политико-идеологическими ограничениями.

В начале 1980-х гг. Д.К. Шелестов указал на то, что в работах по данной проблеме преобладает обращение к дореволюционной тематике, а труды по истории советского населения практически отсутствуют⁴. На протяжении этого десятилетия формировалась традиция изучения миграций второй половины 1940-х – первой половины 1950-х гг. с позиций исторической науки⁵. В статьях О.М. Вербицкой и В.В. Аникина переезды населения рассматривались в историческом контексте как фактор социального развития страны и ее отдельных регионов. Однако до конца 1980-х гг. историки, по выражению Л.Л. Рыбаковского, работали в условиях «ограниченного доступа к статистическим данным о населении»⁶, и лишь на рубеже 1980–1990-х гг. в ходе начавшейся «архивной революции» произошло быстрое расширение тематики исследований.

В 1990–2010-е гг. в России интенсивно развивалось историко-демографическое направление общественнознания, в рамках которого на основе теории демографического перехода (модернизации) изучались различные аспекты естественного и механического (миграционного) движения населения в XX в.⁷ Одним из объектов исследования стали миграции послевоенных лет – как организованные, так и стихийные. Преимущественно изучались перемещения населения, связанные с заселением территорий, включенных в состав СССР по

¹ Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006. С. 454, 456, 460–461.

² Маслова С.И. Экономические вопросы перераспределения рабочей силы при социализме. М., 1976. С. 75–79; Поспелов К.А. Влияние миграции на формирование и использование трудовых ресурсов в отдельном регионе // Народное хозяйство Калининградской области: проблемы и пути развития. Калининград, 1977. С. 19–32; Федоров Г.М. Экономико-демографическая обстановка в сельской местности Калининградской области // Народное хозяйство Калининградской области... С. 100–108; и др.

³ Покишишевский В.В. География населения СССР: Экон.-геогр. очерки. М., 1971. С. 80, 82; Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения. М., 1978. С. 26–29; и др.

⁴ Шелестов Д.К. Демография: история и современность. М., 1983. С. 232.

⁵ Вербицкая О.М. Основные факторы миграции и их влияние на изменение численности колхозного населения в 1946–1950 гг. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С. 93–103; Аникин В.В. К вопросу о миграции населения в городах РСФСР в 1950–1956 гг. // Вопросы истории. 1981. № 12. С. 56–65; История советского крестьянства. Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 50-х годов. М., 1988; Население СССР за 70 лет. М., 1988; и др.

⁶ Население СССР за 70 лет... С. 214.

⁷ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза, 1922–1991. М., 1993; Демографическая модернизация России... и др.

результатам Второй мировой войны⁸, принудительные миграции⁹, движение сельского населения, вызванное процессами углублявшейся индустриализации советской экономики и урбанизацией¹⁰, а также миграционная политика государства¹¹. Переселенческая проблематика стала обязательным элементом кандидатских диссертаций, посвященных демографической истории конкретных регионов РСФСР¹², обобщающих трудов по истории российского населения в Новейшее время¹³. Исследовались нормативная база и организационные основы плановой миграции, борьба с неправомерными переселениями, процессы адаптации и закрепления переселенцев. Конкретно-исторические и историко-демографические исследования сопровождалась попытками теоретического осмысления миграции как феномена советского социально-политического пространства, разработкой соответствующих источниковедческих проблем¹⁴.

Этапы изучения сельского переселения в Калининградскую область. Процесс формирования калининградского городского населения, связанный с репатриацией, демобилизацией и «ведомственной» миграцией, миграционные взаимосвязи города и деревни в первые послевоенные годы изучены фрагментарно¹⁵. Это обусловлено децентрализованным сложным характером перемещений граждан, сочетанием плановых и стихийных переселений, маятниковой миграции, «распыленностью» сведений о них в документах различных ведомств и организаций, отсутствием единых принципов и алгоритмов переселения.

Наиболее основательно в историографии разработан процесс планового сельскохозяйственного переселения в Калининградскую область: исследована нормативная база и органи-

⁸ *Герашенко Л.В.* Переселенческая политика советского государства на Карельском перешейке в 1940–1950-х гг. в документах Ленинградского областного архива в г. Выборге // *Новейшая история России*. 2011. № 2. С. 141–148; *Костяшов Ю.В.* О формировании сельского населения Калининградской области в 1946–1951 гг. // *Калининградские архивы*. Калининград, 2001. Вып. 3. С. 227–236; *Манкевич Д.В.* Население Калининградской области во второй половине 1940-х – 1950-х гг.: формирование и демографические процессы: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2020; и др.

⁹ *Бугай Н.Ф.* 20–50-е годы: переселения и депортации еврейского населения в СССР // *Отечественная история*. 1993. № 4. С. 175–185; *Полян П.М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; и др.

¹⁰ *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен*. М., 2001; *Вербицкая О.М.* Сельское население Российской Федерации в 1939–1959 гг. (демографические процессы и семья): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002; *Горбачев О.В.* Миграция сельского населения Центрального Нечерноземья (1945–1985 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003; *Чернышева Н.В.* Трудовые миграции населения СССР в сер. 1940–1960-х гг. // *Вестник Вятского государственного университета*. 2015. № 3. С. 48–59; и др.

¹¹ *Щеглов В.В.* Эволюция государственной политики формирования населения Сахалинской области (1925–1988 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Южно-Сахалинск, 1999; *Крушанова Л.А.* Государственная миграционная политика СССР на Дальнем Востоке в 1945–1960-е годы: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007. *Пискунов С.А.* Государственная политика сельскохозяйственного переселения и ее реализация на территории РСФСР (2-я половина 1940 – 1980-е гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Тамбов, 2017; и др.

¹² *Смирнова Е.П.* Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006; *Мухортов А.С.* Историко-демографические процессы на Ставрополье во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы (1941–1950 г.): дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2010; *Мальцев А.А.* Демографические процессы в российской деревне в 1946–1959 гг. (на материалах Среднего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2012; и др.

¹³ *Население России в XX в.: Исторические очерки*: в 3 т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001; *Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012; и др.

¹⁴ *Занданова Л.В.* Основные этапы складывания советской переселенческой политики и формирования переселенческих органов // *Известия Иркутского государственного университета*. Сер.: Политология, религиоведение. 2007. № 1. С. 27–45; *Волков А.П., Беркутов А.С.* Борьба с незаконными миграциями в СССР в послевоенный период (1945–1960-е гг.) // *Вестник Екатеринбургского института*. 2009. № 3. С. 33–36; *Большакова Г.И.* Проблемы адаптации советских переселенцев на Карельском перешейке в 1940–1960-е годы // *Вестник Российского государственного университета им. Иммануила Канта*. Вып. 12. Сер.: Гуманитарные науки. Калининград, 2008. С. 42–46; *Горбачев О.В.* Миграционная статистика второй половины XX – начала XXI века как исторический источник // *Известия Смоленского государственного университета*. 2012. № 2. С. 220–227; и др.

¹⁵ *Рыбная промышленность Калининградской области: Страницы истории*. Калининград, 2009. С. 16–30; *Манкевич Д.В.* Об особенностях раннего этапа заселения Калининградской области (апрель 1945 – август 1946 г.) // *Актуальные проблемы современной регионалистики*. Калининград, 2016. С. 141–146.

зация переселенческих кампаний¹⁶, определена примерная численность и половозрастная структура перемещавшихся контингентов¹⁷, основные регионы выхода мигрантов¹⁸, в значительной степени изучен процесс их материально-бытовой и социокультурной адаптации¹⁹.

Плановое переселение в сельскую местность производилось на основе четких распоряжений и принципов, перемещение граждан осуществлялось организованно по спискам. Соответствующие кампании были предметом постоянного внимания союзных, республиканских и региональных властей. Таким образом, сельскохозяйственная миграция является наиболее удобным для исследования объектом, в том числе и по причине концентрации основных источников в нескольких крупных документальных комплексах.

В региональной историографии заселения сельских районов Калининградской области выделяются два этапа. Первый – историография советского времени. Вопрос о формировании населения области тогда широко не исследовался. Наибольшее внимание процессам переселения уделила калининградский историк Э.М. Колганова²⁰. Некоторые принципиальные соображения о подготовке переселения, льготах мигрантам и их расселении в регионе высказаны в увидевшем свет в 1984 г. учебном пособии для калининградских студентов-историков²¹. Оно подготовлено группой преподавателей исторического факультета Калининградского госуниверситета под руководством В.Г. Бирковского. В 1986 г. В.С. Исупов опубликовал монографию о создании областной организации Коммунистической партии. В ней кратко рассмотрена деятельность местных органов управления по встрече и размещению переселенцев в калининградских селах²².

Историки на этом этапе интересовали причины и организация переезда советских граждан, льготы мигрантам, количество и категории прибывших переселенцев. Основное внимание уделялось отражению роли комитетов Коммунистической партии в материальном обеспечении и создании оптимальных бытовых условий для первых переселенцев.

Второй этап – постсоветская историография. На данном этапе число историков, обратившихся к проблемам заселения края, возросло. Рассекречивание архивных документов, снятие идеологических запретов расширили спектр тем, которые стали рассматриваться исследователями, появились новые вопросы, в советское время не обсуждавшиеся.

Приоритет в изучении темы принадлежит, безусловно, профессору Ю.В. Костяшову. Под его руководством осуществлен проект по подготовке книги «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев», написанной по материалам интервью, собранных

¹⁶ Колганова Э.М. Заселение Калининградской области // Ученые записки Калининградского гос. пед. ин-та. 1962. № 8. С. 154–174; Костяшов Ю.В. «Желающих переселиться мало...». Об организации переселения колхозников из Воронежской в Калининградскую область в послевоенные годы // Калининградские архивы. Калининград, 2004. Вып. 6. С. 61–68; Маслов В.Н. Подготовка в 1946 году постановления Совета Министров СССР о заселении сельских районов Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 6. С. 134–140; Манкевич Д.В. К вопросу о заселении сельских районов Калининградской области // Калининградские архивы. Калининград, 2011. Вып. 9. С. 149–157; Филимонов А.В. Организация переселения псковских колхозников в Калининградскую область в первые послевоенные годы (1946–1948) // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2015. Вып. 21. С. 178–190; и др.

¹⁷ Лопатин М.М., Стальмакова А.В. Заселение Калининградской области: к вопросу о половозрастном составе семей первых переселенцев // Историческая информатика. 2022. № 3. С. 81–92.

¹⁸ Костяшов Ю.В. Заселение Калининградской области после Второй мировой войны // Гуманитарная наука в России. М., 1996. Т. 2. С. 82–88; Маслов Е.А. Заселение Калининградской области и формирование религиозной структуры ее населения // Балтийские исследования. Калининград, 2002. Вып. 1. С. 17–33.

¹⁹ История сельского хозяйства Калининградской области. Калининград, 2006. С. 39–45; Костяшов Ю.В. О национальной структуре, этнографическом облике и социокультурной адаптации советских переселенцев в Калининградской области (1945–1950-гг.) // Национальные отношения в новое и новейшее время: теория и политическая практика. Калининград, 2000. С. 66–79.

²⁰ Колганова Э.М. Заселение Калининградской области... С. 154–174; Колганова Э.М. Образование и развитие Калининградской области – интернациональный подвиг советского народа // Ленинская национальная политика в действии. Калининград, 1974. С. 37–64.

²¹ История края (1945–1950): учеб. пособие для студентов-историков Калининградского государственного университета. Калининград, 1984. С. 54–58, 75–76.

²² Исупов В.С. На этапе становления: История Калининградской областной партийной организации в период создания и укрепления, 1946–1953. Калининград, 1986. С. 30–38.

авторским коллективом²³. Перу Костяшова принадлежит серия статей по различным аспектам заселения области.

Проблемы адаптации переселенцев к новым условиям и формирование идентичности новых жителей области проанализированы в обширной статье Г.В. Кретинина²⁴. При изучении истории районов и населенных пунктов рассматриваются вопросы их заселения, конкретизируется общая картина миграции советских граждан в область²⁵.

В целом в постсоветский период научный интерес вызвали вербовки, трудности переезда и обустройства на новой родине, динамика миграции, феномен «обратничества», национальный состав переселенцев; появился тезис о принципе землячества – расселении по местам выхода переселенцев (Ю.В. Костяшов, Д.В. Манкевич, М.Г. Шендерюк); предпринята попытка рассмотреть историю переселения сквозь призму изучения «советского человека»²⁶. В научный оборот введены рассекреченные документы, широко стали применяться методы «устной истории», предпринята попытка проанализировать устоявшиеся в историографии представления о миграциях в калининградские села²⁷.

Российские историки об организации переселения в Калининградскую область. О.В. Горбачев, анализируя в целом крестьянскую миграцию из Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х – 1960-е гг., констатирует, что после войны отношение селян к переселению было скорее положительным. Это связано с тяжелым хозяйственным состоянием региона выхода переселенцев. Однако когда в переселениях и оргнаборах существенно уменьшилась мобилизационная составляющая, в областях-донорах местные власти, стремившиеся сохранить рабочую силу, стали противодействовать переселенческой кампании. В таких условиях «вербовщики были вынуждены действовать едва ли не по-партизански, без согласования с администрацией хозяйств. Часто они вербовали людей там, где были наихудшие условия, тем самым дополнительно осложняя положение работников, оставшихся в этих отсталых хозяйствах»²⁸.

Различным аспектам переселенческой политики в РСФСР посвящены работы С.П. Пискунова, который рассматривает и организацию перевозки сельских жителей. Он отмечает, что «первым из условий было переселение только семейных, а также наличие в составе двух трудоспособных человек». Пискунов большее внимание уделяет описанию переселенческого эшелона, констатирует, что вплоть до 1960 г. для перевозки мигрантов использовались грузовые (товарные) вагоны²⁹.

Одна из статей калининградского историка Ю.В. Костяшова посвящена организации переселения колхозников из Воронежской области в Янтарный край. Автор подчеркивает, что отбор переселенцев в Калининградскую область проходил с большими трудностями, гораздо хуже, чем во все остальные регионы. Вербовка осуществлялась «добровольно-принудительным способом»³⁰.

²³ Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. Калининград, 2003.

²⁴ Кретинин Г.В. Проблема идентичности калининградцев // Калининградский социум в европейском контексте. Калининград, 2002. С. 50–93.

²⁵ Атрохова М.Б. История образования Полесского района // Калининградские архивы. Калининград, 2003. Вып. 4. С. 198–201; Ефремов Л.А. История Рудау-Мельниково. Калининград, 2006; и др.

²⁶ «Советский народ» на крайнем западе России (1945–1991): теория и практика формирования «новой исторической общности» в Калининградской области. Калининград, 2022. С. 25–45.

²⁷ Маслов В.Н. Заселение сельских районов Калининградской области: достижения, проблемы, стереотипы региональной историографии // Карельский перешеек в годы войны и мира. СПб., 2010. С. 198–219.

²⁸ Горбачев О.В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х – 1960-е годы // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 138–148.

²⁹ Пискунов С.А. Правовой статус планового сельскохозяйственного переселенца в РСФСР, 1946–1991 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7. Ч. 1. С. 148–151; Пискунов С.А. Организация и осуществление перевозки сельскохозяйственных переселенцев: практика второй половины 1940-х – 1980-х гг. // Преподаватель XXI век. 2016. № 2. Ч. 2. С. 282–289.

³⁰ Костяшов Ю.В. «Желающих переселиться мало...»... С. 25–39.

Тамбовские историки также обращались к теме переселения колхозников и рабочих совхозов. В.В. Канищев и В.Л. Дьячков доказали, что явным признаком недобровольности организованного переселения колхозников Тамбовской области является проблема достижения утвержденных показателей переселения. При этом, в отличие от Воронежской области, план по отправке мигрантов в Калининградскую область, «привлекавшую своим хоть и подорванным, но европейским “комфортом”, был выполнен полностью». Число желавших переехать в бывшую Восточную Пруссию даже превышало установленные нормы. Такие переселенцы имелись и в тех местностях, которым «план по этой области “не спускался”»³¹.

В статье А.В. Филимонова подробно рассматриваются льготы, финансовое и имущественное обеспечение мигрантов в калининградские села из Псковской области. В связи с тем, что большинство дворов оказались бескоровными, колхозам пришлось выделить им животных, сократив собственное дойное стадо. По линии Сельхозбанка были выданы единовременные денежные пособия, средства на почтово-телеграфные, командировочные и транспортные расходы, медико-санитарное и культурное обслуживание. Всех переселенцев обеспечили на дорогу продуктами³².

Похожие моменты в организации переселения, в том числе в Калининградскую область, исследуют Н.В. Чернышева и К.А. Чернышев. Они обратили внимание на то, что для глав семей из Кировской области в условиях хозяйственного ослабления региона-донора важной являлась возможность заранее познакомиться с местом предполагаемого вселения, а также ясность с перспективой получения или строительства своего дома³³.

Н.В. Барабаш, проанализировав организацию переселения из Белорусской ССР в Калининградскую область, подчеркнула, что невыполнение плана вербовки в 1946 г. привело к применению принудительных мер для отбора мигрантов. Впоследствии на настроение потенциальных переселенцев воздействовали противоречивые факторы. Значительным стимулом для переезда были письма уже обосновавшихся в российской области переселенцев о хорошем обустройстве в ней, одновременно сдерживающим моментом являлись известия о сложном социально-экономическом положении и голоде в регионе³⁴.

Обустройство, демографические и этнические характеристики мигрантов. В тесной связи с изучением сельскохозяйственного переселения и миграционных процессов в целом исследуется система расселения, процесс хозяйственно-бытового устройства переселенцев, в том числе с использованием материалов устной истории³⁵.

Обустройство переселенцев в работах советского периода характеризовалось в целом как успешное. Однако признавалось наличие объективных трудностей, которые приводили к стихийным перемещениям населения в города и «обратничеству», которое не имело массового характера и почти прекратилось с конца 1950 г.³⁶ Э.М. Колганова, один из первых

³¹ Дьячков В.Л., Канищев В.В. Соотношение принудительной и добровольной миграции сельского населения Тамбовской области в 1920–1990-е гг. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 8. С. 340–345.

³² Филимонов А.В. Организация переселения псковских колхозников... С. 178–190.

³³ Чернышева Н.В. Советская переселенческая политика и ее реализация в 1945–1953 гг. (на материалах Кировской области) // Новейшая история России. 2017. № 1. С. 128–140; Чернышева Н.В. Участие кировчан в освоении территории бывшей германской Восточной Пруссии (Калининградской области) в конце 40 – начале 50-х гг. XX в. // Немцы в России: взгляд из провинции: сб. мат-лов III Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Киров, 2015. С. 51–57; Чернышев К.А., Чернышева Н.В. Миграционные связи Кировской области как региона-донора: ретроспектива и современные особенности: моногр. М., 2022. С. 94, 96, 100, 104.

³⁴ Барабаш Н.В. Перасяленне жыхароў з сельскай мясцовасці БССР у Калининградскую вобласць (1946–1956 гг.) // Вес. Беларус. дзярж. пед. ун-та. Сер. 2: Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2009. № 4. С. 10–15.

³⁵ Гордеев И.А. Хутора и их жители на территории Калининградской области в первые послевоенные годы // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1997. С. 93–97; Левченков А.В. Формирование системы сельского расселения Калининградской области: дис. ... канд. геогр. наук. Калининград, 2005; Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 г. Калининград, 2009. С. 110–123, 133–150; Костяшов Ю.В. Повседневность послевоенной деревни: из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946–1953 гг. М., 2015; Ефремов Л.А. История Рудау-Мельниково...; и др.

³⁶ История края (1945–1950)... С. 75–76.

исследователей послевоенной истории области, оперировала показателями 2,4–3,2 % выбывших за пределы области³⁷.

Введение в научный оборот ранее засекреченных документов статистических органов позволило Ю.В. Костяшову пересмотреть эти оценки. Доля обратных переселенцев была значительно более высокой, «закрепляемость» переселенцев из года в год постоянно снижалась, население области сохраняло высокую подвижность на протяжении первого послевоенного десятилетия³⁸. Несмотря на дискуссионный характер проблемы «обратничества», это явление нельзя не признать важным фактором демографического развития Калининградской области и некоторых других переселенческих регионов СССР.

В историографии отсутствует единое мнение о том, когда в основном завершилось заселение Калининградской области. Например, в учебном пособии по истории края сказано, что «весьма сложная задача заселения области советскими людьми была успешно решена уже в течение первого пятилетия со времени ее образования»³⁹. Е.А. Маслов считает, что с середины 1950-х гг. миграции играют второстепенную роль в демографическом развитии области⁴⁰. По мнению Ю.В. Костяшова, «временем завершения массового заселения сельской местности Калининградской области можно считать 1950 год», так как в следующем году главным фактором формирования сельского населения стал естественный прирост, в два раза превысивший приток переселенцев⁴¹. Позднее он скорректировал позицию и пришел к заключению, что только с 1955 г. роль миграционного фактора резко упала, поэтому условно «конечной датой завершения массового заселения области... следует считать 1954 год»⁴². Нельзя сказать, что по данной проблеме в региональной исторической литературе развернулась бурная дискуссия, но приведенная разноголосица в выводах, являющаяся следствием отсутствия достоверных статистических данных, требует дополнительных исследований и поиска методик, которая позволит получить объективные сведения по этому вопросу.

В историографии получила освещение специфика демографических характеристик переселенцев в Калининградскую область. К ним относят высокий удельный вес детей и молодежи (до 30 лет), сокращенный (в сравнении со средним для РСФСР) удельный вес самых младших и старших возрастов, увеличенный – наиболее трудоспособных категорий (18–39 лет), заметное численное преобладание женщин (особенно в 1946–1948 гг.), высокую долю бывших горожан среди переселенцев в сельскую местность и ряд других⁴³. Эти особенности оказывали заметное воздействие на формирование половозрастной структуры населения и демографические процессы в области во второй половине 1940-х – 1950-х гг.

Вопрос об этнической принадлежности переселенцев в советское время не рассматривался. В работах Э.М. Колгановой на основании документов центральных архивов лишь приведен краткий перечень областей РСФСР и БССР, из которых переезжали жители⁴⁴.

Анализ национального состава первых переселенцев предпринят Ю.В. Костяшовым. Он указал на соблюдение принципа «землячества» – размещение в конкретном калининградском населенном пункте выходцев из одной российской территории. Также им зафиксирован стихийный характер заселения – наличие переселенцев из Москвы, Ленинградской и Смоленской областей, где вербовка не производилась. Основываясь на изучении устных воспоминаний, автор сделал вывод, что при проживании в регионе переселенцев из разных мест их этнические различия были стерты, что предопределялось коллективизацией,

³⁷ Колганова Э.М. Заселение Калининградской области... С. 166.

³⁸ Костяшов Ю.В. Обратничество в процессе заселения Калининградской области в послевоенные годы // Балтийский регион в истории России и Европы. Калининград, 2005. С. 211–219.

³⁹ История края (1945–1950)... С. 57.

⁴⁰ Маслов Е.А. Заселение Калининградской области... С. 20.

⁴¹ Костяшов Ю.В. О формировании сельского населения... С. 234; Костяшов Ю.В. Формирование сельского населения... С. 45.

⁴² Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области... С. 90.

⁴³ Там же. С. 85–90.

⁴⁴ Колганова Э.М. Заселение Калининградской области... С. 155.

условиями послевоенного времени, формированием межэтнического характера россиянина, ситуацией нахождения в новой среде⁴⁵.

В монографии о представителях мордовского этноса в Калининградской области не только охарактеризованы обстоятельства переселения из Мордовской АССР, но и подробно проанализированы условия укоренения жителей республики в западном российском регионе, степень сохранения национальных особенностей при воздействии мощных факторов, способствовавших нивелированию этнографических признаков⁴⁶. Настолько масштабное изучение других калининградских национальных меньшинств до сих пор не предпринято.

В последние годы все чаще появляются исследования об отношении первых переселенцев к памятникам немецкой культуры. В работах И.В. Белинцевой⁴⁷ данная проблема рассматривается сквозь призму процессов «присвоения» новой территории. Изучение вопроса с позиций постмодернизма наблюдается в работах зарубежных авторов, анализ которых проведен И.О. Дементьевым⁴⁸.

В Калининградской области началось изучение повседневной жизни переселенцев. В частности, подвергались анализу процедура организации колхозов (Ю.В. Костяшов), состояние выделенного мигрантам жилья, обеспечение домов и квартир мебелью, использование первопоселенцами немецких бытовых предметов (В.Н. Маслов)⁴⁹.

Вне исследований, вплоть до последнего времени, оставались первичные учетные документы, содержащие доступные для машинной обработки данные о переселившихся семьях. Лишь М.Г. Шендерюк в конце 1990-х гг. осуществила обработку сравнительно небольшого числа сохранившихся анкет переселенцев с помощью ЭВМ и попыталась представить социальный облик сельских переселенцев в Калининградскую область⁵⁰.

Вместе с тем значительный массив исходных статистических материалов второй половины 1940-х гг., содержащихся в эшелонных списках переселенцев в Калининградскую область, никогда не сводился в единую базу данных (БД), не подвергался научному исследованию и количественному анализу. Впрочем, первые шаги в этом направлении сделаны калининградскими исследователями. С 2019 г. осуществляется совместный проект Государственного архива Калининградской области и БФУ им. И. Канта по наполнению БД переселенцев. На основе проведенной работы и материалов, относящихся к 1946 г., статьи об архитектуре и источниках БД, социально-демографическом портрете переселенцев, их имущественном положении опубликовали Е.В. Баранова, М.М. Лопатин и В.Н. Маслов. Они обратили внимание на небольшую долю коммунистов и комсомольцев среди мигрантов, на то, что среди глав переселенческих хозяйств в первый год организованного заселения калининградских совхозов и колхозов, несмотря на демографические последствия войны, преобладали мужчины, в основном в регион переезжали семьи из 3–4 человек. Также зафиксированы существенные различия в имущественном обеспечении домохозяйств по местам выхода и по видам домашних животных, продовольствию, привезенным вещам⁵¹. Сведения, внесенные

⁴⁵ Костяшов Ю.В. О национальной структуре, этнографическом облике... С. 66–79.

⁴⁶ Мордва Калининградской области: ист.-этногр. исслед.: моногр. Саранск, 2017.

⁴⁷ Белинцева И.В. Архитектура Калининградской области: «чужое» как «чуждое» и как «свое» // Между Одером и Неманом: проблемы исторической памяти. 2012. С. 151–162.

⁴⁸ Дементьев И.О. «Чужая земля с высоты птичьего полета». История Калининградской области в магистерских диссертациях западных авторов начала XXI века // Калининградские архивы. Калининград, 2013. Вып. 10. С. 327–340.

⁴⁹ Костяшов Ю.В. Повседневность послевоенной деревни... С. 35–59; Маслов В.Н. «Нам дали кирпичный дом»: жилищные условия советских переселенцев в калининградских селах в послевоенные годы (по материалам интервью) // Калининградские архивы. Калининград, 2021. Вып. 18. С. 54–78.

⁵⁰ Шендерюк М.Г. Социальный портрет переселенца // Калининградские архивы. Калининград, 1998. Вып. 1. С. 180–185.

⁵¹ Баранова Е.В., Маслов В.Н. Миграция сельского населения из российских и белорусских регионов в Калининградскую область в 1946–1947 годах (из опыта разработки базы данных) // Актуальные проблемы источниковедения: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии (Витебск, 25–27 апреля 2019 г.). Витебск, 2019. С. 41–43; Баранова Е.В., Маслов В.Н. Эшелонные списки как источник для базы данных переселенцев в Калининградскую область в 1946 году (на примере документов

в БД, уже используются для анализа процессов заселения отдельных районов Калининградской области⁵².

Заключение. Осуществленный обзор историографии позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в отечественной историографии сформировалась традиция изучения перемещений людей в послевоенное время при переносе советской политической и экономической модели на новые территории Советского Союза, в том числе в Калининградскую область. Во-вторых, отмечается многоаспектный характер миграционных исследований, соответствующие труды публикуют историки, демографы, социологи, географы; в настоящее время научные сочинения обретают междисциплинарный характер. В-третьих, буквально весь спектр проблем заселения Калининградской области привлекает внимание в основном калининградских историков; в современных публикациях ученых из некоторых регионов-доноров (Беларусь, Брянская, Кировская, Псковская области) все же доминирует интерес к набору и отправке сельских мигрантов в самую западную российскую область из своих краев.

Литература

Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьков Т.Л. Население Советского Союза, 1922–1991. М.: Наука, 1993. 143 с.

Аникин В.В. К вопросу о миграции населения в городах РСФСР в 1950–1956 гг. // Вопросы истории. 1981. № 12. С. 56–65.

Атрохова М.Б. История образования Полесского района // Калининградские архивы. Калининград, 2003. Вып. 4. С. 198–201.

Барабаш Н.В. Перасяленне жыхароў з сельскай мясцовасці БССР у Калининградскую вобласць (1946–1956 гг.) // Весці Беларус. дзярж. пед. ун-та. Сер. 2: Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2009. № 4. С. 10–15.

Баранова Е.В., Лопатин М.М., Маслов В.Н. База данных «Эшелонные списки переселенцев в Калининградскую область (1946–1947 годы)»: архитектура, источники, опыт ввода данных, первые результаты // Историческая информатика. 2020. № 4. С. 22–36.

Баранова Е.В., Лопатин М.М., Маслов В.Н. «Нам удалось перевезти мебель и даже корову, овец и коз»: личное имущество сельских переселенцев, приехавших в Калининградскую область в 1946 году // Журнал фронтирных исследований. 2022. № 3. С. 34–62.

Баранова Е.В., Маслов В.Н. Миграция сельского населения из российских и белорусских регионов в Калининградскую область в 1946–1947 годах (из опыта разработки базы данных) // Актуальные проблемы источниковедения: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии (Витебск, 25–27 апреля 2019 г.). Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2019. С. 41–43.

Баранова Е.В., Маслов В.Н. Эшелонные списки как источник для базы данных переселенцев в Калининградскую область в 1946 году (на примере документов Правдинского района) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 4. С. 73–87.

Правдинского района) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 4. С. 73–87; Баранова Е.В., Маслов В.Н. Штрихи к демографическому портрету сельских переселенцев в Калининградскую область в 1946 году // Балтийский регион – регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений: мат-лы IV Междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 2020. Т. 4. Ч. 1. С. 311–320; Баранова Е.В., Маслов В.Н. Заселение Калининградской области: проблемы оцифровки и перспективы анализа источников // Калининградские архивы. 2020. Вып. 17. С. 11–20; Баранова Е.В., Лопатин М.М., Маслов В.Н. База данных «Эшелонные списки переселенцев в Калининградскую область (1946–1947 годы)»: архитектура, источники, опыт ввода данных, первые результаты // Историческая информатика. 2020. № 4. С. 22–36; Баранова Е.В., Лопатин М.М., Маслов В.Н. «Нам удалось перевезти мебель и даже корову, овец и коз»: личное имущество сельских переселенцев, приехавших в Калининградскую область в 1946 году // Журнал фронтирных исследований. 2022. № 3. С. 34–62.

⁵² Кузнецова А.С. Демографические характеристики сельских переселенцев в Черняховский район Калининградской области в 1946 году // Калининградские архивы. 2021. Вып. 18. С. 145–154.

Баранова Е.В., Маслов В.Н. Заселение Калининградской области: проблемы оцифровки и перспективы анализа источников // Калининградские архивы. Калининград, 2020. Вып. 17. С. 11–20.

Баранова Е.В., Маслов В.Н. Штрихи к демографическому портрету сельских переселенцев в Калининградскую область в 1946 году // Балтийский регион – регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений: мат-лы IV Междунар. науч.-практ. конф. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2020. Т. 4. Ч. 1. С. 311–320.

Белинцева И.В. Архитектура Калининградской области: «чужое» как «чуждое» и как «свое» // Между Одером и Неманом: проблемы исторической памяти: сб. науч. ст. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2012. С. 151–162.

Большакова Г.И. Проблемы адаптации советских переселенцев на Карельском перешейке в 1940–1960-е годы // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 12: Сер.: Гуманитарные науки. 2008. С. 42–46.

Бугай Н.Ф. 20–50-е годы: переселения и депортации еврейского населения в СССР // Отечественная история. 1993. № 4. С. 175–185.

Вербицкая О.М. Основные факторы миграции и их влияние на изменение численности колхозного населения в 1946–1950 гг. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. С. 93–103

Вербицкая О.М. Сельское население Российской Федерации в 1939–1959 гг. (демографические процессы и семья): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. 416 с.

Волков А.П., Беркутов А.С. Борьба с незаконными миграциями в СССР в послевоенный период (1945–1960-е гг.) // Вестник Екатеринбургского института. 2009. № 3 (7). С. 33–36.

Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах / ред. Ю.В. Костяшов. 2-е изд., испр. и доп. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. 333 с.

Герашенко Л.В. Переселенческая политика советского государства на Карельском перешейке в 1940–1950-х гг. в документах Ленинградского областного архива в г. Выборге // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 141–148.

Горбачев О.В. Миграция сельского населения Центрального Нечерноземья (1945–1985 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. 472 с.

Горбачев О.В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х – 1960-е годы // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 138–148.

Горбачев О.В. Миграционная статистика второй половины XX – начала XXI века как исторический источник // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 2 (18). С. 220–227.

Гордеев И.А. Хутора и их жители на территории Калининградской области в первые послевоенные годы // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград: КГУ, 1997. С. 93–97.

Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / ред.-сост. Т.Г. Нефедова, П.П. Полян, А.И. Трейвиш. М.: ОГИ, 2001. 560 с.

Дементьев И. О. «Чужая земля с высоты птичьего полета». История Калининградской области в магистерских диссертациях западных авторов начала XXI века // Калининградские архивы. Калининград, 2013. Вып. 10. С. 327–340.

Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.

Дьячков В.Л., Канищев В.В. Соотношение принудительной и добровольной миграции сельского населения Тамбовской области в 1920–1990-е гг. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 8 (100). С. 340–345.

Ефремов Л.А. История Рудау-Мельниково. Калининград: Фолиант, 2006. 320 с.

Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012. 318 с.

Занданова Л.В. Основные этапы складывания советской переселенческой политики и формирования переселенческих органов // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология, религиоведение. 2007. № 1. С. 27–45.

История края (1945–1950): учеб. пособие для студентов-историков Калининградского государственного университета / ред. В.Г. Бирковский. Калининград: КГУ, 1984. 120 с.

История сельского хозяйства Калининградской области / отв. ред. А.Л. Гусев, В.Н. Маслов. Калининград: ИП Мишуткина И.В., 2006. 464 с.

Исупов В.С. На этапе становления: История Калининградской областной партийной организации в период создания и укрепления, 1946–1953. Калининград: Книжное издательство, 1986. 223 с.

Колганова Э.М. Заселение Калининградской области // Ученые записки Калининградского гос. пед. ин-та. Калининград, 1962. № 8. С. 154–174.

Колганова Э.М. Образование и развитие Калининградской области – интернациональный подвиг советского народа // Ленинская национальная политика в действии: сб. ст. Калининград: Б.и., 1974. С. 37–64.

Костяшов Ю.В. Заселение Калининградской области после Второй мировой войны // Гуманитарная наука в России. М., 1996. Т. 2. С. 82–88.

Костяшов Ю.В. О национальной структуре, этнографическом облике и социокультурной адаптации советских переселенцев в Калининградской области (1945–1950-е гг.) // Национальные отношения в новое и новейшее время: теория и политическая практика. Калининград: КГУ, 2000. С. 66–79.

Костяшов Ю.В. О формировании сельского населения Калининградской области в 1946–1951 гг. // Калининградские архивы. Калининград, 2001. Вып. 3. С. 227–236.

Костяшов Ю.В. «Желающих переселиться мало...». Об организации переселения колхозников из Воронежской в Калининградскую область в послевоенные годы // Калининградские архивы. Калининград, 2004. Вып. 6. С. 61–68.

Костяшов Ю.В. Обратничество в процессе заселения Калининградской области в послевоенные годы // Балтийский регион в истории России и Европы. Калининград: Издательство РГУ им. И. Канта, 2005. С. 211–219.

Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 г. Калининград: Терра Балтика, 2009. 352 с.

Костяшов Ю.В. Повседневность послевоенной деревни: из истории переселенческих колхозов калининградской области. 1946–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 263 с.

Кретинин Г.В. Проблема идентичности калининградцев // Калининградский социум в европейском контексте. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. С. 50–93.

Крушанова Л.А. Государственная миграционная политика СССР на Дальнем Востоке в 1945–1960-е годы: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007. 274 с.

Кузнецова А.С. Демографические характеристики сельских переселенцев в Черняховский район Калининградской области в 1946 году // Калининградские архивы. Калининград, 2021. Вып. 18. С. 145–154.

Левченков А.В. Формирование системы сельского расселения Калининградской области: дис. ... канд. геогр. наук. Калининград, 2005. 194 с.

Лопатин М.М., Стальмакова А.В. Заселение Калининградской области: к вопросу о половозрастном составе семей первых переселенцев // Историческая информатика. 2022. № 3. С. 81–92.

Мальцев А.А. Демографические процессы в российской деревне в 1946–1959 гг. (на материалах Среднего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2012. 226 с.

Манкевич Д.В. К вопросу о заселении сельских районов Калининградской области // Калининградские архивы. Калининград, 2011. Вып. 9. С. 149–157.

Манкевич Д.В. Об особенностях раннего этапа заселения Калининградской области (апрель 1945 – август 1946 г.) // Актуальные проблемы современной регионалистики. Калининград: Искра, 2016. С. 141–146.

Манкевич Д.В. Население Калининградской области во второй половине 1940-х – 1950-х гг.: формирование и демографические процессы: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2020. 217 с.

Маслов Е.А. Заселение Калининградской области и формирование религиозной структуры ее населения // Балтийские исследования. Калининград, 2002. Вып. 1. С. 17–33.

Маслов В.Н. Заселение сельских районов Калининградской области: достижения, проблемы, стереотипы региональной историографии // Карельский перешеек в годы войны и мира: сб. мат-лов конф. СПб.: Исторический факультет СПбГУ, 2010. С. 198–219.

Маслов В.Н. Подготовка в 1946 году постановления Совета Министров СССР о заселении сельских районов Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 6. С. 34–140.

Маслов В.Н. «Нам дали кирпичный дом»: жилищные условия советских переселенцев в калининградских селах в послевоенные годы (по материалам интервью) // Калининградские архивы. Калининград, 2021. Вып. 18. С. 54–78.

Маслова С.И. Экономические вопросы перераспределения рабочей силы при социализме. М.: Наука, 1976. 231 с.

Мордва Калининградской области: ист.-этногр. исслед.: моногр / Л.И. Никонова, Е.Ю. Захватова, В.В. Митина и др. Саранск, 2017. 184 с.

Мухортов А.С. Историко-демографические процессы на Ставрополье во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы (1941–1950 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2010. 193 с.

Население России в XX в.: Исторические очерки: в 3 т. / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. Т. 2: 1940–1959. 416 с.

Население СССР за 70 лет / Л.Л. Рыбаковский, Ж.А. Зайончковская, А.Г. Вишневецкий и др. М.: Наука, 1988. 215 с.

Пискунов С.А. Правовой статус планового сельскохозяйственного переселенца в РСФСР, 1946–1991 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (33). Ч. 1. С. 148–151.

Пискунов С.А. Организация и осуществление перевозки сельскохозяйственных переселенцев: практика второй половины 1940-х – 1980-х гг. // Преподаватель XXI век. 2016. № 2. Ч. 2. С. 282–289.

Пискунов С.А. Государственная политика сельскохозяйственного переселения и ее реализация на территории РСФСР (2-я половина 1940 – 1980-е гг.). дис. ... д-ра ист. наук. Тамбов, 2017. 516 с.

Покишиевский В.В. География населения СССР: Экон.-геогр. очерки. М.: Б.и., 1971. 173 с.

Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. 328 с.

Поспелов К.А. Влияние миграции на формирование и использование трудовых ресурсов в отдельном регионе // Народное хозяйство Калининградской области: проблемы и пути развития. Калининград: Калинингр. ун-т, 1977. С. 19–32.

Рыбная промышленность Калининградской области: Страницы истории / ред. Ю.С. Шалимов и др. Калининград: Янтарный сказ, 2009. 464 с.

Смирнова Е.П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. 255 с.

«Советский народ» на крайнем западе России (1945–1991): теория и практика формирования «новой исторической общности» в Калининградской области: моногр. / под ред. И.О. Дементьева. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2022. 235 с.

Федоров Г.М. Экономико-демографическая обстановка в сельской местности Калининградской области // Народное хозяйство Калининградской области: проблемы и пути развития. Калининград: Изд-во Калининградского государственного университета, 1977. С. 100–108.

Филимонов А.В. Организация переселения псковских колхозников в Калининградскую область в первые послевоенные годы (1946–1948) // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград: Изд-во Балтийского федерального ун-та им. И. Канта, 2015. № 21. С. 178–190.

Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения. М.: Мысль, 1978. 254 с.

Чернышев К.А., Чернышева Н.В. Миграционные связи Кировской области как региона-донора: ретроспектива и современные особенности: моногр. М.: Проспект, 2022. 272 с.

Чернышева Н.В. Трудовые миграции населения СССР в середине 1940–1960-х гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 3. С. 48–59.

Чернышева Н.В. Участие кировчан в освоении территории бывшей германской Восточной Пруссии (Калининградской области) в конце 40 – начале 50-х гг. XX в. // Немцы в России: взгляд из провинции: сб. мат-лов III Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Киров, 2015. С. 51–57.

Чернышева Н.В. Советская переселенческая политика и ее реализация в 1945–1953 гг. (на материалах Кировской области) // Новейшая история России. 2017. № 1. С. 128–140.

Шелестов Д.К. Демография: история и современность. М.: Финансы и статистика, 1983. 271 с.

Шендерюк М.Г. Социальный портрет переселенца // Калининградские архивы. Калининград, 1998. Вып. 1. С. 180–185.

Щеглов В.В. Эволюция государственной политики формирования населения Сахалинской области (1925–1988 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Южно-Сахалинск, 1999. 201 с.

References

Andreev, E.M., Darskiy, L.E., Kharkova, T.L. (Eds.). (1993). *Naselenie Sovetskogo Soyuz, 1922–1991* [Population of the Soviet Union, 1922–1991]. Moscow, Nauka. 143 p.

Anikin, V.V. (1981). K voprosu o migratsii naseleniya v gorodakh RSFSR v 1950–1956 gg. [On the Migration of the Population in the Cities of the RSFSR in 1950–1956]. In *Voprosy istorii*. No. 12, pp. 56–65.

Atrokhova, M.B. (2003). Istoriya obrazovaniya Poleskogo rayona [History of the Formation of the Polesk District]. In *Kaliningradskie arkhivy*. Vol. 4, pp. 198–201.

Barabash, N.V. (2009). Pierasialeńnie žycharoŭ z sielskaj miascovaści BSSR u Kalininhradskuju voblašć (1946–1956 hh.) [Resettlement of Residents from Rural Areas of the BSSR to the Kaliningrad Region (1946–1956)]. In *Vieści Bielarus. dziarż. pied. un-ta. Sier. 2, Historyja. Fiksofija. Palitałohija. Sacyjałohija. Ekanomika. Kulturałohija*. No. 4, pp. 10–15.

Baranova, E.V., Lopatin, M.M., Maslov, V.N. (2020). Baza dannykh “Ehshelonnye spiski pereselentsev v Kaliningradskuyu oblast’ (1946–1947 gody)”: arkhitektura, istochniki, opyt vvoda dannykh, pervye rezul’taty [Database “The Echelon Lists of Immigrants to Kaliningrad Region (1946–1947)”: Architecture, Sources, Data Entry Experience, First Results]. In *Istoricheskaya informatika*. No. 4, pp. 22–36.

Baranova, E.V., Lopatin, M.M., Maslov, V.N. (2022). “Nam udalos’ perevezti mebel’ i dazhe korovu, ovets i koz’”: lichnoe imushchestvo sel’skikh pereselentsev, priekhavshikh v Kaliningradskuyu oblast’ v 1946 godu [“We Managed to Move Furniture and Even a Cow, Sheep and Goats”: Personal Belongings of Villagers Who Came to Kaliningrad Region in 1946]. In *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. No. 3, pp. 34–62.

Baranova, E.V., Maslov, V.N. (2019). Ehshelonnye spiski kak istochnik dlya bazy dannykh pereselentsev v Kaliningradskuyu oblast' v 1946 godu (na primere dokumentov Pravdinskogo rayona) [Echelon Lists as a Source for the Data-base of Migrants to Kaliningrad Region in 1946 (by the Example of Pravdinskiy District Documents)]. In *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. No. 4, pp. 73–87.

Baranova, E.V., Maslov, V.N. (2019). Migratsiya sel'skogo naseleniya iz rossiyskikh i belorusskikh regionov v Kaliningradskuyu oblast' v 1946–1947 godakh (iz opyta razrabotki bazy dannykh) [Migration of Rural Population from Russian and Belarusian Regions to Kaliningrad Region in 1946–1947 (From the Experience of Database Development)]. In *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya: materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii k 110-letiyu Vitebskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. Vitebsk, pp. 41–43.

Baranova, E.V., Maslov, V.N. (2020). Shtrikhi k demograficheskomu portretu sel'skikh pereselentsev v Kaliningradskuyu oblast' v 1946 godu [Strokes to the Demographic Portrait of Rural Migrants to the Kaliningrad Region in 1946]. In *Baltiyskiy region – region sotrudnichestva. Regiony v usloviyakh global'nykh izmeneniy: materialy IV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Kaliningrad. Vol. 4, pp. 311–320.

Baranova, E.V., Maslov, V.N. (2020). Zaselenie Kaliningradskoy oblasti: problemy otsifrovki i perspektivy analiza istochnikov [Population of the Kaliningrad Region: Problems of Digitization and Prospects for Source Analysis]. In *Kaliningradskie arkhivy*. Kaliningrad. Vol. 17, pp. 11–20.

Belintseva I.V. Arkhitektura Kaliningradskoy oblasti: “chuzhoe” kak “chuzhdoe” i kak “svoe” [Architecture of the Kaliningrad Region: The “Foreign” as “Alien” and as “Own”]. In *Mezhdru Oderom i Nemanom: problemy istoricheskoy pamyati*. Kaliningrad, pp. 151–162.

Birkovskii, V.G. et al. (Ed.). (1984). *Istoriya kraja (1945–1950). Uchebnoe posobie dlya studentov-istorikov Kaliningradskogo gosudarstvennogo universiteta* [History of the Krai (1945–1950). Textbook for students-historians of Kaliningrad State University]. Kaliningrad, KGU. 120 p.

Bolshakova, G.I. (2008). Problemy adaptatsii sovetskikh pereselentsev na Karel'skom peresheyke v 1940–1960-e gody [The Problems of Adaptation of Soviet Migrants on Karelian Isthmus in 1940–1960th years]. In *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. Immanuila Kanta*. Vol. 12, pp. 42–46.

Bugai, N.F. (1993). 20–50-e gody: pereseleniya i deportatsii evreyskogo naseleniya v SSSR [Expulsions and Deportations of Jewish Population in USSR]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 4, pp. 175–185.

Chernyshev, K.A., Chernysheva, N.V. (2022). *Migratsionnye svyazi Kirovskoy oblasti kak regiona-donora: retrospektiva i sovremennye osobennosti: monografiya* [Migratory Ties of Kirov Region as a Donor Region: Retrospective and Current Features: A Monograph]. Moscow, Prospekt. 272 p.

Chernysheva, N.V. (2015). Trudovye migratsii naseleniya SSSR v seredine 1940–1960-kh gg. [Labor Migrations of the USSR Population in the Middle of 1940–1960s]. In *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3, pp. 48–59.

Chernysheva, N.V. (2015). Uchastie kirovchan v osvoenii territorii byvshey germanskoj Vostochnoy Prussii (Kaliningradskoy oblasti) v kontse 40 – nachale 50-kh gg. XX v. [Participation of Kirov Residents in the Development of the Territory of Former German East Prussia (Kaliningrad Region) in the Late 40s – Early 50s 20th Century]. In *Nemtsy v Rossii: vzglyad iz provintsii: sbornik materialov III Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Kirov, pp. 51–57.

Chernysheva, N.V. (2017). Sovetskaya pereselencheskaya politika i ee realizatsiya v 1945–1953 gg. (na materialakh Kirovskoy oblasti) [Soviet Resettlement Policy and Its Implementation in 1945–1953 (On the Materials of the Kirov Region)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. No. 1, pp. 128–140.

D'yachkov, B.L., Kanishchev, V.V. (2011). Sootnoshenie prinuditel'noy i dobrovol'noy migratsii sel'skogo naseleniya Tambovskoy oblasti v 1920–1990-e gg. [Correlation of Compulsory and Voluntary Migration of Rural Population of Tambov Province in 1920–1990's]. In *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 8 (100), pp. 340–345.

Dement'ev, I.O. (2013). "Chuzhaya zemlya s vysoty ptich'ego poleta". Istoriya Kaliningradskoy oblasti v masterskikh dissertatsiyakh zapadnykh avtorov nachala XXI veka [Alien Land from a Bird's Eye View]. History of Kaliningrad Region in Master's Theses of Western Authors of the Early 21st Century]. In *Kaliningradskie arkhivy*. Vol. 10, pp. 327–340.

Dement'ev, I.O. (Ed.). (2022). "Sovetskiy narod" na kraynem zapade Rossii (1945–1991): teoriya i praktika formirovaniya "novoy istoricheskoy obshchnosti" v Kaliningradskoy oblasti ["Soviet People" in the Far West of Russia (1945–1991): Theory and Practice of the Formation of a "New Historical Community" in the Kaliningrad Region]. Kaliningrad, Izdatel'stvo BFU im. I. Kanta. 235 p.

Efremov, L.A. (2006). *Istoriya Rudau-Mel'nikovo* [History of Rudau-Melnikovo]. Kaliningrad, Foliant. 320 p.

Fedorov, G.M. (1977). Ekonomiko-demograficheskaya obstanovka v sel'skoy mestnosti Kaliningradskoy oblasti [Economic and Demographic Situation in the Rural Areas of Kaliningrad Region]. In *Narodnoe khozyaystvo Kaliningradskoy oblasti: problemy i puti razvitiya*. Kaliningrad, pp. 100–108.

Filimonov, A.V. (2015). Organizatsiya pereseleniya pskovskikh kolkhoznikov v Kaliningradskuyu oblast' v pervye poslevoennye gody (1946–1948) [Organization of Resettlement of Pskov Collective Farmers to the Kaliningrad Oblast in the First Post-War Years (1946–1948)]. In *Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii*. No. 21, pp. 178–190.

Gerashchenko, L.V. (2011). Pereselencheskaya politika sovetskogo gosudarstva na Karel'skom peresheyke v 1940–1950-kh gg. v dokumentakh Leningradskogo oblastnogo arkhiva v g. Vyborge [Resettlement Policy of the Soviet State on the Karelian Isthmus in 1940–1950 in the Documents of the Leningrad Regional Archive in Vyborg]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. No. 2, pp. 141–148.

Gorbachev, O.V. (2003). *Migratsiya sel'skogo naseleniya Tsentral'nogo Nechernozem'ya (1945–1985 gg.)* [Migration of the Rural Population of the Central Non-Chernozem Region (1945–1985)]. Dr. hist. sci. diss. Moscow. 472 p.

Gorbachev, O.V. (2003). Organizovannaya migratsiya iz sela Tsentral'nogo Nechernozem'ya vo vtoroy polovine 1940-kh – 1960-e gody [Organized Migration from the Village of Central Black Earth Province in the Second Half of 1940's – 1960's]. In *Voprosy istorii*. No. 2, pp. 138–148.

Gorbachev, O.V. (2012). Migratsionnaya statistika vtoroy poloviny XX – nachala XXI veka kak istoricheskiy istochnik [Migration Statistics of the Second Half of 20th – Early 21st Century as a Historical Source]. In *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2 (18), pp. 220–227.

Gordeev, I.A. (1997). Khutora i ikh zhiteli na territorii Kaliningradskoy oblasti v pervye poslevoennye gody [Farmsteads and Their Residents on the Territory of Kaliningrad Region in the First After-War Years]. In *Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii*. Kaliningrad, pp. 93–97.

Gusev, A.L., Maslov, V.N. (Eds.). (2006). *Istoriya sel'skogo khozyaystva Kaliningradskoy oblasti* [History of Agriculture in Kaliningrad Province]. Kaliningrad, IP Mishutkina I.V. 464 p.

Isupov, V.S. (1986). *Na etape stanovleniya: Istoriya Kaliningradskoy oblastnoy partiynoy organizatsii v period sozdaniya i ukrepleniya, 1946–1953* [At the Stage of Formation: The History of the Kaliningrad Regional Party Organization during the Creation and Strengthening, 1946–1953]. Kaliningrad, Knizhnoe izdatel'stvo. 223 p.

Khorev, B.S., Chapek, V.N. (1978). *Problemy izucheniya migratsii naseleniya* [Problems of Studying Population Migration]. Moscow, Mysl'. 254 p.

Kolganova, E.M. (1962). Zaselenie Kaliningradskoy oblasti [Resettlement to the Kaliningrad Region]. In *Uchenye zapiski Kaliningradskogo gos. ped. in-ta*. No. 8, pp. 154–174.

Kolganova, E.M. (1972). Obrazovanie i razvitie Kaliningradskoy oblasti – internatsional'nyy podvig sovetskogo naroda [Development of the Kaliningrad Oblast – Internationalist Feat of the Soviet People]. In *Leninskaya natsional'naya politika v deystvii*. Kaliningrad, pp. 37–64.

Kostyashov, Y.V. (2001). O formirovaniy sel'skogo naseleniya Kaliningradskoy oblasti v 1946–1951 gg. [On the Formation of Rural Population in the Kaliningrad Region in 1946–1951]. In *Kaliningradskie arkhivy*. Vol. 3, pp. 227–236.

Kostyashov, Yu.V. (1996). Zaselenie Kaliningradskoy oblasti posle Vtoroy mirovoy voyny [Resettlement of Kaliningrad Oblast after World War II]. In *Gumanitarnaya nauka v Rossii*. Moscow. Vol. 2, pp. 82–88.

Kostyashov, Yu.V. (2000). O natsional'noy strukture, etnograficheskom oblike i sotsiokul'turnoy adaptatsii sovetskikh pereselentsev v Kaliningradskoy oblasti (1945–1950-gg.) [On the National Structure, Ethnographic Image and Sociocultural Adaptation of Soviet Migrants in the Kaliningrad Region (1945–1950)]. In *Natsional'nye otnosheniya v novoe i noveyshee vremya: teoriya i politicheskaya praktika*. Kaliningrad, pp. 66–79.

Kostyashov, Yu.V. (2004). “Zhelayushchikh pereselit'sya malo...”. Ob organizatsii pereseleniya kolkhoznikov iz Voronezhskoy v Kaliningradskuyu oblast' v poslevoennye gody [“Those Willing to Resettle are Few...”. On the Organization of Resettlement of Collective Farmers from Voronezh Region to Kaliningrad Region in Postwar Years]. In *Kaliningradskie arkhivy*. Vol. 6, pp. 61–68.

Kostyashov, Yu.V. (2005). Obratnichestvo v protsesse zaseleniya Kaliningradskoy oblasti v poslevoennye gody [Conversion in Process of Settlement of Kaliningrad Region in Postwar Years]. In *Baltiyskiy region v istorii Rossii i Evropy*. Kaliningrad, pp. 211–219.

Kostyashov, Yu.V. (2009). *Sekretnaya istoriya Kaliningradskoy oblasti. Ocherki 1945–1956 gg.* [Secret History of the Kaliningrad Region. Essays 1945–1956]. Kaliningrad, Terra Baltika. 352 p.

Kostyashov, Yu.V. (2015). *Povsednevnost' poslevoennoy derevni: iz istorii pereselencheskikh kolkhozov Kaliningradskoy oblasti. 1946–1953 gg.* [Everyday Life of Postwar Village: From the History of Migrated Collective Farms of Kaliningrad Region. 1946–1953]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 263 p.

Kostyashov, Yu.V. (Ed.). (2006). *Vostochnaya Prussiya glazami sovetskikh pereselentsev: Pervye gody Kaliningradskoy oblasti v vospominaniyakh i dokumentakh* [East Prussia Through the Eyes of First Settlers: The First Years of Kaliningrad in Memoirs and Documents]. Kaliningrad, Izd-vo KGU. 333 p.

Kretinin, G.V. (2002). Problema identichnosti kaliningradtsev [Problem of Kaliningrad Residents' Identity]. In *Kaliningradskiy sotsium v evropeyskom kontekste*. Kaliningrad, pp. 50–93.

Krushanova, L.A. (2007). *Gosudarstvennaya migratsionnaya politika SSSR na Dal'nem Vostoke v 1945–1960-e gody* [State Migration Policy of the USSR in the Far East in 1945–1960s], Cand. hist. sci. diss. Vladivostok. 274 p.

Kuznetsova, A.S. (2021). Demograficheskie kharakteristiki sel'skikh pereselentsev v Chernyakhovskiy rayon Kaliningradskoy oblasti v 1946 godu [Demographic Characteristics of the Rural Migrants to Chernyakhovsky District of Kaliningrad Region in 1946]. In *Kaliningradskie arkhivy*. Vol. 18, pp. 145–154.

Levchenkov, A.V. (2005). *Formirovanie sistemy sel'skogo rasseleniya Kaliningradskoy oblasti* [Formation of Rural Settlement System in Kaliningrad Oblast]. Cand. geo. sci. diss. Kaliningrad. 194 p.

Lopatin, M.M., Stalmakova, A.V. (2022). Zaselenie Kaliningradskoy oblasti: k voprosu o polovozrastnom sostave semey pervykh pereselentsev [Resettlement of Kaliningrad Region: On the Question of Gender and Age Composition of the First Migrants Families]. In *Istoricheskaya informatika*. No. 3, pp. 81–92.

Maltsev, A.A. (2012). *Demograficheskie protsessy v rossiyskoy derevne v 1946–1959 gg. (na materialakh Srednego Povolzh'ya)* [Demographic Processes in the Russian Village in 1946–1959 (On the Materials of the Middle Volga Region)]. Cand. hist. sci. dis. Samara. 226 p.

Mankevich, D.V. (2011). K voprosu o zaselenii sel'skikh rayonov Kaliningradskoy oblasti [On the Settlement of Rural Districts in the Kaliningrad Region]. In *Kaliningradskie arkhivy*. Vol. 9, pp. 149–157.

Mankevich, D.V. (2016). Ob osobennostyakh rannego etapa zaseleniya Kaliningradskoy oblasti (aprel' 1945 – avgust 1946 g.) [On the Peculiarities of the Early Stage of Settlement in Kaliningrad Oblast (April 1945 – August 1946)]. In *Aktual'nye problemy sovremennoy regionalistiki*. Kaliningrad, pp. 141–146.

Mankevich, D.V. (2020). *Naselenie Kaliningradskoy oblasti vo vtoroy polovine 1940-kh – 1950-kh gg.: formirovanie i demograficheskie protsessy* [Population of the Kaliningrad Oblast in the Second Half of the 1940s – 1950s: Formation and Demographic Processes]. Cand. hist. sci. diss. Bryansk. 217 p.

Maslov, E.A. (2002). Zaselenie Kaliningradskoy oblasti i formirovanie religioznoy struktury ee naseleniya [Settlement of the Kaliningrad Oblast and the Formation of the Religious Structure of Its Population]. In *Baltiyskie issledovaniya*. Vol. 1. pp. 17–33.

Maslov, V.N. (2010). Zaselenie sel'skikh rayonov Kaliningradskoy oblasti: dostizheniya, problemy, stereotipy regional'noy istoriografii [Settlement of Rural Areas of Kaliningrad Region: Achievements, Problems, Stereotypes of Regional Historiography]. In *Karel'skiy peresheek v gody voyny i mira*. St. Petersburg, pp. 198–219.

Maslov, V.N. (2013). Podgotovka v 1946 godu postanovleniya Soveta Ministrov SSSR o zaselenii sel'skikh rayonov Kaliningradskoy oblasti [Preparation of the Resolution of the USSR Council of Ministers on the Settlement of Rural Areas of the Kaliningrad Region in 1946]. In *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. No. 6, pp. 134–140.

Maslov, V.N. (2021). “Nam dali kirpichnyy dom”: zhilishchnye usloviya sovetskikh pereselentsev v kaliningradskikh selakh v poslevoennye gody (po materialam interv'yuu) [“We were Given a Brick House”: Housing Conditions of Soviet Migrants in Kaliningrad Villages in the Postwar Years (Based on Interviews)]. In *Kaliningradskie arkhivy*. Vol. 18, pp. 54–78.

Maslova, S.I. (1976). *Ekonomicheskie voprosy pereraspredeleniya rabochey sily pri sotsializme* [Economic Issues of Redistribution of Labour Force under Socialism]. Moscow, Nauka. 231 p.

Mukhortov, A.S. (2010). *Istoriko-demograficheskie protsessy na Stavropol'e vo vremya Velikoy Otechestvennoy voyny i v poslevoennye gody (1941–1950 gg.)* [Historico-Demographic Processes in Stavropol Region during the Great Patriotic War and in Postwar Years (1941–1950)]. Cand. hist. sci. diss. Pyatigorsk. 193 p.

Nefedova, T.G., Polyana, P.P., Treivish, A.I. (Ed.-Comp.). (2001). *Gorod i derevnya v Evropeyskoy Rossii: sto let peremen* [City and Village in European Russia: A Hundred Years of Changes]. Moscow, OGI. 560 p.

Nikonova, L.I., Zakhvatova, E.Yu., Mitina, V.V. et al. (2017). *Mordva Kaliningradskoy oblasti* [Mordva in Kaliningrad Region]. Saransk. 184 p.

Piskunov, S.A. (2013). Pravovoy status planovogo sel'skokhozyaistvennogo pereselentsa v RSFSR, 1946–1991 gg. [Legal Status of a Planned Agricultural Migrants in the RSFSR, 1946–1991]. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. No. 7 (33), part 1, pp. 148–151.

Piskunov, S.A. (2016). Organizatsiya i osushchestvlenie perevozki sel'skokhozyaystvennykh pereselentsev: praktika vtoroy poloviny 1940-kh – 1980-kh gg. [Organization and Implementation of Agricultural Migrants' Transportation: The Practice of the Second Half of 1940s–1980s]. In *Prepodavatel' XXI vek*. No. 2, part 2, pp. 282–289.

Piskunov, S.A. (2017). *Gosudarstvennaya politika sel'skokhozyaystvennogo pereseleniya i ee realizatsiya na territorii RSFSR (2-ya polovina 1940 – 1980-e gg.)* [State Policy of Agricultural Resettlement and Its Implementation on the Territory of the RSFSR (2nd half of 1940 – 1980s)]. Dr. hist. sci. diss. Tambov. 516 p.

Pokhshishevskiy, V.V. (1971). *Geografiya naseleniya SSSR: ekonomiko-geograficheskie ocherki* [Geography of the Population of the USSR: Economic and Geographic Essays]. Moscow. 173 p.

Polyakov, Yu.A. (Ed.). (2001). *Naselenie Rossii v XX v.: Istoricheskie ocherki* [Population of Russia in 20th Century: Historical Essays]. Vol. 2, 1940–1959. Moscow, ROSSPEN. 416 p.

Polyan, P.M. (2001). *Ne po svoey vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsiy v SSSR* [Not by Will... History and Geography of the Forced Migrations in the USSR]. Moscow, OGI-Memorial. 328 p.

Pospelov, K.A. (1977). Vliyanie migratsii na formirovanie i ispol'zovanie trudovykh resursov v otchel'nom regione [The Impact of Migration on the Formation and Use of Labor Resources in a Particular Region]. In *Narodnoe khozyaystvo Kaliningradskoy oblasti: problemy i puti razvitiya*. Kaliningrad, pp. 19–32.

Rybakovskiy, L.L., Zayonchkovskaya, Zh.A., Vishnevsky, A.G. et al. (Eds.). (1988). *Naselenie SSSR za 70 let* [Population of the USSR for 70 Years]. Moscow, Nauka. 215 p.

Shalimov, Yu.S. et al. (Eds.). (2009). *Rybnaya promyshlennost' Kaliningradskoy oblasti: Stranitsy istorii* [Fish Industry of the Kaliningrad Oblast: Pages of History]. Kaliningrad, Yantarnyy skaz. 464 p.

Shcheglov, V.V. (1999). *Evolutsiya gosudarstvennoy politiki formirovaniya naseleniya Sakhalinskoy oblasti (1925–1988 gg.)* [Evolution of the State Policy of Forming the Population of the Sakhalin Oblast (1925–1988)]. Dr. hist. sci. diss. Yuzhno-Sakhalinsk. 201 p.

Shelestov, D.K. (1983). *Demografiya: istoriya i sovremennost'* [Demography: History and Modernity]. Moscow, Finansy i statistika. 271 p.

Shenderyuk, M.G. (1998). Sotsial'nyy portret pereselentsa [The Social Portrait of an Migrant]. In *Kaliningradskie arkhivy*. Vol. 1, pp. 180–185.

Smirnova, E.P. (2006). *Zaselenie i osvoenie novykh rayonov Karelo-Finskoy SSR v 1940-e gg.* [Settlement and Development of New Districts in the Karelian-Finnish SSR in the 1940's]. Dr. hist. sci. diss. Petrozavodsk. 255 p.

Verbitskaya, O.M. (1980). Osnovnye faktory migratsii i ikh vliyanie na izmenenie chislennosti kolxoznogo naseleniya v 1946–1950 gg. [The Main Factors of Migration and Their Impact on Changes in the Numbers of Collective Farm Population in 1946–1950]. In *Problemy istoricheskoy demografii SSSR*. Tomsk, pp. 93–103.

Verbitskaya, O.M. (2002). *Sel'skoe naselenie Rossiyskoy Federatsii v 1939–1959 gg. (demograficheskie protsessy i sem'ya)* [Rural Population of the Russian Federation in 1939–1959 (Demographic Processes and the Family)]. Dr. hist. sci. diss. Moscow. 416 p.

Vishnevskiy, A.G. (Ed.). (2006). *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000* [Demographic Modernization of Russia, 1900–2000]. Moscow, Novoe izd-vo. 608 p.

Volkov, A.P., Berkutov, A.S. (2009). Bor'ba s nezakonnymi migratsiyami v SSSR v poslevoenny period (1945–1960-e gg.) [The Fight against Illegal Migration in the USSR in the Postwar Period (1945–1960s)]. In *Vestnik Ekaterininskogo instituta*. No. 3 (7), pp. 33–36.

Zandanova, L.V. (2007). Osnovnye etapy skladyvaniya sovetskoy pereselencheskoy politiki i formirovaniya pereselencheskikh organov [Main Stages of Formation of Soviet Resettlement Policy and Formation of Resettlement Bodies]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya, religiovedenie*. No. 1, pp. 27–45.

Zhiromskaya, V.B. (2012). *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [Main Trends in Russia's Demographic Development in the 20th Century]. Moscow, Kuchkovo pole. 318 p.

Р.В. Павлюкевич
Н.В. Гонина*

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ
НА МИГРАЦИОННЫЙ ОБМЕН МЕЖДУ Г. КРАСНОЯРСКОМ
И АЗИАТСКИМИ РЕСПУБЛИКАМИ СССР
В 1980–1989-Е ГОДЫ

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-11
УДК 94(47+57)+325.1"1980/1989"

Выходные данные для цитирования:
Павлюкевич Р.В., Гонина Н.В. Влияние кризиса советской системы на миграционный обмен между г. Красноярском и азиатскими республиками СССР в 1980–1989-е годы // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 152–166.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-11.pdf>

R.V. Pavlyukevich
N.V. Gonina*

THE INFLUENCE OF THE CRISIS OF THE SOVIET SYSTEM
ON THE MIGRATION EXCHANGE BETWEEN
THE CITY OF KRASNOYARSK AND THE ASIAN REPUBLICS
OF THE USSR IN 1980–1989

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-11

How to cite:
Pavlyukevich R.V., Gonina N.V. The Influence of the Crisis of the Soviet System on the Migration Exchange between the City of Krasnoyarsk and the Asian Republics of the USSR in 1980–1989 // Historical Courier, 2023, No. 4 (30), pp. 152–166.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-11.pdf>]

Abstract. The political and economic crisis in the USSR in the 1980s had a significant impact on all spheres of life, including migration dynamics. However, many conditions and factors determining the direction and movement of migration flows at the local level have remained unchanged. Therefore, the dialectical disclosure of the situation on the ground is of interest. Krasnoyarsk is a large city, a significant industrial and scientific center, and the most important transport hub in the east of the country. Its social development is of great importance for the evolution of the economy of the macroregion. A characteristic feature of the demography of the city in the period under review is a decrease in the birth rate with high mortality. Therefore, mechanical growth played an important role. A significant number of migrants from various regions of the USSR, including Asian republics, came to the region and its center every month. At the same time, a high outflow of population from Krasnoyarsk was constantly observed. The presented article is based on the materials and documents of the Krasnoyarsk Regional Statistical Commission, on the mechanical movement of the population in the 1980s. As a result of the work, authors came to the following conclusions. The previously formed migration exchange routes that operated between Krasnoyarsk and the Asian republics continued to function in the 1980s, but the number and quality of migrants changed. Now their movement was determined mainly by personal priorities. Migrants from Asia were able to adapt to the changes in the economy of Krasnoyarsk, as their number increased, despite the decline in construction and production activities. Ethnic communities also increased quantitatively, making the social portrait of the city more multifaceted. At the same time, the situation has not changed significantly for Krasnoyarsk. The positive mechanical growth, which was dominated by rural residents, and the continued active departure of citizens, including qualified specialists, contributed to the numerical growth of the population, but reduced its potential.

* **Руслан Витальевич Павлюкевич**, кандидат исторических наук, Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия, e-mail: autocrator@yandex.ru

Ruslan Vitalievich Pavlyukevich, Candidate of History Sciences, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: autocrator@yandex.ru

Наталья Владимировна Гонина, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: nvg7@mail.ru

Natalya Vladimirovna Gonina, Candidate of History Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: nvg7@mail.ru

Keywords: migrants, migration flow, regional distribution of migrants, Krasnoyarsk, Kazakh SSR, Kirghiz SSR, Tajik SSR, Turkmen SSR, Uzbek SSR, Central Asia.

The article has been received by the editor on 29.05.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Политический и экономический кризис в СССР в 1980-х гг. оказал значительное влияние на все сферы жизни, в том числе и на миграционную динамику. Однако многие условия и факторы, определяющие направление и движение миграционных потоков на локальном уровне, остались неизменными. Поэтому представляет интерес аналитическое рассмотрение ситуации на местах. Красноярск – это крупнейший город, значимый промышленный и научный центр, важнейший транспортный узел на востоке страны. Его социальное развитие имеет большое значение для эволюции экономики макрорегиона. Характерной чертой демографии города в рассматриваемый период является снижение рождаемости при высокой смертности. Поэтому важную роль играл механический прирост. В регион и его центр ежемесячно приезжало значительное количество мигрантов из различных областей СССР, в том числе из азиатских республик. В то же время постоянно наблюдался высокий отток населения из Красноярска. Представленная статья основана на материалах и документах Красноярской краевой статистической комиссии по механическому движению населения в 1980-е гг. По итогам работы авторы пришли к следующим выводам. Сформировавшиеся ранее пути миграционного обмена, действовавшие между Красноярском и азиатскими республиками, продолжали функционировать в 1980-е гг., но менялось количество и качество мигрантов. Теперь их движение определялось преимущественно личными приоритетами. Мигранты из Азии смогли адаптироваться к переменам в экономике Красноярска, так как их число выросло, несмотря на снижение строительной и производственной деятельности. Количественно увеличивались и этнические сообщества, делая социальный портрет города более многогранным. В то же время для Красноярска ситуация изменилась незначительно. Положительный механический прирост, в котором преобладали сельские жители, и продолжение активного выезда горожан, в том числе квалифицированных специалистов, способствовали численному росту населения, но снижали его потенциал.

Ключевые слова: мигранты, миграционный поток, региональное распределение мигрантов, Красноярск, Казахская ССР, Киргизская ССР, Таджикская ССР, Туркменская ССР, Узбекская ССР, Средняя Азия.

Статья поступила в редакцию 29.05.2023 г.

Ряд исследователей отмечает, что XX–XXI вв. можно назвать эпохой миграции. Никогда ранее в истории человечества миграционная активность населения не была так высока. На протяжении более чем столетия огромные людские массы приходили в движение. Именно в этот период появляются и совершенствуются механизмы поддержания миграционных потоков и управления ими. Современная экономика также в немалой степени зависит от регулирования миграционных процессов. В связи с этим все большую актуальность принимает изучение исторического опыта управления данным социальным явлением в различных формациях и общественных системах.

Особый интерес в этом плане представляет советское государство. На протяжении большей части своей истории правительство СССР воспринимало и использовало миграци-

онные процессы в качестве одного из центральных элементов государственной политики в области социально-экономического развития. Манипулирование потоками давало возможность подстегнуть развитие того или иного региона страны, осуществлять выравнивание кадрового потенциала между различными экономическими районами. Особенно эффективным этот инструмент был в отношении экономически отсталых районов и регионов СССР.

Во второй половине XX в. Восточная Сибирь была регионом-реципиентом для мигрантов из Центральной России и западных республик СССР. Миграции позволяли обеспечивать растущую в результате промышленного и хозяйственного освоения региона потребность в квалифицированных кадрах. В то же время Восточная Сибирь в целом и г. Красноярск в частности в связи с высокой миграционной активностью населения выступали донором таких кадров для азиатских республик. Поэтому в 1960–1979 гг., несмотря на положительное сальдо миграции, г. Красноярск имел отрицательный механический прирост по отношению к республикам советской Азии (Таджикская, Киргизская, Туркменская, Узбекская и Казахская ССР)¹. В результате за счет переселенцев из Красноярска и всего РСФСР здесь сформировались крупные русские диаспоры.

В 1980-х гг. в перечисленных процессах происходят значительные изменения. Советская система входит в полосу кризиса, закончившегося в итоге распадом государства, а вместе с ним и экономической системы. Одним из наиболее ярких его проявлений был рост межэтнической напряженности, сопровождавшийся отдельными конфликтами в различных республиках СССР, в том числе и азиатских. Это оказало прямое воздействие на рассматриваемые миграционные потоки.

Целью данной статьи выступает анализ динамики миграционных связей между Красноярском и азиатскими республиками СССР в условиях кризиса государственных институтов и экономической системы СССР в 1980-е гг. Также в работе будут сопоставлены показатели миграционной активности в рассматриваемое десятилетие и в два предыдущих.

Историография. Первый этап развития историографии проблемы совпадает с изучаемым временем. В 1980-е гг. продолжали интенсивную работу В.И. Переведенцев, Т.И. Заславская, Л.Л. Рыбаковский, Л.В. Корель и другие исследователи. Они разрабатывали проблему движущих сил миграционного движения, а также изучали поведение мигрантов. Было выявлено, что основной причиной миграции является стремление к повышению качества жизни².

Второй этап историографии темы охватывает 1990-е гг. Возросшая активность миграционного движения, изменение его характеристик привлекли внимание ученых, а глубина исследований потребовала обратиться к историческим корням данного феномена. В 1990-е гг. выходят фундаментальные исследования Л.Л. Рыбаковского и Ж.А. Зайончковской³, где

¹ Данная публикация является четвертой в цикле статей, посвященных проблемам миграции в Ангаро-Енисейском регионе. См.: Гонина Н.В. Характерные черты миграционных процессов и их роль в урбанизации Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1 (44). С. 125–135; Павлюкевич Р.В. Влияние преобразований Н.С. Хрущева на миграционные потоки между Красноярском, Казахской ССР и республиками Средней Азии в 1960-е годы [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 175–186. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-15.pdf> (дата обращения: 16.05.2023); Павлюкевич Р.В., Гонина Н.В. Миграционный обмен Красноярска и азиатских республик в 1970-е гг. в контексте урбанизационной динамики // Уральский исторический вестник. 2023. № 3. С. 48–57.

² Социально-демографическое развитие села: региональный анализ. М., 1980; Заславская Т.И. Теоретические вопросы исследования социально-территориальной структуры советского общества // Социально-территориальная структура города и села (опыт типологического анализа). Новосибирск, 1982; Переведенцев В.И. СССР: Природа и население. М., 1982; Переведенцев В.И. Какие мы? Сколько нас? М., 1989; Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987; Корель Л.В. Перемещение населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск, 1982; и др.

³ Рыбаковский Л.Л. Центральная Азия и Россия: межгосударственный миграционный обмен // Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы. М., 1996. Вып. 11. С. 65–82; Зайончковская Ж.А. Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке, как отражение социальной модернизации // Мир России. 1999. № 4. С. 22–34; Зайончковская Ж.А. Исторические корни миграционной ситуации в Средней Азии // Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы. М., 1996. Вып. 11. С. 41–64.

рассматриваются, в том числе, и азиатские республики, переживавшие кризисный период, который стимулировал миграционную динамику. В частности, было выявлено, что наряду с русским населением приходит в движение и коренное население Азии.

Третий этап историографии включает 2000–2010-е гг. Л.Л. Рыбаковским были сформулированы основные подходы и проблемы изучения внутренней и внешней миграции, определены причины и факторы ее динамики, охарактеризованы как общегосударственные процессы, так и их региональные особенности, по сути, подведены итоги многолетней исследовательской работы и сделаны теоретические выводы, имеющие значение не только для миграциологии, но и социального знания в целом⁴.

Значительный вклад в изучение миграций в историческом ключе внес О.В. Горбачев. Так, в статье «“Широка страна моя родная”: измерения российской миграции», анализируя российскую и советскую миграционную политику в XX в., автор не только дает характеристику динамики, но и оценивает ее эффективность, а также рассматривает проблему «самовольных» мигрантов на разных исторических этапах⁵.

В этот период на междисциплинарном уровне разрабатывается проблематика этнического многообразия и связанных с ним особенностей экономического, культурного и социального развития. В качестве примера можно назвать основанную на полевых исследованиях работу сотрудников Института этнологии и антропологии РАН Г.Ю. Ситнянского и В.И. Бушкова⁶. В книге на обширном полевом материале дан анализ политической, экономической и социальной ситуации в азиатских республиках, охарактеризована миграционная динамика и ее результаты в советский и постсоветский период.

Активно изучаются миграционные процессы демографами и историками Сибири. Для нашей работы наибольший интерес представляют труды Л.Н. Славиной и И.В. Копылова⁷. В них освещается влияние миграции на демографическую динамику Красноярского края и Восточной Сибири в целом. Среднеазиатский или казахский вектор миграции отдельно не рассматриваются или же упоминаются как незначительный фактор для общей картины демографических процессов, как в работе Р.И. Резванова⁸. Большинство работ, посвященных именно казахскому и среднеазиатскому векторам миграционных процессов, выполнено уже на постсоветских материалах.

Материалы и методы исследования. Основным источником проведенного исследования выступают материалы и документы Красноярской краевой статистической комиссии, посвященные механическому движению населения в период с 1980 по 1989 г., за исключением 1982 г., что связано с отсутствием данных за этот год. В указанных источниках отражены ежегодные показатели по выбытию, прибытию населения в городскую и сельскую местность Красноярского края по демографическим группам, а также по месту прибытия или выбытия мигрантов в иные территории СССР.

В качестве методологической базы исследования авторы обратились к теориям миграциологии, допустив предположение, что межреспубликанская миграция в СССР по своим характеристикам сравнима больше с международной, а не с внутренней миграцией. Это связано с тем, что между отдельными республиками СССР существовали мощные барьеры, обусловленные природными, культурными, этническими и религиозными факторами.

Один из основоположников миграциологии Э.Г. Равенштейн выявил, что основным фактором при межтерриториальном миграционном обмене является социальное и экономи-

⁴ Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. М., 2016; Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: учеб. пособие. М., 2019.

⁵ Горбачев О.В. Мигранты и Российское государство в XX в.: возможности и ограничения // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6, № 1. С. 240–248.

⁶ Ситнянский Г.Ю., Бушков В.И. Миграции населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее и будущее. М., 2016.

⁷ Славина Л.Н. Миграция и развитие сельского населения Восточной Сибири в 1960-х – начале 1990-х гг. // *Вестник КрасГАУ*. 2005. № 7. С. 316–322; Копылов И.В. Влияние миграции на рождаемость городского населения Красноярского края в 1960–1980-е годы // *Исторический курьер*. 2020. № 4 (12). С. 164–173.

⁸ Резванов Р.И. Сибирский кейс советской социоэкономической практики: города, миграции и сценарии развития в контексте 1950–1980-х гг. // *Развитие территорий*. 2018. № 2. С. 6–13.

ческое неравенство между территориями⁹. Данный тезис очень подходит для рассмотрения миграционного обмена между Красноярским краем и Средней Азией. В качестве теоретической основы исследования также выбраны теории рисков и социальных сетей. Согласно первой, интенсивность потоков миграций зависит от соотношения издержек и возможных преимуществ для мигранта. Теория социальных сетей утверждает, что одним из важнейших факторов миграции выступает наличие диаспор, которые способствуют переселениям. Чем больше людей оказывается на новом месте, тем больше они способствуют переселению своих друзей, родственников и знакомых. Имеющиеся между регионом-донором и реципиентом связи образуют своеобразные социальные сети, определяющие характеристики миграционного движения. Еще одной важной теорией выступает мир-системная концепция миграциологии, которая вслед за одноименной базовой теорией считает, что миграционная динамика во многом обусловлена существующими структурами экономических систем. Данный подход особенно актуален для анализа ситуации 1980-х гг., когда происходит ломка советской системы.

Географические рамки исследования. В центре исследования находится г. Красноярск, игравший особую роль в развитии всей Восточной Сибири. В условиях моноцентрической агломерации здесь сосредоточивалась практически треть всего населения Красноярского края. Благодаря расположению на пересечении Западной и Восточной Сибири Транссибирской магистрали и р. Енисей Красноярск был одновременно «восточными» и «северными» воротами страны, а значит и важной точкой распределения миграционных потоков. Красноярск постоянно нуждался в притоке рабочих рук, так как здесь была высокая концентрация промышленности государственного и регионального значения, большое количество крупных строек при низкой плотности населения и кадровом дефиците.

Азиатские республики СССР в силу своих природных, экономических, социальных и культурных условий значительно отличались от Красноярского края и достаточно удалены от него. И тем не менее миграционные связи были установлены и даже активизировались в период, когда государственное вмешательство стало минимальным.

В изучаемое время Казахскую ССР было принято рассматривать в отдельности от Среднеазиатского района, в который входили Узбекская, Киргизская, Таджикская и Туркменская ССР. Но с позиции особенностей географии, социально-экономического развития, а также в связи с небольшим количеством мигрантов из каждой отдельной республики авторами представленного исследования было принято решение их объединить. В статье для удобства изложения будет использоваться термин «азиатские республики». При этом следует заметить, что с середины 1980-х гг. в документах исчезает деление страны на крупные районы, которое заменяется республиканским.

Как уже говорилось выше, одним из бэкграундов миграционного обмена между выбранными кейсами стал рост межэтнической напряженности, выливавшейся в отдельные столкновения. Данные конфликты отражали нарастание кризисных явлений в СССР. Даже если славяне не выступали их участниками, ситуация не могла не оказывать влияния на настроения мигрантов. Среди наиболее ярких проявлений данных тенденций в азиатских республиках СССР стали события в Казахстане. 16 декабря 1986 г. в Алма-Ате состоялась демонстрация против отправки на пенсию многолетнего партийного лидера республики Д. Кунаева и избрания на его место Г. Колбина, работавшего до этого первым секретарем Ульяновского обкома КПСС. Демонстрация была подавлена внутренними войсками. Позднее эти выступления стали официально оцениваться в Казахстане как событие, «ставшее началом распада тоталитарной системы, импульсом к решению вопроса о государственной независимости Казахстана». В июне 1989 г. вспыхнули межэтнические столкновения в Новом Узене между казахами и выходцами с Кавказа, для подавления которых были задействованы бронетранспортеры, танки, боевые вертолеты и другая военная техника. Также нельзя не отметить события мая 1989 г. в Ферганской области Узбекской ССР, когда

⁹ Рыбаковский О.Л. Межрегиональная миграция населения: новые аспекты анализа // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2013. № 9. С. 111–118.

обострились отношения между узбеками и турками-месхетинцами. В июне того же года в регионе были зафиксированы погромы и убийства турок-месхетинцев, известные как «ферганские события», послужившие причиной массовой эвакуации турок-месхетинцев из республики.

Также нужно указать, что в рассматриваемый период на миграционную динамику оказывала влияние экономическая политика «ускорения». Миграционные процессы между Красноярском и азиатскими республиками СССР будут рассмотрены в трех измерениях: прибытие, выбытие и механический прирост.

Прибытие населения. Поток прибывших из азиатских республик СССР распадается на два самостоятельных подпотока в зависимости от местности выбытия: городской или сельской. В представленной табл. 1 даны общие данные за девять лет по миграционному обмену с азиатскими республиками, доля каждой из них в общей численности переселенцев в Красноярск и коэффициент интенсивности миграционной динамики.

Таблица 1

Сводные показатели прибытия населения
в г. Красноярск из азиатских республик СССР 1980–1989 гг. (чел.)

Республика	Прибыло из				КИМС ¹⁰
	город	село	итого	%	
Узбекская ССР	1 976	800	2 776	0,74	0,003
Киргизская ССР	1 088	1 141	2 229	0,59	0,002
Таджикская ССР	760	408	1 168	0,31	0,001
Туркменская ССР	280	224	504	0,13	0,0005
Казахская ССР	4 840	2 408	7 248	1,93	0,008
Итого	8 944	4 981	13 925	3,7	0,0162

Источники (здесь и в других таблицах и графиках ниже): Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1300. Оп. 5. Д. 2771. Л. 23; Д. 2772. Л. 9; Д. 3418. Л. 10; Д. 3636. Л. 3; Д. 3928. Л. 7; Д. 4223. Л. 12; Д. 4484. Л. 8–11; Д. 4715. Л. 71–75; Д. 5009. Л. 40–46.

Примечание: Не учтены данные за 1982 г.

При сопоставлении данных выявляется рост доли переселенцев из сельских районов. Если в предыдущие десятилетия количество переселенцев из сельских районов азиатских республик СССР было в разы меньше, чем из городов, то в 1980-х гг. разница уменьшилась, а в случае с Киргизской ССР количество выходцев из сельской местности было больше, чем из городской. В условиях роста межэтнической напряженности ситуация особенно быстро ухудшалась именно в сельской местности. Здесь средний уровень образования был ниже, а соответственно ниже уровень толерантности и выше уровень ксенофобии местного населения. Поэтому при деконструкции советской системы и росте напряженности именно здесь стала зарождаться атмосфера, подталкивающая нетитульное население возвращаться в РСФСР, в том числе в Красноярск.

Как видно из представленных данных, динамика прибытия в Красноярск из азиатских республик СССР не отличалась высокой интенсивностью. Самый низкий показатель был характерен для Туркменской ССР – 0,0005, против наивысшего показателя Казахской ССР, составившего 0,008. Доля Казахстана в потоке прибывших из азиатских республик составляла более 50 %. В 1970-х гг. она была 61 %, в 1960-х гг. – 65 %. Таким образом, данное направление миграций было господствующим, но имело тенденцию к снижению, а доля других направлений постепенно росла, преимущественно за счет Киргизской и Узбекской ССР.

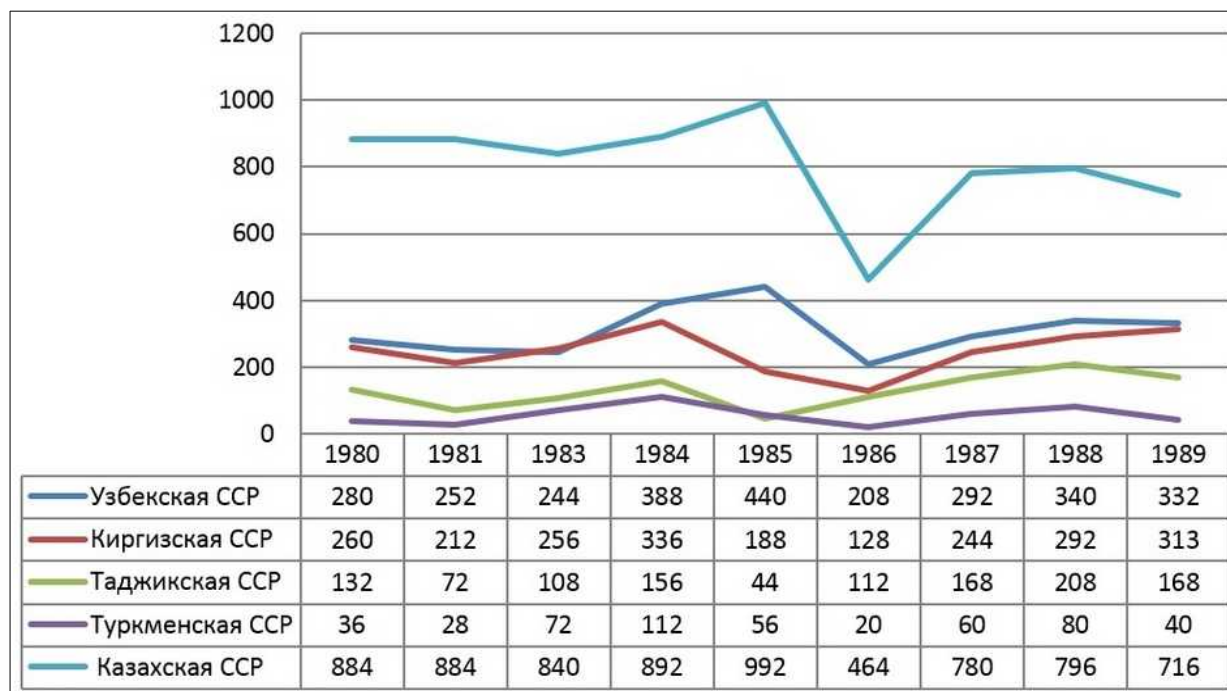
¹⁰ КИМС – коэффициент интенсивности межрегиональных связей.

В то же время именно в Казахстане было самое многочисленное русское население, поэтому здесь люди чувствовали себя спокойнее, чем в других азиатских республиках СССР, следовательно, здесь были слабее выталкивающие факторы, связанные с распадом единой системы.

Общее количество прибывших из Узбекской, Киргизской, Туркменской и Таджикской ССР в 1980-е гг. было выше, чем в предыдущие два десятилетия, в том числе по Туркменской и Таджикской ССР почти в два раза. Так, из Узбекской ССР в 1960-х гг. в Красноярск прибыло 1 996 чел., в 1970-х гг. – уже 2 072 чел., а за девять рассматриваемых лет 1980-х гг. – 2 776 чел., в то время как из Таджикской ССР соответственно 760, 568 и 1 168 чел.

Диаграмма 1

Потоки прибывших в Красноярск из азиатских республик СССР в 1980–1989 гг.

При этом, если рассматривать потоки в динамике (диаграмма 1), то видно, что пиковые значения прибывших приходятся на 1984–1985 гг., затем следует спад в 1985–1986 г. Особенно резкий спад демонстрирует Казахская ССР, из которой приезжало наибольшее количество мигрантов. Второй пик, более сглаженный, отмечается у миграционных потоков в 1988 г., затем также следует спад. Исключение составляет Киргизская ССР, демонстрирующая подъем в 1989 г.

Можно предположить, что данные показатели связаны как с общесоюзными, так и внутриреспубликанскими событиями и явлениями. С.А. Пискунов пишет, что организованная миграция в Средней Азии началась только в 1980-е гг.¹¹, параллельно активизировалась индивидуальная миграция¹², что повлияло на рост показателей. Исследователи отмечают, что приоритетным направлением миграций из Азии было восточное, в том числе Восточная Сибирь¹³. В 1984 и 1985 гг. смерти двух генеральных секретарей подряд и последующая за этим растерянность населения оказали определенное влияние на миграционные потоки, но большее значение имел закон, принятый Ю.В. Андроповым, о 15 годах тюрьмы за незаконную экономическую деятельность, под который попадали и так называемые «шабашники» – неорганизованные трудовые мигранты¹⁴. Политика ускорения М.С. Горбачева сопровождалась оживлением экономического развития, что приводило

¹¹ Пискунов С.А. Советская переселенческая политика второй половины 1940-х – 1980-х гг.: опыт РСФСР // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 4. С. 33.

¹² Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России... С. 55.

¹³ Зайончковская Ж.А. Внутренняя миграция в России... С. 26; Рыбаковский Л.Л., Тарасова Н.В. Миграционные процессы в СССР: новые явления // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 67.

¹⁴ Горбачев О.В. Мигранты и Российское государство... С. 244.

к росту потребности в рабочих руках и стремлению закрепить их внутри республик. Но данный подъем быстро сменяется падением в связи с внутренними конфликтами. Так, межэтнические конфликты и волнения в Казахской ССР в декабре 1986 г. привели к резкому оттоку населения в РСФСР, в том числе в Красноярск. Разнобой локальных характеристик требует рассмотрения этнической составляющей миграций (табл. 2). К сожалению, данных по Красноярску за 1989 г. найти не удалось, но можно посмотреть ситуацию по городскому населению региона, учитывая, что столица края аккумулирует основной объем мигрантов.

Таблица 2

Доля представителей титульных этносов в общем количестве прибывших по каждой из азиатских республик СССР в Красноярск в 1980 г.

Этническая принадлежность	%
Узбеки	12,8
Казахи	5
Киргизы	9,2
Таджики	9,2
Туркмены	11,1

Данные по количеству прибывших из азиатских республик СССР в разрезе этнической принадлежности (см. табл. 2) показывают, что сначала представители титульных наций среди переселенцев составляли меньшинство. На ранних этапах преобладала миграция (преимущественно возвратная) русского населения. К концу рассматриваемого периода ситуация изменилась и количество переселенцев из титульных наций стало расти. Одной из причин этого был высокий прирост населения при недостатке рабочих мест в азиатских городах¹⁵. Среди прибывших в городские поселения Красноярского края в 1989 г. мигрантов из азиатских республик представители титульных этносов составляли от 17,6 (Казахская ССР) до 90,9 % (Туркменская ССР). Это было связано с нарастающим кризисом системы, который жестче проявлялся в дотационных и слаборазвитых регионах. Кроме того, это можно считать и проявлением урбанизации – население азиатских республик стало более подвижным. В пользу данной версии говорит и тот факт, что среди представителей титульных этносов выросло число выходцев из села, в том числе по Узбекской и Киргизской ССР оно превысило количество горожан почти в 2 раза, а по Туркменской ССР данные сравнялись. Как отмечает Ж.А. Зайончковская, в сельской местности в Азии наблюдались области с высокой плотностью населения (Ферганская долина) и именно они были источником мигрантов. С другой стороны, свою роль сыграл и экологический кризис, вызванный обмелением Арала¹⁶.

Выбытие населения. Характеристика выбытия из Красноярска в азиатские республики СССР, так же как и прибытия, дана отдельно по городской и сельской местности. В табл. 3 представлены общие данные за девять лет по миграционному обмену с азиатскими республиками, доля каждой из них в общей численности переселенцев в Красноярск и коэффициент интенсивности миграционной динамики.

¹⁵ Богданов С.В. Кризисные явления в реализации политики всеобщей занятости населения в СССР, 1960–1980-е годы // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12, № 2. С. 45.

¹⁶ См.: Зайончковская Ж.А. Внутренняя миграция в России... С. 22–34; Бурнакова Е.В. Приаралье: экологический кризис – социально-экономический кризис – миграция – угрозы политической стабильности? // Вестник Евразии. 2002. № 3. С. 150–173; Ситнянский Г.Ю., Бушков В.И. Миграции населения в Центральной Азии... С. 161.

Таблица 3

Сводные данные по выбытию населения из г. Красноярск
в азиатские республики СССР в 1980–1989 гг. (чел.)

Республика	Прибыло из				КИМС
	город	село	итого	%	
Узбекская ССР	2 023	348	2 371	0,37	0,003
Киргизская ССР	1 054	698	1 752	0,74	0,002
Таджикская ССР	852	332	1 184	0,35	0,001
Туркменская ССР	287	58	345	0,06	0,00004
Казахская ССР	4 796	1 264	6 060	1,34	0,007
Итого	9 012	2 700	11 712	3,2	0,0136

Примечание: Не учтены данные за 1982 г.

При анализе выбытия в первую очередь выделяется общее сокращение данного потока. В 1970-х гг. общий коэффициент интенсивности межрегиональных связей по выбытию из Красноярска в азиатские республики СССР составлял 0,0179 против 0,0136 в 1980-х гг. Показатель снизился по всем республикам. Общее количество уехавших из Красноярска в указанный регион снизилось почти на 10 % по отношению к показателям 1970-х гг. и на 25 % по сравнению с 1960-ми гг. В то же время, как и в прежние десятилетия, красноярцы переселялись преимущественно в города азиатских республик, а не в сельскую местность.

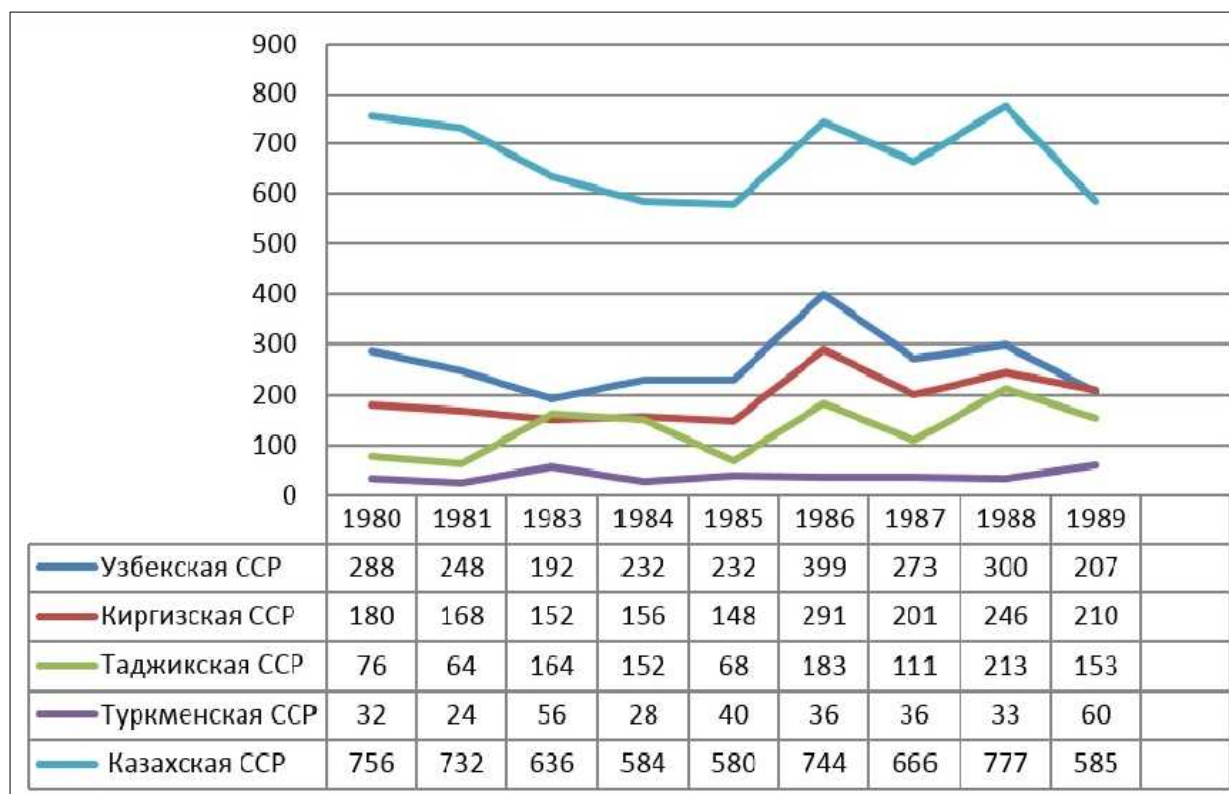
Сравнивая данные по прибытию и выбытию, можно заметить, что показатели доли прибывших из азиатских республик и выбывших в них достаточно близки – 3,7 и 3,2, что позволяет предположить ротационный характер данной динамики. Однако если смотреть по отдельным республикам, то ротационные показатели можно отметить только у Таджикской ССР. В остальных, за исключением Киргизской ССР, въезд преобладал над выездом.

С позиции выбора места для переселения предпочтения красноярцев практически не изменились. В 1960-е, 1970-е и в 1980-е гг. они выбирали преимущественно Казахскую ССР, затем шли Узбекская, Киргизская, Таджикская и Туркменская ССР. Объяснить ситуацию можно в рамках теории социальных сетей: люди наиболее охотно переселяются туда, где живут их знакомые, существуют крупные общины. В Казахстане находилась крупнейшая по региону русская община. Во многом по этим причинам был популярен и Узбекистан, в котором к тому же шли активные процессы экономического развития. В то же время выезд из Красноярска структурно не однозначен.

Как видно из данных, приведенных в диаграмме 2, пиковое значение выбытия населения в Узбекистан и Киргизию приходится на 1986 г. Второй пик отмечен в 1988 г., и здесь максимальных цифр достигает выбытие в Казахстан и Таджикистан. Общие спады движения отмечаются в 1985, 1987 и 1989 гг. Графики достаточно близки по своей архитектуре в периоде 1984–1987 гг., но есть и серьезные отличия. Локальные спады наблюдаются в 1981 г. по Таджикской ССР и в 1983 г. по Узбекской ССР. Динамика миграций в Таджикскую ССР имеет наибольшее количество перепадов. Для Туркменской ССР график представлен практически ровной линией, которая очень слабо реагирует на политические события. Численность мигрантов в этом направлении наименьшая по сравнению с другими республиками, однако в течение рассматриваемого периода она поступательно растет и увеличивается в 2 раза. Минимум приходится на 1981 г., максимум – на 1989 г.

Диаграмма 2

Потоки выбывших из Красноярска в азиатские республики СССР в 1980–1989 гг.

Этническая картина миграций представлена в табл. 4.

Таблица 4

Доля представителей этносов азиатских республик СССР, выбывших из Красноярска в 1980 г.

Этническая принадлежность	%
Узбеки	9,7
Казахи	2,1
Киргизы	4,4
Таджики	15,7
Туркмены	0

Табл. 4 показывает, что в 1980 г. титульные нации составляли меньшинство среди переселенцев в азиатские республики. Другими словами, в 1980 г. из Красноярска в Азию уезжали в основном этнические русские, украинцы, белорусы и т.д. В конце рассматриваемого периода ситуация меняется и доля титульных наций начинает расти. В 1989 г. по городским поселениям Красноярского края среди выезжающих представители азиатских этносов составляли от 40 % у киргизов до 94,7 % у туркмен. Единственным исключением были казахи, составившие только 20,5 %. Казахская ССР теснее других республик была связана с Россией, здесь была и крупнейшая русская диаспора. Поэтому процессы распада создавали меньший фон, толкавший людей к возвращению.

Механический прирост. Согласно данным из табл. 5, механический прирост в Красноярске по результатам миграционного обмена с азиатскими республиками СССР в 1980-е гг. был положительным как в целом, так и по большинству республик, кроме Таджикской ССР.

Но и в этом случае убыток населения Красноярска был относительно небольшим. Также очевидно, что большинство мигрантов были из сельской местности, что соответствовало и внутрирегиональным, и общесоюзным процессам.

Таблица 5

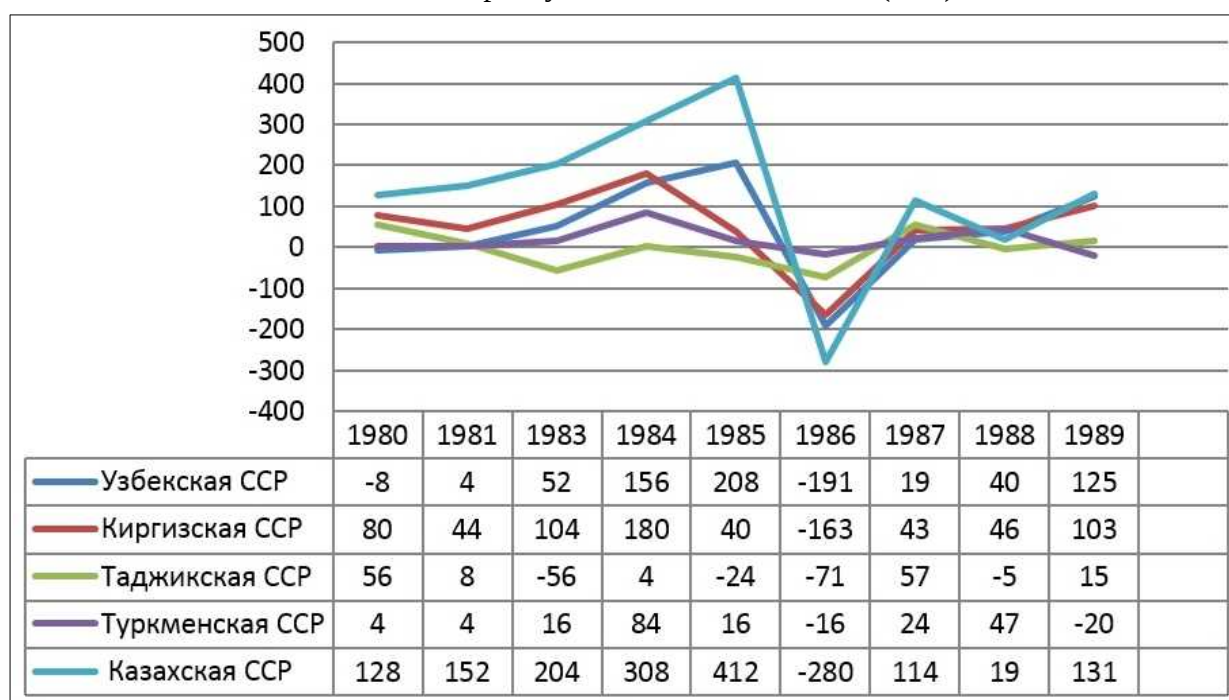
Механический прирост в Красноярске по результатам миграционного обмена с азиатскими республиками 1980–1989 гг. (чел.)

Республика	Механический прирост		
	город	село	итого
Узбекская ССР	-47	452	405
Киргизская ССР	34	443	477
Таджикская ССР	-92	76	-16
Туркменская ССР	-7	166	159
Казахская ССР	44	1 144	1 188
Итого	-68	2 281	2 213

Важно отметить, что 1980-е гг. стали единственным десятилетием в рассматриваемом ряду, когда у Красноярска был позитивный рост миграционного обмена с азиатскими республиками. Так, за 1960-е гг. Красноярск потерял 1 545 чел., в 1970-е – 980 чел. Фактически за 1980-е гг. были восполнены потери за предыдущие два десятилетия. Данные цифры указывают на изменение тренда в миграционном обмене между г. Красноярском и азиатскими республиками СССР. На протяжении двадцати лет Красноярск был донором для Азии, но в 1980-е гг. происходит распад советской системы, что приводит к оттоку населения обратно.

Диаграмма 3

Механический прирост в Красноярске по результатам миграционного обмена с азиатскими республиками 1980–1989 гг. (чел.)

Если рассматривать динамику механического прироста по годам, то в целом она подтверждает выводы, сделанные нами ранее. Пик прироста населения приходится на 1984 – 1985 гг., когда растет нервозность населения СССР в условиях смены нескольких руководителей подряд. Пик оттока населения (единственный год, когда Красноярск терял население относительно всех пяти рассматриваемых республик) приходится на 1986 г. и был связан с программами экономического ускорения М.С. Горбачева, который быстро сменился на прирост в результате эскалации межэтнического напряжения в республиках в конце 1986 г.

Заключение. Основываясь на представленных данных, можно сделать следующие выводы. В 1980-х гг. наблюдаются процессы изменения миграционной динамики, определенные сменой условий, как на территории выбытия, так и в зоне прибытия мигрантов. В первую очередь происходит постепенное изменение характеристик миграции, связанное с окончательным прекращением государственного стимулирования и контроля в СССР, с одной стороны, и разворачиванием собственной национальной политики в отдельных республиках – с другой. Республиканская национальная политика могла служить и выталакивающим, и удерживающим фактором, в зависимости от конкретной ситуации. Так, приоритетная экономическая и социальная поддержка титульного этноса способствовала удержанию и возвращению автохтонного населения и вытеснению других национальностей. Тяжелое экономическое положение в большинстве азиатских республик и более благоприятные условия в Сибири, безусловно, стимулировали миграцию.

Сформировавшиеся ранее пути миграционного обмена, действовавшие между Красноярском и азиатскими республиками, продолжали функционировать в 1980-е гг., но менялось количество и качество мигрантов. Теперь их движение определялось преимущественно личными приоритетами. Поскольку число прибывших преобладало, постепенно росло количество выходцев из Азии, укоренившихся в Красноярске, а следовательно, росли и сообщества, которые станут основой для привлечения новых мигрантов. В итоге этнический портрет города становится более многогранным.

Важным фактором стало развитие урбанизации в Азии. Различия в миграционной динамике между республиками определяются не только степенью обострения межнациональных конфликтов и жесткостью политического курса местных правителей, но и общими процессами социально-экономической модернизации. Выезд из сельской местности становится все более активным, а выбор мест проживания и трудоустройства – более широким.

Не меньшее значение имела демографическая ситуация. Высокая рождаемость в азиатских республиках при общем недостатке рабочих мест по-прежнему была определяющей базой для активной миграции.

Для Красноярска ситуация изменилась незначительно. Положительный механический прирост, в котором преобладали сельские жители, и продолжение активного выезда горожан способствовали численному росту населения, но снижали его потенциал. Кроме того, постоянный приток мигрантов обострял квартирный вопрос, а кадровый голод на производстве так и оставался неудовлетворенным. Сокращение производства и «замораживание» строительства, характерные для второй половины 1980-х гг., способствовали уменьшению количества рабочих мест, но их быстро заменили рынки и нелегальные предприятия, поэтому мигранты из Азии успешно трудоустраивались.

Литература

Богданов С.В. Кризисные явления в реализации политики всеобщей занятости населения в СССР, 1960–1980-е годы // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12, № 2. С. 41–56.

Бурнакова Е.В. Приаралье: экологический кризис – социально-экономический кризис – миграция – угрозы политической стабильности? // Вестник Евразии. 2002. № 3. С. 150–173.

Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. М.: Экон-Информ, 2016. 192 с.

Гонина Н.В. Характерные черты миграционных процессов и их роль в урбанизации Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1 (44). С. 125–135.

Горбачев О. Мигранты и Российское государство в XX в.: возможности и ограничения // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6, № 1. С. 240–248.

Зайончковская Ж.А. Исторические корни миграционной ситуации в Средней Азии // Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы. М.: Московский Центр Карнеги, 1996. Вып. 11. С. 41–64.

Зайончковская Ж.А. Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке, как отражение социальной модернизации // Мир России. 1999. № 4. С. 22–34.

Социально-демографическое развитие села: региональный анализ / под ред. Т.И. Заславской, И.Б. Мучника. М.: Statistika, 1980. 342 с.

Заславская Т.И. Теоретические вопросы исследования социально-территориальной структуры советского общества // Социально-территориальная структура города и села (опыт типологического анализа). Новосибирск, 1982. 154 с.

Копылов И.В. Влияние миграции на рождаемость городского населения Красноярского края в 1960–1980-е годы // Исторический курьер. 2020. № 4. С. 164–173. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-13.pdf> (дата обращения: 20.05.2023).

Корель Л.В. Перемещение населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1982. 182 с.

Павлюкевич Р.В. Влияние преобразований Н.С. Хрущева на миграционные потоки между Красноярском, Казахской ССР и республиками Средней Азии в 1960-е годы) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 175–186. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-15.pdf> (дата обращения: 16.05.2023)

Павлюкевич Р.В., Гонина Н.В. Миграционный обмен Красноярска и азиатских республик в 1970-е гг. в контексте урбанизационной динамики // Уральский исторический вестник. 2023. № 3. С.48–57.

Пискунов С.А. Советская переселенческая политика второй половины 1940-х – 1980-х гг.: опыт РСФСР // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 4. С. 33–42.

Переведенцев В.И. СССР: Природа и население. М.: Прогресс, 1982. 156 с.

Переведенцев В.И. Какие мы? Сколько нас? М.: Мысль, 1989. 206 с.

Резванов Р.И. Сибирский кейс советской социоэкономической практики: города, миграции и сценарии развития в контексте 1950–1980-х гг. // Развитие территорий. 2018. № 2. С. 6–13.

Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 199 с.

Рыбаковский Л.Л. Центральная Азия и Россия: межгосударственный миграционный обмен // Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы. М.: Московский Центр Карнеги, 1996. Вып. 11. С. 65–82.

Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: учеб. пособие. М.: Юрайт, 2019. 480 с.

Рыбаковский О.Л. Межрегиональная миграция населения: новые аспекты анализа // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2013. № 9. С. 111–118.

Ситнянский Г.Ю., Бушков В.И. Миграции населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее и будущее. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2016. 340 с.

Славина Л.Н. Миграция и развитие сельского населения Восточной Сибири в 1960-х – начале 1990-х гг. // Вестник Красноярского ГАУ. 2005. № 7. С. 316–322.

References

Bogdanov, S.V. (2011). Krizisnye yavleniya v realizatsii politiki vseobshchey zanyatosti naseleniya v SSSR, 1960–1980-e gody [Crisis Phenomena in the Implementation of the Policy of General Employment of the Population in the USSR, 1960–1980s]. In *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. Vol. 12, No. 2, pp. 41–56.

Burnakova, E.V. (2002). Priaral'e: ekologicheskiy krizis – sotsial'noe-konoomicheskiy krizis – migratsiya – ugrozy politicheskoy stabil'nosti? [Aral Sea: Environmental crisis – Socio-Economic Crisis – Migration – Threats to Political Stability?]. In *Vestnik Evrazii*. No. 3, pp. 150–173.

Gonina, N.V. (2018). Kharakternye cherty migratsionnykh protsessov i ikh rol' v urbanizatsii Angaro-Eniseyskogo regiona vo vtoroy polovine 1950-kh – nachale 1980-kh gg. [Characteristic Features of Migration Processes and Their Role in the Urbanization of the Angara-Yenisey Region in the Second Half of the 1950s – Early 1980s]. In *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. No. 1 (44), pp. 125–135.

Gorbachev, O. (2018). Migranty i Rossiyskoe gosudarstvo v XX v.: vozmozhnosti i ograni-cheniya [Migrants and the Russian State in the 20th Century: Opportunities and Limitations]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6, No. 1. pp. 240–248.

Kopylov, I.V. (2020). Vliyanie migratsii na rozhdadnost' gorodskogo naseleniya Krasnoyarskogo kraya v 1960–1980-e gody [Influence of Migration on the Birth Rate of the Urban Population of the Krasnoyarsk Territory in the 1960s–1980s]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 4, pp. 164–173.

Korel', L.V. (1982). *Peremeshchenie naseleniya mezhdou gorodom i selom v usloviyakh urbanizatsii* [The Movement of the Population between the City and the Countryside in the Context of Urbanization]. Novosibirsk. 182 p.

Pavlyukevich, R.V. (2022). Vliyanie preobrazovaniy N.S. Khrushcheva na migratsionnye potoki mezhdou Krasnoyarskom, Kazakhskoy SSR i respublikami Sredney Azii v 1960-e gody [The Influence of N.S. Khrushchev on Migration Flows between Krasnoyarsk, the Kazakh SSR and the Republics of Central Asia in the 1960s]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 4 (24). Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-15.pdf> (date of access 16.05.2023).

Pavlyukevich, R.V., Gonina, N.V. (2023). Migratsionnyy obmen Krasnoyarska i aziatskikh respublik v 1970-e gg. v kontekste urbanizatsionnoy dinamiki [Migration Exchange between Krasnoyarsk and the Asian Republics in the 1970s in the Context of Urbanization Dynamics]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 3, pp. 48–57.

Perevedentsev, V.I. (1982). *SSSR: Priroda i naselenie* [USSR: Nature and Population]. Moscow. 156 p.

Perevedentsev, V.I. (1989). *Kakie my? Skol'ko nas?* [What are We? How Many of Us?]. Moscow. 206 p.

Piskunov, S.A. (2021). Sovetskaya pereselencheskaya politika vtoroy poloviny 1940-kh – 1980-kh gg.: opyt RSFSR [Soviet Resettlement Policy in the Second Half of the 1940s–1980s: The Experience of the RSFSR]. In *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*. Vol. 1, No. 4, pp. 33–42.

Rezvanov, R.I. (2018). Sibirskiy keys sovetskoy sotsioekonomicheskoy praktiki: goroda, migratsii i stsenarii razvitiya v kontekste 1950–1980-kh gg. [The Siberian Case of Soviet Socioeconomic Practice: Cities, Migration, and Development Scenarios in the Context of the 1950s–1980s]. In *Razvitie territorii*. No. 2, pp. 6–13.

Rybakovskiy, L.L. (1987). *Migratsiya naseleniya: prognozy, faktory, politika* [Population Migration: Forecasts, Factors, Policy]. Moscow. 199 p.

Rybakovskiy, L.L. (1996). Tsentral'naya Aziya i Rossiya: mezhgosudarstvennyy migratsionnyy obmen [Central Asia and Russia: Interstate Migration Exchange]. In *Migratsiya russko-yazychnogo naseleniya iz Tsentral'noy Azii: prichiny, posledstviya, perspektivy*. Vol. 11, pp. 65–82.

Rybakovskiy, L.L. (2019). *Migratsiya naseleniya* [Population Migration]. Moscow. 480 p.

Rybakovskiy, O.L. (2013). Mezhhregional'naya migratsiya naseleniya: novye aspekty analiza [Interregional Population Migration: New Aspects of Analysis]. In *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. No. 9, pp. 111–118.

Sitnyanskiy, G.Yu., Bushkov, V.I. (2016). *Migratsii naseleniya v Tsentral'noy Azii: proshloe, nastoyashchee i budushchee* [Population Migrations in Central Asia: Past, Present and Future]. Moscow. 340 p.

Slavina, L.N. (2005). Migratsiya i razvitie sel'skogo naseleniya Vostochnoy Sibiri v 1960-kh – nachale 1990-kh gg. [Migration and Development of the Rural Population of Eastern Siberia in the 1960s – early 1990s]. In *Vestnik Krasnoyarskogo GAU*. No. 7, pp. 316–322.

Vorob'eva, O.D., Rybakovskiy, L.L., Rybakovskiy, O.L. (2016). *Migratsionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost'* [Migration Policy of Russia: History and Modernity]. Moscow. 192 p.

Zaionchkovskaya, Zh.A. (1996). Istoricheskie korni migratsionnoy situatsii v Sredney Azii [Historical Roots of the Migration Situation in Central Asia]. In *Migratsiya russkoyazychnogo naseleniya iz Tsentral'noy Azii: prichiny, posledstviya, perspektivy*. Vol. 11, pp. 41–64.

Zaslavskaya, T.I. (1982). Teoreticheskie voprosy issledovaniya sotsial'no-territorial'noy struktury sovetskogo obshchestva [Theoretical Questions of the Study of the Socio-Territorial Structure of the Soviet Society]. In *Sotsial'no-territorial'naya struktura goroda i sela (opyt tipologicheskogo analiza)*. Novosibirsk. 154 p.

Zaslavskaya, T.I., Muchnik, I.B. (Eds.). (1980). *Sotsial'no-demograficheskoe razvitie sela: regional'nyy analiz* [Socio-Demographic Development of the Village: Regional Analysis]. Moscow. 342 p.

В.А. Зверев*

**ДЕМОГРАФИЯ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ПОЗДНЕИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД:
ПЕРВЫЙ ШАГ ОТ ТРАДИЦИИ К МОДЕРНУ**doi:10.31518/2618-9100-2023-4-12
УДК 930(571)"1884/1914"*Выходные данные для цитирования:
Зверев В.А. Демография Тобольской губернии в позднеимперский период:
первый шаг от традиции к модерну // Исторический курьер. 2023. № 4 (30).
С. 167–180. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-12.pdf>*

V.A. Zverev*

**DEMOGRAPHY OF THE TOBOLSK PROVINCE
IN THE LATE IMPERIAL PERIOD:
THE FIRST STEP FROM TRADITION TO MODERNITY**

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-12

*How to cite:
Zverev V.A. Demography of the Tobolsk Province in the Late Imperial Period:
The First Step from Tradition to Modernity // Historical Courier, 2023, No. 4 (30),
pp. 167–180. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-12.pdf>]*

Abstract. The aim of the study is to reveal and interpret the quantitative parameters of the process of renewal of generations of Tobolsk Province residents at the turn of the 19th – 20th centuries in the light of the theory of demographic transition. For the first time in historiography, absolute values and general coefficients of natural movement (marriage, fertility, mortality, natural increase) of the population of the province are calculated and put into diachronic series. An analysis of the constructed series was made and the situation in Tobolsk Province was compared with neighboring sub-regions and European Russia. It has been established that during the period under study in the province, as in other regions of the country, there was an expanded reproduction of the population. In 1884–1914, its total number increased at an average annual rate of 101.7 % – slower than in Siberia as a whole, but faster than in European Russia. There was a very high level of marriage, fertility and mortality, which is a clear sign of the traditional type of population reproduction. For every 1,000 people annually there were an average of 9.3 marriages, 55 babies were born, and 41 people died (most of whom were the same babies). In other areas of Siberia and especially in European Russia, the corresponding figures were still lower. Charts with added linear trends show the general directions of changes that have taken place. The marriage rate declined over time. Mortality was definitely decreasing, despite temporary spikes. On the contrary, the birth rate increased due to some improvement in the welfare of the population and the influx of relatively young immigrants from European Russia into the province. The opposite direction of the mortality and procreation trends gave rise to an upward trend in natural population growth, which on the eve of World War I was approaching the scale of a demographic “explosion”. In the years 1884–1914, the surplus of births over deaths accounted for 79 % of the total population growth in the province, with only 21 % coming from the influx of immigrants from European Russia. Thus, in the late imperial period in Tobolsk Province, as well as in the entire Russian Empire, the traditional, high-cost type of physical reproduction of the population dominated. However, there were signs of its crisis. The population was drawn into the initial phase of the demographic transition in its “English” version, which implies a time lag between the moments when mortality and fertility began to decline.

Keywords: population, marriage, mortality, fertility, natural increase, the natural movement of the population, population reproduction, demographic transition.

* **Владимир Александрович Зверев**, доктор исторических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, e-mail: sosna232@yandex.ru
Vladimir Alexandrovich Zverev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, e-mail: sosna232@yandex.ru

The article has been received by the editor on 11.06.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Цель данного исследования – раскрыть и интерпретировать в свете теории демографического перехода количественные параметры процесса возобновления поколений жителей Тобольской губернии на рубеже XIX–XX вв. Впервые в историографии исчислены и сведены в диахронические ряды абсолютные величины и общие коэффициенты естественного движения (брачности, рождаемости, смертности, естественного прироста) народонаселения губернии. Сделан анализ построенных рядов, проведено сравнение ситуации в Тобольской губернии с соседними субрегионами и Европейской Россией. Установлено, что в изучаемый период в губернии, как и в других регионах страны, осуществлялось расширенное воспроизводство населения. Имел место очень высокий уровень брачности, рождаемости и смертности, что является ярким признаком традиционного типа воспроизводства населения. Диаграммы с добавленными линейными трендами демонстрируют генеральные направления происходивших изменений. Брачность со временем сокращалась. Смертность определенно снижалась, несмотря на временные всплески. Рождаемость же, напротив, возрастала в связи с некоторым улучшением благосостояния населения и притоком в губернию относительно молодых переселенцев из Европейской России. Противоположная направленность трендов смертности и прокреации порождала восходящий тренд естественного прироста населения, который накануне Первой мировой войны приближался к масштабам демографического «взрыва». Таким образом, в позднеимперский период в Тобольской губернии, как и во всей Российской империи, господствовал традиционный высокочрезвычайный тип физического воспроизводства населения. Однако наблюдались признаки его кризиса. Население втягивалось в начальную фазу демографического перехода в ее «английском» варианте, который предполагает наличие временного лага между моментами начала сокращения смертности и рождаемости.

Ключевые слова: народонаселение, брачность, смертность, рождаемость, естественный прирост, естественное движение населения, воспроизводство населения, демографический переход.

Статья поступила в редакцию 11.06.2023 г.

В конце XIX – начале XX в. Тобольская губерния была самым западным субрегионом Сибири, ближайшим к историческому центру страны. В 1880-х гг. она уступила Томской губернии статус самой густонаселенной восточной окраины Российской империи, но все же прочно занимала затем второе место по числу жителей и плотности населения. В конце 1885 г., когда произошло судьбоносное открытие железной дороги из Европейской России через Екатеринбург до Тюмени, население губернии составляло 1 346,3 тыс. чел. К началу Первой мировой войны оно увеличилось в 1,6 раза – до 2 114,5 тыс. Одновременно немного (0,6 чел. на квадратную версту) увеличилась плотность населения, составив 1,7 человека; до 6,8 % подросла доля горожан¹. В Тобольской губернии сложился непривычный для Сибири, где в имперский период численно доминировали мужчины, половой паритет: в 1913 г. на 100 женщин приходилось 98,7 мужчин². В ходе переселенческого движения из-за Урала

¹ Рассчитано по: Статистика Российской империи: сборник сведений по России за 1884–1885 гг. СПб., 1887. С. 13–14; Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1885 г. СПб., 1887. Ч. мед. С. II–III; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1913 г. Пг., 1915. С. 98–99 (3-я паг.); Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1914 г. Пг., 1916. С. 66–67 (3-я паг.).

² Обзор Тобольской губ. за 1913 г. Тобольск, 1915. С. 10.

подпитывалась когорта людей юного и молодого, а значит брачного, детородного и трудоспособного возраста³.

Степень изученности темы, цель исследования. Социально-демографическую динамику Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX в. исследовал ряд историков. П.А. Свищев в 1990-х гг. изучал народонаселение Южного Зауралья в границах Курганского уезда и соседнего Шадринского уезда Пермской губернии⁴. Были обоснованы выводы о господстве в изучаемой среде традиционных для всей России форм демографического поведения, о большей интенсивности здесь, по сравнению с Европейской Россией, и меньшей, по сравнению с восточными местностями Сибири, процессов естественного движения населения. Учитывая, что Курганский уезд был только одним из десяти уездов Тобольской губернии и обладал демографической спецификой (например, плотность населения здесь, по данным 1914 г., почти в 11 раз превышала общегубернскую), выводы П.А. Свищева нужно учитывать, но нельзя распространять на всю губернию.

А.Н. Сагайдачный определил объектом своего исследования «население ряда городов и сел Тобольской и Томской губерний во второй половине XIX – начале XX в.»⁵. Но реально использовались материалы, относящиеся в основном к Тобольской губернии: к волостному селу Викулово, в меньшей степени – еще к шести селениям Тарского уезда, малым уездным городам Туринску и Ялуторовску. Ставилась задача «рассмотреть [протекавшие здесь] демографические процессы и определить все важнейшие показатели и характеристики... воспроизводства русского православного населения»⁶. Ученый опирался на созданные им реляционные базы данных о демографических событиях и состояниях, почерпнутых из церковных метрических книг и переписных листов переписи населения Российской империи 1897 г. Однако из-за нерепрезентативной выборки изучаемых населенных пунктов, ряда других методологических просчетов полученные А.Н. Сагайдачным выводы имеют в лучшем случае только локальное значение и не могут экстраполироваться на сельское или городское население всей Тобольской губернии.

Очевидный пробел в историографии позже небезуспешно старался ликвидировать Е.А. Панишев⁷. В серии статей, диссертации и монографии им сделаны достоверные выводы о брачном возрасте, сезонности браков и рождений, уровне младенческой и детской смертности, половой и возрастной структуре населения, темпах прироста количества жителей в губернии. Однако оценка масштабов этого прироста противоречива: говорится о его «высоком уровне» и тут же о том, что он был самым низким в Сибири, составляя «всего 2 %»⁸. Не раскрыто соотношение естественного и механического прироста. Вывод о том, что в начале XX в. «изменения в населении и экономике стали настолько заметны, что позволяют говорить об этом времени как начальном этапе демографического перехода, урбанизации и индустриализации, то есть важнейших проявлениях модернизации»⁹, выглядит слабо аргументированным, поскольку автором не построены диахронические ряды ни демографических, ни экономических показателей, которые уверенно свидетельствовали бы о масштабах, направлении и итогах происходивших изменений.

Городское население Тобольской губернии в исторической динамике успешно изучал Ю.М. Гончаров, выделяя его из населения Западной Сибири. Сравнивая показатели отдельных городов или всей совокупности горожан губернии, как правило, за отдельные годы (только для естественного прироста построен ряд годовых коэффициентов за 1892–

³ Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.). Новосибирск, 2017. С. 43.

⁴ Свищев П.А. Народонаселение Зауралья конца XIX – начала XX в. // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Курган, 1997. Вып. 20. С. 193–219.

⁵ Сагайдачный А.Н. Демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 4.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Панишев Е.А. Динамика численности населения и основные демографические процессы в Тобольской губ. в 1861–1913 гг. // Национальные приоритеты России. 2009. № 1. С. 47–51; Панишев Е.А. Социально-демографическое развитие Тобольской губ. в 1861–1913 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010; Панишев Е.А. Социально-демографическое развитие Тобольской губ. в 1861–1913 гг. [Б. м.], 2017; и др.

⁸ Панишев Е.А. Динамика численности... С. 50.

⁹ Панишев Е.А. Социально-демографическое развитие... 2010. С. 21.

1914 гг.), историк пришел к выводу о снижении уровней брачности, рождаемости и смертности, увеличении естественного прироста численности горожан. «Суммируя различные проявления демографических процессов, можно утверждать, что период конца XIX – начала XX в. является начальным этапом демографического перехода», – констатирует Ю.М. Гончаров¹⁰. Можно ли распространить этот вывод не только на города, но на все сообщество жителей Тобольской губернии? Расширяя географическое и социальное пространство исследования, нужно привлекать новые комплексы демографических данных.

Автор данной статьи в публикациях по исторической демографии позднеимперского периода тоже обращался к Тобольской губернии, но обычно вскользь, в контексте проблематики всей Сибири или Западной Сибири¹¹. Специально посвящены этой губернии только небольшие тезисы доклада на недавней Всероссийской научно-практической конференции, которые нуждаются в углублении анализа и расширении тематики¹².

Цель настоящей статьи – *конкретно-историческая характеристика режима и типа воспроизводства населения* (или его естественного движения, возобновления его поколений) в Тобольской губернии позднеимперского периода. *Режим воспроизводства населения* – это «совокупность конкретных количественных характеристик процесса воспроизводства населения»¹³, прежде всего показателей рождаемости и смертности, разность которых (естественный прирост) изменяет численность населения, условно говоря, естественным путем. В режим воспроизводства зачастую включают также показатели брачности, поскольку они явным образом определяют параметры рождаемости и неявным – смертности. Ситуацию в Тобольской губернии мы сравниваем с известными в литературе данными по Сибири и ее западной части, а также по Европейской России. На этой основе формулируются выводы о том *типе воспроизводства населения* (этапе демографической истории человечества)¹⁴, порядки которого господствовали в изучаемом субрегиональном социуме, и характере трансформации этих порядков.

Источники информации, методология исследования. *Хронологические рамки* исследования охватывают 1884–1914 гг. На этот период приходится публикация медицинскими подразделениями МВД Российской империи данных о количестве населения, числе рожденных и скончавшихся людей в Сибири, в том числе в Тобольской губернии. Эти данные собирали губернские статистические комитеты, они же аккумулировали ежегодные сведения метрических книг о количестве браков. Материалы статкомитетов фигурировали в ежегодных печатных «Обзорах» губерний. Будучи затем направленными в МВД, материалы о численности, рождаемости и смертности в случае необходимости исправлялись, суммировались и затем издавались¹⁵. Опубликование данных по конкретному региону в центральном ведомственном издании означало, что они признаны в *достаточной степени достоверными*. Известный демограф Р.И. Сифман, применявшая статистику медицинского ведомства МВД, относящуюся к Сибири конца имперского периода, рассматривала ее как репрезентативную¹⁶.

Итак, главные, хотя и не исключительные источники в настоящей статье: 1) статистические *данные медицинского ведомства МВД* об общей численности жителей на 1 января

¹⁰ Гончаров Ю.М. Демографические процессы в городах Тобольской губ. во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. № 7. С. 164. См. также: Гончаров Ю.М. Начальный этап демографического перехода в городах Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Усть-Каменогорск, 2009. С. 119.

¹¹ Зверев В.А. «Ну, посчитаемся своими». Демографические и миграционные процессы в Азиатской России XIX – начала XX в. // Проблемы исторической демографии Сибири. Новосибирск, 2011. Вып. 2. С. 42–68; Зверев В.А. «Родится на смерть, умрет на живот». Естественное движение населения Сибири за 30 лет (1884–1914) // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в. Барнаул, 2008. Вып. 2. С. 107–124.

¹² Зверев В.А. Народонаселение Тобольской губ.: физическое воспроизводство за 30 лет (1884–1914) // Природное и историко-культурное наследие Сибири: прошлое, настоящее, будущее. Тобольск, 2022. С. 66–67.

¹³ Демографическая энциклопедия. М., 2013. С. 644.

¹⁴ Там же. С. 859–860.

¹⁵ Подробнее см.: Зверев В.А. «Родится на смерть, умрет на живот»... С. 109–110.

¹⁶ Сифман Р.И. Динамика численности населения в России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 72–73.

каждого последующего года, ежегодном количестве родившихся и умерших во всей Тобольской губернии за 1884–1914 гг.¹⁷; 2) ежегодные данные Тобольского губернского статистического комитета о количестве браков, заключенных в губернии, за 1897–1914 гг. (к сожалению, источник не содержит нужных сведений за 1909 г.)¹⁸. На основе этих абсолютных показателей мы вычислили для каждого года общие коэффициенты брачности, прокреации, смертности, естественного прироста¹⁹, сгруппировали полученные числа в диахронические ряды. Эти ряды представлены в статье в таблицах и на рисунках в виде диаграмм-графиков с добавленными линейными трендами.

Главным элементом методологии настоящего исследования выступает теория демографического перехода. В современной науке демографическим переходом Нового времени принято считать ключевой составной компонент процесса модернизации традиционного общества – «переход от извечного равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости», который «кардинально обновляет... тысячелетние социальные механизмы, управляющие воспроизводством человеческих поколений»²⁰.

Как показали авторитетнейшие в области исторической демографии специалисты А.Г. Вишневецкий и Б.Н. Миронов, демографический переход в России начался в позднимперский период ее истории. Под влиянием начавшихся ментальных подвижек, экономического и социокультурного прогресса в обществе происходило системное сокращение смертности, при этом прокреация снижалась слабо, а местами могла и временно повышаться²¹. В работах автора настоящей статьи еще в 1990-х гг. было выдвинуто и затем многократно аргументировалось положение о том, что социально-демографическое развитие Сибири если и отставало от Европейской России, то не радикально. Здесь со второй половины XIX в.

¹⁷ Далее в статье показатели численности населения, рождаемости, смертности и естественного прироста, если не указано иное, исчислены по источникам: Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1883 г. СПб., 1885. Ч. мед. С. 2 (2-я паг.); Отчет Медицинского департамента... за 1884 г. СПб., 1886. Ч. мед. С. 2 (2-я паг.); Отчет Медицинского департамента... за 1885 г. СПб., 1887. Ч. мед. С. II; Отчет Медицинского департамента... за 1886 г. СПб., 1888. Ч. мед. С. 6; Отчет Медицинского департамента... за 1887 г. СПб., 1889. С. 5; Отчет Медицинского департамента... за 1888 г. СПб., 1891. С. 146; Отчет Медицинского департамента... за 1889 г. СПб., 1891. С. 106; Отчет Медицинского департамента... за 1890 г. СПб., 1893. С. 118, 122; Отчет Медицинского департамента... за 1891 г. СПб., 1894. С. 118, 122; Отчет Медицинского департамента... за 1892 г. СПб., 1896. С. 118, 122; Отчет Медицинского департамента... за 1893–1895 гг. СПб., 1898. Ч. 1. С. 202; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896–1901 гг. СПб., 1905. С. 104 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1902 г. СПб., 1904. С. 54–55 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1903 г. СПб., 1905. С. 54–55 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1904 г. СПб., 1906. С. 54–55 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1905 г. СПб., 1907. С. 54–55 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1906 г. СПб., 1908. С. 58–59 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1907 г.: таблицы. СПб., 1909. С. 67; Отчет о состоянии... за 1908 г.: таблицы. СПб., 1910. С. 67; Отчет о состоянии... за 1909 г. СПб., 1911. С. 66–67 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1910 г. СПб., 1912. С. 66–67 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1911 г. СПб., 1913. Ч. 2. С. 98–99; Отчет о состоянии... за 1912 г. Пг., 1914. Ч. 2. С. 98–99; Отчет о состоянии... за 1913 г. Пг., 1915. С. 98–99 (3-я паг.); Отчет о состоянии... за 1914 г. Пг., 1916. С. 66–67 (3-я паг.).

¹⁸ Далее в статье показатели брачности, если не указано иное, исчислены по приложениям «Ведомость о движении народонаселения» (без нумерации страниц) к книгам: Обзор Тобольской губ. за 1897 г. Тобольск, 1898; Обзор... за 1898 г. Тобольск, 1900; Обзор... за 1899 г. Тобольск, 1900; Обзор... за 1900 г. Тобольск, 1901; Обзор... за 1901 г. Тобольск, 1902; Обзор... за 1902 г. Тобольск, 1903; Обзор... за 1903 г. Тобольск, 1904; Обзор... за 1904 г. Тобольск, 1905; Обзор... за 1905 г. Тобольск, 1906; Обзор... за 1906 г. Тобольск, 1907; Обзор... за 1907 г. Тобольск, 1908; Обзор... за 1908 г. Тобольск, 1909; Обзор... за 1910 г. Тобольск, 1911; Обзор... за 1911 г. Тобольск, 1913; Обзор... за 1912 г. Тобольск, 1913; Обзор... за 1913 г. Тобольск, 1915; Обзор... за 1914 г. Тобольск, 1916.

¹⁹ Общий коэффициент (погодовой) – число событий, приходящихся на каждую 1000 человек, входивших в наличное население в середине года. Среднегодовое население высчитываем, деля пополам сумму численности населения в начале расчетного и начале последующего года. Значение коэффициента сопровождается символом «‰» (промилле, «на тысячу»).

²⁰ Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006. С. 9.

²¹ Вишневецкий А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 2010. С. 112–157; Вишневецкий А.Г., Захаров С.В. Демографический переход [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. 2022. URL: <https://bigenc.ru/c/demograficheskii-perekhod-a3b9d7> (дата обращения: 10.04.2023); Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб., 2019. С. 256–300; и др.

складывались предпосылки демографической транзycji, а *на рубеже столетий уже появились ее стартовые, пока еще слабые признаки*²². Ряд историков, изучавших, в частности, население Тобольской губернии (Ю.М. Гончаров, А.Н. Сагайдачный, Е.А. Панишев и др.), придерживаются такой же позиции. Но в литературе высказывается и альтернативное мнение: в Западной Сибири в начале XX в. имел место «едва начавшийся вялый процесс складывания предпосылок для развертывания демографического перехода», а сам он начался гораздо позже²³. Данная статья призвана внести вклад в прояснение этого вопроса применительно к Тобольской губернии.

Динамика брачности населения. Начнем конкретный анализ режима воспроизводства населения Тобольской губернии и его исторической динамики с рассмотрения показателей брачности. Построим для этого годовые диахронические ряды за 1897–1914 гг. – без 1909 г., за который в наших источниках нет данных о браках (табл. 1).

Таблица 1

Динамика показателей брачности населения
в Тобольской губернии (конец XIX – начало XX в.)

Год	Средняя численность населения, абс.	Кол-во браков	
		абс.	‰
1897	1 425 256	13 913	9,8
1898	1 456 664	15 897	10,9
1899	1 484 024	15 425	10,4
1900	1 508 244	14 743	9,8
1901	1 539 448	13 094	8,5
1902	1 597 006	14 083	8,8
1903	1 645 938	15 519	9,4
1904	1 669 718	15 859	9,5
1905	1 747 428	14 007	8
1906	1 778 095	19 615	11
1907	1 747 254	18 593	10,6
1908	1 773 034	16 031	9
1910	1 936 646	17 910	9,3
1911	2 006 997	15 958	8
1912	2 072 991	14 725	7,1
1913	2 105 260	19 675	9,4
1914	2 114 493	17 696	8,4

Примечание: Частично использованы данные из работы: Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.). Новосибирск, 2017. С. 51.

²² Зверев В.А. Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографической модернизации // «Сибирь – мой край...». Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 130–153; и др.

²³ Исупов В.А. История Западной Сибири в контексте демографической модернизации (1900–1950-е гг.) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 144–153. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-112.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

Обращает на себя внимание общий *рост абсолютного количества свадеб* в изучаемое время: с 1897–1898 до 1913–1914 гг. в Тобольской губернии этот показатель увеличился в 1,3 раза. Возрастание числа браков было связано с происходившим на колонизовавшейся восточной окраине России увеличением количества жителей, но связь здесь не была тесной – коэффициент линейной корреляции между двумя рядами показателей равняется только 0,5.

Наряду с доминирующим ростом имели место и *временные сокращения* абсолютных масштабов брачности. Число свадеб заметно уменьшалось в 1900–1902 и 1911–1912 гг., когда Зауралье постигали засуха, массовые неурожаи и голодовки (крестьяне не имели денег на свадебные расходы). Сокращение в 1900–1901 гг. было связано также с дополнительным призывом мужчин в армию для военных действий в Маньчжурии. Затем спады свадебной активности произошли в 1905 г. (сказались революционная обстановка и уход молодых мужчин на войну с Японией) и в 1914 г., когда вступление России в мировую войну обусловило начало массовой военной мобилизации.

После временных спадов обычно происходили *компенсаторные всплески* – активно заключали брак молодые люди, отложившие свои свадьбы в период хозяйственных неурядиц или политических потрясений. Один из высоких матримониальных подъемов пришелся на 1906–1907 гг., когда, во-первых, поднялась компенсаторная волна после спада 1905 г., во-вторых, активизировалась аграрная миграция из Европейской России за Урал. Еще один экстремальный компенсаторный подъем 1913 г. стал закономерным после спада 1911–1912 гг.

Дополнительную информацию дают *общие коэффициенты брачности*. Очевидны их сокращения в 1901–1902, 1905, 1911–1912, 1914 гг. – по указанным выше экономическим или политическим причинам. С другой стороны, впечатляет интенсификация брачности в 1898–1899 и особенно в 1906–1907 гг. В последние годы XIX в. и особенно в период Столыпинской аграрной реформы в Западную Сибирь прибыло много крестьян-переселенцев. Их среда была относительно молодой по составу, что определяло высокую брачность.

Средняя интенсивность брачности в Тобольской губернии в 1897–1914 гг. составила 9,3 ‰. Это самый высокий показатель среди губерний и областей на востоке Российской империи, один из самых высоких в империи. Территория губернии являлась наиболее освоенной за Уралом: здесь сложилось устойчивое старожильческое население, сюда прибывали мигранты с благоприятной для брачности демографической структурой. В Западной Сибири, взятой в целом, свадебная активность в это время была слабее – 8,6 ‰, а в Сибири (без Дальнего Востока) еще слабее – 8,4 ‰²⁴. Однако все показатели такого уровня нужно признать *очень высокими*, соответствующими традиционному типу брачности, сложившемуся по восточноевропейской модели в предшествующие столетия и характеризовавшемуся ранними и почти всеобщими браками.

В Европейской России в период 1891–1914 гг. коэффициент брачности составлял в среднем 8,6 ‰ и имел четко выраженную тенденцию к сокращению²⁵. А как менялись масштабы брачности в Тобольской губернии? Знакомство с данными табл. 1 не дают ответа на этот вопрос: показатели сильно колеблются, то повышаясь, то понижаясь. Картину можно прояснить, *выразив динамический ряд коэффициентов брачности в графической форме*, содержащей линию тренда (диаграмма 1).

Линейный тренд показывает, что в конце имперского периода брачность населения Тобольской губернии, подобно брачности жителей Европейской России, имела *тенденцию к сокращению*. В Южном Зауралье, в которое входил Курганский уезд, брачность последовательно уменьшалась с 11,5 ‰ в 1897–1898 гг. до 8,2 ‰ в 1913–1914 гг.²⁶ Такая динамика не характерна для традиционного общества и может быть оценена как *признак формирования промежуточного типа брачности*, переходного к современному.

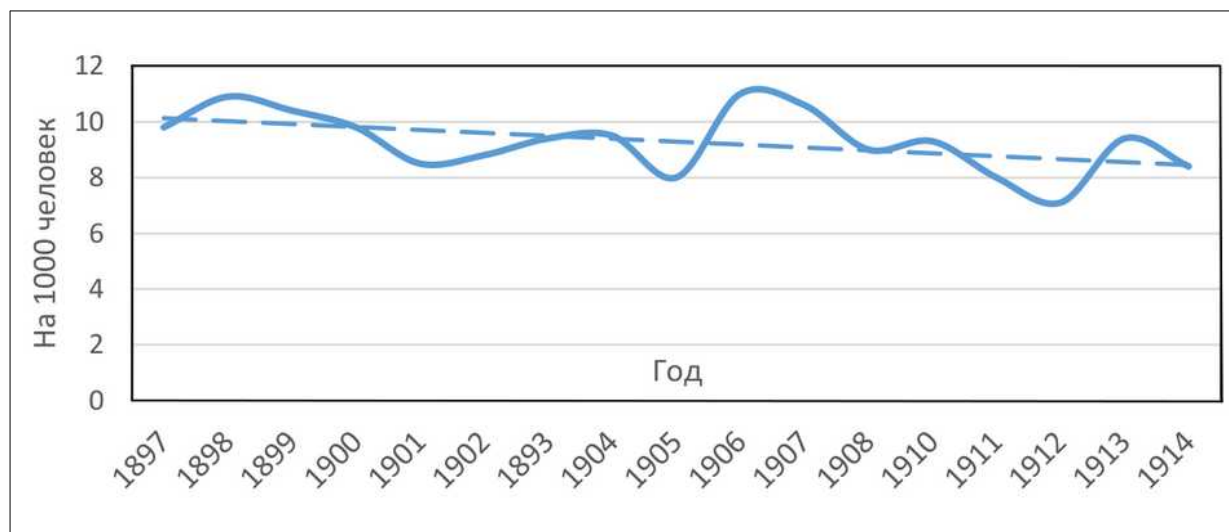
²⁴ Рассчитано по: *Зверев В.А.* «Ну, посчитаемся своими»... С. 63.

²⁵ Рассчитано по: *Миронов Б.Н.* Российская модернизация и революция... С. 256.

²⁶ Рассчитано по: *Свищев П.А.* Народонаселение Зауралья... С. 201.

Диаграмма 1

Динамика общих коэффициентов брачности населения
в Тобольской губернии (конец XIX – начало XX в.)

Среди других подвижек в матримониальной сфере отметим появление в населении старше 15 лет заметной *категории людей, не состоящих в браке*. Согласно данным Всеобщей переписи 1897 г., в Тобольской губернии среди мужчин это 25,9 % холостых и 8 % вдовцов; среди женщин – 21,1 % девиц и 13,5 % вдов²⁷. Определенное распространение получали среди тоболяков, особенно в городах, такие *нетрадиционные формы демографического поведения*, как добрачные половые связи, незарегистрированные браки и фактические разводы, откладывались свадьбы до достижения будущими супругами определенного социального статуса и пр.

Динамика рождаемости, смертности и естественного прироста населения. Перейдем к следующей группе демографических показателей. Привлеченные источники позволили рассчитать абсолютные параметры и общие коэффициенты прокреации, смертности и естественного прироста численности населения Тобольской губернии за 31-летний период (табл. 2).

Таблица 2

Динамика показателей рождаемости, смертности, естественного прироста населения
в Тобольской губернии (конец XIX – начало XX в.)

Год	Средняя численность населения, чел.	Родилось		Умерло		Прирост	
		абс.	‰	абс.	‰	абс.	‰
1884	1 263 216	72 053	57	62 028	49,1	10025	7,9
1885	1 332 580	71 049	53,3	51 053	38,3	19996	15
1886	1 355 608	70 483	52	62 239	45,9	8244	6,1
1887	1 370 192	73 916	53,9	60 160	43,9	13756	10
1888	1 385 883	72 606	52,4	63 817	46	8789	6,4
1889	1 402 649	71 973	51,3	59 180	42,2	12793	9,1

²⁷ Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905. Т. 78 С. 26.

Окончание табл. 2

Год	Средняя численность населения, чел.	Родилось		Умерло		Прирост	
		абс.	‰	абс.	‰	абс.	‰
1890	1 410 231	73 772	52,3	58 271	41,3	15 501	11
1891	1 418 121	73 710	52	61 275	43,2	12 435	8,8
1892	1 411 114	63 752	45,2	91 317	64,7	-27 565	-19,2
1893	1 430 059	70 413	49,2	44 927	31,4	25 486	17,8
1894	1 465 015	69 872	47,7	53 900	36,8	15 972	10,9
1895	1 494 758	76 012	50,9	56 936	38,1	19 076	12,8
1896	1 467 086	77 410	52,8	61 135	41,7	16 275	11,1
1897	1 425 256	80 845	56,7	55 507	38,9	25 338	17,8
1898	1 456 664	78 728	54	58 843	40,4	19 885	13,6
1899	1 484 024	86 597	58,4	58 534	39,4	28 063	19
1900	1 508 244	90 140	59,8	67 996	45,1	22 144	14,7
1901	1 539 448	91 242	59,3	58 834	38,2	32 408	21,1
1902	1 597 006	86 640	54,3	71 575	44,8	15 065	9,5
1903	1 645 938	91 769	55,8	58 991	35,8	32 778	20
1904	1 669 718	94 149	56,4	71 573	42,9	22 576	13,5
1905	1 747 428	87 863	50,3	57 339	32,8	30 524	17,5
1906	1 778 095	96 885	54,5	68 427	38,5	28 458	16
1907	1 747 254	103 008	59	73 726	42,2	29 282	16,8
1908	1 773 034	105 192	59,3	70 483	39,8	34 709	19,5
1909	1 848 434	107 248	58	80 766	43,7	26 482	14,3
1910	1 936 646	115 914	59,9	76 250	39,4	39 664	20,5
1911	2 006 997	113 599	56,6	76 686	38,2	36 913	18,4
1912	2 072 991	106 569	51,4	73 607	35,5	32 962	15,9
1913	2 105 260	112 915	53,6	82 181	39	30 734	14,6
1914	2 114 493	117 379	55,5	80 174	37,9	37 205	17,6

Примечание: Частично использованы данные из работы: Зверев В.А. «Родится на смерть, умрет на живот»... С. 111.

Данные табл. 2 показывают, что в изучаемый период в губернии последовательно осуществлялось *расширенное воспроизводство населения*. Среднегодовой темп прироста его общей численности составлял 101,7 %. Количество жителей на берегах Тобола и Иртыша

росло быстрее, чем в Европейской России, хотя и медленнее, чем в соседних Томской губернии и Акмолинской области и чем по Сибири в целом. Численность населения увеличивалась естественным путем – в силу высокой рождаемости, преобладающей над смертностью, и механическим способом – из-за перемещения мигрантов из Европейской России.

Прокреация в ее абсолютном выражении (количество рождавшихся младенцев) в 1884–1914 гг. прирастала со среднегодовым темпом в 101,5 %. Правда, случались моменты, когда экономические или политические причины приводили к сокращению количества рождений по сравнению с двумя-тремя предыдущими годами, даже несмотря на увеличение численности населения: это 1892, 1902, 1905, 1912 гг. Будучи выраженной в относительных показателях, рождаемость выглядит как экстремальная: коэффициент составлял в среднем 54,5 ‰. В целом по Западной Сибири и особенно в Европейской России коэффициенты были намного меньшими – 50,6 и 45,6 ‰ соответственно (в 1887–1914 гг.)²⁸. Характерный факт: максимальные показатели у тоболяков приходятся на 1899–1901 и 1907–1911 гг., когда на волнах переселенческого движения и сразу после них появилось много детей в среде относительно молодых аграрных мигрантов.

Мортальность в ее абсолютном выражении со временем тоже увеличивалась вместе с ростом общего количества жителей. Среднегодовой темп прироста абсолютной численности умерших тоболяков в 1884–1914 гг. – 101,2 %. Имели место колебания, беспрецедентным по масштабам смертности в рамках изучаемого периода в Тобольской губернии стал 1892 г. Количество смертей в этом году по сравнению с двумя предыдущими возросло на 31,5 тыс., или на 52,8 %, при том что численность населения сократилась. Вместе с предыдущим 1891 г. это было время, когда губерния вкуче с рядом субрегионов, расположенных западнее Урала, была охвачена природными катаклизмами и эпидемией холеры.

Средний уровень ряда коэффициентов смертности за 1884–1914 гг. равняется в Тобольской губернии 41,1 ‰. Значит, мортальность здесь была самой высокой в сравнении не только с Европейской Россией, где уровень в 1887–1914 гг. составлял лишь 30,5 ‰, но и со всеми восточными окраинами страны (в Западной Сибири в 1884–1914 гг. соответствующий показатель достигал 33,4 ‰). Экстремальную смертность демонстрирует голодный и холерный 1892 г., чей коэффициент в 1,6 раза превышает среднегодовой показатель 31-летнего периода. Явное же ослабление смертности происходило в 1893, 1903 и 1905 гг., т.е. сразу после лет, отмеченных низкой рождаемостью, или в пределах такого «неплодovitого» года. Дело в том, что младенцы каждый год в изучаемый период составляли основу умирающего контингента: чем меньше их рождалось, тем меньше народа умирало.

Об огромных *масштабах младенческой и детской смертности* в Тобольской губернии дает сведения Центральный статистический комитет империи за 1902–1903 гг. Выясняется, что 15,7 % всех «в бозе почивших» составляли «груднички», не прожившие на свете и одного месяца. Больше половины – 54 % были младенцами в возрасте до года, 68,8 % – детьми младше пяти лет, а люди старше 55 лет среди усопших составляли только 15,1 %²⁹.

Высокие уровни рождаемости и смертности – яркий *признак традиционного типа воспроизводства населения*. Этот тип предполагает также, что стихийная рождаемость более или менее успешно компенсирует неконтролируемую смертность, обеспечивая нулевой, слабо отрицательный или (чаще) слабо положительный прирост населения. Однако в Тобольской губернии на рубеже XIX–XX вв. между уровнями прокреации и мортальности наблюдался немалый разрыв в пользу рождаемости: коэффициент естественного прироста имел среднегодовую величину, равную 13,6 ‰. Для сравнения скажем, что в Западной Сибири и Европейской России среднегодовой естественный прирост был больше – соответственно 17,2 и 15,2 ‰. Но в любом случае такое рассогласование уровней смертности и рождаемости – признак *кризиса традиционного типа возобновления поколений*.

Параметры *естественного прироста* населения Тобольской губернии со временем испытали серьезные колебания. Например, в 1892 г. произошла очень большая убыль насе-

²⁸ Рассчитано по: Зверев В.А. «Родится на смерть, умрет на живот»... С. 117.

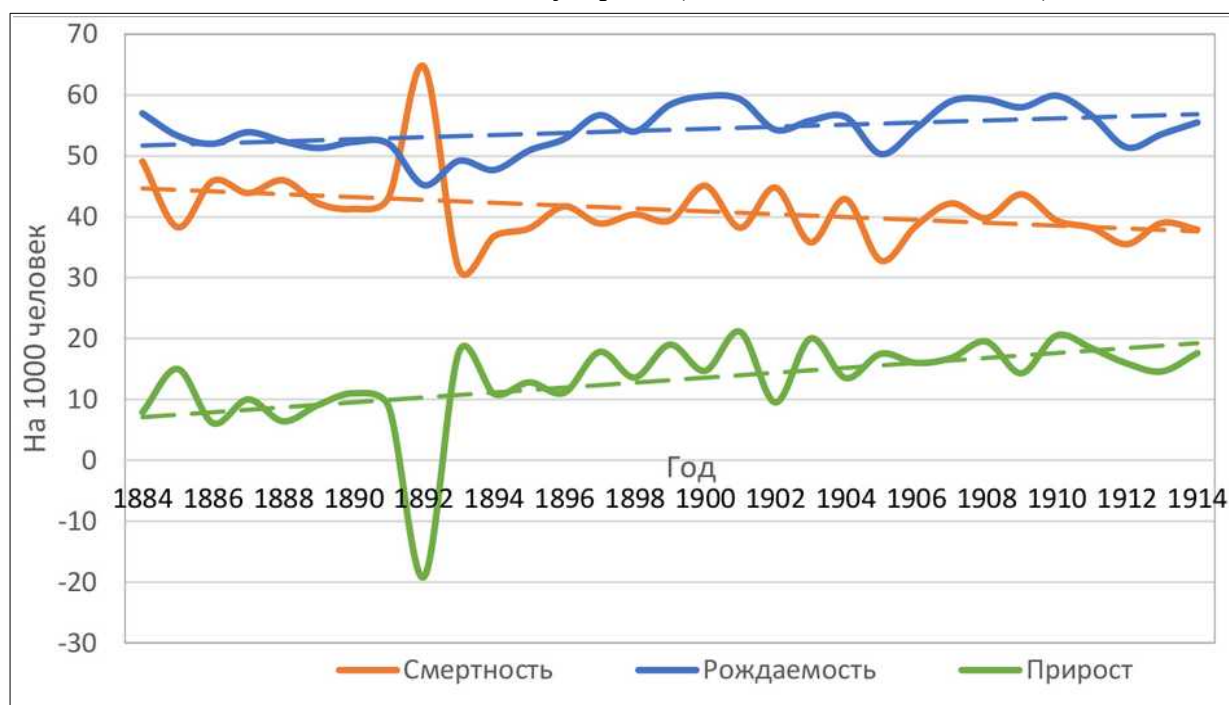
²⁹ Рассчитано по: Статистика Российской империи. СПб., 1907. Вып. 66. С. 276–277; 1909. Вып. 70. С. 276–277.

ления, а в начале XX в. самым слабым, хотя и положительным, прирост оказался в неурожайном и голодном 1902 г. В то же время случались моменты, когда коэффициент превышал 20 ‰ – уровень демографического «взрыва». Оценивая в табл. 2 характер этих колебаний, невозможно ответить на важнейший вопрос о том, в каком направлении эволюционировали годовые величины естественного прироста. Тот же вопрос можно задать и относительно изменений коэффициентов рождаемости и смертности.

Диаграмма 2 позволяет разрешить эту проблему, поскольку демонстрирует *тренды происходивших изменений*. Мы видим, что в Тобольской губернии в позднеимперский период *смертность* определенно снижалась, что является определяющим признаком стартовой фазы демографического перехода. Причинами этого снижения наверняка были имевшие место на рубеже XIX–XX вв. некоторое повышение уровня благосостояния населения, положительные, хотя и скромные, подвижки в его медицинском обслуживании, повышение уровня его грамотности и связанное с этим совершенствование санитарно-гигиенической культуры. *Рождаемость* же, напротив, возрастала, частично по тем же причинам (рост благосостояния людей и начальные успехи профессиональной медицины), а частично – в связи с притоком в губернию относительно молодых мигрантов из Европейской России.

Диаграмма 2

Динамика общих коэффициентов рождаемости, смертности, естественного прироста населения в Тобольской губернии (конец XIX – начало XX в.)

Противоположная направленность трендов смертности и прокреации порождает *восходящий тренд естественного прироста населения*. Такая динамика тоже соответствует начальному моменту перехода от традиционного к модернизированному типу возобновления поколений. В Европейской России в период от 1881–1890 до 1911–1914 гг. естественный прирост населения тоже возрос – от 14,9 до 16,8 ‰³⁰.

Данные табл. 1 свидетельствуют, что в 1884–1914 гг. общее количество жителей Тобольской губернии увеличилось на 851,3 тыс. чел. Будучи одним из способов этого увеличения, *естественный прирост* обеспечил прибавку на 676 тыс. чел., что составило 79,4 % общего прироста. Значит, на *механический прирост* – на переселенческое движение приходилось только 20,6 % прибавления численности тоболяков. Со временем значение иммиграции возрастало, в 1897–1913 гг. она дала уже 28,2 % прироста. И все же такая ситу-

³⁰ Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция... С. 256.

ация разительно отличала изучаемый субрегион от соседних: в Западной Сибири в 1897–1913 гг. прирост численности населения обеспечивался притоком переселенцев на 62,2 %³¹. Относительно слабая вовлеченность Тобольской губернии в переселенческое движение и сравнительно скромный масштаб естественного прироста населения здесь, в отличие, например, от Томской и Енисейской губерний, привели к тому, что доля тоболяков в населении всех зауральских территорий России в 1884–1914 гг. сократилась с 27,5 до 18,3 %³².

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. в Тобольской губернии, как и во всей Западной Сибири, Европейской России, Российской империи в целом, безусловно *доминировал традиционный тип воспроизводства населения* – малоэффективный, высокочрезвычайно затратный. Наблюдались, однако, проявления его кризиса, складывались экономические, политико-административные, социокультурные, ментальные предпосылки для его преодоления. Население постепенно втягивалось в *начальную фазу демографического перехода* в ее «английском» варианте, предполагающем временной лаг между моментами начала сокращения смертности и рождаемости. Последняя могла даже некоторое время повышаться, как это происходило в селениях и городах на берегах Иртыша, Тобола и Ишима.

Литература

Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. 2-е изд. М.: Изд. дом ВШЭ, 2010. 432 с.

Вишневский А.Г., Захаров С.В. Демографический переход [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. 2022. URL: <https://bigenc.ru/c/demograficheskii-perekhod-a3b9d7> (дата обращения: 10.04.2023).

Гончаров Ю.М. Демографические процессы в городах Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. № 7. С. 158–165.

Гончаров Ю.М. Начальный этап демографического перехода в городах Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Усть-Каменогорск: Либриус, 2009. С. 109–121.

Демографическая история Западной Сибири / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2017. 350 с.

Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Нов. изд-во, 2006. 608 с.

Демографическая энциклопедия / гл. ред. А.А. Ткаченко. М.: Энцикл., 2013. 944 с.

Зверев В.А. Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографической модернизации // «Сибирь – мой край...». Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск: НГПУ, 1999. С. 130–153.

Зверев В.А. «Родится на смерть, умрет на живот». Естественное движение населения Сибири за 30 лет (1884–1914) // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в. Барнаул: Азбука, 2008. Вып. 2. С. 107–124.

Зверев В.А. «Ну, посчитаемся своими». Демографические и миграционные процессы в Азиатской России XIX – начала XX в. // Проблемы исторической демографии Сибири. Новосибирск: Параллель, 2011. Вып. 2. С. 42–68.

Зверев В.А. Народонаселение Тобольской губернии: физическое воспроизводство за 30 лет (1884–1914) // Природное и историко-культурное наследие Сибири: прошлое, настоящее, будущее. Тобольск: Жмуров С.В., 2022. С. 66–67.

Исупов В.А. История Западной Сибири в контексте демографической модернизации (1900–1950-е гг.) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 140–153. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-112.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

³¹ Демографическая история Западной Сибири... С. 65.

³² Рассчитано по: Статистика Российской империи: сборник сведений... С. 13–14; Отчет о состоянии... за 1914 г. С. 34–35, 66–67 (3-я паг.).

Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 528 с.

Панишев Е.А. Динамика численности населения и основные демографические процессы в Тобольской губернии в 1861–1913 гг. // Национальные приоритеты России. 2009. № 1. С. 47–51.

Панишев Е.А. Социально-демографическое развитие Тобольской губернии в 1861–1913 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 23 с.

Панишев Е.А. Социально-демографическое развитие Тобольской губернии в 1861–1913 гг. [Б. м.]: LAP LAMBERT Academic publishing, 2017. 284 с.

Сагайдачный А.Н. Демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000. 38 с.

Свищев П.А. Народонаселение Зауралья конца XIX – начала XX в. // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Курган: КГУ: Обл. о-во краеведов, 1997. Вып. 20. С. 193–219.

Сифман Р.И. Динамика численности населения в России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М.: Статистика, 1977. С. 62–82.

References

Goncharov, Yu.M. (2007). Demograficheskie protsessy v gorodakh Tobol'skoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Demographic Processes in the Cities of Tobolsk Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. No. 7, pp. 158–165.

Goncharov, Yu.M. (2009). Nachal'nyy etap demograficheskogo perekhoda v gorodakh Zapadnoy Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.) [The Initial Stage of Demographic Transition in the Cities of Western Siberia (Late 19th – Early 20th Century)]. In *Etnodemograficheskie protsessy v Kazakhstane i sopredel'nykh territoriyakh*. Ust'-Kamenogorsk, Librius, pp. 109–121.

Isupov, V.A. (2020). Istoriya Zapadnoy Sibiri v kontekste demograficheskoy modernizatsii (1900–1950-e gg.) [The History of Western Siberia in the Context of Demographic Modernization (1900–1950-ies)]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 1 (9). Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-112.pdf> (date of access 10.04.2023).

Isupov, V.A. (Ed.). (2017). *Demograficheskaya istoriya Zapadnoy Sibiri* [Demographic History of Western Siberia]. Novosibirsk, Institute of History of the SB RAS. 350 p.

Mironov, B.N. (2019). *Rossiyskaya modernizatsiya i revolyutsiya* [Russian Modernization and Revolution]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin. 528 p.

Panishev, E.A. (2009). Dinamika chislennosti naseleniya i osnovnye demograficheskie protsessy v Tobol'skoy gubernii v 1861–1913 gg. [Population Dynamics and the Main Demographic Processes in the Tobolsk Province in 1861–1913]. In *Natsional'nye priority Rossii*. No. 1, pp. 47–51.

Panishev, E.A. (2010). *Sotsial'no-demograficheskoe razvitie Tobol'skoy gubernii v 1861–1913 gg.* [Socio-Demographic Development of the Tobolsk Province in 1861–1913]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Tyumen. 23 p.

Panishev, E.A. (2017). *Sotsial'no-demograficheskoe razvitie Tobol'skoy gubernii v 1861–1913 gg.* [Socio-Demographic Development of the Tobolsk Province in 1861–1913]. LAP LAMBERT Academic publishing. 284 p.

Sagaidachnyy, A.N. (2000). Demograficheskie protsessy v Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Demographic Processes in Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. Dr. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 38 p.

Sifman, R.I. (1977). Dinamika chislennosti naseleniya v Rossii za 1897–1914 gg. [Population Dynamics in Russia for 1897–1914]. In *Brachnost', rozhdanost', smertnost' v Rossii i v USSR*. Moscow, Statistika, pp. 62–82.

Svishchev, P.A. (1997). Narodonaselenie Zaural'ya kontsa XIX – nachala XX v. [Population of the Trans-Urals of the Late 19th – Early 20th Century]. In *Zemlya Kurganskaya: proshloe i nastoyashchee*. Kurgan, KSU & Regional Society of Local Historians. Iss. 20, pp. 193–219.

Tkachenko, A.A. (Chief ed.). (2013). *Demograficheskaya entsiklopediya* [Demographic Encyclopedia]. Moscow, Encyclopedia. 944 p.

Vishnevskiy, A.G. (2010). *Serp i rubl'. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Sickle and Ruble. Conservative Modernization in the USSR]. Moscow, Publishing house of the HSE. 432 p.

Vishnevskiy, A.G. (Ed.). (2006). *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000* [Demographic Modernization of Russia, 1900–2000]. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 608 p.

Vishnevskiy, A.G., Zakharov, S.V. (2022). Demograficheskiy perekhod [Demographic Transition]. In *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya*. Available at: URL: <https://bigenc.ru/c/demograficheskii-perekhod-a3b9d7> (date of access 10.04.2023).

Zverev, V.A. (1999). Vosproizvodstvo sibirskogo naseleniya na nachal'nom etape demograficheskoy modernizatsii [Reproduction of the Siberian Population at the Initial Stage of Demographic Modernization]. In *“Sibir” – moy kray...”. Problemy regional'noy istorii i istoricheskogo obrazovaniya*. Novosibirsk, NSPU, pp. 130–153.

Zverev, V.A. (2008). “Roditsya na smert', umret na zhivot”. Estestvennoe dvizhenie naseleniya Sibiri za 30 let (1884–1914) [“Born for Death, Die for Life”. Natural Movement of the Population of Siberia for 30 Years (1884–1914)]. In *Sovremennoe istoricheskoe sibirevedenie XVII – nachala XX v.* Barnaul, Azbuka. Iss. 2, pp. 107–124.

Zverev, V.A. (2011). “Nu, poschitaemsa svoimi”. Demograficheskie i migratsionnye protsessy v Aziatskoy Rossii XIX – nachala XX v. [“Well, Let's Count Our People”. Demographic and Migration Processes in Asian Russia of the 19th – Early 20th Century]. In *Problemy istoricheskoy demografii Sibiri*. Novosibirsk, Parallel'. Iss. 2, pp. 42–68.

Zverev, V.A. (2022). Narodonaselenie Tobol'skoy gubernii: fizicheskoe vosproizvodstvo za 30 let (1884–1914) [Population of Tobolsk Province: Physical Reproduction in 30 Years (1884–1914)]. In *Prirodnoe i istoriko-kul'turnoe nasledie Sibiri: proshloe, nastoyashchee, budushchee*. Tobolsk, Zhmurov S.V., pp. 66–67.

А.А. Бурматов*

**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ НОВОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1921–1929 ГОДЫ)****doi:10.31518/2618-9100-2023-4-13
УДК 94:314+316.4(571.1)"1921/1929"*Выходные данные для цитирования:*
Бурматов А.А. Социально-демографическая ситуация в Западной Сибири в годы новой экономической политики (1921–1929 годы) // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 181–191. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-13.pdf>

A.A. Burmatov*

**SOCIO-DEMOGRAPHIC SITUATION
IN WESTERN SIBERIA DURING THE YEARS
OF THE NEW ECONOMIC POLICY (1921–1929)**

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-13

How to cite:
Burmato A.A. Socio-Demographic Situation in Western Siberia during the Years of the New Economic Policy (1921–1929) // Historical Courier, 2023, No. 4 (30), pp. 181–191. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-13.pdf>]

Abstract. The article examines socio-demographic situation in the West Siberian region since the end of the Russian Civil War in this territory until the end of the 1920s. Based on the publications of the local authorities, the changes in the social sphere of the population life (the state of nutrition, housing problem, the development of medical services) and its impact on the demographic situation in the region are traced. The specific material shows the disastrous situation in the demographic sphere at the beginning of the NEP (epidemics, famine). The sources used to examine the problem are those that were published on the spot, so they contain information that was hushed up by the authorities in the future. The publications of the early 1920s prepared by the authorities of the districts were practically inaccessible for researchers. The small number of copies, poor preservation, deliberate destruction, and disregard for the publications themselves all contributed to this. There is a description of the social sphere and the activity of local authorities on its development, which was not always positive in conditions of chronic shortage of funding. The authorities tried to shift part of the burden of expenditures onto the population itself. It is concluded that the population of the West Siberian sub-region entered a period of demographic transition, when a significant part of the population regulated childbearing. Economically, fertility was supported through the distribution of land in rural areas and the preservation of small-scale agriculture.

Keywords: NEP, population reproduction, birth rate, mortality, health care development, Western Siberia, Altai province, Omsk district, Barabinsky district.

The article has been received by the editor on 12.05.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается социально-демографическая обстановка в Западно-Сибирском регионе с момента окончания Гражданской войны на данной территории до конца 1920-х гг. На основании публикаций местных органов власти

* Александр Анатольевич Бурматов, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: al-burmatov@yandex.ru

Alexandr Anatolievich Burmatov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: al-burmatov@yandex.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Динамика экономического и социального развития Азиатской России в контексте геостратегических вызовов конца XIX – начала XXI вв.» (FWZM-2021-0003).

The article was made on the topic of the state assignment “Dynamics of the Economic and Social Development of Asian Russia in the Context of Geostrategic Challenges of the Late 19th – Early 21st Centuries” (FWZM-2021-0003).

прослеживаются изменения в социальной сфере жизни населения (состояние питания, жилищная проблема, развитие медицинского обслуживания) и ее влияние на демографическую ситуацию в регионе. На конкретном материале показана катастрофическая ситуация в демографической сфере в начале нэпа (эпидемии, голод). Для рассмотрения проблемы использованы источники, опубликованные по горячим следам «на местах», поэтому они содержат информацию, которую в дальнейшем властные структуры замалчивали. Для исследователей публикации начала 1920-х гг., подготовленные властями округов, оказались практически недоступны. Сказывались малые тиражи, плохая сохранность, сознательное уничтожение, пренебрежительное отношение к самим публикациям. Дано описание социальной сферы и деятельности местных органов власти по ее развитию, которое в условиях хронической нехватки финансирования не всегда являлось позитивным. Властные структуры старались переложить часть бремени расходов на само население. Сделан вывод о вступлении населения Западно-Сибирского субрегиона в период демографического перехода, когда значительная часть населения регулировала деторождение. Экономически рождаемость поддерживалась через распределение земли в сельской местности и сохранение мелкотоварного сельского хозяйства.

Ключевые слова: нэп, воспроизводство населения, рождаемость, смертность, развитие здравоохранения, Западная Сибирь, Алтайская губерния, Омский округ, Барабинский округ.

Статья поступила в редакцию 12.05.2023 г.

Демографические процессы в Сибири в 1920-е гг. долгое время не привлекали внимания исследователей. Для экономистов и властных структур тема казалась неактуальной в связи с быстрым свертыванием новой экономической политики и проведением форсированной коллективизации. Многих авторов 1920-х гг. репрессировали, их цитировать и даже читать было небезопасно. Важные издания периода нэпа оказались в спецхране. Проблема усилилась разгромом демографической статистики в 1937–1938 гг.

Историки обратились к изучению населения 1920-х гг. относительно поздно. До середины 1980-х гг. существовали цензурные ограничения. А.С. Московский и В.А. Исупов рассмотрели городское население Сибири этого периода, но их интересовали численность и источники формирования населения городов¹. В последние годы интерес к теме усилился. Вышли монографии, посвященные населению Западной Сибири в целом² и ее отдельным регионам³.

Ситуация в 1920–1923 гг. Рассмотрим естественное движение населения городов Сибири. Начало 1920 г. – это период распространения эпидемий и голода. Особенно свирепствовал тиф. Города Западной Сибири были подвержены массовой гибели местных жителей, беженцев и военных. Голод ослабил организм людей. Число собранных трупов было огромным и в некоторых городах сопоставимо со всем постоянно проживающим населением. В феврале 1920 г. в г. Каинске было сожжено 3 000 «тифозных» трупов. В Барабинске погребено 572 и сожжено 3 500. По данным городов «циркулировали слухи о многих тысячах погибших от тифа». Большевистские власти сообщали более низкие цифры. Каинская газета «Искры коммунизма» писала, что умерших от тифа собрали и «все трупы сожжены». Их «оказалось менее 1 000»⁴. Фактически их было подобрано свыше 7 тыс. Официально учтенные смерти в Каинске показывали рост смертности в городе до 110 % в 1919 г. и 209,8 % в 1920 г.⁵ В статистику попало не более 1/7 погибших от тифа. В матери-

¹ Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984.

² Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX в.). Новосибирск, 2017.

³ Зверев В.А., Бурматов А.А. Народонаселение Барабы в 1925–1940 годах. Новосибирск, 2019.

⁴ Искры коммунизма. 1920. 28 марта.

⁵ Отдел ЗАГС администрации г. Куйбышева Новосибирской области. Текущий архив.

алах метрических книг пометки «неизвестный», «найден на берегу реки», «снят с эшелона» становятся обычным явлением.

Плохая регистрация позволяла сделать вывод, что население Сибири пострадало меньше других регионов страны. Но это не так. Если включить все случаи умерших от тифа в данные регистрации, то количество погибших в г. Каинске превысило постоянное население⁶. Такую статистику новые власти обнародовать не могли. В марте 1920 г. в Новониколаевске было погребено свыше 30 000, сожжено 4 992, в Чулыме погребено 3 000, в Мариинске сожжено 5 000 «тифозных» трупов⁷. Ситуация была катастрофической: «общая картина – не эпидемия, а мор». Неслучайно перед Губчека стояла задача «превратить мор в эпидемию»⁸. Одновременно в 1921–1922 гг. свирепствовали голод и холера, которые унесли тысячи жизней⁹. В условиях господствующей антисанитарии и массового голода эпидемии возникали постоянно. Часто они отмечались вдоль железной дороги и путей передвижения голодающих. Летальность от холеры превышала 50 %¹⁰. Однако в 1922 г. в Каинске отмечен естественный прирост 23,4 %. Рождаемость составила 60,1 %, смертность – 36,7 %¹¹.

Состояние питания. Голод 1921 г., признаваемый властями, унес много жизней. Голод первой половины 1922 г. не признавался официально. Новая экономическая политика приносила свои плоды и в улучшении питания населения региона. Обследование питания городского населения, проводившееся в сентябре 1921 г., охватило города Новониколаевск, Барнаул, Томск. На одного едока в Новониколаевске приходилось 3 418 калорий. Калорийность пищи барнаульца составляла 2 704 ккал в день, а томича – 2 366. В пище доминировали хлеб и картофель. В феврале 1922 г. было проведено новое обследование, согласно которому калорийность ежедневного рациона составляла: в Новониколаевске – 3 948, в Барнауле – 2 771, в Томске – 1 900, в Омске – 2 643. В феврале 1923 г. стабилизировалось потребление, но снизилась калорийность рациона, сократилось потребление белков. Данные февраля 1924 г. зафиксировали увеличение калорийности пищевого рациона и резкий рост потребления белков¹². Статистика также отмечала важность религиозных традиций (население соблюдало православные посты).

Развитие здравоохранения. Сеть медицинских учреждений и число специалистов в них увеличивались медленно. Менее всего медпомощью было обеспечено население Ойротии. В 1924 г. имелось 6 больниц, 7 фельдшерских пунктов и 3 врача. Через год врачей стало 12, открылось 7 больниц, закрылись 2 фельдшерских пункта. Быстрее всего число врачей прирастало в Томской губернии: в 1924 г. – 76, через год – 156 и в Алтайской губернии – 85 и 157 соответственно. В Омской губернии прирост числа врачей был небольшим – 252 и 302 за указанные годы. Старые административные центры губернии Томск и Омск были хорошо обеспечены врачами. Новониколаевская губерния относилась к догоняющим регионам, в ней в 1924 г. практиковал 131 врач, через год – 161. Большинство врачей работали в городах: 80,5 % на 1924 г. В Западной Сибири в 1924 г. наличествовало 579 врачей (из них 466 в городских поселениях), а в 1925 г. – 788¹³. Здравоохранение оставляло желать лучшего. Государство не имело достаточно средств и перекладывало содержание медицины на местные бюджеты и само население. Отсюда массовое закрытие фельдшерских пунктов в сельской местности. В Алтайской губернии их было в 1924 г. 63, в 1925 г. – 27, в Новониколаевской – соответственно 63 и 44, в Омской – 57 и 44. Деревня

⁶ В Каинске проживало по переписи каинского горпродотдела, проведенной в январе 1920 г., 6 006 чел., в Барабинске – 10 670 чел. (Сарапулкин И.В. Каинский уезд. Статистический очерк. Каинск, 1922. С. 5).

⁷ Чекатиф: Томская (Новониколаевская) губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом (декабрь 1919 г. – апрель 1920 г.): сб. док-тов и мат-лов. Новосибирск, 2021. С. 174–175.

⁸ Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX в.)... С. 76.

⁹ Сарапулкин И.В. Каинский уезд... С. 7–8.

¹⁰ Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX в.)... С. 77.

¹¹ Отдел ЗАГС администрации г. Куйбышева Новосибирской области. Текущий архив.

¹² Состояние питания городского населения СССР. 1919–1924 гг. М., 1926. С. 170–171, 190–191, 210–211, 230–231, 250–251.

¹³ Статистические материалы по состоянию народного здоровья и организации медицинской помощи в СССР за 1924–1925 гг. М., 1927. С. 88, 92, 136, 140.

была экономически маломощной и непросвещенной. Число коек в больницах сократилось за 1924–1926 гг. в Ойротии на 7 %, в Томской – на 13,4 % и Новониколаевской губернии – на 3 %. В Омской прирост коек в больницах составил 0,5 %, на Алтае – 2,6 %¹⁴.

Обратившись к данным по округам, можно увидеть еще более удручающую картину в системе здравоохранения. На 1 октября 1925 г. в Омском округе числилось 137 врачей всех специальностей, из них в городах 121. В окружном центре 114 врачей, т.е. 83,2 % всех врачей округа, и 94,2 % врачей городов. В округе было 120 фельдшеров, 57 акушерок, 76 сестер милосердия и 15 зубных врачей. В «Большом Омске» практиковали соответственно от 80 до 100 % медицинских работников (фельдшеров – 51 %)¹⁵. Большинство сельских жителей доступного медицинского обслуживания не имели.

В Алтайской губернии «упорядочивание лечебных заведений, улучшение их оборудования и пополнение медицинским инвентарем, а также обеспечение <...> квалифицированным медперсоналом – создали повышенную обращаемость в лечучреждения и атмосферу доверия, при которой контингент лечащихся многократно возрос. Отсюда имевшаяся в наличии сеть лечсанучреждений оказалось недостаточной»¹⁶. Увеличилась нагрузка на медперсонал и снизилось качество работы. Стала чаще регистрироваться заболеваемость малярией, социальными болезнями (туберкулез и т.д.). Отмечался рост детских инфекций. Число санитарных врачей увеличилось в 1924 г. до 7 (до революции – 1). На Алтае в 1924 г. количество заболеваний выросло в 2,1 раза: скарлатины – на 133 %, кори – на 94, бугорчатки легких – на 87, малярии – на 138, сибирской язвы – на 95, трахомы – на 45, чесотки – на 62 %. Основной прирост (в 3–7 раз выше губернской) приходился на города, что связано с лучшим распознаванием и учетом недугов (табл. 1). Сократилось число случаев оспы (на 90 %), сыпного тифа (на 245 %), возвратного тифа (на 268 %), тифа неопределенного (на 59 %), рожи (на 21 %). Динамика заболеваемости показывает, что рост показателя в Барнауле с 1922–1924 гг. составил 11 %, а в одноименном уезде – в 3,92 раза, в Бийске и уезде соответственно в 3,52 и 5,28 раза; в Рубцове – в 1,88 и 3,12 раза. Население Барнаула до революции было обеспечено медицинской помощью лучше. Качество учета недугов в нем было выше, отсюда и более высокие показатели заболеваемости. Сельская местность и уездные города также показывали приращение показателей заболеваемости, вызванное элементарным налаживанием учета (табл. 1).

Таблица 1

Заболеваемость острозаразными недугами
в Алтайской губернии в начале 1920-х гг. (на 1 000 жителей)

Административная единица	1922	1923	1924
Алтайская губерния	57,1	83,2	178,9
г. Барнаул	390,0	320,0	433,0
Барнаульский уезд	53,1	80,0	208,0
г. Бийск	123,4	300,0	434,5
Бийский уезд	26,3	65,4	138,9
г. Рубцов	132,0	198,0	248,0
Рубцовский уезд	37,5	38,5	117,1

Источник: Отчет Алтайского губернского исполнительного комитета 7-му очередному Съезду Советов за 1923–24 хозяйственный год и 1-ю кварту 1924–25 г. Барнаул, 1925. С. 234.

¹⁴ Статистические материалы по состоянию народного здоровья и организации медицинской помощи в СССР за 1924–1925 гг. М., 1927. С. 88, 92, 136, 140.

¹⁵ Омский округ. Статистический материал к 1-му Окружному Съезду Советов. Омск, 1925. С. 31.

¹⁶ Отчет Алтайского губернского исполнительного комитета 7-му очередному Съезду Советов за 1923–24 хозяйственный год и 1-ю кварту 1924–25 г. Барнаул, 1925. С. 22.

Гражданская война и сопровождавшие ее эпидемии и голод резко ухудшили демографическую ситуацию в стране. Сибирь не стала исключением. В 1922 г. статистика фиксировала массовую заболеваемость в СССР. В данном году было учтено (по далеко неполным данным) на 10 тыс. жителей: сыпного тифа – 113,0 случаев, брюшного – 28,0, цинги – 17,4. Рост заболеваемости относительно данных 1913 г. по сыпному тифу составил 15,5 раза, по цинге – в 4,2 раза¹⁷.

По большинству других острозаразных заболеваний за 1922 г. регистрации и учета не велось. В 1923 г. медицинские регистраторы отметили повышенную заболеваемость по сравнению с 1913 г. по сыпному тифу и скарлатине в 2,5 раза, по цинге – в 1,5 раза, малярии – в 2,2 раза. Указывалось на снижение числа случаев: оспы (на 10 %), коклюша (на 30 %), дизентерии (на 41 %), брюшного тифа (в 2,5 раза), дифтерии (в 7,8 раза). С 1924 по 1927 г. отмечался постоянный рост по большинству недугов (кроме цинги, оспы, сыпного и возвратного тифа). Это связано с улучшением регистрации, распознаванием болезней и большим охватом населения медицинской помощью. Статистический парадокс ухудшения отчетности отмечался и в Сибири (табл. 2).

Таблица 2

Заболеваемость в Сибири

Недуг	Число заболеваний на 10 тыс. жителей			
	1913	1926	1927	1928
Тиф брюшной	24,2	13,2	14,9	12,5
Тиф сыпной	3,4	2,9	1,6	0,8
Тиф возвратный	1,0	1,3	0,5	0,2
Малярия	114,3	239,1	153,9	120,3
Оспа	7,1	1,7	0,7	0,7
Корь	22,4	28,2	28,7	37,3
Скарлатина	25,7	22,5	18,8	14,9
Коклюш	–	52,9	37,6	24,4
Дифтерия	15,6	4,5	4,1	4,7
Грипп	–	292,1	298,7	292,2

Источник: Жизнь Сибири. 1929. № 9. С. 9.

Неблагополучие в сфере здравоохранения вызывало большую тревогу в обществе. Властные структуры реагировали на это. В отчете Барабинского окружкома 3-му окружному съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов отмечалось: «Ко времени созыва 2-го Съезда Советов (1925/1926 гг. – А. Б.) дело здравоохранения в округе было, что называется, в зачаточном состоянии». На весь округ имелось всего 7 больниц, в которых находилось 190 коек для больных и 3 врачебные амбулатории. Больницы находились в городах Каинске и Татарске (в них 125 койко-мест), 5 в сельской местности, из которых не работали из-за отсутствия врачей Новотроицкая и Кыштовская. В оставшихся 3 сельских больницах развернуто было 50 коек. Почти все сельское население (это 500 тыс. жителей) могло обращаться за медпомощью только в фельдшерские пункты. В отчете отмечались слабая профессиональная подготовка фельдшеров, плохое снабжение медикаментами и медоборудованием, недостаточное число и размеры помещений фельдшерских пунктов. В городах не хватало врачей-специалистов, санитарно-профилактической работы не производилось. На округ был один санитарный врач, который «не мог справиться

¹⁷ Гуткин А.Я. Здравоохранение в Советской России за X лет (1917–1927). Л., 1927. С. 34.

со всеми возложенными на него обязанностями». На единственного детского врача «были возложены функции школьного санитарного врача и охрана здоровья всех детей, а также детская консультация». За 2 года в округе удалось увеличить бюджет здравоохранения в 2,2 раза. Это позволило открыть 2 консультации в городах и 3 в сельской местности, больницу в г. Барабинске (число койко-мест в больницах в городах выросло до 150), в сельской местности функционирующих больниц стало 9, а количество койко-мест возросло с 70 до 122. Врачей в городах стало 14 (против 8), в сельской местности – 25 (ранее 13). Закрылось 8 фельдшерских пунктов. Из оставшихся 11 пунктов население содержало за свой счет 4. В Барабинском округе развернулась работа по вакцинированию против оспы, тифа, скарлатины¹⁸.

В рассматриваемый период медицина в СССР претерпевала существенные изменения. Доктор С.М. Замуховский писал о принципах советской медицины так: «1. Общедоступность, т.е. фактическую возможность пользоваться; 2. Бесплатность, т.е. заболевший не должен материально страдать, но имел основания ожидать материальной поддержки; 3. Квалифицированная лечебная помощь, т.е. население должно лечиться у врачей, хороших специалистов, а не у знахарей и фельдшеров. Лечение должно проводиться в хорошо оборудованных лечебницах, и больной должен получать все виды лечения»¹⁹.

Жилищный вопрос в городах в рассматриваемый период находился в тяжелом положении. В регионе было разрушено 288 домов (0,4 % от общего числа). Наибольшее их число пришлось на небольшие города: Тара (30), Колывань (98), Каинск (6), Мариинск (5). Из губернских центров в списке с большим количеством разрушенных строений оказались Томск (26), Омск (24) и Барнаул (55)²⁰. Началось восстановление жилищного фонда. На одну квартиру в декабре 1926 г. приходилось в Ленинске-Кузнецком 7,6 чел., в Судженске, Омске, Рубцовске, Камне, Щегловске, Бийске, Каинске – от 5,7 до 6,0 чел., в Новосибирске и Томске – 5,5 чел.²¹ С 1923 по 1929 г. «жилищная норма» снизилась в Щегловске с 4,8 м² на одного жителя до 3, в Ленинске – с 4,1 до 3,1, в Прокопьевске – с 4,0 до 2,4, в Анжеро-Судженске – с 3,8 до 3,1 м² на одного жителя. Председатель Сибирской краевой плановой комиссии Я. Яглом писал о ситуации в Кузбассе: «Надо себе реально представить, что конкретно скрывается за этим многообещающим названием (*жилищная норма*. – А. Б.): это в большинстве своем бараки и землянки с теснотой, пылью, грязью, сыростью и прочими прелестями <...>. Существующие столовые могут удовлетворить обедами от 1 до 3 % населения городов и рабочих поселков. Хлебопекарнями охвачено от 33 до 80 % потребностей в печеном хлебе <...>. Только в Щегловске... имеется водоканал с небольшой сетью и несколькими водозаборами»²². Скуденность, наличие тараканов, клопов и плохие жилищно-бытовые условия к концу нэпа стали обычным явлением. Особенно это усилилось в 1929 г., когда стал наблюдаться массовый приток из сел лиц, бежавших от коллективизации. Жилплощадь, по выражению доктора К.М. Гречищева, исследовавшего санитарное состояние жилищ, «нередко приближается к гробовому размеру»²³. Скуденность приводила к росту заболеваемости и травматизма.

Рождаемость. Период начала нэпа отмечается высоким уровнем рождаемости. Наблюдалась так называемая компенсаторная волна реализации рождений, не осуществленных в годы Первой мировой и Гражданской войны. Повышенная доля сельского населения, получившего возможность дополнительного наделения землей по числу едоков, способствовала увеличению частоты рождений в семьях, поскольку земля оставалась основным богатством и

¹⁸ Два года работы (отчет Барабинского окрисполкома). 3-му окружному Съезду Советов – рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Каинск, 1929. С. 67–70.

¹⁹ Замуховский С.М. Пути развития здравоохранения. М., 1925. С. 18–19.

²⁰ Всесоюзная городская перепись 1923 года. Итоги переписи владений, строений и квартир в городах и поселках городского типа. Вып. 2. Владения и строения. Юго-Восток, Крым, Сибирь, Дальний Восток, Киргизия, Туркестан, Украина, Белоруссия, Азербайджан. М., 1925. С. 28–29, 141–142.

²¹ Статистический бюллетень. Новосибирск, 1927. № 9–10. С. 52.

²² Жизнь Сибири. 1930. № 2–3. С. 16.

²³ Зверев В.А., Бурматов А.А. Народонаселение Барабы... С. 182.

гарантом защиты от голода. Мелкотоварное хозяйство оказалось рентабельным, а дети с раннего возраста привлекались к труду. С 7–9 лет ребенок приносил семье доход. Это отмечали и статистики, отнеся население старше 10-летнего возраста к самостоятельному населению. Более высокая доля молодежи у населения Сибири и механическое перемещение сюда жителей из Европейской России поддерживали уровень рождаемости (среди мигрантов доминировала молодежь).

После освобождения Сибири от колчаковцев, т.е. фактического окончания Гражданской войны, рождаемость в регионе оказалась сверхвысокой. Например, в Алтайской губернии в 1920 г. она составляла 53,6 ‰, в 1921 г. – 37,0, в 1922 г. – 34,0 и в 1923 г. – 51,2 ‰. Не исключено, что регистрация 1920 г. включала в себя не только события данного года, но и рождения предыдущего времени, а также беженцев. Падение рождаемости в последующие годы закономерно – голод и эпидемии, частая гибель беременных. В 1923 г. показатель вновь превысил 50 ‰. Аналогичные явления прослеживаются и в других регионах. Естественный прирост в 1921 г. в 2,5 ‰ и 1922 г. в 3,4 ‰²⁴ вызывает сомнения, возможен недоучет смертей.

В дальнейшем рождаемость в селах Сибири оставалась высокой: в 1926 г. – 53,6 ‰, в 1927 г. – 53,2 и в 1927 г. – 55,4 ‰. По юго-западным округам ее уровень был выше: в 1925 г. – 55,6 ‰, в 1926 г. – 55,8, в 1927 г. – 57,6 ‰. Рождаемость имела тенденцию к росту. Сказывалось улучшение качества статистического учета. Отмечались предельно высокие показатели рождаемости. В некоторых районах Алтая было учтено на 1 000 жителей в год 60 рождений. В северо-западных округах уровень рождаемости был ниже. В 1925 г. здесь зарегистрировано 50,5 ‰ рождений, в 1926 г. – 49,1, а 1927 г. – 52,0 ‰. Снижение рождаемости в 1926 г. не выходило из ряда обычного колебания по годам²⁵. Отмечено начало регулирования деторождения в семьях. Анкетирование, проведенное наркомздравом России в середине 1920-х гг., показало широкое распространение в селах страны (и в Сибири) абортов. Выявилось много криминальных случаев²⁶. В Наркомате здравоохранения отмечали: «До сих пор наша политика по отношению к деревне заключалась в том, что мы как бы “не пускали” аборта в деревню <...> все равно крестьянка ищет своих путей и находит их у бабок <...>. Больницы вынуждены были принять 66 тысяч загрязненных больных <...>, потеряли свыше 3 000 женщин»²⁷. «Нужно вести борьбу с подпольными абортами путем их легализации и путем борьбы с бабками»²⁸, – констатировали врачи.

В селах Назарово и Таганово Верх-Ичинского района Барабинского округа широко практиковалось изгнание плода. В основном на это решались незамужние девушки и молодые женщины. Зачастую девушкам помогали в совершении аборта их сверстницы. Прерывание беременности в 1920-е гг. не вызывало осуждения односельчан. На часто рожающую женщину смотрели с неодобрением («как кошка»).

Население практиковало и ограничение рождаемости в виде абортов, и плохой уход за «лишними» детьми. В 1925–1927 гг. снижение показателей рождаемости в городах Сибири наблюдалось у горожан в Бийском, Славгородском, Каменском и Новосибирском округах. Особенно заметно это явление было в крупнейших городах – Новосибирске, Бийске и Омске. В Каинске это объясняется спецификой национального состава населения – католическое и еврейское население быстрее проходило этап модернизации и регулировало деторождение²⁹. Старожилы свидетельствуют, что в середине 1920-х гг. в аптеках Каинска свободно реализовывались противозачаточные средства (кондом)³⁰.

²⁴ Отчет Алтайского губернского исполнительного комитета 7-му очередному Съезду Советов... С. 233.

²⁵ Естественное движение населения в Сибкрае за 1925–1927 гг. Новосибирск, 1930. С. 38–41.

²⁶ Генс А.Б. Аборт в деревне. Доклад на Всесоюзном Съезде по охране материнства и младенчества (1–8 декабря 1925 г.). М., 1926. С. 11–14.

²⁷ Там же. С. 5.

²⁸ Там же. С. 24.

²⁹ Зверев В.А., Бурматов А.А. Народонаселение Барабы в 1925–1940 годах... С. 167–168.

³⁰ Воспоминания Евдокии Федоровны Кочергиной (1903–2000 гг.), жительницы г. Каинска (Куйбышева). Архив автора.

По городам Юго-Западной Сибири регистрировалось 42,5–43,0 ‰ рождений на 1 000 жителей. В городах Томского округа рождаемость в 1925–1927 гг. выросла с 37,4 до 40,3 ‰. В Кузнецком округе рождаемость оказалась в городах очень высокой – 58–68,4 ‰³¹. Статистики связывают это со значительным недоучетом жителей целого ряда городов³².

В 1927–1929 гг. учтенный естественный прирост в городах составлял 23–25 ‰, а в селах – 31–36 ‰ ежегодно. Население вошло в период демографического взрыва. Исследователи в годы нэпа считали, что увеличение темпов прироста населения вызвано уступками большевистского правительства традиционному образу жизни, как бы шагом назад от положений революционного времени. Статистический материал показывает существенное снижение рождаемости в городах с населением свыше 50 тыс. Аналогичные процессы наблюдались в окружных центрах и новых промышленных городах.

Смертность. В 1913 г. в Сибири общая смертность составляла 31,3 ‰, младенческая – 300 ‰³³. Показатели смертности в Сибири оказались выше, чем в России до революции. Число смертей в Алтайской губернии составляло в 1920 г. 32,7 ‰, в 1921 г. – 34,5, в 1922 г. – 30,6, в 1923 г. – 31,0 ‰³⁴. Сама динамика смертности вызывает сомнение. В ней прослеживается недоучет демографических событий. Особенно в 1920 г., когда фиксируется прирост в 20,9 ‰. Прирост в 1921 г. в 2,5 ‰ тоже сомнителен. Можно согласиться с незначительным приростом населения (3,3 ‰) в 1922 г., который фиксируется и в других местностях Сибири.

С 1925 г. законодательно была установлена обязательная врачебная регистрация причин смерти в городах и городских поселениях, а также в значительном числе сел. Во всех этих местностях смерть регистрировали в отделениях загсов только на основании «Врачебного свидетельства о смерти»³⁵. На практике не хватало квалифицированных медицинских кадров, осмотр трупа часто производился формально. Изобиловали ошибками и сами собранные материалы: в них неправильно указаны причины смерти, возраст и даже пол умершего. Смертность снижалась к середине 1920-х гг. относительно быстро. В 1926 г. в городах Западной Сибири ее показатель составил 24,5 ‰, в 1927 г. – 23,3, в 1928 г. – 21,1, а в 1929 г. – 21,5 ‰. У сельского населения соответственно 25,9, 25,4, 22 и 23 ‰³⁶. В селах смертность была выше вследствие худшего медицинского обслуживания. Невысокий уровень грамотности способствовал низкому санитарному просвещению населения. В 1927 г. общая смертность по СССР составила 21,2 ‰ и младенческая – 215 ‰. Повышенный уровень смертности в Сибири связан с худшими социально-бытовыми условиями и медико-санитарным обслуживанием.

Смертность оставалась высокой. Согласно таблицам смертности населения Сибирского края в 1926/1927 гг., продолжительность жизни для обоих полов составляла 41,12 года, у мужчин – 39,18 года, у женщин – 43,2 года (для Европейской России продолжительность жизни составляла 42,93 года, для мужчин – 40,23, для женщин – 45,61 года). Новорожденному в городах предстояло прожить 37,57 года (мальчику-горожанину – 34,88 года, девочке-горожанке – 40,6 года). Жители села, согласно расчетам статистиков, имели шансы прожить дольше: для обоих полов показатель составлял 41,72 года (для мальчиков – 39,93, для девочек – 43,61 года). Учет смертности у горожан был налажен лучше, а часть смертей крестьян-отходников происходила на заработках и фиксировалась на месте, где произошло событие фактически, т.е. в городах. Зимой в них были большие партии наемных работников из деревни. Пьянство, потасовки у них были обычным делом. На заработках крестьянин хуже питался. Отсюда у городских мужчин показатели ожидаемой продолжительности жизни были на 5 лет ниже. Женщины на заработки уходили реже и разрыв с жительницами сел был меньше (3 года). Существенную роль играл недоучет демографических событий в сельской местности. Косвенно об этом свидетельствуют показатели смертности детей

³¹ Естественное движение населения в Сибкрае за 1925–27 гг. С. 36–37.

³² Статистика Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. С. 178.

³³ Жизнь Сибири. 1929. № 9. С. 9–10.

³⁴ Отчет Алтайского губернского исполнительного комитета 7-му очередному Съезду Советов... С. 233.

³⁵ Уипль Дж., Новосельский С.А. Основы демографической и санитарной статистики. М., 1929. С. 66–67.

³⁶ Естественное движение населения в Сибкрае... С. 4; Статистика Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 3. С. 69.

до 1 года. В селах у новорожденных мальчиков этот показатель составил 254 ‰, в городах – 256 ‰. У девочек они не отличались: в селах – 224,5 ‰, в городах – 224,1 ‰. Отличий в смертности младенцев не наблюдалось, хотя медицинское обслуживание в селе практически отсутствовало. У мужчин различия в показателях смертности становились огромными. Например, в возрасте 28 лет смертность сельских мужчин составляла на 1 000 жителей 5,5, в городах – 8,7. У 20-летних – 4,9 в селах, в городах – 6,6³⁷. Во всех возрастах начиная от 18 лет и старше мужчины в городах погибали в 1,2–1,7 раза чаще, чем их сверстники в деревнях.

Отмечены колебания уровня смертности у горожан за 1925–1927 гг. Они показывают противоречивые тенденции в различных округах. В Тарском, Бийском, Омском, Томском, Рубцовском и Барабинском округах наблюдалось колебание смертности вокруг некоторого среднего уровня. Снижение смертности принимало устойчивый характер в Барнаульском, Славгородском, Каменском, Новосибирском и Кузнецком округах. В автономной области Ойротия смертность росла очень быстро – сказалось налаживание самой системы регистрации, которая в 1925 г. отсутствовала³⁸.

Уровень смертности в городах Юго-Западной Сибири имел существенные колебания. Это связано с варьированием рождаемости, ибо значительную часть умерших составляли дети до года. Колебания младенческой смертности влияли на общую смертность. Отмечается снижение смертности горожан округов: в Барнаульском (с 27,2 до 24,6 ‰), Новосибирском (с 26,4 до 21,2 ‰), Каменском (с 34,3 до 20,6 ‰), Славгородском (с 24,2 до 19,8 ‰), Барабинском (с 23,3 до 22,1 ‰) округах. Рост смертности отмечался в Бийском (с 21,3 до 22,2 ‰) и Омском (с 23,2 до 24,5 ‰), в АО Ойротии (с 15,5 до 22,0 ‰). Снижалась смертность в Кузнецком округе – с 35,4 до 32,9 ‰ (максимум в регионе). В последнем по переписи 1926 г. отмечался недоучет населения. Младенческая смертность у городского населения оставалась очень высокой: из 12 округов в 1925 г. она превышала 200 ‰ в 9 округах, грань в 250 ‰ превысила в Тарском (262,9 ‰), Барнаульском (257,7 ‰), Кузнецком (276,7 ‰), Каменском (316 ‰) округах. В 1926 г. рубеж в 200 ‰ был преодолен в 10 округах, рубеж в 250 ‰ – в Каменском (271,8 ‰) и Кузнецком (286,7 ‰) округах³⁹. В 1927 г. планку в 200 ‰ превысили 8 округов. В городах Юго-Западной Сибири в 1925–1927 гг. младенческая смертность снизилась на 7,8 ‰. В Томском округе колебания смертности младенцев были существенны: в 1925 г. – 199 ‰, в 1926 г. – 233, в 1927 г. – 188 ‰. В Кузнецком округе – соответственно 277 ‰, 287 и 241 ‰⁴⁰.

В 1928–1929 гг. смертность снизилась в Каинске, Таре, Калачинске, Каргате и Тайге. Значительный рост смертей отмечался в Мариинске, Иссиль-Куле, Черепаново, Барабинске, Татарске. По небольшим городам смертность снизилась с 19 до 17 ‰. Рост младенческой смертности отмечен в Иссиль-Куле, Черепаново, Каргате, Барабинске, Каинске. По небольшим по численности жителей городам смертность младенцев составила 188 ‰, в селах – 198 ‰. Показатели в селах и в небольших городах отличались незначительно⁴¹. Статистика свидетельствует, что до 1928 г. смертность от инфекций в городах Сибирского края постоянно снижалась⁴². Отмечался рост общей смертности в городах и в селах Сибири в 1929 г. на 1,0 ‰. В «год великого перелома» падает качество регистрации и ухудшается диагностика причин смертности⁴³. Рост смертности был выше, чем сообщают данные официальной регистрации. В целом с 1925 по 1928 г. в Западной Сибири наблюдалось медленное, но устойчивое сокращение смертности. Этот вывод также делается В.А. Исуповым⁴⁴.

³⁷ Смертность и продолжительность жизни населения СССР, 1926–1927... С. 8, 134–139.

³⁸ Естественное движение населения в Сибкрае... С. 34–37.

³⁹ Там же. С. 34, 36.

⁴⁰ Там же. С. 34–37.

⁴¹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. 11. Оп. 2. Д. 22. Л. 3, 4.

⁴² Сибирский край: краткий стат. справ. Новосибирск, 1930. С. 786–789.

⁴³ Статистика Сибири... Вып. 2. С. 60–69.

⁴⁴ Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.)... С. 97.

Заключение. В годы нэпа можно выделить три основных периода в процессах воспроизводства населения.

1. 1920–1923 гг. – послевоенный период, характеризующийся эпидемиями инфекционных заболеваний. Это время очень высокой рождаемости, которая отмечается там, где учет производился. Сохранялась традиционная многодетность. Приток беженцев, среди которых было много беременных, завышал реальную рождаемость в зоне Транссибирской магистрали. Сказалась и реакция населения на высокие потери в годы войны и революции. В это же время отмечается очень высокая смертность, вызванная голодом 1921–1922 гг. и эпидемиями. Оба пика совпали по времени. Потери населения региона были большими, чем показывает официальная статистика. Особенно это относится к горожанам. Среди погибших доминировали мужчины. Потери населения в Гражданскую войну были огромны. Статистический парадокс заключается в том, что в ряде мест в 1920 г. людей погибло и умерло больше, чем проживало в данном городе. Данный факт объясняется огромным количеством мигрирующего через регион населения и массовой гибелью местных и мигрантов. Потери в Сибири в Гражданскую войну были по отношению к числу жителей региона выше, чем по стране. Естественный прирост отмечался во многих местах с 1922 г., а повсеместно – с 1923 г., когда были преодолены основные проблемы с продовольствием.

2. 1924–1928 гг. Это время характеризуется продолжавшейся компенсаторной волной рождаемости, которая достигла пика к 1926/1927 г. В 1928 г. пик рождений был пройден. Снижение показателей рождаемости практически совпало с политикой форсированной коллективизации. В указанное пятилетие существенно понижается смертность. Существенную роль стало играть налаживание медицинского обслуживания. В результате население вошло в период «демографического взрыва». Естественный прирост превышал 30 %. Увеличивалась продолжительность жизни. Снижение рождаемости статистически прослеживалось в ряде городов. Все это свидетельствовало о том, что демографический переход вошел в повседневную жизнь.

3. 1929–1931 гг. В рамках данного периода нэп был юридически свернут. Репрессии и раскулачивание исказили и территориальное распределение демографических событий. Повышение смертности отразилось в данных регистрации за 1929 г. С этого года статистические и медицинские обследования и отчеты отмечают ухудшение санитарно-гигиенического состояния и снижение уровня жизни. Усилились миграционные потоки. Качество жизни горожан, особенно на новостройках Кузбасса, снизилось. Коллективизация сломала эволюционный путь протекания демографических процессов. Свертывание нэпа – первый шаг в этом направлении. Таким образом, начавшийся процесс демографического перехода был заторможен и отражен в статистических данных достаточно фрагментарно.

Литература

Генс А.Б. Аборт в деревне. Доклад на Всесоюзном Съезде по охране материнства и младенчества (1–8 декабря 1925 г.). М.: Охрана материнства и младенчества, 1926. 48 с.

Гуткин А.Я. Здравоохранение в Советской России за X лет (1917–1927). Л.: Практическая медицина, 1927. 56 с.

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.) / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2017. 350 с.

Замуховский С.М. Пути развития здравоохранения. М.: Мосздравотдел, 1925. 79 с.

Зверев В.А., Бурматов А.А. Народонаселение Барабы в 1925–1940 годах. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019. 278 с.

Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск: Наука, 1984. 168 с.

Сарапулкин И.В. Каинский уезд. Статистический очерк. Каинск: [Б.и.], 1922. 87 с.

Уипль Дж., Новосельский С.А. Основы демографический и санитарной статистики. М.: Госмедиздат, 1929. 683 с.

Чекатиф: Томская (Новониколаевская) губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом (декабрь 1919 г. – апрель 1920 г.): сб. док-тов и мат-лов / ред. Д.Г. Симонов, А.И. Савин. Новосибирск: Б.и., 2021. 199 с.

References

Gens, A.B. (1926). *Abort v derevne. Doklad na Vsesoyuznom S'ezde po ohrane materinstva I mladenchestva (1–8 dekabrya 1925 g.)* [Abortion in the Village. Report at the All-Union Congress for the Protection of Maternity and Infancy (December 1–8, 1925)]. Moscow, Ohrana materinstva I mladenchestva. 48 p.

Gutkin, A.Ya. (1927). *Zdravoohranenie v Sovetskoj Rossii za X let (1917–1927)* [Healthcare in Soviet Russia for 10 Years (1917–1927)]. Leningrad, Prakticheskaya meditsina. 56 p.

Isupov, V.A. (Ed.). (2017). *Demograficheskaya istoriya Zapadnoy Sibiri (konets XIX–XX vv.)* [Demographic History of Western Siberia at the End of the 19th–20th Centuries]. Novosibirsk, II SO RAN. 350 p.

Moskovskiy, A.S., Isupov, V.A. (1984). *Formirovanie gorodskogo naseleniya Sibiri (1926–1939 gg.)* [Formation of the Urban Population of Siberia (1926–1939)]. Novosibirsk, Nauka. 168 p.

Sarapulkin, I.V. (1922). *Kainskiy uezd. Statisticheskij ocherk* [Kainsky Uyezd. Statistical Essay]. Kaink. 87 p.

Simonov, D.G., Savin, A.I. (Eds.). (2021). *Chekatif: Tomskaya (Novonikolaevskaya) gubernskaya chrezvychaynaya komissiya po bor'be s tifom (dekabr' 1919 g. – aprel' 1920 g.)* [Chekatif: Tomsk (Novonikolaevsk) Province Emergency Commission on Typhus (December 1919 – April 1920)]. Novosibirsk. 199 p.

Whipple, J., Novosel'skiy, S.A. (1929). *Osnovy demograficheskoy i sanitarnoy statistiki* [Fundamentals of Demographic and Sanitary Statistics]. Moscow, Gosmedizdat. 683 p.

Zamuhovskiy, S.M. (1925). *Puti razvitiya zdravoohraneniya* [Ways of Health Care Development]. Moscow, Moszdravotdel. 79 p.

Zverev, V.A., Burmatov, A.A. (2019). *Narodonaselenie Baraby v 1925–1940 godah* [Population of Baraba in 1925–1940]. Novosibirsk, Izd-vo NGPU. 278 p.

Е.Е. Тиникова*

**ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ГОРНО-АЛТАЙСКА В 1928–2020-Е ГОДЫ**doi:10.31518/2618-9100-2023-4-14
УДК 94:314.1(571.15)"19/20"

Выходные данные для цитирования:
Тиникова Е.Е. Демографическое развитие Горно-Алтайска в 1928–2020-е годы // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 192–202.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-14.pdf>

E.E. Tinikova*

**DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT
OF GORNO-ALTAISK IN 1928–2020**

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-14

How to cite:
Tinikova E.E. Demographic Development of Gorno-Altaiisk in 1928–2020 // Historical Courier, 2023, No. 4 (30), pp. 192–202.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-14.pdf>]

Abstract. The main directions of the demographic development of Gorno-Altaiisk in the conditions of delayed urbanization of the region are analyzed on the basis of official statistics. The problem of the sources of population formation is investigated. The role of migration as the main component of the population dynamics of Gorno-Altaiisk is proven by the analysis of archival materials, population census data and information presented on the official website of the Federal State Statistics Service. Periodization of the demographic modernization of the city, the lower chronological boundary of which is marked by the 1950s, is proposed. The conclusion is made about the unfavorable vector of demographic development of the city in recent years, associated with the decrease in birth rate and increase in mortality. The characteristics of marriage and divorce rates are given, and the influence of the sex and age composition of the city population on their dynamics is considered. The key factors of the transformation of the demographic structure of Gorno-Altaiisk in the period under review were both external circumstances associated with deep social upheavals (the Great Patriotic War, the collapse of the USSR, the socio-economic crisis of the 1990s) and the specifics of the economic development of the city, as well as the logic of demographic modernization, accompanied by a decrease in birth rate and mortality. It is shown that in comparison with small Siberian towns, the age structure of the capital of the Altai Republic is relatively optimal.

Keywords: Gorno-Altaiisk, Ulala, Oirot-Tura, urbanization, city, population, demographic modernization, marriage rate, divorce rate, sex and age structure.

The article has been received by the editor on 14.04.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. На основе данных официальной статистики анализируются основные направления демографического развития Горно-Алтайска в условиях запаздывающей урбанизации. Отмечается значительное влияние индустриального освоения региона и экономической специализации города на протяжении XX – начала XXI в. на демографическую динамику населения. Исследуется проблема источников формирования населения. На основе анализа архивных материалов, данных переписей населения и сведений, представленных на официальном сайте Федеральной службы государственной

* Елена Евгеньевна Тиникова, кандидат исторических наук, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: lana.tinikova@mail.ru
Elena Evgenievna Tinikova, Candidate of Historical Sciences, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: lana.tinikova@mail.ru

статистики, доказана роль миграции как основного компонента динамики численности населения Горно-Алтайска. Предложена периодизация демографической модернизации города, нижняя хронологическая граница которой обозначена 1950-ми гг. Сделан вывод об установившемся в последние годы неблагоприятном векторе демографического развития города, связанном с падением рождаемости и ростом смертности. Дана характеристика брачности и разводимости, а также рассмотрено влияние половозрастного состава населения города на их динамику. Ключевыми факторами трансформации демографической структуры Горно-Алтайска в рассматриваемый период были как внешние обстоятельства, связанные с глубокими социальными потрясениями (Великая Отечественная война, распад СССР, социально-экономический кризис 1990-х гг.) и спецификой экономического развития города, а также сама логика протекания демографической модернизации, сопровождавшейся снижением рождаемости и смертности. Показано, что в сравнении с небольшими сибирскими городами возрастная структура столицы Республики Алтай относительно оптимальна.

Ключевые слова: Горно-Алтайск, Улала, Ойрот-Тура, урбанизация, город, население, демографическая модернизация, брачность, разводимость, половозрастная структура.

Статья поступила в редакцию 14.04.2023 г.

Республика Алтай с точки зрения демографического развития – уникальный регион на карте России. Его специфика обусловлена ландшафтом, природно-климатическими особенностями, историей заселения и освоения этого горного края. Эти факторы оказали влияние на протекание урбанизационных процессов. На Алтае самая низкая доля городских жителей среди российских субъектов (29,1 % на 1 января 2022 г.). Единственным городом региона является Горно-Алтайск¹. История административного центра республики хорошо известна и исследована². Однако работ, посвященных демографической истории Горно-Алтайска, не так много³.

Цель данной статьи – характеристика основных направлений демографического развития Горно-Алтайска в условиях запаздывающей урбанизации региона.

Первые страницы истории будущей столицы Республики Алтай во многом схожи с историей провинциальных сибирских поселений. Село Улала было основано на землях телеутов русскими переселенцами в 1824 г. и вскоре стало торговым центром уездного значения. После установления советской власти в регионе в 1922 г. была образована Ойротская автономная область с административным центром в Улале. В 1928 г. село получило статус города. Несмотря на быстрое индустриальное освоение Сибири в послевоенный период, Горный Алтай в силу своего географического расположения и слабой транспортной доступности продолжал оставаться регионом, специализирующимся на отгонно-пастбищном животноводстве и других отраслях сельского хозяйства. Многие населенные пункты автономной области были сезоннообитаемыми, поэтому Горно-Алтайск оставался единственным городом, что обусловило здесь низкий уровень урбанизации⁴.

¹ До 1932 г. город назывался Улала, в 1932–1948 гг. – Ойрот-Тура.

² Анкудинова Т.В. История становления и развития Горно-Алтайска в первой половине XX века. Томск, 2007; Модоров Н.С. Горно-Алтайск: слово краткое о городе своем // История в подробностях. 2011. № 9. С. 84–87; Пахаев С.Я., Федотов В.С., Яблочков В.А. Горно-Алтайск. Барнаул, 1965; Сибирские города XVII–XX вв. Новосибирск, 1981; Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX–XX в. Барнаул, 2003; и др.

³ Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: историко-демографическое исследование. Новосибирск, 2018; Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991; Караченцев И.С. Динамика численности городского населения Республики Алтай 1991–2017 гг. // Макарьевские чтения: мат-лы XIV Междунар. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск, 2019. С. 62–67.

С 1928 г. численность населения Горно-Алтайска неизменно росла (за исключением военных лет). Однако он так и не стал, как большинство его собратьев в статусе административных центров субъектов, большим городом.

Данные табл. 1 показывают, что особо быстро население Горно-Алтайска росло в первое десятилетие существования города. За период 1928–1939 гг. оно увеличилось в 4 раза, среднегодовые темпы прироста составляли 13,7 %. К концу советской эпохи население Горно-Алтайска выросло еще почти вдвое, но темпы его прироста с каждым десятилетием падали. В 1980-е гг. среднегодовые темпы прироста городского населения составили 1,4 %. В постсоветский период численность Горно-Алтайска увеличилась незначительно – за 30 лет менее чем в 1,5 раза. Самые низкие темпы прироста населения города были отмечены в межпереписные периоды с 2002 по 2010 и 2020 г.

Таблица 1

Динамика численности населения Горно-Алтайска в 1928–2020 гг.

Год	Население, тыс. чел.	Темпы роста, %	Средний годовой темп прироста, %
1928	5,9	–	–
1939	24,1	408,5	13,7
1945	19,5	81,3	-3,7
1959	27,5	141	5,8
1970	34,4	125,1	2,0
1979	40,3	117,2	1,8
1989	46,4	115,1	1,4
2002	53,5	115,3	1,0
2010	56,9	106,4	1,0
2020	65,3	114,8	1,0

Составлено по: Горно-Алтайск. Социально-демографические аспекты. 2013: стат. сб. Горно-Алтайск, 2013. С. 13; Государственный архив Республики Алтай (ГАРА). Ф. 33. Оп. 8. Д. 78. Л. 2; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Численность населения городских округов, муниципальных районов, сельских поселений, городских и сельских населенных пунктов Республики Алтай // Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай [Электронный ресурс]. URL: <https://22.rosstat.gov.ru/folder/186415> (дата обращения: 24.04.2023).

Очевидно, что трансформация хозяйственной специализации Горно-Алтайска оказывала значительное влияние на численность его населения. Нарастание промышленного потенциала города в советский период обеспечивало стабильный прирост населения. Последовавший за этим период социально-экономического кризиса, катастрофическое снижение объемов производства⁵ и деиндустриализация оказали негативное влияние на демографическое развитие городского населения.

В довоенный период население Ойрот-Туры росло как за счет естественного, так и миграционного прироста. В 1939 г. коэффициент естественного прироста в городе составил 12 ‰⁶. Великая Отечественная война внесла свои коррективы. В военные годы численность

⁴ В Горно-Алтайской автономной области существовали также три поселка городского типа: Акташ с 1968 по 1994 г., Веселая Сейка с 1966 по 1994 г. и Чемал с 1970 по 1987 г.

⁵ Анкудинова Т.В., Гонохов А.Г. К вопросу о промышленном развитии Горного Алтая в 90-е гг. XX в. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2009. С. 240–244.

⁶ Горно-Алтайск. Социально-демографические аспекты. 2013: стат. сб. Горно-Алтайск, 2013. С. 49–50.

горожан снизилась почти на 5 тыс. чел. Для небольшого городка это были значительные (почти пятая часть) людские потери. В эти годы фиксировалась естественная и механическая убыль населения. Так, в 1944 г. механическая убыль составила 80 чел., естественная – 110 чел.⁷ В первые послевоенные годы ситуация изменилась. Более чем в 2 раза выросла рождаемость⁸, что даже при сохранявшейся высокой смертности населения обеспечивало стабильный его прирост. Во второй половине 1940-х гг. в Горно-Алтайске наблюдался I тип динамики численности населения (по Уэббу), когда естественный прирост превышал механическую убыль населения. В 1950-е гг. население города росло уже как за счет естественного, так и миграционного прироста. Однако естественный прирост все еще опережал механический, поэтому для данного периода была характерна смена типа динамики численности населения на II.

В следующее десятилетие в Горно-Алтайске установился III тип динамики численности населения, так как механический прирост стал опережать естественный. Естественный прирост снизился с 11 до 7 ‰: если в 1960 г. он составлял 361 чел., то через десять лет – 339 чел.⁹ Вместе с тем механический прирост в 1960-е гг. в среднем за год составлял 462 чел.¹⁰ В 1970–1980-е гг. вектор соотношения компонентов динамики численности населения оставался прежним. Основным источником роста городских жителей оставалась миграция. В 1980-е гг. среднегодовой показатель миграционного прироста был равен 408 чел.¹¹ Ситуация изменилась в 1990-е гг. В 1991–1995 гг. численность населения Горно-Алтайска снизилась на 5,6 тыс. чел. в результате естественной и миграционной убыли населения. В этот период доминирующим компонентом убыли горожан был механический отток населения, что говорит об установлении VII типа динамики численности населения. С середины 1990-х гг. население города стало расти вследствие механического притока, который был выше сохранявшейся естественной убыли населения. Сформировался IV тип динамики численности населения.

В начале XXI в. численность жителей Горно-Алтайска колебалась: в 2000–2001 гг. она незначительно выросла на 1,7 тыс. чел., а затем в течение последующих трех лет снизилась на 1 тыс. чел. Эти колебания были связаны с резким оттоком населения из города в 2002–2004 гг. В то же время начиная с 2001 г. на долгосрочный период установился естественный прирост населения, хотя в начале третьего тысячелетия он был незначительным – в среднем всего 84 чел. в год¹². Тип динамики численности населения в первой половине 2000-х гг. сменился на VIII. Со второй половины 2000-х гг. население столицы республики перманентно растет. Анализ компонентов роста населения позволяет определить тип динамики численности населения как III, так как миграционный прирост превысил показатели естественного прироста населения.

Таким образом, анализ источников формирования численности населения Горно-Алтайска свидетельствует о значительной роли миграции на всем протяжении истории города. Столица Горного Алтая относится к группе российских городов с высокими темпами роста численности населения. Спецификой города является его привлекательность не для мигрантов из других регионов страны, а для коренных этносов, проживающих в регионе. Характерный для них высокий естественный прирост населения также способствует увеличению численности населения горожан республики.

В 1920-е гг. в Улале фиксировалась значительно более низкая смертность по сравнению с другими регионами Сибирского края. Так, в 1926 г. она составила 15,5 ‰, в то время как в Сибирском крае – 24,5 ‰¹³. Примерно на том же уровне она оставалась и в последующее десятилетие. В 1939 г. коэффициент смертности в Горно-Алтайске равнялся 16 ‰

⁷ Государственный архив Республики Алтай (ГАРА). Ф. 33. Оп. 8. Д. 78. Л. 1, 3.

⁸ Рассчитано по: Там же. Л. 3; ГАРА. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 117. Л. 3.

⁹ Горно-Алтайск. Социально-демографические аспекты. 2013... С. 49, 50.

¹⁰ Рассчитано по: ГАРА. Ф. Р-61. Оп. 5. Д. 403. Л. 11, 11 об., 22, 22 об., 32, 32 об., 33, 33 об., 42, 42 об.

¹¹ Рассчитано по: Там же. Д. 222. Л. 11, 22, 33, 43; Д. 226. Л. 11; Д. 230. Л. 11; Д. 235. Л. 10, 22, 34.

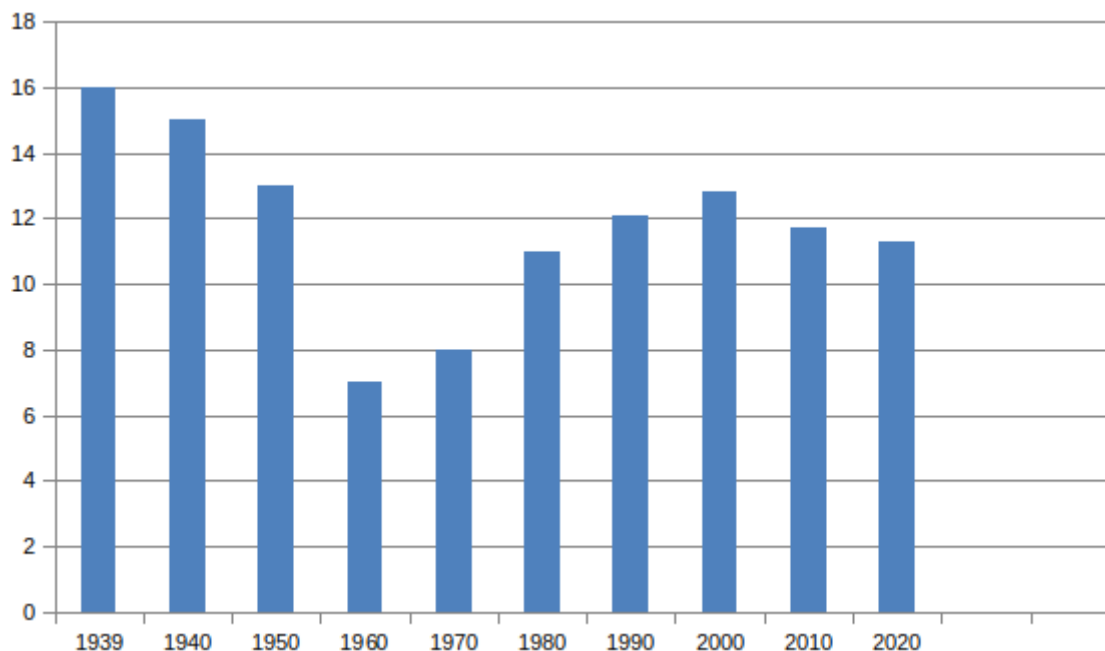
¹² Рассчитано по: Горно-Алтайск. Социально-демографические аспекты... С. 49.

¹³ Естественное движение населения в Сибкрае за 1925–1927 гг. Новосибирск, 1930. С. 34–41.

(диаграмма 1). Несмотря на трудности военных и первых послевоенных лет, смертность населения города незначительно снизилась и в 1950 г. составляла уже 13 %.

Диаграмма 1

Динамика смертности в Горно-Алтайске
в 1939–2020 гг. на 1 000 чел. населения

Составлено по: Горно-Алтайск. Социально-демографические аспекты. С. 50; ЕМИСС Государственная статистика. Смертность от всех причин, случаев на 1 000 населения // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43516> (дата обращения: 04.01.2023).

С середины XX в. в Горно-Алтайске параллельно снижались смертность и рождаемость (диаграмма 2). Если в 1950 г. в городе еще сохранялся высокий уровень рождаемости (по шкале Урланиса и Борисова) 31 %, то в 1960 г. он упал до 18 %, в 1970 г. – до границы простого воспроизводства 15 %. Причина падения рождаемости была обусловлена как неизбежностью модернизации рождаемости в условиях индустриально-урбанистического общества, так и интенсивным миграционным приростом жителей города, формированием многонациональной городской среды, ростом уровня просвещения горожан в санитарно-гигиенической сфере, увеличением числа работающих женщин.

Особенностью Алтая в этот период была высокая доля инфекционных болезней в структуре заболеваемости региона. По данному показателю автономная область опережала Алтайский край в 2 раза. Исследователи связывают это с социальной неустроенностью, неразвитостью условий жизни и сохранением отдельных национальных традиций в быту¹⁴.

Изменения в траектории динамики смертности жителей Горно-Алтайска наблюдались с 1970-х гг. В 1980 г. коэффициент смертности в городе составил 11 %, в 1990 г. – 12,1 %. В динамике показателей рождаемости в эти годы особых перемен не наблюдалось. Коэффициент рождаемости остановился на уровне 16 % в 1980 г. и 14,5 % в 1990 г.

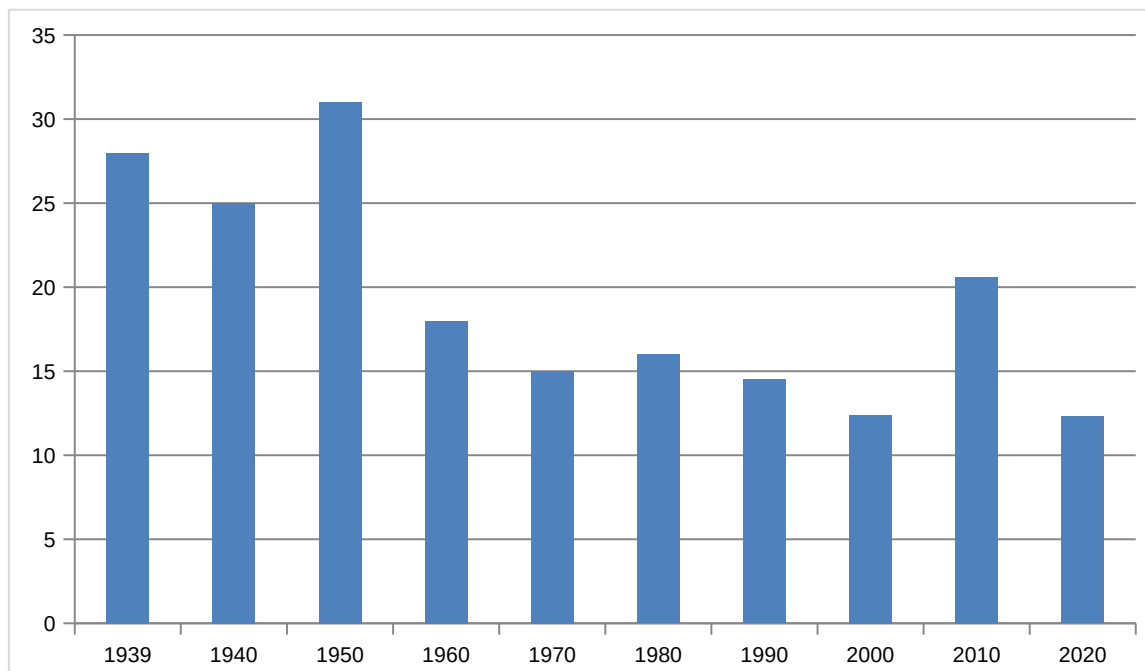
Демографическая катастрофа конца XX – начала XXI в. не минула и Горно-Алтайск. Самый низкий за всю историю города коэффициент рождаемости 11 % был зафиксирован в 1993 г. В целом в 1990-е гг. уровень рождаемости не превышал 13 % и выровнялся лишь в начале нового века. В 2002 г. он равнялся 14,8 %, что соответствовало уровню начала 1990-х гг. Затем для города был характерен перманентный рост рождаемости. В 2009 г. она достигла своего максимума в 20,9 %, а затем стала снижаться. Серьезное падение показателей рождаемости произошло в 2017 г. сразу на 1,7 пункта, и после этого она продолжала снижаться. В 2020 г. коэффициент рождаемости составил 12,3 %, т.е. понизился

¹⁴ Гончарова О.А., Ложкина Н.Н. Условия и особенности развития системы здравоохранения в Горном Алтае в 1965–1985 гг. // Манускрипт. 2020. Т. 13, вып. 10. С. 94–95.

до уровня середины 1990-х гг. При даже незначительном росте смертности, характерном для республики в конце 2010-х гг., установившийся вектор демографического развития города вызывает опасения.

Диаграмма 2

Динамика рождаемости в Горно-Алтайске
в 1939–2020 гг. на 1 000 чел. населения

Составлено по: Горно-Алтайск. Социально-демографические аспекты. С. 50; ЕМИСС Государственная статистика. Число родившихся на 1 000 населения за год // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31269> (дата обращения: 07.01.2023).

Что касается брачности, на количество заключаемых в Горно-Алтайске браков оказывали влияние как объективные обстоятельства – численность населения города, в том числе бракоспособного возраста, так и трансформация семейно-брачных установок горожан. Уровень брачности не отличался стабильностью и несколько раз менял свое направление развития. Первое серьезное сокращение числа заключенных официальных браков вполне закономерно пришлось на годы Великой Отечественной войны. В 1942 г. жителями города был заключен всего 41 брак. Для сравнения – в предвоенный 1940 г. зарегистрировано 150 браков¹⁵.

После окончания войны количество браков вновь стало расти. Данные табл. 2 показывают, что в 1950–1980-е гг. особо резких изменений в семейно-брачных отношениях среди жителей Горно-Алтайска не произошло. Количество мужчин и женщин, состоящих в браке, на 1 000 чел. в возрасте 16 лет и старше выросло незначительно: в 1959 г. этот показатель среди мужчин составил 684, у женщин – 471, в 1989 г. – 717 и 550 соответственно.

Второй особый период в развитии уровня брачности населения Горно-Алтайска, выраженный в его падении, – 1990-е гг. В XXI в. количество заключаемых горожанами браков росло из года в год в течение первого десятилетия. Коэффициент брачности населения Горно-Алтайска вырос с 7,3 % в 2000 г. до 13 % в 2010 г. Демографы объясняют данный феномен вступлением в бракоспособный возраст многочисленного поколения людей, рожденных в 1980-е гг., а также высокой долей повторных браков среди всех заключенных брачных союзов¹⁶. В постсоветский период повторные браки во многом компенсируют союзы, распавшиеся в результате вдовства и разводов.

¹⁵ Горно-Алтайск. Социально-демографические аспекты... С. 52.

¹⁶ Окатов А.В. Основные направления исследования демографических процессов в российском обществе в социально-гуманитарных науках // Социально-экономические явления и процессы. 2018. Т. 13, № 104. С. 27.

Таблица 2

Семейное состояние жителей Горно-Алтайска
на 1 000 чел. в возрасте 16 лет и старше (по материалам переписей населения)

Год	Холостые и девицы		Состоящие в браке		Вдовы		Разведенные/ разошедшиеся	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1959	–	–	684	471	–	–	–	–
1970	–	–	716	492	–	–	–	–
1979	239	264	690	496	21	165	48	75
1989	192	217	717	550	27	158	62	74
2002	276	268	633	495	29	139	60	96
2010	245	233	636	494	26	138	57	106
2020	231	203	555	438	24	121	60	104

Составлено по: Горно-Алтайск. Социально-демографические аспекты. С. 26–27; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Население по возрасту, полу и состоянию в браке по городскому округу, муниципальным районам Республики Алтай // Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай [Электронный ресурс]. URL: <https://22.rosstat.gov.ru/folder/186415> (дата обращения: 24.04.2023).

В 2010-е гг. коэффициент брачности начал стремительно падать и в 2020 г. составил всего 6,3 %. Это установившийся общероссийский тренд, связанный, в том числе, с неблагоприятной возрастной структурой населения. Кроме того, в Горно-Алтайске растет число незарегистрированных браков. Всероссийская перепись населения 2010 г. зафиксировала, что 17,7 % супружеских пар города являются сожителями. Росту сожительства способствует значительно более терпимое отношение к такого рода союзам, чем в предыдущие десятилетия, а также дифференциация суммы пособия для детей, рожденных вне брака (она выше) и в полных семьях.

Начавшийся со второй половины 1960-х гг. и вызванный упрощением процедуры разводов рост количества официально разошедшихся пар продолжается до середины 2010-х гг. Статистически чаще всего распадаются городские бездетные семьи с небольшим стажем супружества (до 5 лет совместной жизни), возраст супругов которых составляет 25–39 лет. После 2015 г. в Горно-Алтайске снизился коэффициент разводов. Если в 2014 г. он составлял, по данным Росстата, 6,3 %, то в 2015 г. – 5,1 %, в 2020 г. – 4,7 %. Это объяснимо падением количества официально зарегистрированных браков.

Снижение коэффициента уровня разводимости не влияет на неблагоприятную демографическую обстановку в городе. Так, коэффициент устойчивости браков в Горно-Алтайске, напротив, постоянно растет. Если в 1955 г. он был равен 58, в 1985 г. – уже 304, в 2000 г. – 596, то в 2015 г. – 623¹⁷.

Описанные процессы являются закономерными для общества, переживающего демографическую модернизацию. Вместе с тем, как уже было отмечено, существенное влияние на уровень брачности и разводимости оказывает половозрастной состав населения.

Большое значение в формировании населения Горно-Алтайска имела и имеет миграция. В миграционный оборот в основном втянуты лица трудоспособного возраста: в 2010 г. это 70,5 % среди прибывших в город мигрантов и 79,4 % покинувших его пределы¹⁸.

¹⁷ Тиникова Е.Е. Брачность и разводимость населения городов Южной Сибири в середине XX– начале XXI вв. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 9. С. 89–90.

¹⁸ Рассчитано по: Горно-Алтайск. Социально-демографические аспекты... С. 55, 58.

Это накладывает определенный отпечаток на динамику половозрастной структуры населения города.

Перепись 1939 г. зафиксировала относительную сбалансированность соотношения мужчин и женщин в Горно-Алтайске: доля женщин незначительно превышала количество мужчин – 51,7 против 48,3 % (табл. 3). В 1959 г. дисбаланс по полу усугубился – 56,8 против 43,2 % соответственно. В конце 1950-х гг. численный перевес женщин города составил 4 тыс. чел., в то время как в 1939 г. – всего 0,8 тыс. чел.

О связи диспропорции полов с Великой Отечественной войной свидетельствуют данные о соотношении мужчин и женщин по возрастным группам. В детских возрастных группах соотношение полов по переписи 1959 г. было равномерным. После 10-летнего возраста с каждой старшей возрастной группой перевес женщин становился более выраженным. В возрастной когорте 30–54 года он составил 20,2 %¹⁹. В старших возрастных группах перепись показала максимальный разрыв в соотношении мужчин и женщин: доля женского населения составила 76,5 против 23,5 % мужчин.

Ярче всего диспропорция по полу была выражена среди алтайцев, у которых на 1 000 мужчин приходилось 1 346 женщин²⁰. Среди русских наблюдалась подобная картина: на 1 000 мужчин приходилось 1 335 женщин. Перевес мужского населения был характерен для казахов, армян, татар, коми, чувашей, евреев и цыган. Значительное преобладание мужского населения выявлено среди башкир – в 10,7 раза. Равная численность горожан зафиксирована среди молдаван, мордвы и корейцев Горно-Алтайской автономной области.

Таблица 3

Изменение структуры населения Горно-Алтайска
по полу (по материалам переписей населения)

Год	Абсолютный показатель, чел.			Относительный показатель, %		
	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.
1939	24 045	11 624	12 421	100	48,3	51,7
1959	29 764	12 865	16 899	100	43,2	56,8
1970	39 717	17 005	22 712	100	42,8	57,2
1979	47 203	20 654	26 549	100	43,8	56,2
1989	51 649	23 763	27 886	100	46,0	54,0
2002	53 538	23 996	29 542	100	44,8	55,2
2010	56 933	25 230	31 703	100	44,3	55,7
2020	65 342	29 369	35 973	100	44,9	55,1

Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 23; Горно-Алтайск. Социально-демографические аспекты... С. 16–17; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Население по возрастным группам и полу по городскому округу, муниципальным районам Республики Алтай // Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. URL: <https://22.rosstat.gov.ru/folder/186415> (дата обращения: 24.04.2023).

В 1959 г. возрастная структура населения города была близка к прогрессивному типу (по Сундбергу) по количеству прародителей – их доля составляла 7,8 %, и стационарному по доле детей – 28,4 %. Доля родителей (63,8 %) также оставалась высокой (табл. 4).

¹⁹ Рассчитано по: Горно-Алтайск. Социально-демографические аспекты... С. 16–17.

²⁰ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1959 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности // Демоскоп [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_gs.php?reg=1 (дата обращения: 08.01.2023).

Демографическая модернизация, сопровождавшаяся снижением рождаемости и смертности, влияла на трансформацию возрастной структуры населения города. Процесс демографического старения жителей Горно-Алтайска прослеживается в последующих переписях. В 1970 г. доля лиц старше 60 лет составляла 9,8 %, в 1979 г. – 12,2 %, в 1989 г. – 14,4 %.

Таблица 4

Распределение населения Горно-Алтайска
по возрасту (по материалам переписей населения)

Возраст	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2020
0–6	3 891	3 022	4 261	5 095	3 899	5 665	5 784
7–15	3 915	6 236	4 489	6 536	7 105	5 956	9 555
16–19	2 703	4 230	4 985	4 212	6 369	4 951	5 977
20–29	5 425	5 093	8 093	6 804	9 894	11 208	7 088
30–39	4 170	4 770	4 002	7 737	6 550	8 614	10 923
40–49	3 081	4 630	4 926	4 237	7 831	6 255	9 354
50–54	1 245	1 396	2 681	2 407	3 385	3 628	2 956
55–59	960	1 626	1 626	2 399	1 457	3 334	2 897
60 лет и старше	2 142	3 362	4 851	6 609	7 040	7 074	10 808
Возраст не указан	2	48	3	–	8	248	–
<i>Всего</i>	27 534	34 413	39 917	46 036	53 538	56 933	65 342

Составлено по: Горно-Алтайск. Социально-демографические аспекты... С. 15; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Население по возрастным группам и полу по городскому округу, муниципальным районам Республики Алтай.

Процесс демографического старения прослеживается также в увеличении среднего возраста жителей города на 4,3 года за 30-летний период с 1959 по 1989 г. (с 27,9 лет до 32,6²¹). Несмотря на это, население Горно-Алтайска было моложе городского населения России, средний возраст которого в 1989 г. составлял 34,2 года.

Важной тенденцией развития демографической структуры горожан Горно-Алтайской автономной области в 1959–1989 гг. стало сглаживание численных различий между мужчинами и женщинами. Здесь определенную роль сыграл длительный период относительной стабильности в стране. В результате если в 1959 г. в Горно-Алтайске на 1 000 мужчин приходилось 1 339 горожанок, то к концу 1980-х гг. – 1 203. Вместе с тем эти показатели были менее благополучными, чем по городским поселениям страны, где это соотношение составляло 1 228 и 1 142 горожанки соответственно. Это может быть связано со структурой экономики города, которая в меньшей степени была зависима от притока мигрантов мужского пола трудоспособного возраста, чем ее индустриально развитые соседи.

Демографический кризис 1990-х гг. отразился на половозрастной структуре населения города. С 1989 г. в Горно-Алтайске удельный вес лиц трудоспособного возраста снизился с 25,3 до 20,5 % в 2010 г. Также зафиксировано снижение доли лиц старше трудоспособного возраста с 17,2 до 15,9 %. Напротив, повысился удельный вес горожан трудоспособного

²¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 69. Д. 105. Л. 36.

возраста с 57,5 до 63,6 %²². Привлекательность города для мигрантов трудоспособного возраста привела к позитивным изменениям возрастной структуры горожан по сравнению с сельским населением республики, возрастная структура которого приблизилась к модели регрессивного типа.

В сравнении с другими небольшими городами страны возрастная структура Горно-Алтайска сегодня (в 2020 г.) относительно оптимальна, так как характеризуется достаточно высокой долей молодого поколения (23,8 %), при которой обеспечивается стабильное воспроизводство населения. Вместе с тем в городе выше уровня в 15 % оказался удельный вес пожилого населения (16,7 %). По-прежнему численно преобладают женщины: 1 285 женщин приходится на 1 000 мужчин²³. Их численный перевес отмечается в возрастной группе 15–19 лет, с 60 лет количество женщин превышает число мужчин в 1,5 раза, после 70 лет – более чем в 2 раза.

Особенности географического расположения Горного Алтая, его ландшафт и низкая транспортная доступность, отсутствие железнодорожных и водных путей сообщения, территориальная разбросанность сети населенных пунктов формировали особые условия существования единственного города региона. Его роль как административного центра национального субъекта со слабым промышленным потенциалом усиливала специфику демографической динамики Горно-Алтайска. Неудивительно, что в этих обстоятельствах демографическая модернизация в городе имела запаздывающий характер и была растянута по времени. Началась она в 1950-е гг., так как именно в этот период фиксируется снижение показателей коэффициентов смертности и рождаемости. Падение рождаемости до уровня простого воспроизводства отмечается лишь на рубеже 1960–1970-х гг. В связи с этим и демографическая структура населения моложе, чем по стране в целом. Тенденции старения населения здесь менее выражены. Между тем дальнейшее демографическое развитие города во многом будет зависеть от объемов миграционных потоков, так как механический прирост на протяжении изучаемого периода являлся доминирующим компонентом динамики численности населения.

Литература

Анкудинова Т.В. История становления и развития Горно-Алтайска в первой половине XX века. Томск: Издательство Томского университета, 2007. 177 с.

Анкудинова Т.В., Гонохов А.Г. К вопросу о промышленном развитии Горного Алтая в 90-е гг. XX в. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета экономики и права, 2009. С. 240–244.

Гончарова О.А., Ложкина Н.Н. Условия и особенности развития системы здравоохранения в Горном Алтае в 1965–1985 гг. // Манускрипт. 2020. Т. 13, вып. 10. С. 92–95.

Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: историко-демографическое исследование. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2018. 368 с.

Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 291 с.

Караченцев И.С. Динамика численности городского населения Республики Алтай 1991–2017 гг. // Макарьевские чтения. Материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск: Издательство Горно-Алтайского государственного университета, 2019. С. 62–67.

Модоров Н.С. Горно-Алтайск: слово краткое о городе своем // История в подробностях. 2011. № 9 (15). С. 84–87.

Окатов А.В. Основные направления исследования демографических процессов в российском обществе в социально-гуманитарных науках // Социально-экономические явления и процессы. 2018. Т. 13, № 104. С. 22–33.

²² Рассчитано по: Горно-Алтайск. Социально-демографические аспекты... С. 19.

²³ Рассчитано по: Статистический ежегодник «Республика Алтай. 2017–2021». Горно-Алтайск, 2022. С. 32–33.

Пахаев С.Я., Федотов В.С., Яблочков В.А. Горно-Алтайск. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1965. 84 с.

Сибирские города XVII–XX вв. / отв. ред. О.Н. Вилков. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1981. 222 с.

Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – XX в. Ч. 1. Население. Экономика. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2003. 359 с.

Тиникова Е.Е. Брачность и разводимость населения городов Южной Сибири в середине XX– начале XXI вв. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 9. С. 81–92.

References

Ankudinova, T.V. (2007). *Istoriya stanovleniya i razvitiya Gorno-Altayska v pervoy polovine XX veka* [The History of the Formation and Development of Gorno-Altaysk in the First Half of the Twentieth Century]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 177 p.

Ankudinova, T.V., Gonokhov, A.G. (2009). K voprosu o promyshlennom razviti Gornogo Altaya v 90-e gg. XX v. [On the Question of Industrial Development of the Altai Mountains in the 90s of the 20th Century]. In *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik*. Irkutsk, pp. 240–244.

Dashinamzhilov, O.B. (2018). *Gorodskoe naselenie Zapadnoy Sibiri v 1960–1980-e gody: istoriko-demograficheskoe issledovanie* [The Urban Population of Western Siberia in the 1960s–1980s: A Historical and Demographic study]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN. 368 p.

Goncharova, O.A., Lozhkina, N.N. (2020). Usloviya i osobennosti razvitiya sistemy zdavoohraneniya v Gornom Altae v 1965–1985 gg. [Conditions and Features of the Development of the Healthcare System in the Altai Mountains in 1965–1985]. In *Manuscript*. Vol. 13, Iss. 10, pp. 92–95.

Isupov, V.A. (1991). *Gorodskoe naselenie Sibiri: ot katastrofy k vozrozhdeniyu (konets 30-kh – konets 50-kh gg.)* [Urban Population of Siberia: From Catastrophe to Rebirth (Late 30s – Late 50s)]. Novosibirsk, Nauka. 291 p.

Karachentsev, I.S. (2019). Dinamika chislennosti gorodskogo naseleniya Respubliki Altay 1991–2017 gg. [Dynamics of the Urban Population of the Altai Republic 1991–2017]. In *Makar'evskie chteniya. Materialy XIV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Gorno-Altaysk*, Izdatel'stvo Gorno-Altayskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 62–67.

Modorov, N.S. (2011). Gorno-Altaysk: slovo kratkoe o gorode svoem [Gorno-Altaysk: A Brief Word about This City]. In *Istoriya v podrobnostyah*. No. 9 (15), pp. 84–87.

Okatov, A.V. (2018). Osnovnye napravleniya issledovaniya demograficheskikh protsessov v rossiyskom obshchestve v sotsial'no-gumanitarnykh naukah [The Main Directions of the Study of Demographic Processes in Russian Society in the Social and Humanitarian Sciences]. In *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. Vol. 13, No. 104, pp. 22–33.

Pakhaev, S.Ya., Fedotov, V.S., Yablochikov, V.A. (1965). *Gorno-Altaysk* [Gorno-Altaysk]. Barnaul, Altayskoe knizhnoe izdatel'stvo. 84 p.

Skubnevsky, V.A., Goncharov, Yu.M. (2003). *Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – XX v. Ch. 1. Naselenie. Ekonomika* [Cities of Western Siberia in the Second Half of the 19th–20th Century. Part 1. Population. Economy]. Barnaul, Izdatel'stvo Altayskogo universiteta. 359 p.

Tinikova, E.E. (2019). Brachnost' i razvodimost' naseleniya gorodov Yuzhnoy Sibiri v seredine XX– nachale XXI vv. [Marriage and Divorce of the Population of the Cities of Southern Siberia in the Mid-20th– Early 21st Centuries]. In *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. No. 9, pp. 81–92.

Vilkov, O.N. (Ed.). (1981). *Sibirskie goroda XVII–XX vv.* [Siberian Cities of the 17th–20th Centuries]. Novosibirsk, Nauka. 222 p.

Л.Н. Славина*

**КАК ИЗМЕНИЛОСЬ НАСЕЛЕНИЕ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ.
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ЕЕ РАДИКАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**doi:10.31518/2618-9100-2023-4-15
УДК 94:314.1(571.1/5)"1991/2022"*Выходные данные для цитирования:**Славина Л.Н. Как изменилось население сибирской деревни. Демографические последствия ее радикальной трансформации // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 203–217. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-15.pdf>*

L.N. Slavina*

**HOW THE POPULATION OF THE SIBERIAN VILLAGE
HAS CHANGED. THE DEMOGRAPHIC CONSEQUENCES
OF ITS RADICAL TRANSFORMATION**

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-15

*How to cite:**Slavina L.N. How the Population of the Siberian Village has Changed. The Demographic Consequences of Its Radical Transformation // Historical Courier, 2023, No. 4 (30), pp. 203–217. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-15.pdf>]*

Abstract. In the article, using the example of the rural population of the Krasnoyarsk Territory, the problem of the nature and degree of influence of radical reforms on the demographic sphere of the village in the 1990–2000s is studied. On the basis of statistics, three groups of processes that determined the reproduction of the population are analyzed: mechanical movement, shifts in demographic structures, and natural increase. The processes in the villages of the region are compared with those in the Krasnoyarsk cities and villages of Russia as a whole. Long-term factors and specific reasons for strong changes in indicators in time series and deviations from the average Russian parameters are identified. It has been established that with the general radical transformation of the village, its demographic sphere has not changed radically, but strongly. The trends formed earlier continued to develop in the same direction. The regional processes took place in the context of the all-Russian, but at a higher pace, had a common quality with them, but differed in parameters. They continued to modernize, which is evidenced by the aging of the birth rate, a sharp decline in infant mortality and other signs. Since 1993, the regime of population reproduction has deteriorated fundamentally – the expanded growth has been replaced by depopulation. It is proven that the reason for this was not the reforms. In the new era, rural society was already in a state of demographic crisis, and reforms have aggravated it. Krasnoyarsk residents suffered especially heavy demographic losses. They had a higher rate of decline in numbers, aging, and an increase in mortality from all diseases. If at the turn of the 1990s most of their demographic characteristics were better than those of the rural population of Russia as a whole, they soon lost their advantages. The study once again reminds us that due to the uneven demographic development of territories and different groups of the population, their differentiated study is necessary, taking into account the all-Russian long-term development trends. This is the only way to understand the nature and strength of the impact of extreme changes in Russia on the reproduction of the population, its current state and development prospects.

Keywords: post-Soviet decades, rural population reproduction, depopulation, Krasnoyarsk Krai, Siberia.

The article has been received by the editor on 16.05.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Людмила Николаевна Славина**, доктор исторических наук, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия, e-mail: 200146@mail.ru
Lyudmila Nikolaevna Slavina, Doctor of Historical Sciences, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: 200146@mail.ru

Аннотация. На примере сельского населения Красноярского края исследуется проблема характера и степени влияния радикальных реформ на демографическую сферу деревни в 1990–2000-х гг. На основе статистики анализируются три группы процессов, определявших воспроизводство населения: механическое движение, сдвиги в демографических структурах и естественный прирост. Процессы в деревнях края сравниваются с аналогичными в красноярских городах и деревнях России в целом. Выделены долгосрочные факторы и конкретные причины сильных изменений показателей в динамических рядах и отклонений от среднероссийских параметров. Установлено, что при общей радикальной трансформации деревни ее демографическая сфера изменилась не радикально, но сильно. Сформировавшиеся ранее тренды продолжали развиваться в прежнем направлении. Краевые процессы шли в контексте общероссийских, но более высокими темпами, имели общее с ними качество, однако различались параметрами. Они продолжали модернизироваться, что доказывают постарение рождаемости, резкое снижение младенческой смертности и другие признаки. С 1993 г. режим воспроизводства населения ухудшился принципиально – расширенный прирост сменился депопуляцией. Доказано, что причиной этого были не реформы. В новую эпоху сельский социум входил уже в состоянии демографического кризиса, а реформы обострили его. Красноярцы понесли особенно тяжелые демографические потери. У них были выше темпы сокращения численности, старения, роста смертности от всех болезней. Если на рубеже 1990-х гг. большинство демографических характеристик у них было лучше, чем у сельских жителей России в целом, то вскоре они потеряли свои преимущества. Исследование в очередной раз напомнило, что из-за неравномерности демографического развития территорий и разных групп населения необходимо их дифференцированное изучение с учетом общероссийских долгосрочных тенденций развития. Лишь так можно понять характер и силу влияния экстремальных перемен в России на воспроизводство населения, его современное состояние и перспективы развития.

Ключевые слова: постсоветские десятилетия, воспроизводство сельского населения, депопуляция, Красноярский край, Сибирь.

Статья поступила в редакцию 16.05.2023 г.

Постановка проблемы. Постсоветское тридцатилетие уже вошло в историю сибирской деревни как период глубоких и драматических перемен, вызванных трансформацией общественного строя России. В деревне менялось все начиная с ее первоосновы – населения¹. Но насколько радикальными были изменения в нем и в чем конкретно состояли, мало кому известно. Современное сельское население Сибири, особенно ее восточной части, практически не изучается, хотя потребность в этом очевидна. Информация о нем встречается в коллективных монографиях историков «Миграция населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI», «Демографическая история Западной Сибири», исследованиях А.А. Бурматова, В.А. Кышпанаква, автора настоящей статьи, в работах экономистов². Но даже в совокупности они не дают представления о развитии сельского населения в постсоветском периоде. Для этого нужен специальный анализ, причем дифференцированный по разным территориям, так как Сибирь отличается большим внутренним разнообразием.

¹ См.: Вербицкая О.М. Российское село в 1990-е гг.: аграрная политика и социум. М.; СПб., 2022.

² Миграция населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI вв. Новосибирск, 2011; Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX вв.). Новосибирск, 2017; Бурматов А.А. Воспроизводство населения Западной Сибири в условиях перехода к рынку (1989–2002 годы) // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 187–202; Кышпанаква В.А. Население Хакасии в постсоветском периоде (1992–2022 годы). Абакан, 2022; Славина Л.Н. Население Восточной Сибири в контексте трансформации региона в постсоветские десятилетия // Десятые Байкальские социально-гуманитарные чтения. Материалы: в 2 т. Иркутск, 2017. С. 55–60; Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири // Формирование демографического потенциала Сибири. Новосибирск, 2014; Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Демографические проблемы Сибири в контексте пространственного развития // ЭКО. 2020. № 8. С. 48–65; и др.

Настоящая работа посвящена анализу демографического развития сельского населения Красноярского края. Нижнюю границу исследования – рубеж 1980–1990-х гг. – определило окончание советской и начало новой исторической эпохи, верхнюю – 2019–2022 гг. – изменение ситуации в связи с пандемией COVID-19. Эти события стали поворотными и в демографической сфере общества. Цель данной работы – выяснить характер и силу влияния радикальных реформ на воспроизводство сельского населения края. Заявленная проблематика потребовала решить ряд задач: 1) реконструировать динамику численности сельского населения и ее составляющих; 2) проследить изменение его демографической структуры; 3) определить основные тренды в механическом и естественном движении населения, их особенности в красноярских деревнях; 4) оценить характер изменений в демографическом поведении сельских жителей и их современное демографическое качество.

Поставленные задачи решаются на основе государственной статистики – итогов всеобщих переписей населения и текущей демографической статистики, опубликованной или размещенной на веб-ресурсах Росстата и Красноярскстата в Интернете. Для составления ретроспективных трендов процессов использовались данные из ЕМИСС (Единой межведомственной информационно-статистической системы), содержащей показатели по РФ и регионам³.

Характер источников обусловил выбор в качестве основных демографо-статистических методов исследования. Использование сравнительно-исторического подхода позволило проследить изменение объекта изучения – сельского населения края – во времени, сопоставить перемены в его демографическом облике с аналогичными в облике горожан края и сельских жителей Российской Федерации. Изменения в населении рассматриваются в контексте общественно-политических и экономических процессов.

Численность населения. Первый показатель состояния населения – динамика численности – свидетельствует о большом неблагополучии в Красноярском крае. После распада СССР его население начало быстро убывать и сократилось с 3 164,2 тыс. чел. в 1992 г. до 2 849,2 тыс. в 2022 г. – на 10,0 против 2,0 % в России (с Крымом). В крае стало на 111,1 тыс. меньше горожан (–4,8 %) и на 203,9 тыс. сельских жителей. Число последних уменьшилось с 833,7 тыс. до 629,8 тыс. чел. – на 24,5 против 6,1 % в Российской Федерации⁴.

Сельское население сокращалось в течение всего тридцатилетия, но в 2005, 2006, 2008, 2011 и 2013 гг. был небольшой прирост, составивший в общей сложности 20,5 тыс. чел. (табл. 1). Процесс шел неровно. До середины «нулевых» годов деревня жила в режиме «демографического сжатия», ежегодно теряя население. В 2005 г. оно составляло 704,6 тыс. чел. – 84,5 % от численности в начале 1992 г. В следующем десятилетии динамику процесса «лихорадило», и население еще сократилось к 2014 г. до 672,0 тыс. – 80,6 %. С 2015 г. рост потерь снова стал устойчивым, и в итоге к 2022 г. в деревнях края осталось 629,8 чел. – 75,5 % от уровня 1992 г.

Убыль сельского населения после 1991 г. отмечалась в 42 из 44 муниципальных районов края. Оно выросло лишь в Емельяновском (+59,0 % в 2022 г.) и Березовском (+17,2 %) районах, примыкающих к Красноярску. Размеры убыли очень неравномерные. В пяти районах население сократилось менее чем на 10 %, в четырех – на 10–20 %, в девяти – на 20–30 %, в семи – на 30–40 %, в одиннадцати – на 40–50 %, в трех – более чем на 50 %. По размерам потерь сельских жителей Красноярский край находится среди первых в СФО, а в крае «лидирует» Кежемский район, где их число уменьшилось в 4,2 раза (с 17,4 до 4,1 тыс. чел.).

Доля сельских жителей в населении края сократилась больше, чем в России. В 1992 г. она была такой, как в стране, – 26,3 и 26,4 %, а к 2022 г. снизилась до 22,1 % против 25,2 % в РФ. Это результат не особых успехов индустриализации и урбанизации края, а глубокого кризиса его деревни.

³ Все цифры в тексте, на которые нет сносок, приводятся по данным ЕМИСС [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴ ЕМИСС. Численность населения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения: 10.05.2023). Здесь и далее все даты, кроме оговоренных, приводятся на начало года.

Таблица 1

Размеры ежегодного общего прироста/убыли сельского населения
в Красноярском крае в 1991–2021 гг., чел.

Год	Прирост/убыль	Год	Прирост/убыль	Год	Прирост/убыль
1991	+8 297	2001	–11 179	2011	+685
1992	+2 018	2002	–11 955	2012	–3 284
1993	–5 797	2003	–8 356	2013	+7 087
1994	–22 743	2004	–3 576	2014	–6 898
1995	–12 715	2005	+4 361	2015	–4 588
1996	–11 074	2006	+2 867	2016	–5 262
1997	–11 110	2007	–13 796	2017	–4 843
1998	–10 944	2008	+5 475	2018	–5 334
1999	–9 011	2009	–5 083	2019	–1 018
2000	–12 697	2010	–11 989	2020	–5 183
				2021	–9 035

Источник: ЕМИСС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31272> (дата обращения: 10.05.2023).

Огромные потери сельских жителей – не новость для края. С 1959 по 1989 г. их число сократилось на 27,3 % против 29,1 % в РСФСР⁵. Но тогда это произошло только из-за механического оттока населения, а с 1993 г. к нему добавилась и естественная убыль.

В рассматриваемом тридцатилетии воспроизводство и демографическое развитие сельского социума края определяли, как всегда, три группы процессов: механическое и естественное движение, сдвиги в демографической структуре.

Первую группу процессов составляли миграция и административные преобразования городских поселений в сельские, и наоборот (АТП). Они шли особенно активно в первые 20 лет. Тогда за счет смены статуса поселений число сельчан приросло на 32,3 тыс. чел.⁶ Но это менее чем на треть компенсировало ущерб от миграции, сальдо которой почти всегда было отрицательным. Население из деревни «выталкивали» проблемы с трудоустройством, падение уровня и качества жизни, закрытие школ, ФАПов и пр. Миграционные потери начались в 1993 г. с 2 877 чел., в следующем году взлетели до 18 427 чел., в 1995 г. сократились до 8 802 чел. (табл. 2). Затем их динамика приобрела немонотонный характер с большими колебаниями по годам (от –7,7 тыс. до –1,9 тыс. чел.). В первом постсоветском десятилетии (1993–2000 гг.) потери деревень от миграции были самыми масштабными – 62,1 тыс. чел. В «нулевых» годах отток людей стал ровнее, меньше различался по годам и в общем снижался. А механический прирост в 2005, 2006 и 2008 гг. обеспечили, как и в дальнейшем, преобразования ПГТ в сельские поселения. За 2001–2010 гг. миграция «унесла» 42,8 тыс. чел. В целом же механическая убыль населения (с учетом АТП) с 1993 по 2010 г. составила 72,7 тыс. чел.

⁵ Некоторые показатели демографических процессов и социального развития в РСФСР: стат. сб. М., 1982. С. 20–21; Численность, состав и движение населения в Российской Федерации: стат. сб. М., 1992. С. 25, 27; ЕМИСС. Миграция населения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31272> (дата обращения: 10.05.2023).

⁶ Рассчитано по: Демографический ежегодник Красноярского края. 2010: стат. сб. Красноярск, 2011. С. 10.

Таблица 2

Механический прирост/убыль сельского населения
Красноярского края в 1991–2021 гг., чел.

Год	Прирост/убыль	Год	Прирост/убыль	Год	Прирост/убыль
1991	+12 095	2001	–6 343	2011	+1 210
1992	+1 524	2002	–6 366	2012	–3 422
1993	–2 877	2003	–2 590	2013	+6 895
1994	–18 427	2004	–1 706	2014	–6 820
1995	–8 802	2005	+10 477	2015	–3 134
1996	–7 245	2006	+7 100	2016	–3 690
1997	–7 117	2007	–11 512	2017	–3 055
1998	–7 211	2008	+7 460	2018	–3 071
1999	–3 844	2009	–3 811	2019	+1 849
2000	–7 278	2010	–5 995	2020	–1 144
				2021	–3 570

Источник: ЕМИСС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31272> (дата обращения: 10.05.2023).

Примечание: показатели включают сальдо миграции и итоги АТП.

После 2010 г. сальдо миграции продолжало оставаться отрицательным. При этом миграционный потенциал деревни истощался, уменьшался ежегодный миграционный оборот. Совокупные потери сельского населения края от миграции и АТП за 2011–2021 гг. составили 29,5 тыс. чел., а за весь тридцатилетний период, по нашим подсчетам, – 102,2 тыс. К сожалению, эта статистика далеко не точная, так как в сельской местности очень плохо ведется учет миграции. По данным Росстата можно судить лишь об основных ее трендах и примерных объемах потоков.

Демографическая структура населения. Под воздействием реформ активизировалась вторая группа процессов – структурных, которые во многом определяют количество демографических событий по годам. Возрастно-половая (демографическая) структура вступавших в новый этап развития сельских жителей была изрядно деформированной катаклизмами XX в. Теперь стали добавляться новые внешние воздействия.

Глобальный тренд структурных процессов в демографической сфере – старение населения. Сельские жители края, как и всей России, находятся в нем с XX в. В советское время они старели медленнее сельских жителей РСФСР и оставались намного моложе. В 1989 г. лица в возрасте 60 лет и старше составляли среди них 11,2 %, а в населении российских деревень – 18,4 %. По принятой в России шкале старения красноярцы находились в преддверии старости, сельские жители РСФСР – на ее высоком уровне.

С конца 1980-х гг. из-за падения рождаемости и роста оттока молодежи из деревни темпы старения красноярцев ускорились и стали выше среднероссийских. К 2002 г. удельный вес когорт старше 60 лет вырос среди них до 15,2 %, к 2010 г. – до 16,1 %. В конце «нулевых» годов процесс еще более активизировался в связи с вступлением в старший возраст многочисленных поколений 1950-х гг. В 2019 г. доля лиц старше 60 лет у красноярцев стала такой же, как у сельчан России, – 22,5 %. Пандемия COVID-19, вызвав всплеск смертности в старших когортах, затормозила старение. В начале 2022 г. лица старше 60 лет

по-прежнему составляли в деревнях края 22,5 % против 22,4 % в селах РФ⁷. Теперь население края и России находится в одной фазе – глубокой старости.

Вместе с ростом удельного веса старших поколений в сельском населении снижалась доля детей и подростков в возрасте 0–15 лет. В 1989 г. они составляли 28,7 %, на одного «старика» старше 60 лет приходилось по 2,6 «ребенка». В 2018 г. их численность сравнялась, а в начале 2022 г. удельный вес детей составлял 21,2 % против 22,5 % «стариков».

С постарением деревни ухудшался ее трудоспособный контингент. Сначала его доля в населении выросла с 54,0 % в 1989 г. до 59,4 % в 2010 г. благодаря вступлению в рабочий возраст многочисленных поколений 1970–1980-х гг. рождения, а в пенсионный – малочисленных поколений 1940-х. Но на рубеже 2010-х гг. рабочего возраста стали достигать рожденные в 1990-х гг. немногочисленные дети, а пенсионного – многочисленные поколения конца 1940-х – начала 1960-х гг. Удельный вес трудоспособных лиц в населении начал падать. К старту пенсионной реформы в 2019 г. он составлял 51,6 %. Повышение границы пенсионного возраста проблему трудовых ресурсов не решило. В 2022 г. в деревнях края рабочий возраст (в новых границах) имели 337,7 тыс. жителей – на 24,7 % меньше, чем в 1989 г. (448,1 тыс.).

Структура иждивенческой нагрузки в деревнях края значительно изменилась и стала хуже, чем в деревнях РФ (табл. 3). Сначала она «полегчала» почти на 20 %, но после 2007 г. снова начала «тяжелеть». Ухудшилось ее качество: к 2019 г. нагрузка детьми снизилась на 20,0 % по сравнению с 1989 г., а «стариками» – на 12,0 % выросла. Число иждивенцев приблизилось к числу кормильцев. Повышением пенсионного возраста бремя нагрузки удалось ослабить. В 2022 г. на тысячу работников приходилось 395 детей и 470 пенсионеров, всего 865 чел. Но этот ход тактический, сельский социум стареет быстро.

Таблица 3

Демографическая нагрузка на трудоспособное сельское население в Красноярском крае и РСФСР/РФ в 1989–2019 гг.

Красноярский край				РСФСР/РФ			
Год	На 1 000 чел. трудоспособных приходится			Год	На 1 000 чел. трудоспособных приходится		
	детей 0–15 лет	пенсионеров 55/60 лет и старше	всего		детей 0–15 лет	пенсионеров 55/60 лет и старше	всего
1989	518	318	836	1989	512	428	940
2002	393	350	743	2002	383	402	785
2010	328	356	684	2010	316	374	690
2019	418	519	937	2019	379	505	884

Составлено по: Возрастной состав населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1990. С. 29, 306; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 2: Возрастно-половой состав и состояние в браке. М., 2004. С. 16, 240; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 2: Возрастно-половой состав и состояние в браке. М., 2012. С. 16, 240; Красноярский краевой статистический ежегодник, 2022. Красноярск, 2022. С. 40; Демография [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 10.05.2023).

⁷ Возрастной состав населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1990. С. 29, 306; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 2: Возрастно-половой состав и состояние в браке. М., 2004. С. 16, 240; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 2: Возрастно-половой состав и состояние в браке. М., 2012. С. 16, 240; Красноярский краевой статистический ежегодник, 2022. Красноярск, 2022. С. 40; Годовые сборники [Электронный ресурс]. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/30015> (дата обращения: 10.05.2023).

Вместе со старением в населении менялось соотношение численности полов. До 1990-х гг. в деревнях края оно было ровнее, среди жителей преобладали мужчины, а не женщины, как в городах края и деревнях РСФСР (табл. 4), и женский перевес начинался с 55 лет, а не с 45, как в сельском населении России. Из-за роста мужской сверхсмертности в 1990-х гг. в деревнях края тоже стало больше женщин, и все последующее время их численный перевес увеличивался, тогда как у среднестатистических сельчан России уменьшался. К 2020 г. показатели в деревнях края и России практически сравнялись – 1 068 и 1 070 женщин на 1 000 мужчин, и перевес женщин везде начинается с 45 лет.

Таблица 4

Соотношение численности полов в населении Красноярского края и РСФСР/РФ в 1989–2020/2021 гг. (по переписям населения)

Территория	Число женщин на 1 000 мужчин			
	1989	2002	2010	2020/2021
Красноярский край: деревня	974	1 051	1 051	1 068
Красноярский край: город	1 092	1 149	1 178	1 175
РФ: деревня	1 125	1 099	1 094	1 070

Составлено по данным табл. 3.

Характер естественного движения – третьей, основной группы процессов, определявших воспроизводство населения, – в крае остался таким же, как в России в целом. Качественных отличий у красноярцев не появилось, различались лишь параметры процессов. Развивавшиеся в 1990–2000-х гг. демографические тренды сформировались в XX в. Тогда в основном осуществилась, но не завершилась модернизация воспроизводства населения – демографический переход. Жители Красноярского края, особенно сельские, отставали в этом переходе от среднестатистических россиян. После 1991 г. они продолжили его, но уже темпами выше среднероссийских.

В постсоветский период жители России входили в условиях нарастающего кризиса рождаемости и смертности, из-за чего стремительно падал естественный прирост населения. В красноярских деревнях он был выше, составлял в 1991 г. 3,3 ‰ против 1,1 ‰ в деревнях РСФСР и обеспечивал замещение поколений с «запасом». Но ситуация ухудшалась стремительно, особенно в крае (табл. 5).

Таблица 5

Основные показатели воспроизводства сельского населения Красноярского края и РСФСР/РФ в 1987–2021 гг.

Год	Красноярский край			РСФСР/РФ		
	на 1 000 жителей число			на 1 000 жителей число		
	рождений	смертей	естественный прирост	рождений	смертей	естественный прирост
1987	20,9	10,8	10,1	18,6	12,7	5,9
1991	15,2	11,9	3,3	14,5	13,4	1,1
1992	13,6	13,0	0,6	13,2	14,1	–0,9
1993	11,8	15,3	–3,5	11,5	16,4	–4,9

Окончание табл. 5

Год	Красноярский край			РСФСР/РФ		
	на 1 000 жителей число			на 1 000 жителей число		
	рождений	смертей	естественный прирост	рождений	смертей	естественный прирост
1994	11,5	16,8	-5,3	11,4	17,5	-6,1
1999	10,0	16,8	-6,8	9,6	16,7	-7,1
2005	11,6	20,3	-8,7	11,0	18,6	-7,6
2010	15,0	16,9	-1,9	14,0	16,1	-2,1
2011	15,1	15,9	-0,8	14,1	15,2	-1,1
2012	16,1	15,9	+0,2	14,7	14,8	-0,1
2013	15,9	15,6	+0,3	14,5	14,5	-0,02
2014	15,6	15,7	-0,1	14,4	14,5	-0,1
2016	13,3	15,7	-2,4	12,2	14,2	-2,0
2019	10,8	15,2	-4,4	9,8	13,3	-3,5
2020	10,1	16,4	-6,3	9,6	15,4	-5,8
2021	10,4	19,0	-8,6	9,5	17,5	-8,0

Источник: Население [Электронный ресурс]. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/32970> (дата обращения: 10.05.2023).

В естественном движении населения Красноярского края в постсоветское время выделяются два цикла (периода). Первый имел длинную фазу с конца 1980-х гг. до середины «нулевых», когда ухудшались параметры всех процессов, и короткую фазу их улучшения, продолжавшуюся до середины 2010-х гг. С 2015 г. идет первая фаза второго цикла, отмеченная ухудшением всех показателей, которое усугубилось пандемией COVID-19.

Рождаемость. До середины «нулевых» годов репродуктивная сфера России развивалась почти без поддержки государства. Тогда росло число потенциальных матерей, поскольку в детородный возраст входило многочисленное поколение 1970–1980-х гг. Но люди не спешили заводить детей в условиях тотального кризиса в стране и массово откладывали это событие «на потом». Везде ускорилось сокращение числа ежегодных рождений из-за обвала уровня рождаемости (интенсивности рождений). Его показатель – суммарный коэффициент рождаемости (СКР) – составлял в 1986–1987 гг. в деревнях края 3,451 (ребенка на одну женщину) против 3,162 по селам РСФСР⁸. В 1992 г. он упал до 2,369, а в 1994 г. – до 1,990, почти до среднего по селам России (1,917) (табл. 6).

У красноярцев уровень рождаемости падал во всех возрастах, и миллениум они встретили с самыми низкими показателями. В 1999 г. СКР в красноярских деревнях упал до 1,661 против 1,534 в деревнях России. Он снизился по всем районам края и везде, кроме двух, опустился ниже уровня простого воспроизводства (2,10–2,15). Но его размеры колебались, например, в 2003–2005 гг. – от 1,317 в пригородном Емельяновском районе до 2,185 в таежном Партизанском⁹.

⁸ Демографический ежегодник Красноярского края... С. 42; Демографический ежегодник России. 2006. М., 2006. С. 93.

⁹ Демографический ежегодник Красноярского края... С. 44–45.

Таблица 6

Повозрастные и суммарные коэффициенты рождаемости
в сельской местности Красноярского края в 1990–2021 гг.

Год	Родившиеся живыми на 1 000 женщин в возрасте, лет							Суммарный коэффициент рождаемости
	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	
1990	102,1	214,1	115,5	69,4	32,8	11,1	0,5	2,850
1992	88,6	186,8	93,5	51,6	25,5	7,5	0,9	2,369
1999	57,4	130,4	79,1	37,5	15,8	3,8	0,2	1,661
2006	48,7	152,8	86,5	43,8	18,7	3,4	0,2	1,781
2007	49,4	152,3	103,4	59,9	23,9	4,7	0,2	1,981
2014	55,2	218,1	155,7	88,4	41,7	8,2	0,2	2,908
2019	35,5	106,9	158,0	88,6	39,6	8,4	0,5	2,250
2020	33,9	97,0	135,2	94,8	40,1	9,0	0,2	2,120
2021	31,6	98,8	129,6	106,7	45,0	8,2	0,6	2,190
Города края	11,9	68,0	86,6	63,8	37,0	8,4	0,4	1,390
РФ: село	21,3	85,0	106,1	80,7	41,6	9,3	0,4	1,730

Источник: Суммарный коэффициент рождаемости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517>; <https://www.fedstat.ru/indicator/30973> (дата обращения: 10.05.2023).

Общий подъем рождаемости в деревнях края, как и в России, обозначился в «нулевых» годах, когда социально-экономическая ситуация стала улучшаться, а женский репродуктивный контингент был еще многочисленным. С 2000 г. у красноярцев начал робко и неустойчиво расти СКР и проявилось уже идущее в России с середины 1990-х гг. постарение репродуктивного процесса – рост рождаемости в более зрелых возрастах, так как женщины стали реализовывать отложенные ранее рождения. Средний возраст матерей при рождении детей в деревнях края вырос с 24,34 в 1995 г. до 24,96 в 2000 г. и 26,01 года в 2009 г., в городах – с 24,65 до 25,76 и 27,59 года соответственно. Сельские матери России «постарели» за этот срок с 24,60 до 26,80 года¹⁰. В 2010-х гг. процесс продолжился.

В 2007 г. с активизацией прокреативной политики государства рост рождаемости ускорился. Сельчане живо реагировали на материнский капитал, краевую программу «4Д (дом, демография, деревня, дети)» и другие меры властей. Уровень рождаемости повысился во всех возрастах (табл. 6). В группе 20–24-летних женщин он вырос с 2007 по 2014 г. на 43,2 %, 25–29-летних – на 50,6 %, 30–34-летних и старше – вдвое. В 2009 г. СКР пересек границу простого воспроизводства (2,161), а в 2014 г. достиг 2,908 – наилучшего после 1988 г. показателя, стал выше, чем в городах (1,610) и деревнях России (2,320)¹¹. Число новорожденных в деревнях края увеличилось с 7,9 тыс. в 2000 г. до 8,3 тыс. в 2006 г. и 10,7 тыс. в 2012 г., почти до уровня 1992 г.¹²

¹⁰ Демографический ежегодник Красноярского края... С. 76; Демографический ежегодник России. 2019. М., 2019. С. 66; Суммарный коэффициент рождаемости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 01.05.2023).

¹¹ Суммарный коэффициент рождаемости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 01.05.2023).

¹² Число родившихся (без мертворожденных) за год [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31606> (дата обращения: 01.05.2023).

Однако, достигнув максимального за постсоветское время показателя, количество рождений с 2013 г. снова начало сокращаться. Причиной стало ухудшение структурного фактора – начало вступления в лучший детородный возраст малочисленного поколения 1990-х и выход из него когорт 1970-х гг. В деревнях края, как по всей России, наступило длительное сокращение числа потенциальных матерей. С 2015 г. еще стал падать уровень рождаемости. В 2019 г. СКР снизился до 2,250, а число новорожденных уменьшилось на 35,5 % по сравнению с 2012 г.

Второе за постсоветские годы падение уровня рождаемости отличается от первого. В 1990-х гг. оно шло во всех возрастах, теперь – лишь в когортах до 25 лет, а в остальных наблюдается рост. С 2017 г. впервые в деревнях края самая высокая рождаемость стала отмечаться у 25–29-летних женщин, а не у 20–24-летних, как было с 1950-х гг. В городах края это случилось в 2007 г., в деревнях РФ – тоже в 2017 г.

Пандемия COVID-19 практически не нарушила детородного процесса у красноярцев. В 2020 г. рождались дети, зачатые до нее. И в 2021 г. процесс не обрушился, чего опасались. Но СКР в деревнях края впервые с 2008 г. вернулся на границу простого воспроизводства (2,120 и 2,190 в 2020–2021 гг.).

Главным итогом трансформации рождаемости в красноярской деревне стало уменьшение ежегодного количества новорожденных с 12 527 чел. в 1991 г. до 6 568 в 2021 г., практически вдвое при сокращении населения на четверть. В этом «виноваты» оба фактора: и структурный – уменьшилось число матерей, и поведенческий – упал уровень рождаемости. Репродуктивное поведение сельчан перестроилось, изменился режим рождаемости. До 1990-х гг. она молодела: основные рождения концентрировались в возрастах до 25 лет, что делало процесс уязвимым из-за больших перепадов в численности смежных поколений женщин. Теперь рождаемость стареет: по сравнению с началом 1990-х гг. ее уровень вырос во всех когортах с 25 лет и сократился в более молодых возрастах. Расширение возрастных границ сделало детородный процесс более устойчивым. Это одно из немногих демографических достижений.

Перспективы развития рождаемости в красноярских деревнях плохие, хотя там ее уровень выше, чем в России и в городах края. Он, как показала перепись 2020 г., давно стабилизировался на границе простого воспроизводства, а повышение его в 2000-х гг. – временный ответ на прокреативные меры властей. Тогда он был положительным, а теперь сельчане реагируют слабо. К тому же сокращение числа сельских женщин в лучших репродуктивных возрастах продолжится до 2030-х гг. Его усугубляет женская миграция из деревни, которую не удастся остановить с 1950-х гг.

Смертность. Смертность в деревнях края имела больше особенностей, чем рождаемость. Ее общий коэффициент в 1991 г. составлял 11,9 ‰ (табл. 5). Он был ниже среднего по сельской России (13,4 ‰), но лишь потому, что среди красноярцев было меньше стариков. Уровень же смертности (интенсивность вымирания) у них был выше во всех возрастах начиная с младенцев.

Постсоветский период начался на волне ухудшения всех показателей смертности. Ее рост, шедший с 1988 г., ускорился в 1990-х гг. и продолжался до середины «нулевых». С конца 1990-х гг. ее общий коэффициент в деревнях края стал выше среднероссийского, а в 2005 г. достиг максимума – 20,3 против 14,2 ‰ в городах края и 18,6 ‰ в деревнях РФ¹³. Двукратный рост смертности за неполные 20 лет (при полуторакратном по селам РФ) лучше всех показателей отразил шок красноярцев от деградации экономики и падения уровня жизни, разрушения системы здравоохранения. Разница между показателями смертности в районах была огромной. Так, в 2005 г. ее общие коэффициенты колебались от 9,4 ‰ на Таймыре до 26,7 ‰ в Боготольском районе в центре края¹⁴.

Благодаря улучшению ситуации в России и реализации ряда социальных мер, начиная с Национального проекта «Здоровье», рост смертности удалось остановить. С 2006 г. началось

¹³ Смертность от всех причин, случаев на 1 000 населения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43516> (дата обращения: 10.05.2023).

¹⁴ Демографический ежегодник Красноярского края... С. 32–39.

ее снижение. Ее общий коэффициент упал до 15,9 ‰ в 2011 г., затем замедлил движение и замер в 2017–2019 гг. на 15,2 ‰. Но пандемия вновь вызвала его рост до 19,0 ‰ в 2021 г.

Структура причин смертности точно характеризует состояние социума. Накануне распада СССР причины смерти в деревнях края были уже весьма модернизированными, главной угрозой для жизни стали сердечно-сосудистые и онкологические болезни (табл. 7). Их уровень был ниже среднероссийского, но быстро рос. Сельская медицина не справлялась с этими заболеваниями, а часто и с традиционными, уже излечимыми. Так, смертность от инфекционных и паразитарных болезней в деревнях края была в 1,5 раза выше, чем в городах и в сельской России. Больше людей умирало и от внешних травматических воздействий.

Таблица 7

Коэффициенты смертности по основным классам причин смерти
в Красноярском крае и в России в 1991–2019 гг.

	Число умерших на 100 тыс. жителей					
	Класс 1	Класс 2	Класс 3	Класс 4	Класс 5	Класс 6
1991						
Красноярский край, деревня	23,9	72,7	34,6	574,1	179,7	194,7
город	14,7	38,6	25,2	394,4	170,8	132,1
РСФСР, деревня	15,3	89,5	29,9	741,3	188,3	170,6
2005						
Красноярский край, деревня	48,7	114,2	92,7	956,8	201,4	368,1
город	35,5	75,5	89,0	656,1	192,7	266,1
РСФСР, деревня	28,6	87,6	60,5	1066,4	181,3	257,3
2019						
Красноярский край, деревня	35,8	90,4	113,4	713,1	272,4	180,0
город	34,7	62,9	80,0	553,8	220,7	107,0
РСФСР, деревня	19,7	53,2	67,1	586,3	184,7	115,1

Источник: Демография [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 10.05.2023).

Примечание: Классы причин смерти: 1 – инфекционные и паразитарные болезни; 2 – болезни органов дыхания; 3 – болезни органов пищеварения; 4 – болезни системы кровообращения; 5 – новообразования; 6 – внешние воздействия: отравления, травмы и несчастные случаи без травм на транспорте, убийств и самоубийств.

Начало реформ, вызвавшее сильный стресс у населения, резко обострило кризис смертности. Ее уровень в деревнях края поднялся во всех возрастах и от всех причин. С 1991 по 2005 г. в 1,7 раза выросла смертность от болезней системы кровообращения, в 1,2 – от новообразований, в 2,1 – от инфекционных и паразитарных заболеваний, в 2,4 – от болезней органов пищеварения, в 1,5 раза – органов дыхания. В дальнейшем красноярцы обогнали сельчан России по всем показателям. Уровень смертности от болезней системы кровообращения в 1991 г. составлял у них 77 % от среднероссийского, в 2005 г. – 90 %, а в 2019 г. – 123 %, от онкологических болезней – 95,4, 111,1 и 147,5 % соответственно. Конечно, такой рост вызвало не столько постарение красноярцев, сколько ухудшение их жизни.

Силу шока от реформ особенно видно по росту смертей от внешних причин. Деревни края давно отличались их широким распространением. В конце 1950-х гг. они вышли

на второе место по числу жертв и оставались на нем до 2013 г., оттеснив новообразования на 3-е место. А по уровню убийств и самоубийств, случаев отравления алкоголем деревни края «лидируют» в России.

Большинство негативных явлений в сфере смертности не преодолевались, а некоторые углублялись. Так, сохранялся большой разрыв между показателями смертности горожан и сельчан. В 1991 г. ее общие коэффициенты составляли 11,9 ‰ в деревнях края и 8,5 ‰ в городах, в 2019 г. – соответственно 15,2 и 11,4 ‰. Этот разрыв частично объясняется более старым населением в деревне. Но главные причины, конечно, лежат в разных уровнях доходов, качестве медицинской помощи, охраны труда, безопасности в обществе, различиях в витальном поведении.

Не преодолены критически большие различия смертности по полу. У мужчин ее уровень от всех причин намного выше. Например, в 2010 г. они умирали в 1,6–1,7 раза чаще женщин от болезней органов пищеварения, сердца и сосудов, в 2 раза – от новообразований, в 3,3 раза – от инфекций, в 3,6 раза – от болезней органов дыхания и внешних воздействий. Особенно большие различия между полами в рабочих возрастах. На эту часть населения пришелся основной удар реформ, и в ней сразу же взлетела смертность – с 540,8 чел. на 100 тыс. жителей в 1990 г. до 1 035,1 чел. в 1994 г. Затем она начала снижаться, но медленно, и вернулась к уровню 1990 г. лишь в 2019 г. (550,8 чел. против 490,0 чел. в целом по деревням РФ). При этом мужская смертность осталась в 3,4–3,8 раза выше женской¹⁵.

К достижениям красноярцев в борьбе со смертностью в постсоветское время относится снижение ее у младенцев. В 1991 г. младенческая смертность в деревнях края (24,7 ‰) была на четверть выше, чем в городах (19,5 ‰) и в сельской России (19,1 ‰). К 1999 г. она еще выросла до 32,0 ‰ – уровня конца 1950-х гг. Ее снижение началось с 2000 г., и к 2020 г. она уменьшилась в 5 раз – до 6,6 ‰, почти до уровня красноярских городов (4,8 ‰) и деревень России (4,9 ‰). В 2016 г. впервые в красноярских деревнях она опустилась ниже 10,0 ‰. В городах это произошло в 2008 г., в селах РФ – в 2009 г.¹⁶

Снижение смертности обеспечило рост ожидаемой продолжительности жизни населения при рождении (ОПЖ). По этому интегральному показателю здоровья и качества жизни людей удобно сравнить степень благополучия в деревнях с городами края и сельской местностью России в целом. Показатели ОПЖ в крае всегда были хуже среднероссийских: жизнь короче, а разница между полами, горожанами и сельчанами больше. Так, в 1991 г. ОПЖ сельских жителей в крае – 65,7 года – была на 3,1 года короче, чем в городах, и на 2 года короче, чем в сельской местности РФ (табл. 8).

Таблица 8

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
в Красноярском крае и Российской Федерации в 1991–2022 гг., лет

Год	Красноярский край						Российская Федерация, деревня		
	деревня			город			муж.	жен.	о.п.
	муж.	жен.	о.п.	муж.	жен.	о.п.			
1991	60,4	71,9	65,7	63,3	73,9	68,8	61,7	73,8	67,7
1994	54,2	68,0	60,1	55,1	69,1	61,5	56,7	70,7	63,1
2000	54,4	68,0	60,4	56,7	70,4	63,2	58,1	71,7	64,3
2005	53,7	66,5	59,3	57,6	71,6	64,3	57,2	71,1	63,5

¹⁵ Численность, состав и движение населения в Российской Федерации: стат. сб. М., 1992. С. 275, 280; Население [Электронный ресурс]. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/32970> (дата обращения: 01.05.2023).

¹⁶ Число умерших детей до 1 года на 1 000 родившихся живыми за год [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31166> (дата обращения: 01.05.2023).

Окончание табл. 8

Год	Красноярский край						Российская Федерация, деревня		
	деревня			город			муж.	жен.	о.п.
	муж.	жен.	о.п.	муж.	жен.	о.п.			
2010	58,5	71,2	64,2	62,7	74,6	68,7	61,2	73,4	66,9
2015	61,0	72,5	66,3	64,9	76,2	70,7	64,7	75,6	69,9
2019	63,2	73,4	67,9	66,6	77,0	72,1	67,4	77,4	72,2
2020	63,1	72,9	67,6	64,8	75,7	70,4	66,0	75,8	70,7
2021	61,9	71,1	66,1	64,0	73,6	68,9	65,1	73,9	69,3
2022	61,1	72,8	66,5	66,3	76,8	71,7	66,7	77,1	71,7

Источник: Ожидаемая продолжительность жизни при рождении [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 01.05.2023).

В постсоветское время динамика показателя ОПЖ в красноярских деревнях долго была неблагоприятной. С 1991 по 1994 г. он сократился на 5,6 года – до 60,1 года, и продолжал уменьшаться. Если в деревнях РФ и городах края «дном» провала стал 1994 г., то в красноярских деревнях – 2005 г., когда ОПЖ упала до 59,3 года – уровня 50-летней давности. Ее рост начался лишь с 2006 г. В 2010 г. она достигла показателей начала 1990-х гг., в 2019 г. – максимума в своей истории (67,9 года), а фактически едва превзошла высшее достижение советского периода (67,8 года в 1987 г.). Во время пандемии ОПЖ сократилась повсюду, но в разной мере и ненадолго. С 2022 г. снова начался ее рост. Рожденным в том году в деревнях красноярцам обоих полов предстоит прожить 66,5 года. Продолжительность жизни в деревнях края в настоящее время (в 2022 г.) лишь на 0,8 года длиннее, чем в 1991 г., тогда как в городах она выросла на 2,9 года, в деревнях РФ – на 4,0. В 2022 г. жизнь сельчан была короче в крае, чем в России и у горожан, уже на 5,2 года.

За 30 лет женская жизнь в деревнях края стала длиннее лишь на 0,9, мужская – на 0,7 года. Достигнутый в 2019 г. наивысший показатель у мужчин – 63,2 года – был почти на 2 года ниже новой границы их пенсионного возраста, в 2022 г. – на 4. Разрыв между полами не преодолевается. В самые худшие годы он превышал 13 лет (в 1994 г. – 13,8 года, в 2000 г. – 13,6), а в 2022 г. составлял 11,7 года, больше, чем в 1991 г. (11,5 года). Столь глубокое гендерное неравенство перед лицом смерти – главная причина большого числа неполных семей и одиноких женщин в средних и старших возрастах в деревне.

Естественный прирост, интегрирующий результаты развития рождаемости и смертности, в красноярских деревнях находится в глубоком кризисе весь тридцатилетний период. До 1990-х гг. он частично компенсировал механическую убыль населения, а теперь и сам стал источником потерь (табл. 5). В 1992 г. он опустился на уровень простого воспроизводства (0,6 ‰), в 1993 г. стал отрицательным (–3,5 ‰). Впервые после войны в деревнях края началась депопуляция, в которую они вошли в режиме крутого пике. Перепады в динамике рождаемости и смертности по годам обусловили нестабильность размеров потерь. Но общая тенденция их устойчивого роста до середины нулевых годов была четкой. В 2005 г. в деревнях края отмечалась максимальная за постсоветское время естественная убыль населения – 6 116 чел. (–8,7 ‰).

С ослаблением после 2005 г. напряжения в сферах рождаемости и смертности началось сокращение естественных потерь жителей в красноярских деревнях. В 2012 и 2013 гг. там даже отмечался символический прирост – 0,2 и 0,3 ‰ (138 и 192 чел. соответственно). Но с 2014 г. рост естественной убыли возобновился. Он отличался от предыдущего более быстрыми темпами и твердой динамикой. Пандемия COVID-19 придала ему новый импульс.

На ее пике в 2021 г. потери достигли –8,6 % – уровня 2005 г.¹⁷ С 1993 по 2021 г. красноярские деревни лишились из-за отрицательного естественного прироста населения свыше 91,0 чел., немногим меньше, чем от механического оттока.

Заключение. Из анализа процесса воспроизводства населения в постсоветское тридцатилетие следуют однозначные выводы. Влияние реформ на сельское население Красноярского края, как и России в целом, было глубоким, но не радикальным, хотя большинство его демографических характеристик ухудшилось. В момент распада СССР красноярцы обладали множеством демографических преимуществ перед среднестатистическими сельскими жителями РСФСР: были моложе, имели равное соотношение полов, ниже уровень смертности от большинства классов причин, выше уровень рождаемости и естественного прироста.

В условиях последующей радикальной трансформации всего строя жизни темпы демографических процессов в деревнях края ускорились и стали выше аналогичных в деревнях РФ в целом. Сформировавшиеся ранее тенденции развивались в прежнем направлении. Воспроизводство сельского социума продолжало модернизироваться в рамках общероссийских трендов. Самым ярким проявлением модернизации стало постарение рождаемости и снижение до уровня развитых стран младенческой смертности. В числе антимодернизационных явлений осталась большая разница в параметрах процессов в городах и деревнях, в мужской и женской половинах социума.

Сильные колебания по годам динамики рождаемости, смертности и миграции свидетельствуют, что эти процессы не стабилизировались. Значит, теоретически остается возможность воздействия на них. Этот вывод особо актуален сейчас, когда с середины 2010-х гг. ухудшаются все их параметры и ускоряется убыль населения.

Красноярцы менялись быстрее, чем сельчане РФ. Они быстрее старели, значительно больше сократилась их численность, изменились соотношения в численности полов, стала глубже диспропорция между ними, на половозрастной пирамиде появилась новая «демографическая яма», созданная резким снижением рождаемости в 1990-х гг. У них стала выше смертность от всех классов причин, увеличилось отставание по величине ОПЖ. Красноярцы утратили все свои демографические преимущества и лишь сохранили чуть выше уровень рождаемости.

После проведенного анализа напрашивается вопрос: если на высшем государственном уровне признано, что негативные тенденции в демографической сфере России приняли угрожающий характер для ее национальной безопасности¹⁸, то как оценить ситуацию в красноярской деревне, где все показатели намного хуже? По ходу исследования возникло много вопросов. Самый главный – почему так резко ускорились и ухудшились все процессы в красноярских деревнях? Для ответа, безусловно, требуется тщательное изучение ситуации в крае и трезвая оценка ее перспектив с учетом общероссийских, краевых и внутрикраевых долгосрочных тенденций развития. Лишь это поможет понять суть происходящего с населением.

Литература

Бурматов А.А. Воспроизводство населения Западной Сибири в условиях перехода к рынку (1989–2002 годы) // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 187–202 [Электронный ресурс]. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-16.pdf> (дата обращения: 01.05.2023).

Вербицкая О.М. Российское село в 1990-е гг.: аграрная политика и социум. М.; СПб.: Б.и., 2022. 336 с.

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX вв.) / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Б.и., 2017. 350 с.

¹⁷ Общий коэффициент естественного прироста [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31267> (дата обращения: 01.05.2023).

¹⁸ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 30.04.2023).

Кышпанакон В.А. Население Хакасии в постсоветском периоде (1992–2022 годы). Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2022. 172 с.

Миграция населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI вв. / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Параллель, 2011. 392 с.

Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири // Формирование демографического потенциала Сибири / отв. ред. В.В. Кулешов. Новосибирск: Изд-во Сибирского отд-ния Российской акад. наук, 2014. 269 с.

Славина Л.Н. Население Восточной Сибири в контексте трансформации региона в постсоветские десятилетия // Десятые Байкальские социально-гуманитарные чтения. Материалы: в 2 т. Иркутск: ИГУ, 2017. Т. 1. С. 55–60.

Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Демографические проблемы Сибири в контексте пространственного развития // ЭКО. 2020. № 8. С. 48–65.

References

Burmatov, A.A. (2022). *Vosproizvodstvo naseleniya Zapadnoy Sibiri v usloviyakh perekhoda k rynku (1989–2002 gody)* [Reproduction of the Population of Western Siberia in the Transition to a Market Economy (1989–2002)]. In *Istorichesky kurier*. No. 4 (24), pp. 187–202. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-16.pdf> (date of accesses 01.05.2023).

Isupov, V.A. (Ed.). (2011). *Migratsiya naseleniya Aziatskoy Rossii: konets XIX – nachalo XXI vv.* [Migration of the Population of Asian Russia: The End of the 19th – the Beginning of the 21st Centuries]. Novosibirsk, Parallel'. 392 p.

Isupov, V.A. (Ed.). (2017). *Demograficheskaya istoriya Zapadnoy Sibiri (konets XIX – XX vv.)* [Demographic History of Western Siberia (Late 19th–20th Centuries)]. Novosibirsk. 350 p.

Kuleshov, V.V. (Ed.). (2014). *Perspektivy i riski razvitiya chelovecheskogo potentsiala v Sibiri // Formirovanie demograficheskogo potentsiala Sibiri* [Prospects and Risks of Human Development in Siberia // Formation of the Demographic Potential of Siberia]. Novosibirsk, Izd-vo Sibirskogo otd-niya Rossiyskoy akademii nauk. 269 p.

Kyshpanakov, V.A. (2022). *Naseleniye Khakasii v postsovetskom periode (1992–2022 gody)* [The Population of Khakassia in the Post-Soviet Period (1992–2022)]. Abakan, Izd-vo Hak. gos. un-ta im. N.F. Katanova. 172 p.

Slavina, L.N. (2017). *Naseleniye Vostochnoy Sibiri v kontekste transformatsii regiona v postsovetskie desyatletiya* [The Population of Eastern Siberia in the Context of the Transformation of the Region in the Post-Soviet Decades]. In *Desyatye Baykalskie sotsialno-gumanitarnye chteniya. Materialy v 2 tomakh*. Vol. 1, pp. 55–60.

Soboleva, S.V., Smirnova, N.E., Chudaeva, O.V. (2020). *Demograficheskie problemy Sibiri v kontekste prostranstvennogo razvitiya* [Demographic Problems of Siberia in the Context of Spatial Development]. In *ECO*. No. 8, pp. 48–65.

Verbitskaya, O.M. (2022). *Rossiyskoe selo v 1990-e gg: agrarnaya politika i sotsium* [Russian Village in the 1990s: Agrarian Policy and Society]. Moscow, St. Petersburg. 336 p.

В.А. КышпанакOV*

ХАКАССКАЯ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ НАКАНУНЕ И В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ПРОТОКОЛАХ И РЕШЕНИЯХ ИСПОЛКОМА ОБЛСОВЕТАdoi:10.31518/2618-9100-2023-4-16
УДК 94(571.513)"1941"*Выходные данные для цитирования:**КышпанакOV В.А. Хакасская автономная область накануне и в первые месяцы Великой Отечественной войны в протоколах и решениях исполкома облсовета // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 218–226.**URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-16.pdf>*

V.A. Kyshpanakov*

KHAKASS AUTONOMOUS REGION ON THE EVE AND IN THE FIRST MONTHS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE PROTOCOLS AND DECISIONS OF THE EXECUTIVE COMMITTEE OF THE REGIONAL COUNCIL OF WORKING DEPUTIES

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-16

*How to cite:**Kyshpanakov V.A. Khakass Autonomous Region on the Eve and in the First Months of the Great Patriotic War in the Minutes and Decisions of the Executive Committee of the Regional Council of Working Deputies // Historical Courier, 2023, No. 4 (30), pp. 218–226. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-16.pdf>]*

Abstract. The article is based on the protocols of the meetings of executive committee of the Khakass Regional Soviet of Workers' Deputies (early June – late July 1941) found in the archives of the National Archives of the Republic of Khakassia and shows the situation in the autonomous region on the eve and during the first days of the Great Patriotic War. In spite of the fact that in Europe the war already flared up with all its might, the life in the backwoods of the country in prewar time went its course. Being a part of the Krasnoyarsk territory since 1934, the Khakass Autonomous Region had reached many successes during the decade of its existence to the beginning of 1941. From a purely agrarian, backward, mostly cattle-breeding region, the autonomous region by the beginning of the war had become an agrarian-industrial one. The protocols of the Executive Committee of the Regional Council reflect the whole range of diverse problems faced by the executive bodies of the region: from the simplest, everyday life to those of union significance, they show the ordinariness and extraordinary nature of the daily tasks. The materials of the first months of the war illustrate the inertia of the bureaucratic machine in solving urgent wartime problems and their extremely poor implementation, low production discipline in the field, especially at the district level. Many questions of paramount importance had to be repeatedly returned to, systematically ascertaining their nonimplementation. The mechanism of the command-administrative system continued to work in its usual style, but with increasing intensity.

Keywords: Great Patriotic War, executive committee of the regional council, resolutions of the authorities, everyday life, Khakassia.

The article has been received by the editor on 21.05.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Владимир Алексеевич КышпанакOV**, доктор исторических наук, Хакассский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: kyshpanakovv@mail.ru
Vladimir Alekseevich Kyshpanakov, Doctor of Historical Sciences, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: kyshpanakovv@mail.ru

Аннотация. В статье на основе протоколов заседаний исполкома Хакасского областного совета депутатов трудящихся (начало июня – конец июля 1941 г.), выявленных в фондах Национального архива Республики Хакасия, показана ситуация в автономной области накануне и в первые дни Великой Отечественной войны. Несмотря на то, что в Европе всюду уже полыхала война, жизнь в глубинке страны в предвоенное время шла своим чередом. Находясь в составе Красноярского края с 1934 г., Хакасская автономная область к началу 1941 г. достигла в своем развитии немалых успехов за десятилетие своего существования. Из чисто аграрного, отсталого, преимущественно животноводческого региона автономная область к началу войны стала аграрно-индустриальной. Протоколы исполкома областного совета отражают всю палитру многообразных проблем, стоявших перед исполнительными органами власти региона – от самых простых, бытовых до имевших союзное значение, показывают обыденность и экстраординарность повседневных задач. Материалы первых месяцев войны иллюстрируют инерцию бюрократической машины в решении неотложных вопросов военного времени и крайне слабое их исполнение, низкую производственную дисциплину на местах, прежде всего на районном уровне. Ко многим вопросам, имевшим важнейшее значение, приходилось не раз возвращаться, систематически констатируя их неисполнение. Механизм командно-административной системы продолжал работать в своем привычном стиле, но с усиливающейся интенсивностью.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, исполком областного совета, постановления органов власти, повседневность, Хакасия.

Статья поступила в редакцию 21.05.2023 г.

Совсем немного времени остается до знаменательной даты – 80-летия Победы над фашистской Германией, завоеванной нашими отцами и дедami ценой невероятных усилий и громадных потерь. Время отдаляет нас от мая 1945 г., с каждым годом все меньше и меньше становится прямых участников и свидетелей тех исторических событий. Вот почему важно хранить память не только о сражениях на полях Великой Отечественной войны, но и воссоздавать картину обыденной жизни в глубинке, на периферии, показывая, чем жила провинция, какие текущие вопросы стояли на повестке дня у местных руководящих органов и как они решались. В статье использованы протоколы заседаний исполнительного комитета Хакасского областного Совета депутатов трудящихся накануне и в самом начале Великой Отечественной войны, в которых рассматривались текущие вопросы хозяйственной жизни молодой автономной области. Документы находятся в фонде Р-39 Национального архива Республики Хакасия (НАРХ).

Несмотря на сложную международную обстановку, громыхающую в Европе уже третий год Вторую мировую войну и недавно закончившуюся советско-финскую войну 1939–1940 гг., изменения территориальных границ Союза ССР в 1939–1940 гг., в глубокой провинции эти внешнеполитические события казались далекими от мирной жизни с ее текущими событиями и повседневными проблемами. Никто и предвидеть не мог, что совсем скоро война постучится и в их двери. Пока же в Хакасской автономной области, недавно отметившей свое 10-летие, жизнь шла своим чередом, совещания и заседания ее главного исполнительного органа проходили еженедельно. В среднем рассматривалось 15–20 вопросов, но с началом войны их количество постепенно стало возрастать, достигая 30 и более, что закономерно – проблемы, многие из которых требовали оперативного решения, множились как снежный ком.

Вопросник заседания исполкома Хакасского областного Совета депутатов трудящихся, проходившего 5 июня 1941 г., включал 17 вопросов. Заседание вел заместитель председателя

Коптев. Присутствовало 5 членов областного Совета¹. Все вопросы касались широкого спектра проблем, среди которых были, казалось бы, второстепенные (о ценах на билеты в театрах Хакасской автономной области), кадровые и областного уровня (об итогах обследования работы отдела народного образования облисполкома).

И тем не менее каждый вопрос, обсуждавшийся на заседании исполнительного органа власти Хакасии, имеет сегодня определенную историческую ценность, позволяя глубже представить довоенную жизнь населения региона. В числе таких – рассмотрение докладной записки директора газетно-книжного издательства «Советская Хакассия»² тов. Корнеева³. В ней речь шла о том, чтобы оставить работникам редакции «Советская Хакассия» и «Хызыл аал» существовавшие на тот момент времени ставки заработной платы, поскольку Красноярским управлением полиграфии и издательства таковые были утверждены ниже действующих. Исполком облсовета удовлетворил просьбу директора издательства и решил просить вышестоящую инстанцию – крайисполком об оставлении работникам редакций хакасских газет прежних ставок зарплаты. Так, в частности, ставка художника на тот момент времени составляла 550 руб., корректора – 370 руб., редактора художественной и детской литературы – 650 руб.⁴

О соотношении зарплат и цен на культурно-массовые мероприятия накануне войны можно судить косвенно по таким показателям. На том же заседании исполкома облсовета рассматривались цены на билеты в театрах Хакасии. Его решением они были установлены в следующем порядке: на спектакли областного театра русской драмы – от 1 руб. 50 коп. до 5 руб., в среднем – 3 руб. 41 коп.; по национальному театру – от 1 до 3 руб., в среднем – 2 руб.; на постановки кукольного театра – от 50 коп. до 1 руб., в среднем – 75 коп.⁵

Вторым своим решением исполком облсовета решил просить вышестоящий орган – краевой Совет депутатов трудящихся о дотировании театров области в связи со снижением цен на билеты. Так, Театру русской драмы запрашивалось на эти цели 72 тыс. руб. и на покрытие образовавшейся задолженности в сумме 51 тыс. 875 руб., всего 124 тыс. 500 руб.; Хакасскому национальному театру – 16 тыс. 200 руб. и кукольному театру в сумме 60 тыс. руб. Всего по всем театрам Хакасии требовались дотации в 200 тыс. 700 руб.⁶

Вопросник к заседанию облисполкома 12 июня 1941 г. (протокол № 16) состоял из 24 вопросов. Как обычно, вопросы касались самых разносторонних аспектов хозяйственно-культурной жизни области: о выдаче пособий многодетным матерям (рассматривались регулярно); об организации оптово-розничной ярмарки в г. Абакане (что было в то время заметным событием в жизни города); о подготовке школ к новому 1941–1942 учебному году в Ширинском и Бейском районах; о строительстве крахмало-паточного завода Хакоблпромсоюзом в Саралинском районе и др. Рассматривались и гораздо более рутинные вопросы, например: «О продаже Хакоблпромсоюзу трех тонн обручного железа, находящейся на абаканской базе «Главрыбсбыта»». Одним из центральных был вопрос № 9: «О нормах обязательных поставок брынзы государству в 1941 г. по районам Хакасской автономной области»⁷. Вся суть командно-распределительной системы наглядно проявлялась в такого рода постановлениях и решениях, через которые красной нитью проходило одно слово – обязать.

Основываясь на постановлении СНК СССР от 23 мая 1941 г. «Об обязательной поставке государству брынзы – сыра из овечьего молока колхозами, колхозными дворами и единоличными хозяйствами»⁸ и соответствующем решении Красноярского крайисполкома, исполком облсовета вынес решение:

¹ Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 457. Л. 101.

² До середины 1950-х гг. слово «Хакассия» писалась с двумя «с».

³ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 457. Л. 102.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 103.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 137.

⁸ СП СССР. 1941. № 14. Ст. 266.

«Утвердить порайонные годовые нормы обязательных поставок брынзы государству колхозами на 1941 и 1942 гг. в граммах (с 1 га земельной площади (пашни, сады, огороды, луга и пастбища), закрепленной за колхозами)»⁹. Отметим, что нормы государственных поставок с 1940 г. рассчитывались не с пахотных земель, а со всей колхозной земли с целью максимального обложения колхозов таким «оброком»¹⁰. В итоге порайонное «нормообложение» выглядело следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Порайонные годовые нормы поставок брынзы государству колхозами Хакасии на 1941–1942 гг., г

Район	Норма на 1941 г.	Норма на 1942 г.
Аскизский	35	70
Бейский	43	86
Боградский	35	70
Таштыпский	25	50
Усть-Абаканский	39	78
Саралинский	35	70
Ширинский	35	70
Шарыповский	25	70

Источник: НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 457. Л. 137.

Как видно из табл. 1, нормы, запланированные еще перед войной в 1941 г., на следующий 1942 г. удваивались по всем районам, равно как и по области в целом – с 35 до 70 г по колхозам Хакасии с 1 га земельной площади.

В Приложении к решению Хакасского облисполкома приводится расчет контрольных цифр по сдаче брынзы колхозами Хакасской автономной области на 1941 г. (табл. 2).

Таблица 2

Расчет по установлению норм обязательных поставок брынзы колхозами Хакасской автономной области на 1941–1942 гг., кг

Район	1941		1942		Кол-во овцематок	Изъятие с 1-й овцематки
	земельная площадь, га	норма	подлежит сдаче	норма		
Алтайский	261 494	35	9 152	70	50 069	183
Бейский	143 717	43	6 179	86	41 502	149
Баградский	190 049	35	6 652	70	35 786	186
Таштыпский	52 819	25	1 320	50	6 030	220
Усть-Абаканский	178 162	39	6 948	78	43 094	161

⁹ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 457. Л. 137.

¹⁰ См.: Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 129–130, 142–143.

Окончание табл. 2

Район	1941		1942		Кол-во овцематок	Изъятие с 1-й овцематки
	земельная площадь, га	норма	подлежит сдаче	норма		
Саралинский	8 678	35	304	70	1 863	163
Ширинский	163 120	35	3 709	70	32 159	178
Шарыповский	124 450	25	3 111	50	14 606	213
Хакасская А.О.	1 122 489	35	39 375	70	225 149	174

Источник: НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 457. Л. 151.

Нормы «оброка» на колхозников и единоличников устанавливались не с земельного фонда, а с поголовья. В следующем решении Хакасского облисполкома по тому же вопросу говорилось: «Установить, начиная с 1941 г., следующие нормы обязательных поставок брынзы и сыра государству колхозными дворами, единоличными хозяйствами в граммах с одной овцематки по фактическому поголовью на 1-е января соответствующего года для всех районов области» (табл. 3).

Таблица 3

Нормы поставок брынзы колхозными дворами и единоличниками Хакасии на 1941–1942 гг., г

Показатель	1941	1942
Колхозные дворы	375	750
Единоличные хозяйства	500	1 000

Источник: НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 457. Л. 138.

Немногочисленные единоличники облагались по двойной «таксе» по сравнению с колхозниками. Такова была политика советского государства в отношении этого исчезающего крестьянского слоя накануне войны.

Очередное заседание облисполкома проходило через неделю, 19 июня 1941 г. Вел заседание заместитель председателя Хакасского облсовета депутатов трудящихся Генер. Присутствовали члены исполкома в составе 24 человек (перечень указан в протоколе № 17)¹¹. В повестке заседания был 21 пункт, в числе которых были вопросы частного, персонального характера – об оказании материальной помощи зав. райторготделом Аскизского райсовета Цыганкову в размере 500 руб. на санаторно-курортное лечение, о предоставлении очередного отпуска председателю Саралинского райисполкома Макову и оказании ему материальной помощи в размере 700 руб. Периодически такие вопросы рассматривались на заседаниях областного исполкома и требовали их решения.

Регулярно на заседаниях облисполкома заслушивались заявления от многодетных матерей по ходатайству соответствующих организаций (райсобес, райисполком) на получение пособия по случаю рождения 7-го ребенка, родившегося в 1940–1941 гг. (первичное заявление) и 8-го ребенка (вторичное заявление). Исполком принимал решение на основании ст. 10 Постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 27 июня 1936 г. об установлении государственного пособия многодетным матерям¹². Подавшим первичное заявление полагалось денежное пособие по 2 000 руб. в год на ребенка в течение 5 лет (11 матерей) и подавшим вторичное заявление на 8-го ребенка (5 женщин) – тоже по 2 000 руб. в год в течение 5 лет.

¹¹ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 457. Л. 157.

¹² СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309.

Большое внимание на заседании облисполкома было уделено вопросу о выполнении его решения об организации подсобных хозяйств. В начале сентября 1940 г. в связи с ухудшением продовольственного положения в городах и рабочих поселках ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление, обязывающее директоров предприятий создавать подсобные хозяйства огородно-овощного и животноводческого направления «для улучшения продовольственного снабжения рабочих и служащих»¹³.

Заслушав доклад заведующего облторготделом Клячмана, исполком областного совета констатировал, что «решение исполкома Облсовета от 20/III-41 г. торгово-закупочными организациями до сего времени не выполнено. План по откорму домашней и обстрелу¹⁴ дикой птицы Хакторгом сорван. Совершенно неудовлетворительно организован улов свежей рыбы, в результате чего выловлено только 1,5 т вместо 20 т по плану. Уход и наблюдение за свинопоголовьем¹⁵ не организован, в результате чего имеется большой отход и вынужденный убой»¹⁶. Далее отмечается, что план организации подхозов выполняется крайне плохо. Приводятся примеры невыполнения плана по организациям [перечислены. – В. К.] на 1/VI-1941 г.:

- 1) по дойным коровам – на 48 %;
- 2) по мелкому (рогатому) скоту – на 54,1 %;
- 3) по домашней птице – на 1,5 %;
- 4) по свинооткорму – на 70 %;
- 5) по улову рыбы – на 7 %¹⁷.

В решении исполкома было записано предупреждение руководителям торгующих организаций [пофамильно. – В. К.], что если они не обеспечат выполнение планов по организации подсобных хозяйств, то к ним будут применены «строгие меры воздействия»¹⁸.

Последний, 21-й вопрос заседания исполкома Облсовета интересен тем, что касался Н.Г. Доможакова – будущего автора первого и единственного хакасского романа «В далеком аале», секретаря Хакасской областной писательской организации и первого директора Хакасского НИИЯЛИ – человека, стоявшего у истоков хакасской литературы и науки. Суть вопроса заключалась в оказании ему материальной помощи как приехавшему с курсов для сдачи госэкзаменов в Абаканский учительский институт. Принимая во внимание, что «тов. Доможаков Н.Г. зачислен на курсы в аспирантуру при институте языка и письменности народов СССР в г. Москве, прибыл в Абакан для сдачи госэкзаменов в Абаканский учительский институт и не имеет возможности из-за отсутствия средств выехать обратно в Москву», исполком областного совета решил:

«Разрешить Облфо оказать т. Доможакову Н.Г. материальную помощь в сумме 300 р. Расходы отнести за счет командированных учителей в Хакасскую область»¹⁹. На последнее стоит обратить внимание. Между тем, как явствует из протоколов заседаний облисполкома, неоднократные обращения за материальной помощью представителей местной номенклатуры удовлетворялись из других источников и не «за счет командированных».

Н.Г. Доможаков продолжил учебу в аспирантуре в Москве, но начавшаяся через три дня война внесла свои коррективы и в его планы, и в деятельность Хакасского исполкома областного совета депутатов трудящихся уже в ближайшие заседания. Однако поначалу это не слишком ощущалось – первые последствия стали проявляться позднее, осенью–зимой 1941 г.

На заседаниях исполкома 2–5 июля 1941 г., проходивших уже в условиях военного времени под председательством Н. Межекова, в повестке дня был 31 пункт. Среди них впервые появились два вопроса, касающиеся военной темы. Это № 12 «О выплате пособия семьям мобилизованных» (от 4 июля 1941 г.) и № 27 «О всеобщей подготовке населения

¹³ СП СССР. 1940. № 23. Ст. 582.

¹⁴ Так в тексте.

¹⁵ Так в тексте.

¹⁶ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 457. Л. 158.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 158.

к противовоздушной обороне». По первому из них в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время»²⁰ и соответствующего Красноярского крайисполкома исполком облсовета решил:

«Обязать Хакоблсобес (тов. Колторакова) обеспечить своевременную выплату пособий семьям мобилизованных»²¹. Отметим, что согласно этому Указу суммы пособий варьировались в размере от 100 до 200 руб. в зависимости количества несовершеннолетних детей и трудоспособных в семье мобилизованных.

При рассмотрении вопроса № 27 «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной подготовке» (от 4 июля 1941 г.) исполком Облсовета, руководствуясь соответствующим Постановлением СНК Союза ССР²², решил:

«1. Начать с 10-го июля 1941 г. всеобщую обязательную подготовку к противовоздушной и противохимической обороне всего взрослого населения в области [16–60 лет. – В. К.]»

2. Обязать областной совет Осоавиахима обеспечить качественную подготовку инструкторского состава и групп самозащиты, оказывая всяческую помощь районным и городским Советам Осоавиахима в проводимой ими работе.

3. Разрешить исполкомам райсоветов депутатов трудящихся производить частичный вызов кадров ПВХО²³ для подготовки и переподготовки с отрывом от производства.

4. Предложить председателям исполкомов создать специальную комиссию по выявлению мест, могущих быть укрытиями в случае химического нападения, и приступить к созданию в них необходимого оборудования²⁴».

Предпринятые меры по широкомасштабной военной подготовке населения Хакасии позволили за годы Великой Отечественной войны подготовить на пунктах всеобуча области 18 тыс. человек самых разных военных специальностей, а Осоавиахим и Российское общество Красного Креста без отрыва от производства подготовили около 30 тыс. человек²⁵.

Весьма важным был вопрос, который рассматривался 4 июля 1941 г. под № 18: «О заданиях районам по вспашке паров и июльской зяби на лошадях»²⁶. Война шла всего вторую неделю, но на фронт направлялось все большее количество не только автотракторного парка Хакасии, но и лошадей, тягловой силы в целом. Все это, безусловно, ставило в тяжелое положение сельскохозяйственное производство области, резко снижало производительность труда.

В этих условиях исполком Облсовета констатировал, что «заготовка земель под посев озимых текущего года и яровых 1942 г. по колхозам области проходит крайне неудовлетворительно. К подъему июльской зяби ни в одном районе до сих пор не приступили. Это является следствием исключительно неудовлетворительного использования на вспашке пара и зяби лошадей, особенно в Саралинском районе, где на одну рабочую лошадь вспахано паров только 0,47 га, Баградском районе – 0,47 га, Аскызском районе – 0,53 га и Бейском районе – 0,68 га».

Считая такое положение с использованием лошадей на вспашке пара и июльской зяби в дальнейшем нетерпимым, исполком решил утвердить представленный областным земельным отделом график вспашки пара и июльской зяби на лошадях²⁷. Далее в протоколе приводится таблица с распределением заданий по вспашке на лошадях по районам и в целом по Хакасии с указанием количества лошадей, задействованных на вспашке, плугов и сроков ее окончания. Анализ данных таблицы показывает, что по всем без исключения районам пред-

²⁰ Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 30.

²¹ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 457. Л. 184.

²² Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942. Л., 1942. С. 81–85.

²³ ПВХО – противовоздушная и противохимическая оборона.

²⁴ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 457. Л. 193.

²⁵ Очерки истории Хакасии советского периода 1917–1961 годы. Абакан, 1964. С. 204.

²⁶ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 457. Л. 188.

²⁷ Там же.

стояло ежедневно выполнять норму вспашки на одной лошади в 3 га. Такая же цифра выходила и в среднем по колхозам области. Сроки окончания вспашки варьировались от 25 июля по 1 августа. Очевидно, что выполнение такого интенсивного и жесткого графика было очень сложным заданием в условиях военного времени. Только за первое военное полугодие из Хакасии было призвано на фронт 27 235 человек²⁸. При этом большая часть населения в то время автономной области было сельским – по переписи 1939 г. 60 % всех ее жителей проживали в сельской местности, и уход на войну мужчин трудоспособных возрастов остро поставил вопрос об их замещении. Кроме того, на фронт за этот же период было отправлено 5 102 лошади. Поэтому исполком облсовета обязывал исполкомы райсоветов и райземотделы «использовать на вспашке паров и заготовке сена, и других работах, максимальное количество молодняка лошадей, а также быков и волов, проводя обучение их»²⁹. Всего же по графику вспашки предписывалось ставить «под плуг» ежедневно 4 340 лошадей³⁰.

Начавшаяся война требовала все большей и большей мобилизации всех ресурсов у тыловых районов. Это касалось не только материальных и людских резервов, но финансовых средств. Вполне закономерным выглядело решение исполкома облсовета уже на вторую неделю введения военного положения (10 июля 1941 г.) принять решение о сокращении расходов бюджета на 1941 г. В соответствии с распоряжением исполкома краевого совета объем расходов областного бюджета на 1941 г. был сокращен на 1 090,6 тыс. руб.³¹ Секвестированию подверглись все статьи расходов, но в наибольшей степени были урезаны расходы на сельское и коммунальное хозяйство, просвещение и здравоохранение, причем на просвещение пришлось 31,7 % всех сокращений бюджета.

В дальнейшем приходилось еще не раз прибегать к подобной практике. Причем это произошло уже на следующем, очередном заседании облисполкома – 16 июля 1941 г., когда объем расходной части областного бюджета вновь был сокращен – теперь на 2 633,6 тыс. руб., причем 43,3 % всех сокращений снова пришлось на просвещение, а на здравоохранение – 27 %. В разрезе районов и городов в наибольшей степени урезания расходной части бюджета прошли по областному центру – г. Абакану – 470 тыс. руб. (17,8 %), Ширинскому району – 350 тыс. руб. (13,3 %) и областному бюджету – 516,6 тыс. руб. – 19,6 % от всей суммы сокращений³².

* * *

Анализ протоколов заседаний Хакасского облисполкома накануне и в первые месяцы Великой Отечественной войны показывает низкую эффективность работы исполнительных органов власти на местах от областного до районного уровня. Ко многим вопросам, имевшим важнейшее значение, решения по которым принимались на основании и во исполнение постановлений высших органов союзной власти – СНК СССР и ЦК ВКП(б), приходилось не раз возвращаться, систематически констатируя их неисполнение. Самые распространенные формулировки, встречающиеся в протоколах заседаний исполкома облсовета: «обязать» (наиболее часто употреблявшиеся), «мобилизовать», «крайне плохо», «совершенно неудовлетворительно» и т.п.

Меры наказания к виновникам, не выполнившим решения облисполкома, определялись такими сентенциями: «персональная ответственность», «выговор», «строгий выговор», «снятие с работы». При таком положении вещей на фронте в первые самые тяжелые месяцы войны и в глубоком тылу, несмотря на высокий патриотический подъем населения и большую мобилизационную работу органов власти, у значительной части управленческого звена низшего уровня – от районных исполнительных комитетов до председателей колхозов и руководителей организаций и предприятий – все еще преобладало индифферентное отношение к многочисленным решениям и постановлениям. Это неоднократно отмечалось и

²⁸ Очерки истории Хакасской областной партийной организации КПСС. Красноярск, 1987. С. 145.

²⁹ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 457. Л. 188.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 191.

³² Там же. Л. 209.

на заседаниях исполкома Хакасского облсовета. Однако редко кто из них лишался своей должности. И все же такие прецеденты были. В первые месяцы войны за вопиющие недостатки и систематические невыполнения решений облисполкома был снят с работы председатель областного отдела торговли Клячман (протокол № 22), а при рассмотрении вопроса о работе Аскизского (Аскизского) района в условиях военного времени председателю райисполкома Чаптыкову за неудовлетворительное руководство сельским хозяйством был объявлен выговор³³. И таких примеров в годы войны было немало. Особенно в отношении председателей колхозов.

В целом же механизм командно-административной системы продолжал работать в своем привычном стиле, но с усиливающейся интенсивностью, периодически заменяя выпадающие шестеренки на новые.

Литература

Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск: Ин-т истории ОИИФФ СО РАН, 2004. 165 с.

Очерки истории Хакасии советского периода. 1917–1961 годы / А.Н. Устинов, К.Г. Чаптыков, П.Н. Мешалкин. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1963. 419 с.

Очерки истории Хакасской областной партийной организации КПСС / ред. П.Н. Мешалкин, С.П. Ултургашев. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1987. 359 с.

References

Il'inykh, V.A. (2004). *Nalogovo-podatnoe oblozhenie sibirskoy derevni. Konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg.* [Taxation of Siberian Villages. Late 1920s – Early 1950s]. Novosibirsk, In-t istorii OIIFFF SO RAN. 165 p.

Meshalkin, P.N., Ulturgashev, S.P. (Eds.). (1987). *Ocherki istorii Khakasskoy oblastnoy partiynoy organizatsii KPSS* [Essays on the History of the Khakass Regional Party Organization of the CPSU]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 359 p.

Ustinov, A.N., Chaptykov, K.G., Meshalkin, P.N. et al. (1963). *Ocherki istorii Khakasii sovetskogo perioda. 1917–1961 gody* [Essays on the History of Khakassia in the Soviet Period. 1917–1961]. Abakan, Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. 419 p.

³³ НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 457. Л. 272, 275.

Д.С. Орлов*

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ
КУЗБАССА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГОДОВ
(АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА ОБЛАСТНОГО
УПРАВЛЕНИЯ СТАТИСТИКИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**doi:10.31518/2618-9100-2023-4-17
УДК 94:631(571.17)"1985/1990"*Выходные данные для цитирования:**Орлов Д.С. Реализация Продовольственной программы Кузбасса во второй половине 1980-х годов (аналитическая записка областного управления статистики Кемеровской области) // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 227–239. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-17.pdf>*

D.S. Orlov*

**IMPLEMENTATION OF THE KUZBASS FOOD PROGRAM
IN THE SECOND HALF OF THE 1980S (ANALYTICAL
NOTE OF THE REGIONAL DEPARTMENT
OF STATISTICS OF THE KEMEROVO REGION)**

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-17

*How to cite:**Orlov D.S. Implementation of the Kuzbass Food Program in the Second Half of the 1980s (Analytical Note of the Regional Department of Statistics of the Kemerovo Region) // Historical Courier, 2023, No. 4 (30), pp. 227–239. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-17.pdf>]*

Abstract. The analytical note of the Regional Department of Statistics “On the progress of implementation of the Kemerovo Oblast Food Program”, revealed in the funds of the State Archive of Kuzbass, is introduced into the scientific turnover. Its content is important for understanding the specifics of agricultural development in the region in the second half of the 1980s. The publication is preceded by an introductory article, which analyzes the development of the agrarian sector in the 1980s. The agrarian crisis of the early 1980s forced the government to take anti-crisis measures. The regional Food Program of Kuzbass set challenging tasks, the solution of which implied an increase in capital investments, and supplies of machinery and fertilizers, introduction of economic mechanisms, etc. Measures to support the agricultural sector taken as part of the implementation of the Food Program of Kuzbass led to an improvement in the years of the twelfth Five-Year Plan. Grain farming, meat and dairy cattle breeding, egg poultry and sheep breeding demonstrated positive dynamics. A decrease in production took place in potato and vegetable production in the region. The number of auxiliary farms grew considerably. The scale of patronage assistance of the city to the village expanded, the patronage enterprises helped in harvesting, year-round repair of machinery, built and reconstructed greenhouses, garages, and livestock buildings. Nevertheless, the Food Program of Kuzbass was not fulfilled by most of the established indicators. A significant amount of agricultural products was imported to Kuzbass from other regions.

Keywords: agrarian policy of the state, agriculture, Food Program, livestock, crop production, Kuzbass.

The article has been received by the editor on 29.04.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Дмитрий Сергеевич Орлов**, доктор исторических наук, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина, Бийск, Россия, e-mail: orlovd2010@mail.ru
Dmitry Sergeevich Orlov, Doctor of Historical Sciences, Altai State Humanitarian-Pedagogical University named after V.M. Shukshina, Biysk, Russia, e-mail: orlovd2010@mail.ru

Аннотация. В научный оборот вводится аналитическая записка областного управления статистики «О ходе выполнения Продовольственной программы Кемеровской области», выявленная в фондах Государственного архива Кузбасса. Ее содержание важно для понимания специфики развития сельского хозяйства региона во второй половине 1980-х гг. Публикация предваряется вводной статьей, в которой проводится анализ развития аграрного сектора в 1980-е гг. Аграрный кризис начала 1980-х гг. вынудил руководство страны принимать антикризисные меры. В региональной Продовольственной программе Кузбасса ставились напряженные задачи, решение которых предполагало рост капиталовложений, увеличение поставок техники и удобрений, внедрение экономических механизмов и т.д. Меры поддержки аграрного сектора, предпринятые в рамках реализации Продовольственной программы Кузбасса, привели к улучшению ситуации в двенадцатой пятилетке. Позитивную динамику демонстрировали зерновое хозяйство, мясное и молочное скотоводство, яичное птицеводство и овцеводство. Снижение производства имело место в картофелеводстве и овощеводстве области. Значительно выросло количество подсобных хозяйств. Расширились масштабы шефской помощи города селу, шефствующие предприятия помогали в уборке урожая, круглогодично ремонтировали технику, строили и реконструировали теплицы, гаражи, животноводческие помещения. Тем не менее Продовольственная программа Кузбасса по большинству установленных показателей была не выполнена. Значительное количество сельхозпродукции в Кузбасс завозилось из других регионов.

Ключевые слова: аграрная политика государства, сельское хозяйство, Продовольственная программа, животноводство, растениеводство, Кузбасс.

Статья поступила в редакцию 29.04.2023 г.

Изучение особенностей развития сельхозпроизводства и изменения уровня потребления населением Советского Союза и его регионов основных продуктов питания в 1980-х гг. представляется актуальным, поскольку направлено на оценку недостатков и достоинств аграрной системы на завершающем этапе существования СССР. Именно в этот исторический период обострилась продовольственная проблема. Частичное отражение данного вопроса в научной литературе стимулирует его разностороннее изучение.

В научной литературе экономические проблемы развития аграрного сектора СССР в 1980-е гг., эволюция сельского хозяйства и аграрная политика государства освещались в работах В.А. Ильиных, В.В. Наухацкого, Н.А. Серогодского, Д.С. Орлова и других историков¹.

В данной работе осуществляется попытка реконструировать процесс реализации Продовольственной программы СССР и подвести итоги ее выполнения на примере одного из промышленных регионов Западной Сибири и СССР – Кемеровской области. Исторически сложившийся индустриальный характер экономического развития области и определяемая им структура населения, а также сложные природно-климатические условия обусловили особенности развития аграрного сектора. В рассматриваемый исторический период на каж-

¹ Ильиных В.А., Пивоваров Н.Ю. Зерновая проблема в СССР в начале 1980-х гг. (записка Л.И. Брежнева от 28 августа 1982 г. по вопросам развития зернового хозяйства) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 1. С. 73-80; Наухацкий В.В. Приоритеты аграрной политики 1965–2015 гг.: сравнительно-исторический анализ // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 1 (92). С. 91–95; Серогодский Н.А. Аграрные преобразования периода перестройки: цели, методы, результаты (1985–1991 гг.). Славянск-на-Кубани, 2011; Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012; Орлов Д.С., Ильиных В.А., Андреевков С.Н. Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х – 1980-е гг.: динамика, организационно-производственная и отраслевая структура. Новосибирск, 2018; Орлов Д.С. Аграрный сектор Кемеровской области во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. Бийск, 2013; и др.

дого жителя Кузбасса приходилось около 0,5 га пашни, а в сельской местности проживали всего 13 % населения области и примерно 5 % от общего количества трудящихся. На рубеже 1970–1980-х гг. обострились проблемы, связанные с организацией продовольственного снабжения индустриальных регионов.

Проблемы в развитии сельхозпроизводства начала 1980-х гг. вынудили руководство страны принять антикризисные меры. Майским (1982 г.) пленумом ЦК КПСС была принята Продовольственная программа, рассчитанная до 1990 г. Одной из мер поддержки агросектора в ее рамках стало повышение закупочных цен на ряд продуктов и списание задолженностей с сельхозпредприятий. С колхозов и совхозов Кемеровской области были списаны долги в размере 35 млн руб., пролонгирована ссудная задолженность на 64 млн руб.² Выросли поставки техники, оборудования, удобрений. Благодаря принятым мерам и росту закупочных цен прибыль сельхозпредприятий Кузбасса существенно увеличилась и достигла в 1983 г. 131,5 млн, в 1984 г. – 109,5 млн, в 1985 г. – 106 млн руб.³ В рамках реализации Продовольственной программы также предусматривался ряд мер по повышению материального благосостояния сельских тружеников, росту объемов производственного строительства, совершенствованию медицинского и бытового обслуживания жителей села.

Улучшение экономического положения колхозов и совхозов, которое было обусловлено реализацией сельхозпродукции по увеличенным закупочным ценам и ростом инвестиций, сопровождалось частичными изменениями в хозяйственном механизме. Нараставшее в начале 1980-х гг. падение стимулирующей роли заработной платы и связанное с этим ухудшение плановой, технологической и трудовой дисциплины в аграрном секторе экономики заставило партийных и хозяйственных руководителей вновь обратиться к опыту коллективов с оплатой труда по конечным результатам. Подобные формы организации труда к этому времени получили распространение в строительстве и ряде отраслей промышленности. Именно из этих отраслей в сельское хозяйство был перенесен термин «коллективный подряд». Безнарядные коллективы стали возрождаться под названием «подрядные».

Внедрение подрядных отношений происходило в сельском хозяйстве Кузбасса в середине 1980-х гг. достаточно интенсивно. Так, в 1984 г. в регионе работало уже 333 хозрасчетных коллектива, за которыми было закреплено почти четверть пашни, в том числе 62 % площадей картофеля, 35 % кормовых культур. В подразделениях, работавших на коллективном подряде, урожайность сельскохозяйственных культур была выше на 10–30 %, производительность труда – на 15–35, а себестоимость продукции ниже на 8–12 %.

В первой половине 1980-х гг. в Кузбассе и Западной Сибири увеличилось число подсобных предприятий. Каждое более или менее крупное промышленное предприятие или шахта создавали подсобное хозяйство, выращивали в нем картофель, овощи и животноводческую продукцию. Так, если в 1981 г. в Кемеровской области было 216 подсобных хозяйств, то к 1985 г. их насчитывалось уже 499. В Кузбассе удельный вес сельхозпродукции, произведенной подсобными предприятиями, был существенно выше, чем в других западносибирских регионах, и составлял соответственно 8 % мяса, 6 % молока, 28 % картофеля и 20 % овощей⁴. В 1986–1989 гг. рост числа подсобных сельхозпредприятий прекратился. Региональные и местные власти стали отказываться от содержания подсобных хозяйств из-за их неэффективности.

Свое дальнейшее развитие продолжило шефство городских заводов и фабрик над совхозами и колхозами. Эта форма сотрудничества города и села начинает приобретать более стабильный и организованный характер. Стали устанавливаться долгосрочные связи между шефами и подопечными. Шефствующие предприятия обычно принимали участие в уборке урожая, ремонтировали тракторы и комбайны, строили и реконструировали теплицы, гаражи, производственные помещения и т.п. В 1987 г. заводы и фабрики Кузбасса оказали

² Государственный архив Кузбасса (ГАК). Ф. П-75. Оп. 48. Д. 76. Л. 25.

³ Кемеровская область в цифрах (1975–1985 гг.): стат. сб. Кемерово, 1987. С. 11.

⁴ ГАК. Ф. Р-304. Оп. 16. Д. 7631. Л. 1–8.

шефской помощи колхозам и совхозам на 20,5 млн руб. На строительство жилья и объектов инфраструктуры было выделено 20 млн, изготовление запчастей и нестандартного оборудования – 260 тыс., изготовление машин и механизмов – 240 тыс. руб.⁵

Развитие полеводства в исследуемом регионе в 1980-е гг. было достаточно неравномерным. Спад в растениеводстве в начале десятилетия вызван неблагоприятными погодными условиями (засуха). В двенадцатой пятилетке наиболее динамично развивалось зерновое хозяйство. В 1986–1990 гг. по сравнению с первой половиной 1980-х гг. производство зерновых и зернобобовых культур выросло на 19,4 %. Хуже складывалась ситуация в картофелеводстве и в овощеводстве. Производство картофеля и овощей в хозяйствах всех категорий снизилось на 9,5 и 11,2 % соответственно (табл. 1).

Таблица 1

Среднегодовой валовый сбор сельскохозяйственных культур
в Кемеровской области в 1976–1990 гг. в хозяйствах всех категорий, тыс. т

Культура	1976–1980	1981–1985	1986–1990
Зерновые	1 035	1 008	1 203
Картофель	919	873	790
Овощи	179	197	175

Источник: Российский статистический ежегодник. 2000. М., 2000. С. 375, 379, 380.

Примечание: Валовый сбор зерновых и зернобобовых культур приведен в весе после доработки.

Животноводство развивалось более высокими темпами, чем полеводство. В 1986–1990 гг. по сравнению с одиннадцатой пятилеткой производство мяса (в убойном весе) в хозяйствах всех категорий увеличилось на 13,3 %, молока – на 9,9, яиц – на 13,9 % (табл. 2).

Таблица 2

Производство продуктов животноводства
в Кемеровской области в 1976–1990 гг. в хозяйствах всех категорий

Показатель	1976–1980	1981–1985	1986–1990
Мясо скота и птицы, тыс. т	109,5	136,4	154,6
Молоко, тыс. т	754,5	802,2	881,8
Яйцо, млн шт.	795,4	947,4	1079,1

Источник: Российский статистический ежегодник. 2000. М., 2000. С. 384, 385, 387.

Примечание: Производство мяса приведено в убойном весе.

Реализация Продовольственной программы СССР и региональных подпрограмм позволила стабилизировать ситуацию в агросекторе уже к середине 1980-х гг. В годы двенадцатой пятилетки сельское хозяйство развивалось достаточно стабильно. В Кузбассе повысилось потребление базовых продуктов питания. Однако выполнение целевых показателей по разным отраслям производства было неравномерным. На 1989 г. из шести ключевых показателей программы реально был перевыполнен только один – по производству яиц (на 5,2 %). В 1986–1989 гг. их среднегодовое производство достигло 1077 млн шт. при нормативе 1024 млн. Выполнение целевых ориентиров по другим видам сельхозпродукции (производство зерна, картофеля, овощей, молока и мяса) было неравномерным. Почти был реализован план по производству мяса (97,8 % от установленного уровня). Достаточно близки к выполнению оказались показатели по молочной продукции (93,7 % выполнения)

⁵ ГАК. Ф. П-75. Оп. 60. Д. 148. Л. 1.

и зерновым культурам (90,9 %). Только на 72,1 % были реализованы целевые установки по производству овощных культур. Самой сложной в области оказалась ситуация с производством «второго хлеба». По нашим подсчетам, выполнение этого параметра достигло в Кузбассе лишь 71 %. Также необходимо отметить более успешное выполнение целевых показателей по животноводству, чем по растениеводческим отраслям.

В целом, на наш взгляд, Продовольственная программа Кузбасса по большинству установленных показателей была не выполнена. Предпринятые меры позволили затормозить развитие негативных тенденций и стабилизировать ситуацию. Данные меры во многом были аналогичны решениям мартовского Пленума партии 1965 г. и фундаментальных изменений в развитии сельского хозяйства не предполагали. Исключением можно считать внедрение подрядных отношений и внутрихозяйственной аренды в агросекторе.

Ниже в соответствии с существующими правилами публикуется аналитическая записка областного управления статистики «О ходе выполнения Продовольственной программы Кемеровской области», выявленная в фонде Р-304 (областное управление статистики) Государственного архива Кузбасса.

В записке сообщается, что в развитии аграрного сектора области наметились существенные сдвиги, повысились темпы его роста. Среднегодовое производство сельскохозяйственной продукции за 1986–1988 гг. выросло на 9,9 % по сравнению со среднегодовым уровнем в одиннадцатой пятилетке. Однако, несмотря на рост душевого потребления основных продуктов питания, по ряду продуктов потребление оставалось существенно ниже нормативов, действующих по Западно-Сибирскому региону. Одной из проблем было неполное использование имеющихся мощностей по производству продуктов питания. Неиспользование мощностей по мясным и молочным продуктам в основном было связано с недостатком сырья, неритмичностью его поступления на перерабатывающие предприятия. Проблема обеспечения населения отдельными продуктами питания в области стояла весьма остро. Кемеровская область обеспечивала себя полностью за счет собственного производства только картофелем и яйцом, мясом и молоком – на 66 %, овощами – на 62 %. В записке отмечалось, что для того, чтобы выйти на рубежи Продовольственной программы по всем видам сельхозпродукции, необходимо на комплексной основе использовать все имеющиеся резервы. Решение этой задачи требовало ускоренного перевода отраслей животноводства и растениеводства на интенсивные рельсы.

* * *

Аналитическая записка Кемеровского областного управления статистики о реализации Продовольственной программы

г. Кемерово

[февраль] 1989 г.

О ходе выполнения Продовольственной программы Кемеровской области

Ход выполнения Продовольственной программы показывает, что в развитии аграрного сектора наметились существенные сдвиги, повысились темпы его роста. Среднегодовое производство сельскохозяйственной продукции за 1986–1988 гг. выросло на 9,9 процентов по сравнению со среднегодовым уровнем в одиннадцатой пятилетке. В среднем за три года двенадцатой пятилетки по сравнению с предыдущей производство мяса (в убойном весе) возросло на 19,5 тыс. тонн (14 %), молока – на 61 тыс. тонн (8 %), яиц – на 130 млн штук (14 %), зерна – на 261 тыс. тонн (23 %).

Однако проблема обеспечения населения продуктами питания в области продолжает оставаться острой. Область обеспечивает себя полностью за счет собственного производства только картофелем и яйцами, на 66 процентов – мясом и молоком, на 62 – овощами.

Потребление продуктами питания в расчете на душу населения сложилось следующим образом:

	килограммов						
	потребление всего		в том числе за счет собственного производства		в % к норме		1990 г. предусмотрено Продовольственной программой
	1987 г.	1988 г.	1987 г.	1988 г.	1987 г.	1988 г.	
Мясо и мясопродукты	74	78	50	51	99	100	81
Масло и молочные продукты	359	373	244	279	91	94	395
Яйца	340	342	322	342	112	113	–
Картофель	129	125	129	125	99,2	96	130
Овощи	69	64	55	57	71	67	125

Несмотря на рост душевого потребления основных продуктов питания, а по отдельным из них и достижения уровня норм, по ряду продуктов потребление остается значительно ниже рациональных норм, действующих по Западно-Сибирскому региону.

Основой создания продовольственного фонда области и полного решения проблемы обеспечения спроса на основные продукты питания является наращивание их производства.

За годы двенадцатой пятилетки по сравнению с одиннадцатой сократилось производство картофеля и овощей, задание по их производству невыполнено:

	1981–1985 гг. в ср. за год	1986–1988 гг. в ср за год			1990 г. предусмотрено Программой
		план	факт	% вып.	
Производство тыс. т					
Зерно	1 138,8	1 346,4	1 400,3	104	1 540
Картофель	872,9	854,9	814,7	95	1 147
Овощи	197,1	194,5	182,5	94	253
Урожайность ц с 1 га					
Зерновые	13,8	16,8	18	107	19,3
Картофель	105	115	110	96	–
Овощи	150	175	164	94	–

На 20–35 процентов уменьшили среднегодовое производство картофеля в двенадцатой пятилетке по сравнению с одиннадцатой Новокузнецкий, Ижморский, Чебулинский, Яйский, Мариинский, Топкинский районы. Наполовину сократили валовые сборы овощей хозяйства Промышленного, Чебулинского, Крапивинского районов, на 69 процентов – Топкинского.

Чтобы выйти на уровень Продовольственной программы по производству картофеля в целом по области, среднегодовые темпы за оставшиеся два года должны составить 18,7 процента, по производству овощей – 16,4.

В двенадцатой пятилетке план государственных закупок картофеля был выполнен в 1986 году, овощей – в 1986 и 1987 году.

Плановые объемы закупок овощей складывались из заданий по закупкам 7 видов овощных культур и ежегодно по значительной части из них задания не выполнялись. Так, в 1987 году план был выполнен по 2, в 1988 году – по 3 культурам. Ежегодно выполнялись планы только по закупкам столовой свеклы и моркови и ни разу в течение трех лет пятилетки не были выполнены задания по луку репчатому и огурцам.

Одним из резервов роста производства продукции и удовлетворения потребностей населения в продуктах питания является повышение эффективности использования мелиорированных земель.

В колхозах и госхозах области в 1988 году имелось 52,1 тыс. гектаров мелиорированных земель, в том числе орошаемых – 40,6, осушенных – 11,5 тыс. гектаров. Мелиорированные земли занимают 2 процента в общей площади сельскохозяйственных угодий. В 1988 году с мелиорированных земель получено 7 процентов картофеля, 81 процент овощей. В использовании мелиорированных земель допускаются существенные недостатки. В 1988 году в области совсем не использовались в сельскохозяйственном производстве 2 процента орошаемых земель (0,8 тыс. га) и 16 процентов (1,8 тыс. га) осушенных: не поливалось 13,9 тыс. гектаров орошаемых земель (34 % от использованных).

Низкой остается отдача мелиорированного гектара. В целом урожайность сельскохозяйственных культур на мелиорированных землях бывает в 1,2–1,5 раза выше, чем на остальных. Среди хозяйств имеются значительные различия в урожайности. Так, при средней урожайности картофеля на орошаемых землях в 1988 году 95 центнеров с гектара совхоз «Забойщик» собрал 60 центнеров, «Бурлаковский» – 62, «Чумайский» – 66. Урожайность овощей с половины земель в совхозах «Зимниковский» составил 51 центнер, «Восход» – 89, «Раздольный» – 90 центнеров при средней урожайности в целом по области 167 центнеров.

В материалах и решениях XXVII съезда КПСС, июньского (1987 г.) Пленума ЦК партии подчеркивалось, что путь к высокой продуктивности полей и животноводческих ферм лежит через широкое применение интенсивных технологий.¹ Это не только самый реальный, но и самый эффективный путь достижения лучших результатов. В 1988 году 30 процентов посевов яровой пшеницы, возделываемых по интенсивной технологии, дали 79 тыс. тонн (38 % валового ее сбора), 22 процента посевов картофеля – 34 процента валового сбора, 46 процентов овощных плантаций – 74 процента. Урожайность яровой пшеницы, возделываемой по интенсивной технологии в прошлом году, на 6 центнеров (39 %) выше урожайности, полученной на остальных площадях, картофеля – на 54 центнера (76 %), овощей – на 45 центнеров (35 %).

В 1988 году объем производства мяса и яиц достиг уровня, намеченного Продовольственной программой.

Производство продуктов животноводства в области характеризуется следующим данными:

	1981–1985 гг. в ср. за год	1986–1988 гг. в среднем за год			1990 г. предусмотрено Программой
		план	факт	% вып.	
Мясо (в убойном весе), тыс. т	136,4	145,8	155,9	107	159,4
Молоко, тыс. т	802,2	869,9	863,1	100	921
Яйца, млн шт.	947,4	1 007,6	1 077,3	107	1 024

Чтобы выйти на рубежи Продовольственной программы по всем видам животноводческой продукции на интенсивной основе, необходимо использовать все имеющиеся резервы. Решение этой задачи потребует решительного перевода отрасли животноводства на интенсивные рельсы.

В большинстве хозяйств области увеличение мяса осуществляется преимущественно на интенсивной основе за счет повышения продуктивности животных. В 1988 году по сравнению с 1985 годом в колхозах и совхозах Яйского, Чебулинского, Тяжинского, Топкинского районов поголовье крупного рогатого скота сократилось на 0,2–4 процента, а производство говядины возросло на 15–32 процентов. Производство свинины выросло в хозяйствах Тисульского, Топкинского, Крапивинского, Тяжинского районов на 23–31 процент при сокращении численности свиней на 2–21 процент. Среднесуточные привесы крупного рогатого скота в хозяйствах этих территорий увеличились за указанный период на 7–47, свиней – на 25–64 процента.

В целом в колхозах и совхозах области продуктивность скота остается низкой. Среднесуточные привесы свиней на откорме увеличились в сравнении с 1985 годом на 8, крупного рогатого скота – на 23 процента и составили соответственно 467 и 547 граммов.

Наиболее высокие среднесуточные привесы крупного рогатого скота на откорме получают хозяйства Юргинского (863 г), Мариинского (619 г), Промышленновского (600 г) районов. В то же время в Крапивинском и Яйском районах привесы скота едва превышают 300 граммов (309 и 318 г), в Ижморском они составляют 343, в Тяжинском – 355 граммов.

Существенным резервом увеличения объемов продукции животноводства является улучшение весовых кондиций скота, реализованного на убой, и сокращение его падежа. Повышение среднесуточного веса скота до запланированного уровня и снижение падежа позволили бы дополнительно получить в прошедшем году более 25 тыс. тонн мяса (в убойном весе).

Увеличение производства молока в колхозах и совхозах области достигнуто в текущей пятилетке на интенсивной основе за счет повышения продуктивности коров при одновременном сокращении их поголовья. В целом по колхозам и совхозам области среднегодовой удой молока в 1988 году по сравнению с 1985 возрос на 19 процентов и составил 2 797 килограммов. В прошлом году 7 колхозов и совхозов (2,8 %) получили удой молока свыше четырех тысяч килограммов и 64 хозяйства (26 %) – от трех до четырех тысяч, Ленинск-Кузнецкий (3 170 кг), Юргинский (3 089 кг), Кемеровский (3 044 кг) и Беловский (3 004 кг) районы перешагнули трехтысячный рубеж по продуктивности коров. В то же время в Тисульском районе удой равен 2 470 килограмм, в Мариинском – 2 477.

Главным условием наращивания объемов производства мяса и молока, улучшения продуктивности животных является повышение уровня их кормления, обеспечение сбалансированности кормов по основным питательным веществам, прежде всего по протеину. В колхозах и совхозах области ежегодный расход кормов в расчете на условную голову крупного рогатого скота составляет 29–30 центнеров кормовых единиц, около 90 процентов к норме. В то же время на центнер произведенной продукции перерасход кормов доходит до 24 процентов. Это является результатом того, что качество заготавливаемых кормов остается низким. От 14–30 процентов кормов признается не классным, а к 1 классу соответствует около половины проверенного силоса, 24 процента – сенажа, 19 процентов – сена, 10 процентов – травяной муки.

Многие хозяйства продолжают скармливать скоту корма без соответствующей обработки и подготовки, что снижает их усвояемость. В 1987 году в целом по колхозам и государственным хозяйствам было израсходовано на корм скоту и птице 25,7 тыс. тонн непереработанного зерна, что составляет 2 процента от общего расхода концентрированных кормов. Хозяйствами области плохо используется возможность улучшения питательной ценности кормов приготовлением кормовых смесей. Кормоцеха имеются лишь в каждом

втором хозяйстве, но и они используются далеко не на полную мощность. На 1 января 1989 года 31 из 119 кормоцехов был в неисправном состоянии.

Важным источником мясных и молочных ресурсов являются личные подсобные хозяйства. На их долю приходится более 70 процентов всего валового сбора картофеля, 30 процентов полученного мяса и овощей, 25 процентов молока. Однако 20 процентов хозяйств сельской местности не имеют никакого вида скота, третья часть – крупнорогатого скота, коров и свиней. Большинство хозяйств сельского населения (45–52 % от общего числа) не имеют свиней в Юргинском, Мариинском, Промышленновском районах. Программой определено довести продажу поросят населению до 150 тыс. голов, в 1988 году продана 121 тыс.

В области имеются больше возможности увеличения производства продукции животноводства в подсобных хозяйствах предприятий, организаций, учреждений. В 1988 году в подсобных хозяйствах произведено 16,6 тыс. тонн мяса, 35 тыс. тонн молока, 41,8 млн штук яиц.

В расчете на одного городского жителя произведено 5,9 килограмма мяса (в живом весе) против 5,1 – 1987 году, 13,7 килограмма молока (а в 1987 году – 12,8 кг).

Продовольственных товаров народного потребления в розничных ценах (без алкогольных напитков) в 1988 году произведено на 836 млн рублей, на 15 процентов больше уровня 1985 г., в том числе:

	тыс. тонн	в % к 1985 г.	в расчете на душу населения, кг
Мяса	91	118	28,4
Колбасных изделий	56,8	107	17,8
Цельномолочной продукции	482	116	151
Жирных сыров	1 769	126	0,6
Масла животного, тонн	6 966	151	2,2
Консервов, млн усл. банок	41,7	123	13,1
Хлеба и хлебобулочные изделий	377	91	118
Макаронных изделий	15	134	4,7
Кондитерских изделий	53,9	122	16,9
Безалкогольных напитков, тыс. дал	6 312	153	2
Крупы	34,8	94	10,9

По выпуску большинства видов товаров имеющиеся производственные мощности недоиспользуются. Так, по выработке мяса мощность использовалась в 1988 году на 83 процентах (в 1985 г. – 84 %), цельномолочной продукции – на 98 (85 %), масла животного – на 94 (73 %), безалкогольных напитков – на 80 (60 %), кондитерских изделий – на 99,6 (91 %).

Недоиспользование мощностей по мясным и молочным продуктам в основном связано с недостатком сырья, неритмичностью его поступления.

За годы двенадцатой пятилетки сельское хозяйство области получило свыше 6 тыс. тракторов, 5 тыс. тракторных прицепов, 3 тыс. грузовых автомобилей, 3 тыс. комбайнов, значительное количество другой разнообразной технике (на уровне поставок 11-й пятилетки). Заявки колхозов и совхозов на поставку техники в основном выполнялись.

В колхозах и совхозах области полностью механизирован процесс сева и уборки зерновых культур, сева и посадки овощей, внесения минеральных удобрений, сенокошение. В то же время вручную убирается свыше 80 процентов площадей овощей открытого грунта и 79 процентов картофельных плантаций, убирается комбайнами.

С помощью комплексной механизации в колхозах и совхозах области в 1988 году обслуживалось птицы – 87, свиней – 81, крупного рогатого скота – 61 процент. К концу 1990 года уровень комплексной механизации на фермах крупного рогатого скота должен составить 78 процентов.

Минеральных удобрений сельскому хозяйству ежегодно поставлялось около 100 тыс. тонн, торфа – 1 млн тонн. Годовые планы поставок в 1986 и 1988 годах не выполнены. Колхозами и совхозами области недополучено за годы текущей пятилетки 25 тыс. тон удобрений (7 % плана), 12 тыс. тонн торфа (4 %).

Продолжалось укрепление материально-технической базы отраслей агропромышленного комплекса. На его развитие за счет всех источников финансирования за 1986–1988 годы использовано более 1,1 млрд рублей или 18 процентов от капитальных вложений во все народное хозяйство области.

Затраты на сельское хозяйство по всему комплексу работ составили более 1 млрд рублей (89 % от средств, вложенных в А[гро]П[ромышленный]К[омплекс]).

В среднем за 3 года текущей пятилетки на 100 га сельхозугодий приходилось 13,1 тыс. рублей капитальных вложений против 13,2 тыс. рублей в 1981–1985 гг.

В 1988 году для сельскохозяйственных предприятий и организаций (без учета объединения «Кузбассуглепром») построены помещения для крупного рогатого скота на 68 тыс. мест, свиней – на 31 тыс., птицы – на 89 тыс. мест. Мощность Кемеровского тепличного комбината увеличилась на 9 гектаров. Сданы в эксплуатацию овощекартофелехранилища (с учетом для предприятий торговли и общественного питания) на 62 тыс. тонн, корнеплодохранилища – на 15 тыс., зерно-семеновохранилища – на 118 тыс., склады для минеральных удобрений – на 53 тыс. тонн единовременного хранения, теплицы – на 18 тыс. кв. метров, силосные и сенажные сооружения емкостью 307 тыс. куб. метров и другие мощности.

Выполнены работы по орошению земель на площади 4,5 тыс. гектаров, осушение – на 2,5 тыс., обводнению пастбищ – на 36,7 тыс. га.

В перерабатывающих отраслях сданы в эксплуатацию Юргинский гормолзавод объединения «Кемеровоагропром» (30 тонн в смену цельномолочной продукции), Мариинский хлебозавод объединения «Кемеровохлебпром» (36,6 тонны хлебобулочных изделий).

Расширены мощности по выпуску кондитерских изделий на 670 тонн, цельномолочной продукции на 8,1 тонны в смену и майонеза на 300 тонн.

На строительство жилья и объектов социального назначения направлено 333 млн руб. (29 % всех капитальных вложений в агропромышленный комплекс). За 1986–1988 годы построены жилые дома общей площадью свыше 700 тыс. кв. метров, дошкольное учреждение на 4,7 тыс. мест, общеобразовательные школы на 4,1 тыс. ученических мест, клубы и дома культуры на 4,7 тыс. мест.

Стоимость введенных основных фондов составила около 1,1 млрд рублей, из них 0,7 млрд (69 %) – по объектам производственного назначения.

В течение трех лет пятилетки не выполнен план по вводу жилых домов (1986 г. – 97,6 %; 1987 г. – 89,3 %; 1988 г. – 99,5 %). В результате общие капитальные вложения по области использовались недостаточно эффективно. На рубль вложенных средств обеспечен ввод в действие основных фондов в размере 94 копейки при плане 106 копеек.

В 1988 году остались недоиспользованными средства важнейших производственных объектов:

	Капитальные вложения		В том числе строительно-монтажные работы	
	использовано млн руб.	% использования лимита	использовано млн руб.	% использования лимита
Комплекс по выращиванию и откорму свиней с племенной репродуктивной фермой в совхозе «ЗАРЯ»	4,2	60	3,4	57
Комплекс по выращиванию и откорму молодняка крупного рогатого скота в совхозе «Авангард»	0,71	18	0,64	19
Киселевский молочный комбинат	1,0	42	0,7	31
Новокузнецкий пивзавод	0,81	54	0,76	76

Основными причинами срыва ввода объектов является отсутствие должной организации строительного производства в подрядных организациях, недостаточное обеспечение материальными ресурсами. За 1988 год на строительстве всех объектов сельского хозяйства план подрядных работ выполнен на 96 процентов, объектов производственного назначения – на 98 процентов.

Однако планы по вводу в эксплуатацию объектов соцкультбытового назначения не выполняются. Только за 1988 год планы по вводу дошкольных учреждений перевыполнены на 0,3 процента.

в процентах				
	1981–1985 гг.	1986 г.	1987 г.	1988 г.
Дошкольные учреждения	70	29	85	100,3
Общеобразовательные школы	90	24	79	49
Клубы и дома культуры	81	2,5	79	91

На начало 1989 года в области насчитывалось 6,3 тыс. предприятий розничной торговли и 3,8 тыс. предприятий общественного питания. По сравнению с началом пятилетки обеспеченность населения сетью розничной торговли возросла на 4 процента, общественного питания – на 3 процента, и в расчете на 1 000 человек на 1 января 1989 года составила 194 кв. метров и 71 посадочное место.

Оборот по продаже продовольственных товаров организациями государственной торговли и потребительской кооперации составил 2302,5 млн рублей и снизился по сравнению с 1985 годом в сопоставимых ценах на 3 процента. При этом реализация мяса и мясопродуктов возросла на 13 процентов, рыбопродуктов – на 7, масла животного – на 14, молока и молочных продуктов – на 20, сахара – на 23, овощей – на 7, плодов, фруктов – на 10, картофеля – на 1 процент.

Оборот по продаже сельскохозяйственных продуктов, закупленных организациями потребительской кооперации по ценам согласно договоренности, составил 68,4 млн рублей и увеличился по сравнению с 1985 годом в 2,3 раза.

В 1988 году оборот по продаже сельскохозяйственных продуктов на колхозных рынках составил 71 млн рублей и остался на уровне 1985 года.

На 1 января 1989 года насчитывается 71 рынок, в том числе 10 крытых рынков. За годы пятилетки материально-техническая база колхозных рынков не нашла развития и осталась на том же уровне.

Социальные условия жизни сельского населения улучшаются. Жилищный фонд в сельской местности на начало 1988 года составил 6,1 млн кв. метров общей площади. На долю обобщественного жилфонда приходится 3,4 млн кв. метров (56 %). На балансе совхозов имеется около 2 млн кв. метров общей площади, колхозов – 0,4 млн.

На одного проживающего в обобщественном жилфонде приходится 14,8 кв. метров общей площади, 10,4 кв. метра жилой, в совхозах соответственно 14,6 и 10,2, в колхозах 16,2 и 11,7 кв. метров.

Обобщественный жилищный фонд в сельской местности оборудован водопроводом на 58 процентов, канализацией – на 25, центральным отоплением – 22, ваннами – 19, горячим водоснабжением – на 13 процентов. В совхозах уровень благоустройства выше, чем в колхозах, на 5–6 процентов.

По отдельным видам уровень благоустройства сельского жилфонда ниже городского в несколько раз (по канализации в 3,6 раза, центральным отоплением в 4 раза, горячим водоснабжением в 6 раз).

Бытовые услуги в сельской местности оказывают 15 домов быта, 277 ателье и мастерских. Прием заказов ведут 319 приемных пунктов, из них 273 комплексные.

В 1988 году сельскому населению оказано бытовых услуг на 15,8 млн рублей, что на 2 млн рублей (15 %) больше прошлогоднего. В основном бытовые услуги для жителей села оказывали предприятия управления бытового обслуживания населения (71,1 %) и Госагропрома (16,3 %).

В среднем на одного жителя сельской местности приходится бытовых услуг на 42 руб. 07 коп. или 5 руб. 27 коп. (11,2 %) меньше, чем в среднем по области, и на 5 руб. 98 коп. (12,5 %) меньше, чем городскому жителю.

Велик разрыв в уровне обслуживания сельского и городского жителя по услугам парикмахерских (в 3,6 раза), прокатным пунктам (в 3,5 раза), по ремонту обуви (в 3 раза), часов (в 2,5 раза), прачечных (в 7,1 раза), фотографиям (в 1,8 раза), ремонту телевизоров (в 1,6 раза), ритуальных услугам (в 1,5 раза), индивидуальному пошиву швейных изделий (в 1,3 раза).

Прибыль колхозов и совхозов складывается в основном за счет льгот и дотаций, выплачиваемых государством в виде надбавок к закупочным ценам низкорентабельным и убыточным хозяйствам. В результате этого экономика колхозов и совхозов укрепилась, и в то же время более 10 процентов хозяйств ежегодно заканчивают финансовый год в убытках.

Для ускоренного наращивания продовольственных ресурсов, улучшения снабжения населения продуктами питания требуется решительно переводить сельское хозяйство и другие отрасли агропромышленного комплекса на интенсивные рельсы, увеличивать продуктивность полей и ферм, обеспечивать надежную сохранность продукции и эффективную ее переработку путем применения прогрессивных технологий, решения социальных вопросов.

Зам. начальника областного управления статистики

Н.В. Калишев

ГАК. Ф. Р-304. Оп. 16. Д. 9326. Л. 1–13.
Заверенная копия того времени. Машинопись. Подпись – машинопись.

Комментарии

1. Интенсивные технологии выращивания сельскохозяйственных культур – совокупность приемов и методов ведения земледелия, обеспечивающих увеличение продуктивности пашни на основе комплексного применения средств химизации, мелиорации, комплексной механизации и внедрения передовых методов агротехники (размещение посевов по лучшим предшественникам, безотвальная вспашка и другие приемы защиты почвы от ветровой и водной эрозии). Интенсивная технология в первую очередь предполагала высокий уровень применения минеральных удобрений и ядохимикатов.

Литература

Ильиных В.А., Пивоваров Н.Ю. Зерновая проблема в СССР в начале 1980-х гг. (записка Л.И. Брежнева от 28 августа 1982 г. по вопросам развития зернового хозяйства) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 1. С. 73–80.

Науцацкий В.В. Приоритеты аграрной политики 1965–2015 гг.: сравнительно-исторический анализ // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 1 (92). С. 91–95.

Орлов Д.С. Аграрный сектор Кемеровской области во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2013. 145 с.

Орлов Д.С., Ильиных В.А., Андреенков С.Н. Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х – 1980-е гг.: динамика, организационно-производственная и отраслевая структура Новосибирск: Сибпринт, 2018. 304 с.

Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы: кол. моногр. / В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков и др. Новосибирск, 2012. 408 с.

Серогодский Н.А. Аграрные преобразования периода перестройки: цели, методы, результаты (1985–1991 гг.). Славянск-на-Кубани: Изд. центр СГПИ, 2011. 249 с.

References

Il'inykh, V.A., Andreenkov, S.N., Rynkov, V.M. et al. (2012). *Sel'skoe khozyaystvo Sibiri v XX veke: problemy razvitiya i krizisy* [Siberian Agriculture in the Twentieth Century: Problems of Development and Crises]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 408 p.

Il'inykh, V.A., Pivovarov, N.Yu. (2017). Zernovaya problema v SSSR v nachale 1980-kh gg. (zapiska L.I. Brezhneva ot 28 avgusta 1982 g. po voprosam razvitiya zernovogo hozyaystva) [The Grain Problem in the USSR in the Early 1980s (Leonid Brezhnev's note of August 28, 1982 on the Development of the Grain Economy)]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 24, No. 1, pp. 73–80.

Naukhatskiy, V.V. (2017). Prioritety agrarnoy politiki 1965–2015 gg.: sravnitel'no-istoricheskiy analiz [Priorities of Agrarian Policy 1965–2015: Comparative and Historical Analysis]. In *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. No. 1 (92), pp. 91–95.

Orlov, D.S. (2013). *Agrarnyy sektor Kemerovskoy oblasti vo vtoroy polovine 1960-kh – pervoy polovine 1980-h gg.* [The Agrarian Sector of the Kemerovo Region in the Second Half of the 1960s and the First Half of the 1980s]. Biysk, FGBOU VPO "AGAO". 145 p.

Orlov, D.S., Il'inykh, V.A., Andreenkov, S.N. (2018). *Sel'skoe khozyaystvo Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine 1960-kh – 1980-e gg.: dinamika, organizatsionno-proizvodstvennaya i otraslevaya struktura* [The Agriculture of Western Siberia in the Second Half of the 1960s–1980s: Dynamics, Organisational and Productive Structure]. Novosibirsk, Sibprint. 304 p.

Serogodskiy, N.A. (2011). *Agrarnye preobrazovaniya perioda perestroyki: tseli, metody, rezul'taty (1985–1991 gg.)* [Agrarian Transformations of the Perestroika Period: Goals, Methods, Results (1985–1991)]. Slavyansk-na-Kubani, Izd. tsentr SGPI. 249 p.

А.В. Корневский*

**РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ ПОСЛЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
НЕСБЫВШИЙСЯ ПРОГНОЗ?**doi:10.31518/2618-9100-2023-4-18
УДК 94:321(470)"1918/..."

Выходные данные для цитирования:
Корневский А.В. Российская империя после Мировой войны: несбывшийся прогноз? // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 240–258.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-18.pdf>

A.V. Korenevskiy*

**RUSSIAN EMPIRE AFTER THE WORLD WAR:
AN UNFULFILLED FORECAST?**

doi:10.31518/2618-9100-2023-4-18

How to cite:
Korenevskiy A.V. Russian Empire after the World War: An Unfulfilled Forecast? // Historical Courier, 2023, No. 4 (30), pp. 240–258.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-18.pdf>]

Abstract. There were at least three fronts between the opposing blocs at the First World War: besides the line of military confrontation, ideology and analytics became battlefields. The British think-tank, known as Wellington House, demonstrated the greatest effectiveness on these fronts. One of the most detailed projects of the post-war settlement was created within these walls at the height of the war – A.J. Toynbee’s book “Nationality and the War”. Almost a third of this text is devoted to Russia and its prospects in the post-war world. According to the concept put forward by him, the only chance of preserving the integrity of Russia would be its federalization – partial delegation of functions to local authorities in inverse proportion to how each governorate or region is integrated into the body of the empire. In the center, where the degree of mutual dependence of several territories is extremely high, a significant expansion of autonomy is problematic, whereas in some peripheral regions it is quite possible. Thus, each territory can be sovereign to the extent that it is economically self-sufficient and what is the maturity of the national consciousness of its population. These suggestions were not useful to the Russian Empire, which did not live through the Great War, but in the very principle of reformatting the imperial space described by Toynbee, there is some similarity with the key idea underlying the state structure of the Soviet Union. Is this consonance accidental, or could Toynbee’s concept somehow – directly or indirectly – influence the Soviet project of reintegration of the post-imperial space? This paper is an attempt to answer this question.

Keywords: The Russian Empire, the First World War, A.J. Toynbee, Wellington House, Political Intelligence Department, devolution, Soviet Union.

The article has been received by the editor on 21.06.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В годы Первой мировой войны между противоборствующими блоками пролегли как минимум три фронта: помимо линии военного противостояния полями сражений стали идеология и аналитика. Наибольшую эффективность на этих фронтах проявил британский «мозговой трест», известный как Веллингтон-Хаус. Именно в его стенах в самый разгар войны был подготовлен один из наиболее детальных проектов послевоенного устройства мира – книга А. Дж. Тойнби «Национальность и война».

* **Андрей Витальевич Корневский**, кандидат исторических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: koren@sfedu.ru
Andrey Vitalievich Korenevskiy, Candidate of Historical Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: koren@sfedu.ru

Едва ли не треть этого текста посвящена России и ее перспективам в послевоенном мире. Согласно выдвинутой им концепции, единственным шансом сохранения целостности России является ее федерализация – частичное делегирование полномочий местной власти в обратной пропорции к тому, насколько каждая губерния или область интегрирована в тело империи. В центре, где степень взаимной зависимости отдельных территорий чрезвычайно велика, существенное расширение автономии проблематично, тогда как в некоторых периферийных регионах вполне возможно. Таким образом, каждая территория может быть суверенной в той мере, в какой она экономически самодостаточна и какова зрелость национального самосознания его населения. Эти рекомендации не пригодились Российской империи, не пережившей Великую войну. Однако в самом принципе реформирования имперского пространства, описанном Тойнби, обнаруживается некоторое сходство с ключевой идеей, положенной в основу государственного устройства Советского Союза. Является ли это созвучие случайным или концепция Тойнби могла каким-то образом – прямо или косвенно – повлиять на советский проект реинтеграции пост-имперского пространства? Статья представляет собой попытку ответа на данный вопрос.

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, А.Дж. Тойнби, Веллингтон-Хаус, Департамент политической разведки, деволуция, Советский Союз.

Статья поступила в редакцию 21.06.2023 г.

Размышления о «юбилейной лихорадке»: вспомнить все и даже больше...

Два вековых юбилея минувшего года – окончание Гражданской войны и образование Советского Союза – побуждают вспомнить предшествующие, логически и событийно с ними связанные годовщины: столетние юбилеи Февральской и Октябрьской революций, начало и окончание Первой мировой войны, 120 лет со дня рождения В.И. Ленина. В известном смысле два последних юбилея 2022 г. подводят черту под чередой памятных дат, знаменующих окончательное прощание человечества с благодушным «долгим XIX веком» и утверждением в своих правах катастрофического «короткого XX века» – эпохи крайностей, по известному определению Э. Хобсбаума¹. Восприятие обществом перечисленных годовщин в целом подтверждает наблюдения авторов многочисленных работ последних десятилетий, посвященных подобным «волнам военных и государственных юбилеев»²: говоря о социальных функциях этих, по выражению К.Н. Цимбаева, «юбилейных лихорадок», исследователи указывают на их «идентификационный потенциал» и значительный «интегративный эффект»³. Поэтому все подобные пролонгированные юбилейные кампании, связанные друг с другом не только хронологически и тематически, но и общей политической повесткой, сфокусированы на проблеме сохранения и актуализации исторической памяти.

Неслучайно в период чествования столетней годовщины Первой мировой войны о ней, как правило, говорилось и писалось как о «забытой» или «неизвестной»⁴. Более того, характерной чертой «юбилеямания» является стремление не просто преодолеть коллективную амнезию, но и максимально осовременить историю, сделать ее, говоря словами Р.Дж. Коллингвуда, «прошлым, живущим в настоящем»⁵. По мнению того же К.Н. Цимбаева,

¹ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004.

² Tsimbaev K. Jubiläumsfieber. Kriegserfahrungen in den Erinnerungsfeiern in Russland Ende des 19. – Anfang des 20. Jahrhunderts // Gründungsmythen – Genealogien – Memorialzeichen. Beiträge zur institutionellen Konstruktion von Kontinuität / Hrsg. von Gert Melville und Karl-Siegbert Rehberg Köln; Weimar; Wien, 2004. S. 75.

³ Drüding M. Jubiläumsfieber und Jubiläumitis? Fragen zur Jubiläumsbegeisterung deutscher Universitäten // Die Hochschule: Journal für Wissenschaft und Bildung. 2018. Bd. 27, N. 1–2. S. 27.

⁴ Schimmelpenninck van der Oye D. Getting to Know the Unknown War // The Russian Review. 2016. Vol. 75. October. P. 683.

⁵ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 157.

«круглые даты побуждают оценивать пройденный путь, создают атмосферу диалога с прошлым, причем, в зависимости от политических, научных, идеологических установок, прошлое может выступать не в виде застывшей константы, но в качестве меняющейся действительности, подчас столь же жизненной, как и окружающая реальность»⁶. В пользу этого наблюдения можно привести многократные сетования Л.А. Данилкина на «музеефикацию и маргинализацию»⁷ Ленина, тогда как, по мнению биографа, одного лишь сохранения памяти о вожде недостаточно: Данилкину очень хотелось бы вернуть его в сегодняшнюю реальность, превратить в «абсолютный авторитет» и «народную икону»⁸.

При этом общество в период «юбилейных лихорадок» стремится не только и не столько к тому, чтобы «вспомнить все» – предельно полно увидеть и понять историческую реальность (или придумать ее заново?), но и заглянуть за грань этой реальности. С одной стороны, актуализация исторического опыта в такие моменты нацелена как на современность, так и на будущее «в тех формах, какие видятся участникам юбилея желательными и необходимыми»⁹. С другой стороны, «день грядущий» становится объектом политической рефлексии не только таким, каким он видится из дня нынешнего, но и в качестве «будущего в прошедшем» – альтернативных сценариев исторического развития, нереализованных перспектив и упущенных возможностей в прошлом, которые следует принимать в расчет современникам, дабы не допустить ошибок предшественников. Этот мотив, значимый для юбилейного дискурса как такового вне привязки к конкретному событию, безусловно, является одной из доминант подавляющего большинства текстов, посвященных драмам начала «эпохи крайностей». Как подчеркивал Хобсбаум, для него было первостепенно важно понять и объяснить, *почему* история повернула именно в том, а не в другом направлении»¹⁰. Иными словами, речь идет о так называемом «контрфактическом моделировании» – анализе вероятности альтернативных сценариев исторического развития и выявлении причин того, почему они оказались нереализованными.

Не углубляясь в поистине необъятную проблематику так называемого «сослагательного наклонения», отметим лишь, что чрезмерно нервное ее восприятие отечественными историками является отчасти следствием табуирования темы в советские времена (в чем честно признавалась М.В. Нечкина, автор данного афоризма¹¹). В то же время в зарубежной историографии подобные сюжеты считаются вполне уважаемым объектом методологической рефлексии. Сегодня уже почти никто среди иностранных исследователей не оспаривает того, что «историкам необходимо прибегать в своей работе к контрфактическим рассуждениям»¹².

При этом данная тема зачастую оказывается прямо или косвенно связанной с так называемым «имперским поворотом»¹³ – течением современной историографии, ратующим за высвобождение концепта «империи» из-под груза оценочных вердиктов и коннотаций. Так, весьма здравые рассуждения А. Мегилла о границах, отделяющих корректное контрфактическое моделирование от безответственных фантазий¹⁴, высказаны им в связи с анализом взглядов Н. Фергюссона, известного как один из идейных лидеров современного «имперского ренессанса». Другой пример неожиданного (на первый взгляд) сопряжения этих тем –

⁶ Цимбаев К.Н. Феномен юбилеямани в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 98.

⁷ Данилкин Л.А. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С. 356.

⁸ Афиша Daily. 12.12.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://daily.afisha.ru/brain/4945-lenin-budet-kak-konfuciy-dlya-kitaya-absolyutnyy-avtoritet/?ysclid=1759tqz5h9420382583> (дата обращения: 23.08.2022).

⁹ Цимбаев К.Н. Феномен юбилеямани... С. 98.

¹⁰ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей... С. 13.

¹¹ «Историк ... запрещено (курсив мой. – А. К.) сослагательное наклонение» (Нечкина М.В. День 14 декабря 1825 года. М., 1975. С. 345).

¹² Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 457.

¹³ Имперский поворот в изучении истории России: Современная историография: сб. обзоров и рефератов М., 2019.

¹⁴ Мегилл А. Историческая эпистемология... С. 450–457.

статья С.А. Экштута¹⁵, посвященная все той же проблеме «сослагательного наклонения», и коллективный манифест «новой имперской истории» редакторов журнала *Ab Imperio*¹⁶. В обоих текстах авторы обосновывают свои взгляды посредством обращения к концепции «остран(н)ения» В.Б. Шкловского. По мнению С.А. Экштута, эвристическая ценность данного подхода заключается в том, что исследователь запрещает себе подгонять ответ под имеющееся у него знание об итогах и последствиях исторической коллизии, «дает ее описание как незнакомой»¹⁷. Авторы второго текста также апеллируют к авторитету В.Б. Шкловского, призывая взглянуть на империи поверх всей совокупности привычных клише и оценочных характеристик. В этом случае «более тонкий и пронизательный анализ имперских контекстов создает картину поразительно странного, действительно незнакомого и чуждого мира»¹⁸.

На самом деле в сходстве приведенных цитат нет ничего странного: метод остран(н)ения применим и к теме исторических альтернатив, и к имперской проблематике, потому что именно последняя предельно полно раскрывает тему «развилки истории». Именно империи на протяжении тысячелетий являлись глобальными политическими акторами, как следствие – мировыми узлами противоречий и точками бифуркаций. Начало «короткого XX века» – не исключение: мировая бойня, положившая конец «долгому XIX столетию», была развязана двумя колониальными и четырьмя континентальными империями, а также двумя монархиями, конкурировавшими за статус балканской империи. Итогом войны стало крушение четырех из шести прежних великих держав и появление новой квази-империи на юге Европы, а по прошествии непродолжительного времени – реинтеграция большей части политического пространства Российской империи в рамках Советского Союза. При этом заметим: именование СССР империей (с более или менее выраженными отрицательными, а в последнее время и с положительными коннотациями) стало едва ли не трюизмом, но если отбросить оценочные клише и попытаться воспринимать имперскую проблематику «по модулю», то сравнение СССР и Российской империи предстает вовсе не околополитическим пустословием, а реальной научной проблемой. И в этом случае мы просто обязаны задать применительно к отечественной истории примерно те же вопросы, которые ставил Хобсбаум в обоснование концепта «короткого XX века»: почему в диапазоне от 1914 до 1922 г. наша история «поворачивала» именно в таком, а не ином направлении; была ли Российская империя приговорена к гибели и осознавали ли эту опасность современники; и если ее крах был неизбежен, то действительно ли потенциал этого политического образования был полностью исчерпан, коль скоро всего через пять лет на его месте возникла почти такая же по территориальному охвату сложносоставная полития?

Следует отметить, что именно в этом направлении развивается историография последних лет, в значительной степени простимулированная «юбилейной лихорадкой». В частности, следует отметить предложенную И. Герасимовым трактовку событий февраля 1917 г. как «великой имперской революции» – попытки преодоления «антиимперского выбора имперского режима»¹⁹, т.е. переворота, имевшего целью не слом старой машины имперской государственности, а фактически ее ремонт. Более того, как верно отмечает Герасимов, «замена монархии республикой сама по себе не рассматривалась в качестве акта «деимпериализации»²⁰, и даже политические движения национальных окраин в большинстве своем не стремились к сецессии, демонстрируя «восприятие бывшего имперского

¹⁵ *Экштут С.А.* Контрфактическое моделирование, развилки и случайности в русской истории и культуре // *Одиссей. Человек в истории.* М., 2000. С. 33–36.

¹⁶ *Gerasimov I, Glebov S., Kusber J., Mogilner M., Semyonov A.* *New Imperial History and the Challenges of Empire // Empire Speaks Out. Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire.* Leiden; Boston, 2009. P. 3–32.

¹⁷ *Экштут С.А.* Контрфактическое моделирование... С. 34.

¹⁸ *Gerasimov I., etc.* *New Imperial History...* P. 3.

¹⁹ *Gerasimov I.* *The Great Imperial Revolution // Ab Imperio.* 2017. № 2. P. 25.

²⁰ *Ibid.* P. 23.

пространства как естественной среды для своей самореализации»²¹. Таким образом, современники падения империи вовсе не считали, что ее политический ресурс исчерпан. Это подтверждают и экономические выкладки П. Грегори: «Мы не можем знать доподлинно, что произошло бы, не случись Мировая война, Октябрьская революция и гражданская война. Что мы можем сказать, так это то, что российская экономика начала процесс преодоления своей относительной отсталости и была на пути к тому, чтобы сравняться по уровню развития с Западной Европой и Северной Америкой. Навешивание на российскую экономику ярлыка провальной – следствие ленинского желания показать, что Россия созрела для социалистической революции. Это не подтверждается эмпирическими фактами»²².

Подчеркнем, что во всех перечисленных выше высказываниях отмечается методологическая уязвимость «презентистских» суждений о событиях прошлого – их оценок вне породившего эти явления исторического контекста, не в качестве самоценного явления *per se*, а как «антецедента» дня нынешнего, выступающего по отношению к нему «консеквентом»²³. По сути, речь идет о телеологической аберрации исторического зрения, которую А. Поллард справедливо называл «нечестным» отношением к предкам – манерой историков выносить вердикты людям прошлого с позиций того знания о последствиях их деяний, которым ни они сами, ни их современники не обладали и обладать не могли²⁴.

Отметим также, что способ преодоления этой аберрации не нов. Еще М. Блок отмечал, что для понимания значимости и степени вероятности произошедшего исторического события нужно смотреть на него не из современности, а из более ранней темпоральной перспективы – так, как оно виделось современникам этой коллизии²⁵. Однако для реализации такого подхода необходима надежная и репрезентативная источниковая база, запечатлевшая ситуацию «накануне» в разных пространственно-временных ракурсах. Необходим учет точек зрения не только фигурантов, непосредственно вовлеченных в эти события, но и сторонних наблюдателей («лицом к лицу лица не увидеть, большое видится на расстоянии»). При этом первостепенное значение имеют мотивация наблюдателя, уровень его осведомленности, аналитические и прогностические способности.

Применительно к началу российского «долгого XX века» ценнейшим источником информации такого рода, отвечающим всем перечисленным критериям, являются тексты, вышедшие из недр Британского бюро военной пропаганды – одного из мощнейших аналитических центров эпохи Первой мировой войны, по праву считающегося предшественником «мозговых трестов» (think-tanks) XX века.

Под сенью Веллингтон-Хаус. Лондонский прохожий, оказавшийся вечером 2 августа 1914 г. на улице Бэкингам-Гейт, мог стать свидетелем невероятного зрелища – к зданию Национальной страховой комиссии, известному как Веллингтон-Хаус, один за другим подъезжали экипажи, из которых выходили те, кого британцы почитали властителями дум: Артур Конан Дойль, Джон Голсуорси, Гилберт Честертон, Герберт Уэллс, Томас Гарди и много иных известнейших литераторов числом более двадцати. Прибыли они сюда по зову председателя Национальной страховой комиссии Чарльза Мастермана, известного политика радикально-либеральной направленности, публициста и писателя, соредатора авторитетного журнала *English Review*. Однако не социальное страхование и не литература были целью этой встречи.

В тот самый день, когда светочи английской литературы собрались в Веллингтон-Хаус, Германия вторглась в Люксембург и выдвинула ультиматум Бельгии, а днем ранее объявила войну России, союзнице Великобритании по Антанте. Таким образом, вступление самого Соединенного Королевства в войну становилось лишь вопросом времени. А поскольку

²¹ Gerasimov I. The Great Imperial Revolution... P. 43.

²² Gregory P.R. Before Command: an economic history of Russia from emancipation to the first five-year plan. Princeton; New Jersey, 1994. P. 36.

²³ Подробнее см.: Флюшкин А.И. Почему в современном мире будущее заменяют прошлым: история возвращается? // Международная аналитика. 2022. № 13. С. 16–29.

²⁴ Pollard A.F. Historical Criticism // History. The Journal of the Historical Association. 1920. Vol. 5, Iss. 17. P. 29.

²⁵ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 71.

разведка доносила, что немцами уже созданы и активно действуют Отдел печати при Министерстве иностранных дел и другие органы пропаганды, премьер-министр Герберт Асквит принял решение о создании аналогичной структуры. Решение о назначении его руководителем Мастермана было принято с подачи канцлера казначейства Дэвида Ллойд Джорджа, близко его знавшего и оказывавшего покровительство²⁶. Так, за два дня до официального объявления войны Германии (это произойдет лишь 4 августа) Великобритания вступила в «Великую войну слов», как назвал пропагандистский фронт Первой мировой канадский историк Питер Байтенхайс²⁷.

Впрочем, не в меньшей степени прав и другой исследователь, назвавший это противостояние «битвой историков»²⁸. По замыслу Мастермана, цвет английской словесности составлял лишь первую линию идеологического фронта, тогда как прочный тыл обеспечивали профессиональные историки. Будучи не только литератором, но и политиком, а также отчасти историком²⁹, глава Веллингтон-Хаус считал, что в пропаганде красота слога недорого стоит без надежных и логически выстроенных аргументов. Поэтому он изначально поставил задачу создания в структуре Бюро военной пропаганды особой аналитической службы, обеспечивающей «властителей дум», действующих на авансцене, качественной и проверенной информацией. Как было сказано в одном из внутренних меморандумов бюро, вся деятельность такой структуры должна «сводиться к изложению фактов и общих аргументов, основанных на фактах»³⁰.

Первым профессиональным историком, приглашенным Мастерманом, был самый известный британский специалист по Германии Джеймс Виклиф Хедлэм, чье жизнеописание Отто фон Бисмарка заслужило самые лестные отзывы рецензентов³¹. Впрочем, идея приглашения Хедлэма вполне могла принадлежать и не самому Мастерману, а его секретарю Клоду Шустеру, обладателю оксфордского диплома второго класса по истории³².

Следом за Хедлэмом к работе в Веллингтон-Хаус были привлечены еще два профессиональных историка: автор капитальных исследований национального вопроса в Австро-Венгрии и на Балканах Роберт Сетон-Уотсон³³ и его друг, оксфордский профессор Альфред Циммерн. В свою очередь, последний порекомендовал принять на работу (сперва в качестве привлеченных экспертов, а затем – на штатные должности) трех молодых историков, питомцев Бейллиол-колледжа того же университета: Арнольда Тойнби, Хемиша Пейтона и Льюиса Неймира. Эти интеллектуалы составили костяк особой структуры внутри Бюро военной пропаганды, позже конституированной как Департамент политической разведки (Political Intelligence Department – PID) и фактически представлявшей собой руководящий орган бюро – «Министерство всех талантов»³⁴, как полушутя-полусерьезно прозвали эту структуру в Foreign Office. Примечательно, что сами члены данного экспертного сообщества для своих собраний, проходивших едва ли не каждый день, выбрали весьма специфичное

²⁶ Hopkins E. Charles Masterman (1873–1927), Politician and Journalist: The Splendid Failure. Lewiston. N.Y., 1999. P. 105, 143.

²⁷ Buitenhuis P. The Great War of Words: British, American and Canadian Propaganda and Fiction, 1914–1933. Vancouver, 1987.

²⁸ Heffer S. First World War, the battle of the historians [Электронный ресурс] // New Statesman. 2014. 3 July. URL: <http://www.newstatesman.com/politics/2014/07/simon-heffer-first-world-war-battle-historians> (дата обращения: 27.08.2022).

²⁹ Во многих книгах Мастермана достаточно часты исторические экскурсы, а одна из самых известных – о выдающемся британском теологе и социальном философе Ф.Д. Морисе – написана в историко-биографическом жанре (Masterman C.F.G. Frederick Denison Maurice. London, 1907). О трудах Мастермана весьма лестно отзывались профессиональные историки, а некоторые его книги стали для них «кладом цитат» (Feuchtwanger E.J. Democracy and Empire: Britain, 1865–1914. London, 1985. P. 371).

³⁰ Sanders M.L., Taylor P.M. British Propaganda during the First World War, 1914–18. London, 1982. P. 41.

³¹ Sloane W.M. Rev.: Bismarck and the foundation of the German Empire, by James Wycliffe Headlam // Political Science Quarterly. 1901. Vol. 16, № 1. P. 149.

³² Hall J.G., Douglas F.M. Yes, Lord Chancellor: A Biography of Lord Schuster. Chichester, West Sussex, 2003. P. 8.

³³ Scotus Viator (Seton-Watson R.W.). Racial Problems in Hungary. London, 1908; Seton-Watson R.W. The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy. London, 1911.

³⁴ Sharp A. James Headlam-Morley: Creating International History // Diplomacy & Statecraft. 1998. Vol. 9, No. 3. P. 267.

понятие, много говорящее об их профессиональной идентичности: «the moot»³⁵ – слово, восходящее к наименованию органа англосаксонского родового строя, аналогичного славянскому вече. Арнольд Тойнби, зачисленный в штат Веллингтон-Хаус 1 мая 1915 г., в частной переписке называл свое место работы «фарисейской конторой» (Mendacity Bureau)³⁶.

Именно на этом «вече интеллектуалов» родились наиболее значимые аналитические тексты об интересах и политических целях Британии, ее противников и союзников по Антанте, в том числе и России, а также о перспективах послевоенного урегулирования в Европе. При этом молодые эксперты не отставали от корифеев. Огромный вклад в изучение национального вопроса в Центральной и Восточной Европе внес Хеммиш Пейтон. Им были составлены карты этнического состава населения региона как основы послевоенного национально-государственного размежевания. К слову сказать, с точки зрения Тойнби, авторское участие Пейтона в этой работе было столь велико, что итог сих трудов, позже ставший известным как Линия Керзона, по справедливости следовало бы назвать его именем³⁷. Другой выпускник Бейллиола Льюис Нэймир, до своей натурализации в Британии бывший подданным Российской империи и носивший имя Людвик Бернштейн-Немировский, был самым осведомленным в проблематике Восточной Европы экспертом Бюро военной пропаганды после Р. Сетон-Уотстона. Ранее он уже издал брошюру «Германия и Восточная Европа»³⁸, в которой обосновал свое видение разрешения национального вопроса в этой части континента и дальнейшей судьбы трех империй данного региона.

Но, пожалуй, самые масштабные аналитические тексты по тематике России и Восточной Европы были созданы третьим питомцем Бейллиола – Арнольдом Тойнби. Собственно, с момента издания первой из них – «Национальность и война» – он и стал известен как Арнольд Джозеф Тойнби: именно тогда он по требованию родственников добавил второе имя, дабы отличаться от своего «великого дяди», автора «Истории промышленного переворота в Англии»³⁹. Следует отметить, что книга была написана еще до зачисления Тойнби в штат Веллингтон-Хаус и сыграла значимую роль в обретении им нового статуса. В оценке этого труда можно согласиться с биографом Тойнби Уильямом Мак-Нилом: хотя сам он позже называл свой первый труд «ребячеством» (*juvenilia*)⁴⁰, именно в нем «впервые проявилась необычайная способность Тойнби к быстрой работе над текстом, а также к сбору и переваживанию огромного объема разрозненной информации о современной политике. Эта способность предопределила его последующую карьеру в качестве автора ежегодных обзоров международных отношений в межвоенный период»⁴¹.

В том же 1915 г., уже будучи штатным сотрудником PID, Тойнби опубликовал сборник очерков «Новая Европа», являющийся логическим продолжением первого труда. И вновь, как и в предыдущей книге, одним из основных предметов размышления автора стала Россия – ее место в европейской политике и культуре, ее будущее в послевоенном мире.

После Германии – Россия? Пристальный интерес Тойнби к России был обусловлен пониманием ее реальной роли в Антанте и, как следствие, в послевоенном переустройстве мира: «Если союзники одержат победу в этой войне, – писал он, предваряя анализ российской проблематики в книге “Национальность и война”, – то в последующем европейском урегулировании голос России будет более решающим, чем любого из нас»⁴². В то же время этот интерес был продиктован и личными убеждениями автора. Тойнби был чрезвычайно обеспокоен широким распространением среди британцев русофобских настроений, игравших на руку пропаганде Центрального блока – слишком часто приходилось ему

³⁵ Sanders M.L., Taylor P.M. *British Propaganda...* P. 41.

³⁶ McNeill W.H. Arnold J. Toynbee. *A Life*. New York; Oxford, 1989. P. 72.

³⁷ Тойнби А.Дж. *Пережитое. Мои встречи*. М., 2003. С. 348.

³⁸ Namier L. *Germany and Eastern Europe*. London, 1915.

³⁹ Тойнби А.Дж. *Пережитое. Мои встречи...* С. 318; McNeill W.H. Arnold J. Toynbee: *A Life*. New York; Oxford, 1989. P. 72.

⁴⁰ McNeill W.H. Arnold J. Toynbee. *A Life...* P. 71.

⁴¹ Ibid. P. 69.

⁴² Toynbee A.J. *Nationality and the War*. London; Toronto, 1915. P. 280.

слышать от соотечественников: «После Германии – Россия»⁴³. Поэтому Тойнби ставит цель развенчать миф о русских варварах, чуждых ценностям европейской культуры. Будучи страстным поклонником творчества Толстого, Аксакова, Тургенева, он посвятил самые проникновенные строки русской литературе XIX столетия, которая, по его убеждению, не менее важна для «мировой духовной истории», чем французская литература предшествующего века⁴⁴. В то же время Тойнби весьма скептически относился к имперской бюрократии, считая ее косной и неэффективной, и полагал, что именно война приведет к ее окончательному банкротству: «Российская бюрократия принадлежит прошлому. Либерализм торжествует и будет набирать силу»⁴⁵. Впрочем, столь светлая перспектива, как считал Тойнби, вовсе не гарантирована: для этого необходимо преодолеть препятствие, которое может обернуться для России самыми фатальными последствиями. Ахиллесовой пятой империи Тойнби считал национальный вопрос, в особенности – дискриминационный курс правительства в отношении Польши. Эта политика, по его мнению, давала основания германской пропаганде обвинять Россию, провозглашающую себя покровительницей славян, в лицемерии, коль скоро она при этом угнетает вторую по значению славянскую нацию⁴⁶.

Признавая, что за русско-польскими противоречиями тянется долгий исторический шлейф взаимных обид, Тойнби полагал, что война дает исторический шанс преодоления «политической вражды, унаследованной от прошлого этими двумя лидерами славянского мира»⁴⁷, но примирение неизбежно «потребует добросовестности от обеих сторон»⁴⁸. Тойнби считал, что коль скоро взаимные союзные обязательства стран Антанты предполагают передачу России всех польских земель, империя ради собственного же блага должна обеспечить воссоединенной в ее границах нации как минимум тот же уровень внутренней автономии, каким располагали поляки в составе Австро-Венгрии. В то же время полная независимость отнюдь не выгодна для самой же Польши: опыт XIX столетия наглядно показывает, что, имея доступ к необъятному внутреннему рынку империи и находясь под защитой ее «таможенной стены», Польша пережила невероятный экономический бум: «и в самые мрачные годы политических репрессий отмечался неуклонный рост численности и благосостояния ее населения»⁴⁹. Если же империя гарантирует уважение национальных чувств и устремлений поляков, то выгода будет обоюдной: они получают свое «Рисорджименто» и благоприятные условия экономического развития, а Россия – вовлечение в имперское пространство материальных и человеческих ресурсов объединенной Польши. «Таким образом, – делает вывод Тойнби, – взаимные экономические интересы благоприятствуют идее инкорпорации новой Польши в состав Российской империи на началах федеративного союза»⁵⁰.

Деволуция. Польский кейс служит для Тойнби отправной точкой для дальнейшего развития концепции федерализации Российской империи как важнейшего элемента общей стратегии послевоенного урегулирования в Европе. Он считал, что единственным шансом сохранения целостности России является деволуция – частичное делегирование полномочий местной власти в обратной пропорции к тому, насколько каждая губерния или область интегрирована в тело империи. В центре, где степень взаимной зависимости отдельных территорий чрезвычайно велика, существенное расширение автономии проблематично, тогда как в некоторых периферийных регионах вполне возможно: «Самоуправление следует

⁴³ *Toynbee A.J. Nationality and the War...* P. 295.

⁴⁴ *Ibid.* P. 298. Подробнее о русофильских взглядах А.Дж. Тойнби см.: *Корневский А.В. О Транссибе, Москве, русском «Нет!» и «квинтэссенции византийского духа» (путевые заметки А.Дж. Тойнби о России) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2012. Вып. 39. С. 231–232; Корневский А.В. Вчерашнее завтра России: британский взгляд эпохи Великой войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Вып. 2. Самара, 2014. С. 253–254.*

⁴⁵ *Toynbee A.J. Nationality and the War...* P. 299.

⁴⁶ *Ibid.* P. 281.

⁴⁷ *Ibid.* P. 289.

⁴⁸ *Ibid.* P. 282.

⁴⁹ *Ibid.* P. 287.

⁵⁰ *Ibid.* P. 288–289.

делегировать в различных пропорциях, соотносимых с мерой материальной значимости территорий в качестве политических единиц и развитости национального самосознания»⁵¹.

К числу регионов, где осуществление деволуции может дать позитивный эффект, Тойнби относил Польшу, Литву и прибалтийские губернии, но весьма сдержанно оценивал подобную перспективу Украины, по отношению к которой он последовательно использует понятие «Малороссия» (Little Russia). Признавая определенные языковые и этнические различия между нею и Великороссией, Тойнби указывал на то, что этот регион не только не обладает экономической самостоятельностью, но, наоборот, неразрывно связан с центром страны множеством нитей. По этой причине украинцы могут из-за своего национального нарциссизма сами оказаться в проигрыше: «Малороссу не следует чураться признания своим языком, ставшего в последнее столетие носителем литературы мирового значения, рядом с которым традиционные крестьянские баллады, постоянно издаваемые в Лемберге, кажутся почти комически незначительными»⁵².

К тому же между ареалами двух «племен» русского народа нет четкой этнокультурной границы. Скорее, это своеобразный градиент, образуемый Новороссией, которая, как отмечал Тойнби, заселялась с двух сторон, но «малороссийский элемент» здесь никогда не доминировал. Поэтому возникший на данной территории сплав племен и народов «определенно никогда не будет иметь особой “малороссийской” окраски»⁵³. Более того, Новороссия «не имеет социальных связей с Малороссией и никогда не сможет быть поглощена ею, но Малороссия как самоуправляемая единица, не имеющая выхода к побережью, географически и экономически почти невозможна»⁵⁴.

По мнению Тойнби, политическое и культурное единство отнюдь не противоречит интересам большинства населяющих ее народов, но именно от Украины в первую очередь зависит, удастся ли его сохранить: «Малороссийский элемент составляет около трети всей расы, и если он отколетя и попытается следовать собственным курсом, это неминуемо нарушит баланс всей имперской системы»⁵⁵. Результатом такого конфликта, фатального для всех его участников, будет «в худшем случае полный распад Российской империи, а в лучшем – длительный политический паралич»⁵⁶. Поэтому украинцам в их же собственных интересах «следует отказаться от своего партикуляризма и пойти на то, чтобы вновь стать частью единого тела “Святой Руси”»⁵⁷.

После выхода в свет книги «Национальность и война» в апреле 1915 г. Тойнби продолжал свои штудии по национальному вопросу, результаты которых публиковались в виде отдельных статей в журнале *Nation*. К сентябрю, когда таковых набралось уже шесть, он принял решение об их объединении в отдельную книгу по вопросу послевоенной «реконструкции» с символическим заглавием «Новая Европа». При этом львиная доля книги посвящена украинскому вопросу, для чего были веские основания. Эта проблема оказалась в центре общественного внимания после Великого отступления, которое было мастерски использовано пропагандой Центрального блока: возвращение австро-венгерских войск в Галицию удалось представить освобождением от «русских варваров», поддержанным местным населением. Это был тяжелый удар по репутации России как защитницы славян: в доказательство несостоятельности ее претензий указывалось на отношение к украинцам, которым – в отличие от Двуетной империи – Россия отказывала в праве быть нацией со своим языком, культурой и даже именем! Эта пропагандистская атака возымела свое действие, посеяв смятение в умонастроениях многих интеллектуалов, в том числе и Тойнби. Он не мог не понимать, что в сложившейся ситуации многие пассажи его предыдущей книги могли быть восприняты как одобрение имперской политики в украинском вопросе, причем

⁵¹ *Toynbee A.J. Nationality and the War... P. 303.*

⁵² *Ibid. P. 323.*

⁵³ *Ibid. P. 316.*

⁵⁴ *Ibid. P. 316–317.*

⁵⁵ *Ibid. P. 318.*

⁵⁶ *Ibid. P. 319.*

⁵⁷ *Ibid.*

именно в тех ее аспектах, которые более всего осуждались западным общественным мнением. Например, фактическое отрицание существования украинской нации и последовательное именование Украины Малороссией. Поэтому следовало несколько скорректировать высказанную ранее позицию, но при этом сохранить лицо, отчасти признав ошибки, но представив их следствием общего заблуждения, а не собственной злонамеренности. Следуя такому замыслу, Тойнби начинает очерк об Украине со следующих слов: «Множество национальностей, ранее пренебрегаемых нами, привлекли к себе внимание благодаря войне, но случай с украинцами, несомненно, самый странный из всех. Нация в тридцать миллионов, а мы никогда не слышали ее имени!»⁵⁸.

Неизбежным следствием такого признания стали определенные уточнения в оценке послевоенных перспектив Российской империи в данном аспекте. Впрочем, это была скорее ретушь, чем реальные коррективы. Несмотря на признание национального своеобразия Украины, Тойнби по-прежнему крайне скептически оценивает возможность ее экономического и политического обособления от империи. В своих выводах Тойнби весьма категоричен: «Киев и Одесса отторгнуты от России! Россия отрезана от Черного моря! Разумеется, такая схема практически невозможна. Такое национальное самоутверждение принесло бы самим украинцам все, что угодно, кроме пользы. Украина и остальная часть России неразделимы географически, взаимосвязаны в экономическом плане, переплетены в этническом и культурном отношении»⁵⁹.

В то же время игнорирование национального своеобразия Украины, с точки зрения Тойнби, абсолютно бесперспективно: «Украина никогда не сможет добиться всеобъемлющей политической независимости от Москвы, а Москва – искоренить украинскую национальность или полностью ассимилировать весь украинский народ. Урегулирование может быть достигнуто только через компромисс, при котором каждая из сторон сможет обеспечить свои насущные потребности ценой отказа от чрезмерных претензий. У России должно быть географическое единство, у Украины – ее национальные права. И ради достижения этих целей взаимный отказ от фантазий – о русификации, с одной стороны, и независимости – с другой, не станет чрезмерной жертвой»⁶⁰.

При этом Тойнби не видел иного пути решения украинского вопроса, кроме объединения всего этнического ареала в границах империи, а значит присоединения к ней территории Галиции. Но это налагает на Россию ответные обязательства: имперскому правительству придется предоставить обеим частям украинского народа никак не меньший, а по возможности больший уровень политических свобод, чем те, что были у галичан в Австро-Венгрии. Если же этого не случится, то последующий политический сценарий русско-украинского конфликта и роль в нем Галиции Тойнби определяет предельно точно и афористично, прибегая к метафорам эпохи Рисорджименто: российская «Ирридента» неминуемо станет украинским «Пьемонтом»⁶¹, т.е. центром консолидации национального движения. Как мы знаем, и в 1917–1920 гг., и в более отдаленной исторической перспективе данный сценарий реализовался в полной мере.

Рыцари «Круглого стола». Прогнозы и рекомендации Тойнби относительно послевоенного реформирования Российской империи в «федеральный союз» вольно или невольно наталкивают на мысль об их созвучии идеям британских политиков и публицистов начала XX в., выдвигавших программу преобразования Британской империи в Содружество наций. Данная концепция зародилась в кругу интеллектуалов так называемого «Милнеровского детского сада» – питомцев верховного комиссара в Южной Африке и губернатора Капской колонии лорда Альфреда Милнера. Стремясь сформировать команду квалифицированных управленцев для преодоления последствий Второй Англо-Бурской войны, он сделал ставку не на состоявшихся профессионалов, а на амбициозную молодежь. В беседе с южно-

⁵⁸ *Toynbee A.J. The New Europe. Some Essays in Reconstruction. London; Toronto; New York, 1915. P. 75.*

⁵⁹ *Ibid. P. 83.*

⁶⁰ *Ibid. P. 83–84.*

⁶¹ *Ibid. P. 81.*

африканским писателем и бизнесменом Дж.П. Фитцпатиком Милнер так обосновывал свой подход: «Да, я ценю мозги и характер больше, чем опыт. Первокласных людей с опытом не заполучить. Ничто из того, что можно было бы им предложить, не заставит их отказаться от того, что они уже имеют»⁶². Будущее подтвердило правоту Милнера: ему удалось собрать вокруг себя интеллектуалов, очень быстро набравшихся профессионального опыта и позже громко заявивших о себе в британской политике. В основу проводившихся ими реформ питомцы Милнера положили концепцию федерализма одного из отцов-основателей США А. Гамильтона, полагая, что «федерация – наиболее приемлемая форма унификации Южной Африки»⁶³. Впоследствии они стали активно пропагандировать эти же политические рецепты применительно к Британской империи в целом. Наибольшую активность в этом проявил один из ближайших сотрудников Милнера Лайонел Кертис, вокруг которого к 1909 г. сложилась группа сторонников «имперского федерализма», известная как «Круглый стол». Именно он в 1910 г. сформулировал ключевые принципы этого движения в так называемом «Зеленом меморандуме», а в следующем году инициировал выпуск «Исследований Круглого стола»⁶⁴. Добавим к этому, что сборник программных статей участников «Круглого стола» под редакцией Кертиса «Проблема содружества»⁶⁵ вышел в свет в тот же год, что и книга Тойнби.

Можно было бы предположить, что как раз в этих идеях черпал вдохновение автор «Национальности и войны», поскольку известно, что Кертис активно сотрудничал с Департаментом политической разведки и был близко знаком с Тойнби. Более того, о степени доверительности их отношений говорит тот факт, что именно с подачи Кертиса, сыгравшего ключевую роль в создании одного из первых политических «мозговых трестов» (think tank) – Британского (впоследствии Королевского) института международных отношений, известного как Чатем-Хаус (Chatham House), Тойнби стал его первым штатным сотрудником (позже – директором по науке).

Однако против такого предположения говорит хронологический аргумент. Работу над книгой «Национальность и война» Тойнби начал в октябре и завершил через четыре с половиной месяца, т.е. в конце февраля – начале марта, а вышла в свет она 1 апреля 1915 г.⁶⁶ В то же время его знакомство с Кертисом состоялось лишь 3 июня того же года. В своих мемуарах Тойнби точно называет дату первой встречи с «пророком федерализации», поскольку это имело самое непосредственное отношение к его развернутой характеристике личности и взглядов Кертиса. Их знакомство состоялось в день взятия немцами Перемышля, и Тойнби неприятно поразило пренебрежительное отношение Кертиса к этой новости, выкрикиваемой газетчиками: в сравнении с проблемой преобразования империи в Содружество наций, о чем с жаром и страстью вещал «пророк», эта военная катастрофа представлялась ему «преходящим событием»⁶⁷.

Добавим к этому, что на момент первой встречи Тойнби и Кертиса концепция федерализации империи еще не вполне сформировалась и в том виде вряд ли могла иметь универсальное значение, тем паче применена к российской ситуации. В то время программа «Круглого стола» была слишком «англосаксонской»: она предполагала превращение в субъекты имперской федерации исключительно «белых колоний». Только с 1917 г. сторонники федерализации империи стали включать в число доминионов, готовых к широкой внутренней автономии, Индию. И примерно с этого же времени в их текстах все чаще встречается понятие «деволюция» – например, в так называемом «Плане Монтегю» (осень

⁶² Gollin A.M. Proconsul in Politics: A Study of Lord Milner in Opposition and in Power. London, 1964. P. 41.

⁶³ Nimocks W. Milners Young Men: The 'Kindergarten' in Edwardian Imperial Affairs. Durham, 1968. P. 100.

⁶⁴ Bosco A. The Round Table Movement and the Fall of the 'Second' British Empire (1909–1919). Cambridge, 2017. P. 190.

⁶⁵ The Problem of the Commonwealth. London etc., 1915.

⁶⁶ McNeill W.H. Arnold J. Toynbee. A Life... P. 69.

⁶⁷ Тойнби А. Пережитое. Мои встречи... С. 403.

1917 г.), обосновывавшем конституционные реформы в Индии⁶⁸. В более ранних текстах, публиковавшихся под эгидой «Круглого стола», этот термин не встречается⁶⁹.

Сам Кертис впервые употребил слово «деволюция» в опубликованном годом позже «Письмах к народу Индии об ответственном правительстве». При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что, используя данное понятие, он либо присовокупляет к нему определение «специфическая», либо говорит о деволюции «особых» или «определенных» полномочий⁷⁰. Создается впечатление, что это слово не очень привычно для автора и он не вполне уверен, что оно понятно читателю. Лишь к началу 1920-х гг. слово «деволюция» постепенно входит в политический лексикон и рассматривается как ключевое условие удовлетворения местных интересов и национальных чаяний⁷¹. Таким образом, более вероятным представляется, что не идеи Кертиса и его сподвижников вдохновили Тойнби на его размышления о будущем Российской империи, а, скорее всего, имело место обратное влияние. Впрочем, в любом случае такое созвучие двух имперских проектов вполне объяснимо, поскольку эти мысли буквально носились в воздухе.

В чем был прав и в чем ошибался Тойнби? На вопрос, вынесенный в заголовок, весьма трудно ответить однозначно. Как ни парадоксально это звучит, но многие прогнозы героя нашего повествования сбылись, хотя и не совсем так, как это виделось самому Тойнби. Он воспел хвалу российской интеллигенции, выразив уверенность в скорой победе либерализма: «ни на что уже не годное “сильное правительство” уступит место тем, кому сама нация доверит свою судьбу»⁷². Не прошло и двух лет, как это пророчество сбылось, однако власть, пришедшая на смену «сильному правительству», оказалась анекдотически слабой и через считанные месяцы была сметена властью не просто более сильной, но и бесчеловечно жестокой.

Тойнби достаточно объективно оценивал степень остроты межнациональных противоречий в Российской империи и справедливо считал правящую бюрократию катастрофически некомпетентной. Исходя из этих предпосылок, он вполне допускал наихудший сценарий – коллапс всей системы или ее «длительный паралич», что также делает ему честь как прогностику. Однако при этом Тойнби считал империю достаточно жизнеспособным организмом, который в случае правильной санации может просуществовать еще сколь угодно долго. Тем не менее вскоре империя рухнула. Однако сегодня большинство историков склоняются к точке зрения, весьма созвучной мнению Тойнби: катастрофа 1917 г. не была фатально предопределена, а скорее стала результатом констелляции множества факторов – от достаточно объективных до совершенно случайных. И одним из подтверждений этого вывода является то, что всего через пять лет после крушения империи большая часть ее осколков вновь была собрана воедино, хотя и под другими знаменами и лозунгами. При этом ключевые принципы и методы реализации советского проекта реинтеграции имперского политического пространства обнаруживают разительное сходство с теми средствами, которые, по мысли Тойнби, могли бы вдохнуть в империю новую жизнь.

По сути, ключевым конституционным принципом, положенным В.И. Лениным в основу его плана построения Советского Союза, была разноуровневая деволюция. Как и в проекте Тойнби, в СССР распределение полномочий между центром, союзными республиками и прочими территориально-административными образованиями осуществлялось асимметрично: объем делегируемых полномочий возрастал по мере удаления от центра – от приграничных квази-государственных образований со всеми внешними признаками суверенитета до национально-культурных автономий в статусе республик, областей и округов внутри

⁶⁸ Darwin J. The Empire Project... P. 349.

⁶⁹ The Problem of the Commonwealth. London, etc., 1915; Curtis L. The Round Table Movement: Its Past and Future. Toronto, 1913; Curtis L. Independence or Imperial Partnership? A study of The Problem of the Commonwealth. Montreal, 1916.

⁷⁰ Curtis L. Letters to the People of India on Responsible Government. London, 1918. P. XI, 2, 110, 117–118, 159, 161.

⁷¹ Pim F.W. Home Rule through Federal Devolution. London, 1919; Macdonald J.A.M. The Case for Federal Devolution. London, 1920.

⁷² Toynebee A.J. Nationality and the War... P. 298.

страны. Разумеется, в реальности политическое устройство Советского Союза обеспечивало населявшим его народам только сохранение языка и культуры, тогда как все прочие атрибуты самостоятельности были всего лишь декорацией. И тем не менее сам факт очевидного сходства разных постимперских проектов говорит о том, что видение будущего Российской империи, представленное в книге «Национальность и война», вовсе не было утопией.

Может показаться, что между схемой деволюции Российской империи, описанной Тойнби, и конструкцией Советского Союза имеется одно принципиальное отличие. Полагая, что полноценным субъектом федерации может быть территория, характеризующаяся экономической самодостаточностью и развитостью национального самосознания населения, он категорически отвергал такой сценарий в отношении Украины, которая, однако, стала одним из соучредителей СССР. Тем не менее укажем на два обстоятельства, в свете которых снимается это кажущееся противоречие. Во-первых, Тойнби говорил об экономической неполноценности Украины в ее узких этнических границах – без Новороссии и Черноморского побережья, т.е. как раз тех территорий, которые Украина получила в качестве союзной республики. Во-вторых, отцы-основатели СССР, так же как и Тойнби, считали уровень развития национальной идентичности населения Украины не соответствующим статусу союзной республики. Устранить это противоречие была призвана проводившаяся советской властью в межвоенный период массированная украинизация как «метод национального строительства, целенаправленный государственный курс по утверждению украинского характера социокультурного пространства той или иной территории путем специальной языковой, культурной и кадровой политики»⁷³.

Случайны ли такие совпадения? Разумеется, мы никогда не сможем дать исчерпывающего ответа на этот вопрос, и проще всего спрятаться за расхожей фразой об идеях, « витающих в воздухе ». Однако в действительности нет ничего невероятного в предположении о прямом или косвенном – через какой-либо устный или письменный пересказ – знакомстве В.И. Ленина с общим контуром концепции Тойнби в ее аутентичной версии или в том виде, в каком она отразилась в доктрине федерализации Британской империи.

Во-первых, современная историография так и не выявила всех источников ленинской концепции построения СССР и не дала внятного объяснения тому несколько странному обстоятельству, что вплоть до осени 1922 г. вождь не возражал против «плана автономизации», а 26 сентября вдруг заявил о необходимости создания «Союза Советских республик Европы и Азии»⁷⁴. Заметим, что так называемое «грузинское дело»⁷⁵, ставшее для Ленина весомым аргументом в обосновании своей позиции, достигло своего апогея значительно позже и на тот момент не могло быть достаточным основанием для столь резкого изменения позиции.

Во-вторых, следует учитывать достаточно высокий уровень информированности Ленина о политической жизни и последних веяниях общественно-политической мысли в Великобритании. Он достаточно свободно владел английским и охотно общался со всеми британскими визитерами, будь то делегаты конгрессов Коминтерна, западные «лидеры общественного мнения» или журналисты, каковых в начале 1920-х было немало: А. Рэнсом, У.Т. Гуд и М.Ф. Прайс из «Манчестер Гардиан», М. Фарбман и Дж. Лэнсбери из «Дейли Геральд». В свою очередь, эти «английские любители прямых репортажей из Советской России»⁷⁶, как правило проникавшиеся симпатией к интервьюируемому⁷⁷, вольно или невольно становились информаторами Ленина, любившего в беседах с журналистами прибегать к встречным вопросам. Кроме того, имеется немало свидетельств о его прис-

⁷³ Борисенок Е.Ю. Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2016. С. 37.

⁷⁴ Ленин В.И. Об образовании СССР. Письмо Л.Б. Каменеву для членов политбюро ЦК РКП(б) // Полное собрание сочинений. Т. 45. М., 1970. С. 211.

⁷⁵ Smith J. The Georgian Affair of 1922 – Policy Failure, Personality Clash or Power Struggle? // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50, № 3. P. 519–544.

⁷⁶ Па́йнс Р. Русская революция: в 3 кн. Кн. 3: Россия под большевиками. 1918–1924. М., 2005. С. 353.

⁷⁷ Goode W.T. Bolshevism at Work. London, 1920. P. 17–22.

тальном интересе к британской периодике, научной и общественно-политической литературе. Доподлинно известно, что он не только внимательно следил за английской прессой, штудировал книги Дж.М. Кейнса, Х.Н. Брэйлсфорда, З. Кахан, Дж.А. Гобсона⁷⁸, но и настоял на создании особой Комиссии по приобретению и распространению иностранной литературы, требуя, чтобы ею было «налажено регулярное получение всех периодических изданий из-за рубежа»⁷⁹.

Также стоит отметить, что и Ленин, и многие его сподвижники, имевшие непосредственное отношение к созданию СССР, черпали свои познания о британской политической жизни не только из книг и слов заезжих визитеров. И сам председатель Совнаркома, и ключевые фигуры британского направления советской дипломатии – нарком иностранных дел Г.В. Чичерин и его заместители Н.М. Петров и М.М. Литвинов, заведующий отделом печати Наркоминдела И.М. Майский, член коллегии НКВД Ф.А. Ротштейн – бывали в Англии в годы эмиграции, а многие из них подолгу там жили и успели пустить прочные корни. Например, Н.М. Петров, интернированный британскими властями вместе с Чичериным в 1917 г., был членом Британской социалистической партии и входил в состав ее руководства⁸⁰. У некоторых даже имелись там родственники: у Литвинова – по линии его жены Айви Лоу⁸¹, у Чичерина – его двоюродный брат Александр Мейендорф⁸². При этом следует отметить, что последний был близко знаком с Тойнби⁸³.

Еще одним связующим звеном между Лениным и британскими политическими кругами был упомянутый ранее Федор (Теодор) Ротштейн – член Британской социалистической и большевистской партий, высокопоставленный чиновник Наркоминдела, посредник между советскими властями и английскими эмиссарами Брюсом Локкартом и Артуром Рэнсомом⁸⁴, «главный агент Коминтерна»⁸⁵ в Англии и одновременно «близкий конфидент Ленина»⁸⁶. Во время войны Ротштейн работал в Foreign Office, занимая, по выражению Р. Чемберса, «весьма деликатный» (highly sensitive)⁸⁷ пост – выполняя устные и письменные переводы с русского и на русский. Принимая в расчет это обстоятельство, очень трудно допустить, что он не был знаком с Тойнби, работавшим в МИДе в то же самое время по восточноевропейской проблематике и, естественно, нуждавшимся в помощи квалифицированного носителя русского языка. Добавим к этому, что сын Ротштейна Андрей (Andrew) изучал историю в том же самом Бэллиол-колледже, в котором учился, а затем преподавал Тойнби. И наконец, last, but not least: в 1929 г., собираясь совершить поездку в Советский Союз, Тойнби, как явствует из его записей в блокноте, хранящемся в Бодлианской библиотеке Оксфордского университета, планировал встречу с Андреем Ротштейном⁸⁸.

Таким образом, концепция деволуции империи, широко обсуждавшаяся в англоязычной прессе и политической публицистике начала 1920-х, могла стать известной Ленину как через его многочисленных информаторов, так и в результате чтения периодики и общественно-политической литературы. А назревавшие трения с грузинскими партийными лидерами (первую жалобу Сталина на них Ленин получил 22 сентября⁸⁹) вполне могли подсказать вариант решения этой проблемы в русле модели «деволуции». Разумеется,

⁷⁸ Виленкина Е.Э. Иностранные языки в жизни деятельности В.И. Ленина. М., 1959. С. 57–64.

⁷⁹ Там же. С. 63.

⁸⁰ McHugh J., Ripley B.J. Russian Political Internees in First World War Britain: The Cases of George Chicherin and Peter Petroff // The Historical Journal. 1985. Vol. 28, № 3. P. 727–738.

⁸¹ Haven C.L. Ivy Low Litvinov: surviving Stalin ... and D.H. Lawrence, too // The Book Haven. Stanford University [Электронный ресурс]. URL: <https://bookhaven.stanford.edu/2014/01/ivy-low-litvinov-surviving-stalin-and-d-h-lawrence-too/> (дата обращения: 15.11.2022).

⁸² Meyendorff A. My Cousin, Foreign Commissar Chicherin // Russian Review. 1971. Vol. 30, № 2. P. 173–178.

⁸³ Тойнби А.Дж. Пережитое. Мои встречи... С. 486–491.

⁸⁴ Chambers R. The Last Englishman: The Double Life of Arthur Ransome. London, 2010. P. 199.

⁸⁵ Паўнс Р. Русская революция... С. 272.

⁸⁶ Chambers R. The Last Englishman... P. 172.

⁸⁷ Ibid. P. 173.

⁸⁸ Bodleian Library. Special Collections. Toynbee Papers. Box 91. Journeys (1): Visits to China.

⁸⁹ Smith J. The Georgian Affair of 1922... P. 535, footnote 86.

изложенная версия не претендует на статус истины в последней инстанции, однако она не только не противоречит имеющимся сведениям о предыстории образования Советского Союза, но и позволяет устранить историографические лакуны в описании и объяснении данного явления.

Остается только добавить, что много позже и сам Тойнби отмечал сходство советского и британского проектов. В четвертом томе «Постижения истории», вышедшем в свет в 1939 г., он отмечал, что в СССР, в подражание британскому эксперименту, посредством «прогрессивной деволуции» создана «сложная система автономий внутри автономий»⁹⁰.

Итак, оценивая перспективы послевоенного развития Российской империи, Тойнби во многом оказался прав, во многом ошибался, а в целом ряде аспектов его прогнозы сбылись, но отнюдь не так, как это представлялось самому предсказателю. Все это лишний раз показывает, что благодаря глубоким познаниям в истории политический аналитик может обрести дар прозрения, однако история нередко бывает столь непредсказуема, что способна поставить в тупик даже самого прозорливого прорицателя.

Литература

Борисенок Е.Ю. Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2016. 48 с.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка: 2-е изд. / пер. Е.М. Лысенко; примеч. и ст. А.Я. Гуревича. М.: Наука, 1986. 254 с.

Виленина Е.Э. Иностранные языки в жизни и деятельности В.И. Ленина. М.: Госучпедгиз, 1959. 67 с.

Данилкин Л.А. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. М.: Молодая гвардия, 2017. 783 с.

Имперский поворот в изучении истории России: Современная историография: сборник обзоров и рефератов / отв. ред. О.В. Большакова. М.: ИНИОН РАН, 2019. 180 с.

Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 486 с.

Ленин В.И. Об образовании СССР. Письмо Л.Б. Каменеву для членов политбюро ЦК РКП(б) // Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 211–213.

Корневский А.В. Вчерашнее завтра России: британский взгляд эпохи Великой войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Вып. 2. Самара, 2014. С. 242–265.

Корневский А.В. О Транссибе, Москве, русском «Нет!» и «квинтэссенции византийского духа» (путевые заметки А.Дж. Тойнби о России) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2012. Вып. 39. С. 228–239.

Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007. 480 с.

Нечкина М.В. День 14 декабря 1825 года. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Мысль, 1975. 398 с.

Пайпс Р. Русская революция. Кн. 3: Россия под большевиками. 1918–1924. М.: Захаров, 2005. 704 с.

Тойнби А.Дж. Пережитое. Мои встречи. М.: Айрис-пресс, 2003. 672 с.

Филюшкин А.И. Почему в современном мире будущее заменяют прошлым: история возвращается? // Международная аналитика. 2022. № 13 (3). С. 16–29.

Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Издательство Независимая Газета, 2004. 632 с.

Цимбаев К.Н. Феномен юбилеямания в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 98–108.

Экштут С.А. Контрфактическое моделирование, развилки и случайности в русской истории и культуре // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 2000. С. 33–36.

⁹⁰ *Toynbee A.J.* A Study of History. Vol. IV. London, etc., 1939. P. 188.

Bosco A. The Round Table Movement and the Fall of the 'Second' British Empire (1909–1919). Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2017. 534 p.

Buitenhuis P. The Great War of Words: British, American and Canadian Propaganda and Fiction, 1914–1933. Vancouver: University of British Columbia Press, 1987. 199 p.

Chambers R. The Last Englishman: The Double Life of Arthur Ransome. London: Faber and Faber Ltd, 2010. X, 390 p.

Curtis L. Independence or Imperial Partnership? A study of The Problem of the Commonwealth. Montreal: Le Devoir, 1916. 62 p.

Curtis L. Letters to the People of India on Responsible Government. London: Macmillan and C°, 1918. XX, 211 p.

Curtis L. The Round Table Movement: Its Past and Future. Toronto: Rous & Mann, 1913. 44 p.

Darwin J. The Empire Project: The Rise and Fall of the British World-System, 1830–1970. New York: Cambridge University Press, 2009. 800 p.

Drüding M. Jubiläumsfieber und Jubiläumitis? Fragen zur Jubiläumsbegeisterung deutscher Universitäten // Die Hochschule: Journal für Wissenschaft und Bildung. 2018. Bd. 27, N 1-2. S. 23–34.

Feuchtwanger E.J. Democracy and Empire: Britain, 1865–1914. London: Edward Arnold, 1985. 408 p.

Gerasimov I. The Great Imperial Revolution // Ab Imperio. 2017. № 2. P. 21–44.

Gerasimov I., Glebov S., Kusber J., Mogilner M., Semyonov A. New Imperial History and the Challenges of Empire // Empire Speaks Out. Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire. Leiden; Boston: Brill, 2009. P. 3–32.

Gollin A.M. Proconsul in Politics: A Study of Lord Milner in Opposition and in Power. London: Macmillan, 1964. 627 p.

Goode W.T. Bolshevism at Work. London: George Allen & Unwin LTD, 1920. 142 p.

Gregory P.R. Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-year Plan. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1994. VIII, 188 p.

Hall J.G., Douglas F.M. Yes, Lord Chancellor: A Biography of Lord Schuster. Chichester, West Sussex: Barry Rose Law Publishers, 2003. 335 p.

Haven C.L. Ivy Low Litvinov: Surviving Stalin ... and D.H. Lawrence, too // The Book Haven. Stanford University [Электронный ресурс]. URL: <https://bookhaven.stanford.edu/2014/01/ivy-low-litvinov-surviving-stalin-and-d-h-lawrence-too/> (дата обращения: 15.11.2022).

Hopkins E. Charles Masterman (1873–1927), Politician and Journalist: The Splendid Failure. Lewiston, N.Y.: Edwin Mellen Press, 1999. 300 p.

Macdonald J.A.M. The Case for Federal Devolution. London: P.S. King & Son, LTD, 1920. 69 p.

Masterman C.F.G. Frederick Denison Maurice. London: A.R. Mowbray & C°, 1907. 240 p.

McHugh J., Ripley B.J. Russian Political Internees in First World War Britain: The Cases of George Chicherin and Peter Petroff // The Historical Journal. 1985. Vol. 28, № 3. P. 727–738.

McNeill W.H. Arnold J. Toynbee: A Life. New York; Oxford: Oxford University Press, 1989. X, 346 p.

Meyendorff A. My Cousin, Foreign Commissar Chicherin // Russian Review. 1971. Vol. 30, № 2. P. 173–178.

Namier L. Germany and Eastern Europe. London: Duckworth & C°, 1915. 128 p.

Nimocks W. Milners Young Men: The 'Kindergarten' in Edwardian Imperial Affairs. Durham: Duke University Press, 1968. 234 p.

Pim F.W. Home Rule through Federal Devolution. London: Fisher Unwin LTD, 1919. 29 p.

Pollard A.F. Historical Criticism // History. The Journal of the Historical Association. 1920. Vol. 5, Iss. 17. P. 21–29.

Sanders M.L., Taylor P.M. British Propaganda during the First World War, 1914–18. London: Palgrave MacMillan, 1982. 320 p.

Schimmelpenninck van der Oye D. Getting to Know the Unknown War // *The Russian Review*. 2016. Vol. 75. P. 683–689.

Scotus Viator (Seton-Watson R.W.). *Racial Problems in Hungary*. London: Archibald Constable & C° LTD, 1908. 540 p.

Seton-Watson R.W. *The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy*. London: Archibald Constable & C° LTD, 1911. 463 p.

Sharp A. James Headlam-Morley: Creating International History // *Diplomacy & Statecraft*. 1998. Vol. 9, No. 3. P. 266–283.

Sloane W.M. Rev.: Bismarck and the foundation of the German Empire, by James Wycliffe Headlam // *Political Science Quarterly*. 1901. Vol. 16, № 1. P. 149–151.

Smith J. The Georgian Affair of 1922 – Policy Failure, Personality Clash or Power Struggle? // *Europe-Asia Studies*. 1998. Vol. 50, № 3. P. 519–544.

The Problem of the Commonwealth. London, etc.: Macmillan and C°, 1915. 233 p.

Toynbee A.J. *A Study of History*. Vol. IV. London, etc.: Oxford University Press, 1939. XVI, 656 p.

Toynbee A.J. *Nationality and the War*. London; Toronto: J.M. Dent & Sons LTD, 1915. 522 p.

Toynbee A.J. *The New Europe. Some Essays in Reconstruction*. London; Toronto; New York: J.M. Dent & Sons LTD, 1915. 85 p.

Tsimbaev K. Jubiläumsfieber. Kriegserfahrungen in den Erinnerungsfeiern in Russland Ende des 19. – Anfang des 20. Jahrhunderts // *Gründungsmythen – Genealogien – Memorialzeichen. Beiträge zur institutionellen Konstruktion von Kontinuität* / Hrsg. von Gert Melville und Karl-Siegbert Rehberg. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag GmbH, 2004. S. 75–108.

References

Bloch, M. (1986). *Apologiya istorii ili Remeslo istorika* [History Apology or Historian's Craft]. Moscow, Nauka. 254 p.

Bolshakova, O.V. (Ed.). (2019). *Imperskiy povorot v izuchenii istorii Rossii: Sovremennaya istoriografiya: sbornik obzorov i referatov* [Imperial Turn in the Study of Russian History: Modern Historiography: Collection of Reviews and Abstracts]. Moscow, INION RAS. 180 p.

Borisenok, E.Yu. (2016). *Kontseptsii "Ukrainizatsii" i ikh realizatsiya v natsional'noy politike v gosudarstvakh vostochnoevropeyskogo regiona (1918–1941 gg.)* [Concepts of "Ukrainization" and Their Implementation in National Policy in the States of the Eastern European Region (1918–1941)], Dr. hist. sci. diss. Moscow. 48 p.

Bosco, A. (2017). *The Round Table Movement and the Fall of the 'Second' British Empire (1909–1919)*. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing. 534 p.

Buitenhuis, P. (1987). *The Great War of Words: British, American and Canadian Propaganda and Fiction, 1914–1933*. Vancouver, University of British Columbia Press. 199 p.

Chambers, R. (2010). *The Last Englishman: The Double Life of Arthur Ransome*. London, Faber and Faber Ltd. X, 390 p.

Collingwood, R.G. (1980). *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The Idea of History. Autobiography]. Moscow, Nauka. 486 p.

Curtis, L. (1913). *The Round Table Movement: Its Past and Future*. Toronto, Rous & Mann. 44 p.

Curtis, L. (1916). *Independence or Imperial Partnership? A study of the Problem of the Commonwealth*. Montreal, Le Devoir. 62 p.

Curtis, L. (1918). *Letters to the People of India on Responsible Government*. London, Macmillan and C°. XX, 211 p.

Danilkin, L.A. (2017). *Lenin: Pantokrator solnechnykh pylinok* [Lenin: Pantocrator of Solar Dust Motes]. Moscow, Molodaya gvardiya. 783 [1] p.

Darwin, J. (2009). *The Empire Project: The Rise and Fall of the British World-System, 1830–1970*. New York, Cambridge University Press. 800 p.

Drüding, M. (2018). Jubiläumsfieber und Jubiläumitis? Fragen zur Jubiläumsbegeisterung deutscher Universitäten. In *Die Hochschule: Journal für Wissenschaft und Bildung*. Bd. 27, N 1-2. S. 23–34.

Ekstut, S.A. (2000). Kontrfakticheskoe modelirovanie, razvilki i sluchaynosti v russkoy istorii i kul'ture [Counterfactual Modeling, Forks and Accidents in Russian History and Culture]. In *Odyssey. Man in History*. Moscow, Nauka, pp. 33–36.

Feuchtwanger, E.J. (1985). *Democracy and Empire: Britain, 1865–1914*. London, Edward Arnold. 408 p.

Filyushkin, A.I. (2022). Pochemu v sovremennom mire budushchee zamenyayut proshlym: istoriya vozvrashaetsya? [Why the Future is Replaced by the Past in the Contemporary World: Is History Coming Back?]. In *International Analytics*. No. 13 (3), pp. 16–29.

Gerasimov, I, Glebov, S., Kusber, J., Mogilner, M., Semyonov, A. (2009). New Imperial History and the Challenges of Empire. In *Empire Speaks Out. Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire*. Leiden, Boston, Brill, pp. 3–32.

Gerasimov, I. (2017). The Great Imperial Revolution. In *Ab Imperio*. No. 2, pp. 21–44.

Gollin, A.M. (1964). *Proconsul in Politics: A Study of Lord Milner in Opposition and in Power*. London, Macmillan. 627 p.

Goode, W.T. (1920). *Bolshevism at Work*. London, George Allen & Unwin LTD. 142 p.

Gregory, P.R. (1994). *Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-Year Plan*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press. VIII, 188 p.

Hall, J.G., Douglas, F.M. (2003). *Yes, Lord Chancellor: A Biography of Lord Schuster*. Chichester, West Sussex, Barry Rose Law Publishers. 335 p.

Haven, C.L. Ivy Low Litvinov: Surviving Stalin ... and D.H. Lawrence, too. In *The Book Haven*. Stanford University. Available at: URL: <https://bookhaven.stanford.edu/2014/01/ivy-low-litvinov-surviving-stalin-and-d-h-lawrence-too/> (date of accesses 15.11.2022).

Hobsbawm, E. (2004). *Epokha kraynostey: Korotkiy dvadtsatyy vek* [The Age of Extremes: The Short Twentieth Century (1914–1991)]. Moscow, Nezavisimaya Gazeta Publishing House. 632 p.

Hopkins, E. (1999). *Charles Masterman (1873–1927), Politician and Journalist: The Splendid Failure*. Lewiston, New York, Edwin Mellen Press. 300 p.

Korenevskiy A.V. (2014). Vcherashnee zavtra Rossii: britanskiy vzglyad epokhi Velikoy voyny [Yesterday's Tomorrow of Russia: The British View of the Era of the Great War]. In *XX vek i Rossiya: obschestvo, reformy, revolyutsii*. Iss. 2. Samara, pp. 242–265.

Korenevsky, A.V. (2012). O Transsibe, Moskve, russkom “Net!” i “kvintessentsii vizantiyskogo dukkha” (putevye zametki A.J. Toynbee o Rossii) [About the Trans-Siberian Railway, Moscow, the Russian “No!” and “the Quintessence of the Byzantine Spirit” (A.J. Toynbee’s Travel Notes on Russia)]. In *Dialog so vremenem: Almanakh intellektual'noy istorii*. Iss. 39, pp. 228–239.

Lenin, V.I. (1970). Ob obrazovanii SSSR. Pis'mo L.B. Kamenevu dlya chlenov politbyuro TsK RKP(b) [About the Formation of the USSR. Letter to L.B. Kamenev for Members of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b)]. In *Lenin, V.I. Complete Works*. Vol. 45. Moscow, Publishing House of Political Literature, pp. 211–213.

Macdonald, J.A.M. (1920). *The Case for Federal Devolution*. London, P.S. King & Son, LTD. 69 p.

Masterman, C.F.G. (1907). *Frederick Denison Maurice*. London, A.R. Mowbray & Co. 240 p.

McHugh, J, Ripley, B.J. (1985). Russian Political Internees in First World War Britain: The Cases of George Chicherin and Peter Petroff. In *The Historical Journal*. Vol. 28, No. 3, pp. 727–738.

McNeill, W.H. (1989). *Arnold J. Toynbee: A Life*. New York, Oxford, Oxford University Press. X, 346 p.

Megill, A. (2007). *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical Epistemology]. Moscow, Canon+. 480 p.

Meyendorff, A. (1971). My Cousin, Foreign Commissar Chicherin. In *Russian Review*. Vol. 30, No. 2, pp. 173–178.

- Namier, L. (1915). *Germany and Eastern Europe*. London, Duckworth & Co. 128 p.
- Nechkina, M.V. (1975). *Den' 14 dekabrya* [Day of December 14, 1825]. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow, Mysl. 398 p.
- Nimocks, W. (1968). *Milners Young Men: The 'Kindergarten' in Edwardian Imperial Affairs*. Durham, Duke University Press. 234 p.
- Pim, F.W. *Home Rule through Federal Devolution*. London, T. Fisher Unwin LTD, 1919. 29 p.
- Pipes, R. (2005). *Russkaya revolutsiya*. Kn. 3: Rossiya pod bol'shevikami [The Russian Revolution. 3rd Book: Russia under the Bolsheviks. 1918–1924]. Moscow, Zakharov. 704 p.
- Pollard, A.F. (1920). Historical Criticism in History. In *The Journal of the Historical Association*. Vol. 5, Iss. 17, pp. 21–29.
- Sanders, M.L., Taylor, P.M. (1982). *British Propaganda during the First World War, 1914–18*. London, Palgrave MacMillan. 320 p.
- Schimmelpenninck van der Oye, D. (2016). Getting to Know the Unknown War. In *The Russian Review*. Vol. 75, pp. 683–689.
- Scotus Viator (Seton-Watson, R.W.). (1908). *Racial Problems in Hungary*. London, Archibald Constable & Co LTD, 1908. 540 p.
- Seton-Watson, R.W. (1911). *The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy*. London, Archibald Constable & Co LTD. 463 p.
- Sloane, W.M. (1901). Rev.: Bismarck and the foundation of the German Empire, by James Wycliffe Headlam. In *Political Science Quarterly*. Vol. 16, No. 1, pp. 149–151.
- (1915). *The Problem of the Commonwealth*. London, etc., Macmillan and C^o. 233 p.
- Toynbee, A.J. (1915). *Nationality and the War*. London, Toronto, J.M. Dent & Sons LTD. 522 p.
- Toynbee, A.J. (1915). *The New Europe. Some Essays in Reconstruction*. London, Toronto, New York, J.M. Dent & Sons LTD. 85 p.
- Toynbee, A.J. (1939). *A Study of History*. Vol. IV. London, etc., Oxford University Press. XVI, 656 p.
- Toynbee, A.J. (2003). *Perezhitoe. Moi vstrechi* [Experiences. Acquaintances]. Moscow, Ayris-press. 672 p.
- Tsimbaev, K. (2004). Jubiläumsfieber. Kriegserfahrungen in den Erinnerungsfeiern in Russland Ende des 19. – Anfang des 20. Jahrhunderts. In *Gründungsmythen – Genealogien – Memorialzeichen. Beiträge zur institutionellen Konstruktion von Kontinuität* / Hrsg. von Gert Melville und Karl-Siegbert Rehberg. Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag GmbH. S. 75–108.
- Tsimbaev, K.N. (2011). Fenomen yubileemanii v rossiyskoy obschestvennoy zhizni kontsa XIX – nachala XX veka [The Phenomenon of Jubileemania in Russian Public Life of the Late 19th – Early 20th Century]. In *Questions of history*. No. 11, pp. 98–108.
- Vilenkina, E.E. (1959). *Inostrannye yazyki v zhizni i deyatelnosti V.I. Lenina* [Foreign Languages in the Life and Work of V.I. Lenin]. Moscow, Gosuchpedgiz. 67 p.

А.А. Попов*

**ТОВАР – ДЕНЬГИ – ТОВАР:
МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
О ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ**

А.А. Попов*

**COMMODITY – MONEY – COMMODITY:
INTERNATIONAL CONFERENCE
ON TRADE RELATIONS IN THE SOVIET UNION**

Abstract. On March 24–25, 2023, the Institute for Advanced Soviet and Post-Soviet Studies (HSE University) hosted the international scientific conference “Commodity – Money – Commodity? Patterns and paradoxes of trade in the USSR and beyond”. The conference brought together researchers of various aspects of the history of trade relations in the USSR and the socialist states. The event was aimed at a comprehensive understanding of the phenomenon of trade under socialism, as a complex and dynamic phenomenon, covering many areas of the life of the state, enterprises and ordinary people. Eight thematic topics worked at the conference, at which reports were presented on the entire period of Soviet history.

Keywords: USSR, socialist block, history of trade, foreign trade.

The article has been received by the editor on 21.05.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Представлено краткое сообщение о состоявшейся 24–25 марта 2023 г. в Институте советской и постсоветской истории НИУ Высшая школа экономики международной научной конференции «Товар – деньги – товар? Закономерности и парадоксы торговли в СССР и за его пределами». Конференция объединила исследователей различных аспектов истории торговых отношений в СССР и социалистических государствах. Мероприятие было нацелено на комплексное осмысление торговли при социализме как сложного и динамичного феномена, охватывающего многие сферы жизни государства, предприятий и обывателей. На конференции работали восемь тематических блоков, на которых были представлены доклады по всему периоду советской истории.

Ключевые слова: товарные отношения, СССР, социалистический лагерь, история торговли, внешняя торговля.

Статья поступила в редакцию 25.04.2023 г.

24 и 25 марта 2023 г. в Москве прошла международная научная конференция «Товар – деньги – товар? Закономерности и парадоксы торговли в СССР и за его пределами». Научное мероприятие было организовано Институтом советской и постсоветской истории Высшей школы экономики, Санкт-Петербургским институтом истории РАН при поддержке Международной ассоциации исследователей истории торговли, купечества и таможенного дела. С докладами выступили историки из Архангельска, Белграда, Бордо, Екатеринбурга, Новосибирска, Москвы, Омска, Перми, Рязани, Уфы, Санкт-Петербурга, Симферополя, Тюмени.

Торговые отношения в социалистическом государстве от их становления в условиях Гражданской войны до радикальной трансформации во второй половине 1980-х гг.

* **Алексей Алексеевич Попов**, кандидат исторических наук, Высшая школа экономики, Москва, Россия, e-mail: aa.popov@hse.ru

Aleksei Alekseevich Popov, Candidate of Historical Sciences, HSE University, Moscow, Russia, e-mail: aa.popov@hse.ru

в последние годы привлекают все больше внимания исследователей истории СССР и социалистических стран. Феномен торговли при социализме был обусловлен, с одной стороны, сложным статусом товарно-денежных отношений, который они приобрели в работах теоретиков марксизма-ленинизма, а с другой – объективными потребностями экономики и повседневными практиками товарного обмена граждан. Торговля в СССР сформировалась как сложная система ограничений, компромиссов, строгих государственных правил и «серых» схем, имевшая собственную формальную и неформальную инфраструктуру обеспечения процессов распределения. Исследования последних лет часто фокусировались на изучении этого сложного характера товарных и товарно-денежных отношений при социализме не только как на экономическом явлении, но и как явлении социальном и культурном.

Одна из главных целей прошедшей конференции – представить картину советской торговли на всем протяжении ее существования и в ее структурной сложности, показав, как менялись формальные и неформальные структуры внутренней торговли, как граждане адаптировались к новым и часто трагичным условиям повседневных обменных операций, как менялись культурные контексты купли-продажи и, конечно, каким образом трансформировались внешнеторговые отношения Советского Союза.

Конференция предусматривала работу восьми тематических блоков. На первой секции «Время альтернатив. Торговля в начале 1920-х гг.» обсуждались острые вопросы организации новой системы снабжения и товарообмена в период Гражданской войны и первые годы нэпа. Так, директор Института истории СО РАН доктор исторических наук Вадим Маркович Рынков в своем выступлении обратился к проблеме роли мобилизационных механизмов распределения, формировавшихся еще во время Первой мировой войны, как фактора формирования централизованной системы раннего советского периода. А доктор исторических наук Владимир Андреевич Ильиных на примере отказа большевистского руководства от хлебной монополии в 1921–1922 гг. показал, как зарождались отношения советского государства и частной торговли. Собственно, вопросам развития торговых отношений в условиях централизации системы распределения с акцентом на особенностях адаптации граждан к новым условиям были посвящены доклады секций «Торговые отношения в 1920–1930-е гг.» и «Торговля в условиях войны». Докладчиков на секциях объединял интерес к изучению проявлений частного предпринимательства и отношений между продавцами и покупателями в обстоятельствах кризисов. Большой интерес вызывали доклады на секции «Частное измерение внешней торговли», на которой обсуждались вопросы экспорта культурных ценностей из Советского Союза как официаль-

ными торговыми организациями, так и частными лицами. Неформальное измерение товарных отношений в СССР обсуждалось на секциях «Феномены позднесоветской торговли» и «Альтернативные практики торговых отношений в позднесоветский период». Докладчики рассказали об особенностях денежных отношений в таких сферах, как иностранный туризм, торговля изотопами и советский автомобильный рынок, а также о неофициальном рынке валюты и «серых» схемах торговли. Наконец, две секции («Внешняя торговля в 1920–1930-е гг.» и «СССР на глобальных рынках») были посвящены вопросам торговых отношений Советского Союза с зарубежными странами и его участию в создании институтов международной торговли.

Данная конференция впервые за последние годы объединила маститых и молодых исследователей торговых отношений в СССР, показав перспективы и возможные направления дальнейших исследований.

Н.В. Гонина*

**ВСЕРОССИЙСКАЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ И АКТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»**

N.V. Gonina*

**ALL-RUSSIAN INTERDISCIPLINARY CONFERENCE
“HISTORICAL DEMOGRAPHY AND HISTORICAL
GEOGRAPHY: ISSUES OF FUNDAMENTAL
AND RELEVANT RESEARCH”**

Abstract. The article is an overview of the First All-Russian Scientific and Practical Conference “Historical Demography and Historical Geography: issues of fundamental and topical research” which was held on May 26–27, 2023 in Moscow at the Institute of Demographic Research (IDR) of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. The purpose of the conference was to establish a dialogue in the modern multidisciplinary scientific space to solve topical demographic problems. The meetings were attended by scientists from Moscow, St. Petersburg, Kazan, Kaliningrad, Astrakhan, Novosibirsk, Krasnoyarsk, Irkutsk, and Vladivostok. The work took place in two sections devoted to the problems of population studies (1) and settlement (2) in the 19th–20th centuries.

Keywords: conferences, population, migration, demography, geography, history.

The article has been received by the editor on 14.07.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Представлен обзор о состоявшейся 26–27 мая 2023 г. в Москве в Институте демографических исследований (ИДИ) Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН I Всероссийской научно-практической конференции «Историческая демография и историческая география: вопросы фундаментальных и актуальных исследований». Цель конференции – налаживание диалога в современном полидисциплинарном научном пространстве для решения актуальных демографических проблем. В заседаниях приняли участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Калининграда, Астрахани, Новосибирска, Красноярска, Иркутска, Владивостока. Работа проходила на двух секциях, посвященных проблемам изучения населения (1) и расселения (2) в XIX–XXI вв.

Ключевые слова: конференция, население, миграции, демография, география, история.

Статья поступила в редакцию 14.07.2023 г.

26–27 мая 2023 г. в Москве состоялась I Всероссийская научно-практическая конференция «Историческая демография и историческая география: вопросы фундаментальных и актуальных исследований», организованная Отделом исторической и региональной

* **Наталья Владимировна Гонина**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: nvg7@mail.ru
Natalya Vladimirovna Gonina, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: nvg7@mail.ru

демографии Института демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН. Конференция была поддержана научным журналом Института истории СО РАН «Исторический курьер». В ней приняли участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Калининграда, Астрахани, Новосибирска, Красноярска, Иркутска, Владивостока.

Важно заметить, что центров исторической географии, как и исторической демографии, в нашей стране немного, и включают они небольшое количество специалистов, поэтому активные связи между ними имеют большое значение.

Междисциплинарность давно вошла в научный обиход, и редкая конференция сегодня проходит без докладов на такой основе. Границы многих наук размываются, и в современной публикации бывает сложно отделить историю от антропологии или гуманитарную географию от культурологии, особенно если сам автор не стремится к данному уточнению. В определенной степени это хорошо, потому что позволяет обогащать методологический и методический базис отдельной дисциплины, получать не только новое знание, но и возможность решения более сложных задач. С другой стороны, возникает серьезная проблема оценки качества и результатов проведенного исследования. И здесь в наиболее уязвимом положении находятся историки. Несмотря на то, что исторические знания сегодня используются всеми науками, так же, например, как достижения математики или физики, самим историкам достаточно трудно гармонично встроить методы других наук в исследование и обосновать релевантность полученных выводов.

Еще сложнее ситуация, когда на историческое поле выходят специалисты в области естественных наук или когда мы имеем дело с новейшими отраслями знания, изначально базирующимися на междисциплинарной основе. Историк, слушая выступление по исторической географии, часто не понимает, «где здесь история и где здесь наука», но такой же вопрос может задать и географ. Похожий диссонанс может быть и в исторической демографии. И если у антропологов эти вопросы давно решены через выделение таких специализаций, как, например, историческая антропология, медицинская антропология, культурная антропология и др., то у историков время подобного разделения еще не наступило. Существующие направления – история экономики, интеллектуальная история, социальная история и др., за небольшим исключением, не институционализированы или, как история медицины, военная и экономическая история, чаще всего имеют сугубо прикладной характер. Более того, именно сейчас происходит новый этап «боев за историю» как в обществе в целом, так и среди научного сообщества историков. Причем наиболее трудной становится ситуация в сфере современной истории.

Но дело не только в кризисных процессах. История – очень древняя наука со сложившимся комплексом подходов и собственным нарративом. Ее главный фокус – изучение прошлого, причем его актуальность для настоящего, как и прикладное значение, может быть достаточно условной. Большая часть полидисциплинарных исследований, наоборот, проводится в сфере изучения настоящего и преимущественно с прикладными задачами. Поэтому достаточно трудно поставить задачу в области исторического познания, которая потребовала бы такого соединения. Возможно, поэтому историки достаточно редко участвуют в конференциях, посвященных полидисциплинарным отраслям научного знания. Тем не менее междисциплинарный подход является важнейшим признаком современного исторического знания, а значит, нужны площадки, где историки могли бы встретиться на равных с учеными других специальностей. Рассматриваемая конференция как раз и призвана создать пространство, где историки, географы и демографы могут находиться в диалоге.

Открыли работу конференции исполняющий обязанности директора ИДИ ФНИСЦ РАН, кандидат физико-математических наук М.Н. Храмова и заведующий Отделом исторической и региональной демографии ИДИ ФНИСЦ РАН, кандидат исторических наук С.Б. Макеева. Они обратились к участникам конференции с приветственным словом, в котором подчеркнули актуальность вопросов демографического развития и оценили перспективы полидисциплинарного подхода в научной работе.

Пленарное заседание открыл С.В. Виноградов, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра изучения истории Нижнего Поволжья советского периода Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева. Ученый представил результаты работы по проекту РНФ «Модель регулирования трудовой миграции в Российской империи в 1861–1914 гг. (на примере формирования кластеров Волго-Каспийского рыболовного района)». В докладе «Роль трудовой миграции в освоении окраинных территорий Российской империи в 1861–1914 гг. (на материалах Волго-Каспийского рыболовного района)» Виноградов отметил роль крестьянской реформы в активизации внутренней миграции, заселении окраин и включении этих территорий в экономику страны. В итоге данных процессов не только была организована рыбная ловля в Волго-Каспийском регионе, но и обеспечена значительная доля русского экспорта рыбопродуктов.

Далее выступил кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела исторической и региональной демографии ИДИ ФНИСЦ РАН С.В. Ткачев с докладом «О причинах снижения численности коренного населения Уссурийского края в досоветский период». Он использовал историческую источниковую базу, но применил к ней математические методы и ГИС-технологии, которые историки практически не используют. Автор сформулировал конкретные географические критерии для выбора территорий, наиболее выгодных для ведения сельского хозяйства в регионе. Также он уточнил ряд моментов в сфере исторической демографии (численность сельского населения области, его этнический состав, уровень полового дисбаланса в различных группах населения). С точки зрения историков, эти позиции требуют более весомых доказательств, поэтому данное выступление может быть стимулом и к специальному историческому исследованию, и к более широкому привлечению новых технологий в работе историка.

Доклады, представленные на конференцию, были сгруппированы в две секции. Первая секция «Население страны социализма: теория, идеология и демографическая политика в СССР» объединила результаты исследований в области исторической демографии. Она была открыта докладом кандидата исторических наук, доцента Куйбышевского филиала Новосибирского государственного педагогического университета А.А. Бурматова. Тема выступления: «Воспроизводство населения Западной Сибири в годы новой экономической политики (1921–1929 гг.)». Докладчик показал, что результатом Гражданской войны в Западной Сибири в 1920-е гг. стала тяжелая демографическая ситуация, характеризующаяся высокой смертностью и заболеваниями эпидемического характера. Автор приходит к выводу, что население Западной Сибири в 1920-е гг. вступило в период демографического перехода, но вызванная внешними факторами высокая смертность замаскировала его развитие.

Следующий доклад представил кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра социально-гуманитарной информатики Балтийского федерального университета им. И. Канта В.Н. Маслов. Доклад «Историография послевоенного заселения Калининградской области в контексте советских общегосударственных миграций» был подготовлен коллективом молодых авторов. Исследователи представили достаточно подробный обзор с хорошей аналитикой. Выявлено, что главную роль в изучении данной темы сыграли специалисты из Калининграда. Плановая сельскохозяйственная миграция изучена достаточно полно, а вот формирование калининградского городского населения исследовано слабо. Наряду с традиционными методами используется антропологический подход. В частности, проводится работа в жанре устной истории. Выявлена проблема обратничества. Нет единого мнения о том, когда завершилось заселение Калининградской области.

В конференции приняли участие не только специалисты, но и молодые ученые, только начинающие свой путь. Магистранты Балтийского федерального университета им. И. Канта Д.А. Вальдман и А.С. Хизева выступили с докладом «Газета “Калининградская правда” 1946–1953 годов – источник по истории заселения Калининградской области советскими людьми», в котором проанализировали информационный потенциал опубликованных

в газете в эти годы статей и сообщений о переселении советских людей в Калининградскую область. Исследователи считают «Калининградскую правду» ценным историческим источником. В частности, представляют интерес воспоминания и письма мигрантов, статистические данные по переселению.

Завершило заседание секции выступление кандидата исторических наук, ученого секретаря Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан А.С. Бушуева. Тема доклада: «Смертность от внешних причин в структуре смертности населения Среднего Поволжья в 1980–2000-е гг.». В выступлении показаны различия в смертности от внешних причин по полу, типу поселения и месту проживания. Наихудшая ситуация имела место в Татарстане, где был наиболее высок уровень смертности от убийств и самоубийств из-за криминальной активности населения. Выявлено, что к 2000-м гг. было достигнуто снижение смертности от ДТП благодаря благоустройству дорожной системы и улучшению качества автопарка, сокращение числа убийств и самоубийств автор связывает с улучшением профилактической работы правоохранительных органов, а также повышением уровня жизни. При этом количество смертей от алкогольных отравлений в рассматриваемый период выросло.

Работа второй секции «История миграции населения» сосредоточила материалы о процессах переселения в России в XIX–XX вв. Она началась с доклада старшего преподавателя кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета, старшего научного сотрудника музея Сибирского федерального университета, кандидата исторических наук Е.В. Карпенко по теме «Миграция мусульманского населения из Цинской империи в Семиречье после 1881 года как фактор развития русско-китайских отношений в трансграничном регионе». Выступление было посвящено проблемам миграции мусульманского населения из Кульджи после Илийского кризиса. Переселенческий процесс рассматривается в качестве важного элемента русско-китайских отношений на границе. Исследуемый период (1881–1883 гг.) во многом определил дальнейшее развитие отношений России и Китая, позволил организовать деятельность приграничных администраций и решить вопрос о переселении дунган и таранчей в Россию.

Следующее выступление было подготовлено старшим научным сотрудником сектора аграрной и демографической истории Института истории Сибирского отделения РАН, кандидатом исторических наук Н.В. Гониной и доцентом кафедры истории и политологии юридического института Красноярского государственного аграрного университета, кандидатом исторических наук Р.В. Павлюкевичем. Тема доклада: «Миграционный обмен между г. Красноярском и азиатскими республиками СССР в условиях кризиса советской системы 1980–1989 гг.». Авторы отмечают, что мигранты из Азии смогли адаптироваться к переменам в экономике Красноярска в 1980-е гг., так как их число выросло, несмотря на сокращение строительной и производственной деятельности в городе. Кроме того, большое значение в азиатских республиках имели выталкивающие факторы – низкая оплата труда, недостаток рабочих мест, межнациональные конфликты. В то же время для Красноярска ситуация изменилась незначительно. Положительный механический прирост, в котором преобладали сельские жители, и продолжение активного выезда горожан, в том числе квалифицированных специалистов, способствовали численному росту населения, но снижали его потенциал.

Ведущий научный сотрудник Отдела исторической и региональной демографии, кандидат политических наук С.В. Ткачев и доцент Департамента психологии и образования Дальневосточного федерального университета, кандидат политических наук Н.Н. Ткачева выступили с докладом на тему «Анализ переписи. “Населенные и жилые места... Крестьяне. Иностранцы. Желтые” (Приморская область, 1915 г.)», в котором на основе статистических данных, подготовленных Переселенческим управлением Приморской области в 1913–1915 гг., представлен подробный анализ ситуации, сложившейся в регионе среди сельского населения. Даны корреляции по плотности расселения и численности семей, показан этнический состав, выявлены пути миграций. Авторы представили качественную характеристику

источника и выполнили критический анализ. Интересен также сравнительный анализ колонизации Приморского края и о. Хоккайдо, позволяющий выделить общее и особенное для региона в целом.

Завершил работу секции доклад заведующего Отделом исторической и региональной демографии ИДИ ФНИСЦ РАН, кандидата исторических наук С.Б. Макеевой по теме «Влияние миграционных процессов в приграничной с Россией китайской провинции Хэйлунцзян на демографическое развитие Северо-Восточного Китая (1949–2020 гг.)». Исследователь установила, что сокращение государственных предприятий, стратегия неравномерного регионального развития в 1978–1999 гг., низкая инвестиционная привлекательность и длительная технологическая модернизация, а также неудача программ по повышению эффективности экономики провинции Хэйлунцзян привели к активной миграции трудовых ресурсов в другие регионы Китая. Это, в свою очередь, обусловило убыль и старение населения провинции Хэйлунцзян, которые стали самыми высокими в стране. Близость к России не принесла провинции экономической выгоды, и активного притока мигрантов из провинции в Россию также не произошло.

Во второй день работы конференции была проведена открытая лекция кандидата политических наук, ведущего научного сотрудника Отдела исторической и региональной демографии ИДИ ФНИСЦ РАН С.В. Ткачева по теме «Использование данных исторической географии для поиска перспективных сельхозугодий».

Конференция показала, что полидисциплинарный подход – это зачастую единственно возможный путь решения задач, которые ставит нам эпоха постмодерна. Именно такие площадки, привлекая специалистов разных отраслей и создавая пространство диалога, дают стимул к пересмотру профессиональных границ, традиционных подходов и устоявшихся концепций, а также способствуют генерации новых идей, формированию новых исследовательских групп и проектов. В то же время работа на заседаниях конференции еще раз напомнила, что междисциплинарное исследование будет успешным только в том случае, если оно опирается на философский теоретический базис, а привлекаемый историком методический аппарат других наук будет гармонично взаимодействовать со специально-историческим инструментарием.

Несколько докладов конференции стали анонсом статей, опубликованных в данном номере журнала «Исторический курьер».